

Ирина Желтова
ОКНО ЗАМА

2071 год, на Земле воцарилась утопия. Во всех сферах занят искусственный интеллект, а люди лишь получают удовольствие от жизни. Границы, страны, войны, деньги и прочие составляющие кризисных времен упразднены, человечество живет единой общиной. И вот в этом мире всеобщего благоденствия блогер Катя отправляется путешествовать по американскому континенту, мечтая посетить последнее дикое племя в джунглях Амазонки.

А задолго до этих событий в далеком 1991 году на руинах Советского Союза талантливый физик Меркулов пытается сохранить свое изобретение, способное в корне изменить жизнь на планете.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. У ОКНА

Хочется быть частью чего-то вечного, какого-то бессмертного целого.

(с) Дом на краю света

ЗА КАДРОМ

Ришикеш, март 1968 г.

Он подошел к окну и болезненно поморщился: Пол сидел на ступеньках соседнего бунгало и задумчиво перебирал струны гитары. Взъерошенные со сна волосы торчали в разные стороны, придавая его и без того детскому личику выражение совершенной и беспредельной невинности. Джон готов был бы побожиться, что тот еще даже не умывался и не чистил зубы, а прямым с постели взялся за гитару. Удивительно, что хотя бы нашел у себя терпение одеться, а не броситься к инструменту прямо в неглиже: когда Пола настигало вдохновение, с ним нередко случалось и такое. Джон непроизвольно и неожиданно сильно стиснул пальцами раму окна, впиваясь ногтями в ветхое дерево с облупившейся краской. Слегка наклонил голову, пытаясь разглядеть лучше выражение лица друга. Усмехнулся. Пол весь был погружен в себя. Тонкие пальцы его бегали по грифу, казалось, без всякой цели и смысла, но Джону было прекрасно известно, что именно в таком медитативном состоянии у него рождались всегда его лучшие мелодии, которые пел потом весь мир. Наверное, далее следовало бы заявить нечто претенциозное вроде: в такие минуты молодого гения беспокоить не стоит, иначе мелодическая нить навсегда ускользнет из сознания величайшего композитора современности, а настроение его будет испорчено минимум до конца месяца. Впрочем, как и ваше, если вас угораздит стать источником этого самого беспокойства. И все это безусловно было самой что ни на есть истиной, вот только касалось не Пола, так заразительно сейчас зевавшего и продолжавшего что-то бормотать себе под нос, вероятно, подбирая текст к уже родившейся музыке, а Джона, наблюдавшего за процессом со стороны и едва ли заметившего, как ошметки краски с рамы уже впились ему под ногти. Подойди сейчас к Полу даже не Джон или кто-то еще из Битлз, не Махариши и не Джейн, а просто совершенно случайный человек, задай Полу самый банальный вопрос на свете, и Пол отложит гитару, мило улыбнется, кивнет и обязательно вдумчиво ответит, а потом пожелает нарушителю спокойствия хорошего дня, вернется к гитаре и как ни в чем не бывало допишет свой новый шедевр. А потом встанет со ступенек, отряхнет широкие белые штаны и отправится умываться, а затем есть противный диетический завтрак, который Джон за эти несколько дней пребывания в Ришикеше уже не мог видеть, мечтая о нормальном беконе и человеческой яичнице. Да, гении бывают и такие: не громящие гостиничные номера, а аккуратно стелящие за собой постель. Не огрызающиеся на всех и каждого, а мило беседующие со всяким, подвернувшемся ему под руку. Черт побери, и как у него это только выходит?!

Взгляд Джона скользнул от пальцев к груди и замер на гирлянде ярко-оранжевых цветов. Ну надо же, и ее не поленился нацепить. Вышел на крыльцо при полном параде. Это ж Пол, черт возьми. Он и в Ливерпуле на своей нищей Фортлин роуд выглядел заправским денди в опрятном белом пиджачке и с неизменным элвисовским коком. Он находил время и желание взглянуть на все сто, не имея за душой ничего, и сейчас, имея все, он не изменяет

старым привычкам. Джон невольно улыбнулся, вспоминая, как тот поправлял ему галстук перед выходом на сцену — сам Джон почти не придавал значения опрятности своего облика. За него это всегда делал Пол. И он ловил себя на мысли, как приятна ему эта забота, эти прикосновения. Ловил и задерживался на ней, смакуя, но не позволяя себе пойти чуть дальше в объяснении ее причин и природы.

Цветы на груди Пола были совсем свежими. Джейн позаботилась с раннего утра? Сердце Джона неприятно екнуло: по приезде он специально поселился в отдельном бунгало и не позволял Синтии даже проникать внутрь. А Пол, казалось, не уловил в этом поступке ни малейшего намека, ни единого сигнала и со спокойной совестью вселился в соседнее бунгало вместе с рыжеволосой Джейн, которая и радовала его теперь роскошными нарядами и свежими цветами. Менее подходящую женщину рядом с Полом и представить было сложно. Правда, осознавал это один только Джон. Остальные неизменно ахали, какая это красивая пара да как им обоим повезло друг с другом. В один из таких липких моментов неприкрытой лести Джон не выдержал и брякнул в подлинно своем духе:

— Дженни, а как часто ты мастурбируешь? Может, поделишься секретами мастерства?

Узкие зеленые глаза Джейн расширились до совсем уж неподобающих для светской дамы размеров, восторженные окружающие заохали, заизвинялись и сразу откланялись, а Полу, наверное, стоило бы врезать другу в тот же миг, чтобы навсегда отучить от подобных публичных скабрзностей, но он лишь повернулся к невесте и виновато улыбнулся, пожимая плечами. Дескать: это Джон, что с него взять. Шут Джон со своими привычными колкостями. Ничего удивительного. А вот если бы Джейн тогда громко расхохоталась, как бы невзначай касаясь плеча Джона, давая тем самым знак, что она своя, она с ними на одной волне, она понимает этот грубый портовый юмор, тогда, возможно, Джон и вправду рассердился бы. А сердце екнуло бы уже от самой настоящей ревности, которую никогда в действительности не вызывала в нем изящная, кукольная, укоренившаяся в искусстве, сплавленная из лучших образчиков бомонда, но совершенно чужая Полу Джейн. Зачем он вообще обзавелся этой девушкой, которую никогда в реальности и не любил? Джон давно пытался найти ответ на этот вопрос, но все попытки выяснить это у самого Пола неизменно натыкались на милую улыбку, элегантно прикрывающую бетонную стену молчания: Пол умел игнорировать неудобные вопросы, даже если их задавал наглец и шут Джон.

Боль от опметков краски под ногтями достигла, наконец, сознания, Джон чертыхнулся и затряс рукой, пытаясь избавиться от впившихся в плоть острых кусочков. Потом побежал в ванную вычищать их щеткой с мылом, а когда минут через десять вернулся к окну, Пола на ступеньках уже не было. Двадцатипятилетний гений умел сочинять шедевры за считанные минуты. Джон вздохнул, подошел к зеркалу, кое-как пригладил шевелюру и вышел из бунгало. На несколько мгновений замер у двери, словно бы мучительно вспоминая о чем-то или не решаясь на что-то. Затем отпустил ручку, дверь жалобно скрипнула и захлопнулась, а Джон уже стремительно шагал по тропинке к соседнему бунгало. Ну теперь у него, по крайней мере, есть беспрюгрый повод заглянуть к другу и обсудить свежую песню: тому точно будет о чем поговорить, а Джон... ну, в конце концов, он может показать Полу набросок *Child of Nature*, который давно вертелся в голове. И тот не догадается, что зашел Джон просто так. Потому что хотел его видеть. Потому что прошло уже несколько дней покоя, жары и медитации, а они еще ни разу не остались с глазу на глаз и не поговорили. С Джейн он уж как-нибудь разберется. И без стука дернул на себя дверь соседнего бунгало, искренне надеясь, что не застанет Пола снова в том неудобном положении, в котором так

часто в прошлом уже заставлял его.

И опоздал совсем немного: Пол как раз почти успел переодеться и в этот самый момент застегивал на груди плотную голубую рубашку.

— Чем белый костюм не угодил? — язвительно усмехнулся Джон и протянул ладонь для приветствия.

— О! Я как раз к тебе собирался, — с неподдельной искренностью расплылся в улыбке Пол. — Набросал тут кое-что, хотел показать.

— У меня тоже пара идей наметилась, — и Джон без спроса плюхнулся на диван, взял гитару Пола и, ни на секунду не замешкавшись, принялся перебирать струны.

Вошедшая в гостиную Джейн замерла, наблюдая за игрой Джона, потом нахмурилась и пробормотала, казалось, не обращая ни к кому конкретно:

— Гитара же леворукая, разве нет?

Пол, расслышав ее удивленную реплику, подошел к невесте, обнял ее за плечи и звонко чмокнул в висок:

— Джона это никогда не смущало. Он с легкостью играет и на леворукой.

— Поправочка, — вмешался Джон. — На его леворукой. С остальными как-то не складывается.

— А что, есть какая-то разница? У Пола какие-то особые гитары? — продолжала настаивать Джейн. — Струны как-то иначе натянуты?

— Так, ну хватит, — перебил ее Джон, делая Полу знак, что пора бы избавиться от Джейн и заняться делом.

— Милая, — тут же заюлил тот. — Я позже все тебе объясню. А сейчас нам с Джоном надо работать.

— Ну ладно, — пожала она плечами. — Я тогда пойду досыпать. С этой медитацией поднялась сегодня ни свет ни заря, — она заразительно зевнула и скрылась в спальне.

Понимая, что задержаться в бунгало теперь уже не удастся, Джон поднялся:

— Пойдем посидим снаружи? Не хочу при ней...

— Да, не будем ее беспокоить, — кивнул Пол и пропустил друга вперед, аккуратно и бесшумно закрывая дверь за собой.

На веранде за домом стояли два летних кресла, Пол присел на ближайшее, откинул голову и шумно выдохнул:

— На самом деле, я и сам не выспался. Но с раннего утра эта мелодия покоя не дает. Пришлось подобрать, чтобы не забыть, — и он запел очень тихо: *Vorna roog young country boy, mother nature's son... All day long I'm sitting singing songs for everyone.*

Джон до боли сжал подлокотники кресла, едва сдерживая мучительный стон: с каждым разом это становилось все более невыносимым — вид этих тонких пальцев, бегающих по струнам, этих полуприкрытых век с дрожащими ресницами, этих непослушных темных прядей на совсем еще мальчишеском лбу... Этот голос, умеющий быть таким разным — резким, хриплым, грубым, нежным, тонким, просящим, прыгающим из рыка в шепот и обратно. Джон закусил губу и отвернулся. Кажется, в Лондоне все-таки было легче. Встречаться раз в неделю по субботам, сидеть на краю бассейна, болтать ногами в нагретой воде и обмениваться ничего не значащими фразами, зная, что за спиной где-то в доме хлопочет Синтия, и можно не напрягаться, не мучиться душевными болями. Видеться чаще в студии, чем где-либо еще, а потом расходиться по своим крепостям, изредка перезваниваться, но все чаще наткаться на автоответчик. Иногда посматривать на черно-

белое фото на стене, сделанное всего-то пару лет назад, когда, впрочем, все было настолько иначе, что и глаза Джона с фото светились каким-то совершенно непостижимым счастьем лишь оттого, что он стоит рядом Полом, положив руки ему на плечи, и ему позволено так стоять, Пол ничего не переведет в шутку, не оттолкнет со смехом, а вытерпит до конца очереди снимков. И фотограф не торопится, он знает свое дело, он нащупывает висящее в воздухе, почти осязаемое физически напряжение и ловит его, ловит в объектив, на вспышку. И Пол терпит. А Джон наслаждается.

Черт побери, иногда и впрямь лучше не видеть, убрать с глаз долой и не напоминать себе, не теребить успокоившуюся было память. Индия — это, конечно, здорово и увлекательно, но... слишком близко. Непозволительно. После полутора лет отстранения, отчуждения, поиска новых друзей и увлечений снова сидеть с ним бок-о-бок, слушать, как он напевает что-то себе под нос, и продолжать играть роль друга. Невыносимо. Джон открыл глаза, и взгляд его замер на воротнике голубой рубашки, не смея переместиться чуть выше к шее. Решение во всем признаться приходило тысячу раз за все эти почти одиннадцать лет. И тысячу раз отметалось как совершенно негодное. Ну какие тут могут быть откровения? Все и так ясно. Искусство, музыка, Джейн, хорошее вино — вот и все. Смыслы и подсмыслы — это не про Пола, он прост, линеен и одномерен. Ни камня за пазухой, ни порочного увлечения за душой.

Джон придвигает деревянное кресло чуть ближе. Порыв снова настаивает, накрывает его с головой, и он пытается сопротивляться: если когда и следовало заводить обо всем этом речь, так в Париже в 1961-м, в мире романтики и банановых коктейлей. Но не сейчас со спящей за стеной Джейн, с миллионами в кошельках и с безнадежно искалеченными славой и распутством душами. Джулия бы этого не одобрила. Она непременно заставила бы Джона высказаться, и будь что будет. Любая правда хуже неизвестности. В конце концов, чем черт не шутит? Да и подходящая формулировка уже давно пришла на ум, оформилась и звучала вполне себе безобидно. Если Пол не придаст ей особого значения, то все пройдет как надо, и он вряд ли поймет, чего Джон хочет на самом деле.

Джон шумно откашлялся, повернулся к другу и произнес, качая головой:

— Неплохо. В тексте править нечего. Милая гитарная баллада. Вполне годится для второй стороны альбома, — и хитро улыбнулся во весь рот.

— Ах ты! — рассмеялся Пол, ставя гитару рядом с креслом. — Покажи лучше свой набросок. Посмотрим, на какую сторону отправить его.

— Настроения нет, — махнул рукой Джон, изо всех сил пытаясь делать вид, что ему и вправду лень, а хочется просто побездельничать, послушать шум деревьев, болтать ерунду, наслаждаясь привычным все принимающим молчанием Пола... — Мы ведь богема, не так разве? Давай хоть в Индии отдохнем от этой музыкальной гонки. Я чертовски устал.

— Мы уже полтора года не гастролируем, — брови Пола взлетели вверх в искреннем изумлении. — Ты себя плохо чувствуешь? Может, стоит до врача дойти? Джон, ЛСД в таких количествах до добра не доведет.

— К черту. Я свою норму знаю. Перенюхаю и перепью любого Тару, а? — и деланно рассмеялся.

— Сейчас его любой перепьет, — печально протянул Пол. — Не трогай парня. О мертвых уж либо хорошо...

— ... либо ничего, кроме правды, — перебил его Джон. — Мерзкий парнишка был. Туда ему и дорога.

— Джон! — Пол давно уже привык к подобным выходкам друга, но все равно считал нужным каждый раз осаживать бестактного шута.

— Что, качественную дурь тебе подгонял? Иначе чего бы ты за него заступался? И именно с ним первую марку лизнул...

— Не надоело? — устало выдохнул Пол. — В который раз уже обсуждаем тот мой первый ЛСД-трип. Если бы не Тара, меня, может, сейчас и в живых-то не было. Он опытный, проконтролировал дозировку... А с тобой вдвоем мы бы точно угробились.

— Барри тоже ох какой опытный! — проскрипел Джон, вытягиваясь в струнку и корча странные рожи.

— Ты же понимаешь, что мы не можем вечно топтаться на месте. Наша музыка должна развиваться, и Барри очень помогает мне в этом. Достает эксклюзивную литературу и фильмы, какие-то дефицитные билеты на редкие спектакли.

— Плевать я хотел на всю эту богемную чушь. Хочу быть старым рок-н-ролльщиком в драной коже, как в Гамбурге.

— А кто мне только что заявил, что мы богема, а? — подловил его Пол и тут же тепло улыбнулся.

— Богема, — черт побери, — тут не поспоришь. И мне мерзко от этого. Все эти бассейны, роллс-ройсы, лимузины, дорогие вечеринки, шикарные шмотки, дома, где легко потеряться... как будто все это не со мной происходит. Это не я, не тот 19-летний Джон, который верил в вечную любовь и вечное счастье, не заключающееся в деньгах и количестве тачек. Слушай, давай бросим все это, а? Ну вот хоть прямо сейчас. Выкупим тот остров. Ну или какой-нибудь другой, если тебе конкретно тот не по душе. Поселимся там, пошлем к дьяволу весь мир, пусть лопают Сержанта и наслаждаются, а у нас будет свой маленький мир.

— Думаешь, о таком счастье мечтал юный Джон бунтарь? — усмехнулся Пол, протягивая руку и осторожно глядя Джона по запястью. — Уединенная жизнь на краю света? Джон хотел славы, денег, девушек, яркой и беззаботной жизни.

— Он любить хотел, — обиженно выдавил из себя Джон. — Не как богема.

— Любить весь этот мир со всем его разнообразием, любить и исправлять его, изменять к лучшему, быть его частью, но одновременно и возглавить. Вот такой сумасшедший и неповторимый гений был тот юный Джон, — губы Пола вновь растянулись в доброй улыбке.

— Нет, тебя, — неуклюже брякнул Джон и тут же прикусил язык, отворачиваясь и отчего-то болезненно надеясь, что Пол не поймет и даже переспрашивать не станет, просто пропустит этот выношенный годами, вымученный порыв нечаянной дерзости мимо ушей и дальше продолжит вспоминать юного Джона бунтаря.

Но Пол нахмурился и по стародавней привычке закусил большой палец: чем неудобнее ему было, тем дольше он не вынимал палец изо рта. Джон замер, чувствуя, как бьется о грудную клетку совершенно осатаневшее сердце.

— Не как богема? — наконец, переспросил Пол. — А как любит богема?

Обиделся, — осенило вдруг Джона. Воспринял на свой счет. Свой и Джейн. Попытки оправдаться прозвучали бы нелепо да и выглядели бы именно как попытки, поэтому Джон выдержал паузу, потом резко развернулся к Полу всем корпусом и, четко выговаривая буквально каждый слог, словно выдавливая засохшую пасту из тюбика, произнес:

— Он всегда хотел любить тебя, — и мир Джона тут же рухнул, придавливая его под собой, ибо он заранее знал ответ, но если раньше можно было хотя бы мечтать и надеяться,

то теперь оставалось лишь выслушать неизбежное и проглотить его.

— Джон... — мягко начал Пол без картинных пауз, снова поглаживая его ладонью по руке. — Все хорошо, правда. Все будет хорошо. Битлз проживут долгую прекрасную жизнь, мы никогда не расстанемся. Я всегда буду рядом.

Понял, кажется, все-таки понял, но совсем не так, как рассчитывал Джон. Черт, придется все-таки уточнять, вдаваться в такие ненужные подробности.

— Богеме ведь не зазорно, так? У вас же с Фрейзером уже было такое, разве нет? — ухватился он за последнюю ниточку, понимая, впрочем, что вот теперь уже у Пола просто нет шансов как-то иначе его понять.

— Было что? — наконец-то, насторожился Пол, непроизвольно отдергивая руку, но, кажется, даже не замечая этого невольного жеста.

— Ну, то же, что и у нас с Брайаном в Испании. Ты же не будешь говорить, что поверил мне тогда? А ведь я солгал.

— Джон! — охнул Пол и побледнел.

Темные пряди резко очертили контуры внезапно побелевшего лица, и на секунду Джону почудилось, что Пол превратился в мультяшного героя, персонажа аниме.

— Ну а что, разве богема не имеет права на такие милые шалости? Надо же попробовать в жизни все. В наркоту мы уже окунулись, так почему бы, собственно, не...

— У нас ничего не было с Робертом, — оборвал его Пол. — И быть не могло. Я не из таких, Джон. Уж тебе-то это должно быть известно, — в голосе Пола слышался странный упрек.

— Известно, как же, — съязвил Джон. — Как будто я из этих! Ну захотел Брай отсосать у меня, делов-то. Позволил мужику снять напряжение, подумаешь, велика важность. Мне это ничего не стоит, а у него воспоминания, может, на всю жизнь останутся.

— Да ради бога, Джон, я разве что-то имею против? Только вот какое это отношение имеет ко мне и Роберту?

— Зачем вы ездили тогда в Париж? — в голосе Джона послышалась угроза.

— Боже, мы покупали картины, и ты не хуже меня это знаешь!

— В Париже?

— Там лучшие галереи! Там выставляются все современные художники! Странно было бы искать хорошую живопись где-то за пределами Парижа! — не выдержал Пол.

— То-то у Фрейзера так глазки поблескивали по возвращении. Зажал тоже тебя поди между картинами-то?

— Что за бред ты несешь? — казалось, совершенно искренне был возмущен Пол.

— Ну если у вас и вправду ничего такого не было, — как-то быстро пошел на попятный Джон, — тем лучше. Все когда-то приходится пробовать впервые. Ты же уже и травку курил, и ЛСД глотал. Как насчет новых острых ощущений? — прозвучало это пошло и мерзко, Джон сам поморщился от неуклюже построенной фразы, но уже не мог забрать ее назад, Пол уже все услышал и осознал.

— Роберт прекрасно знает о моей ориентации, — отчеканил он, — и никогда не попытается перейти рамки простых дружеских отношений. Даже если...

— Даже если? — вспыхнул Джон. — Да к черту Фрейзера, не о нем речь.

— Так о ком же тогда?

— О нас, — и мир рухнул повторно. На этот раз уже в самом деле и окончательно.

— Ты хочешь сказать, — с недоверием в голосе переспросил Пол, — что ты и я...

— Богема должна попробовать все, — с картинным равнодушием произнес Джон, но его выдал дрожащий надтреснутый голос.

— Дело правда в богеме и ее вольном образе жизни? — тихо переспросил, кажется, все уже понявший Пол.

Джон лишь помотал головой и тут же спрятал лицо в ладонях, пробормотав сквозь них:

— Давай, черт побери, просто попробуем, а? Не могу так больше, сил моих нет...

Лицо Джона приняло умоляющее выражение помимо его воли, да он и сам уже понял, что безбожно прокололся: хотел свести беседу к безобидному предложению попробовать в этой жизни все и в случае отказа поставить точку эффектной и язвительной шуткой, но все смазалось, поползло, и он чувствовал только, как пальцы впиваются в гладкие деревянные подлокотники, как нога, закинутая на другую, совершенно не по-ленноновски дрожит и дергается, а в глазах застыл вопрос. Вот только отнюдь не немой, а кричащий, раздражающий голосовые связки вопрос «ДА или НЕТ?!»

Джон попытался сгладить этот явный провал робкой улыбкой, но она вышла какой-то совсем уж заискивающей, выжидательной. Даже хорошо, что Пол в этот миг не смотрел на друга. Взгляд его потух и остекленел, рука снова потянулась к губам, зубы впелись в ноготь большого пальца... Он нервно задергал аккуратной тонкой стопой в диссонирующем с остальным нарядом ярко-красном носке, а пальцы второй руки хаотично застучали по подлокотнику, словно бы в поисках мелодии, которая могла бы подсказать ответ человеку, который привык на все реагировать музыкой. Музыка была его сутью, его первым и, пожалуй, единственным я. И Джон всегда об этом догадывался, но в полной мере пропитался этим пониманием лишь теперь, когда мучительно ждал ответа, хоть и заранее знал, каким он будет — по окаменевшим чертам, по оледеневшему взгляду, по мучительным движениям узкой стопы... Увести все в шутку уже не получится, слишком поздно. Кажется, до Пола начал доходить истинный смысл их разговора, кажется, он что-то вспомнил, сопоставил, что-то понял и ужаснулся этому пониманию. Поздно отрицать, да и надо ли? Одиннадцать лет нескончаемой внутренней борьбы должны были, наконец, привести к закономерному финалу — на веранде бунгало в Ришикеше на берегу Ганга под ярким индийским солнцем. Среди ярких цветов, окунаясь в монотонные звуки омммммм. В обстановке света, счастья и любви. Любви, которой просто не должно было, да и не могло случиться.

Но даже поняв ответ, Джон не решался озвучить его сам, а продолжал покорно и выжидательно пожирать глазами зависшего в междумыслии Пола — наш этичный дипломат, всегда умевший выкрутиться из самой щекотливой ситуации, сейчас и вправду завис между мыслями о том, как не обидеть лучшего друга, не оттолкнуть его и при этом не дать тому повода надеяться на что-то большее, кроме самой лучшей, самой крепкой на свете... но только дружбы. Джон никогда еще прежде не видел Пола столь озадаченным. Никогда лицо его не отражало столь очевидных мук... ох, если бы выбора! Где-то неподалеку раздался едва уловимый щелчок затвора фотоаппарата, мелькнула вспышка, но ни один не обратил на эту мелочь никакого внимания.

Джон не хотел торопить друга, но это самоистязание измучило уже и его самого, и он со смехом в голосе пробормотал, наконец:

— Да говори как есть, не бойся обидеть. Словами ты уж точно обижать не умеешь, — и приложил ладонь ко лбу.

Пол поморщился и кивнул:

— Ты прав. Джон, понимаешь...

— Понимаю, — перебил тот. — Можешь не продолжать, я все понял

— Я все же скажу, если позволишь, — мягко настоял Пол и снова протянул руку, чтобы погладить запястье Джона, но тот отстранился и помотал головой, давая понять, что это сейчас уж точно лишнее. — Я понял тебя, понял, что не в богеме тут дело и не в острых ощущениях...

— Ладно, забыли, — не выдержал мучительного начала Джон и снова схватил леворукую гитару Пола, принимаясь нервно перебирать струны.

— Ну не странно ли это, что из всех леворуких гитар играть ты можешь только на моих? — задумчиво протянул Пол, замороженно наблюдая за движением пальцев Джона. — Вот Джейн спросила, чем мои гитары отличаются от всех остальных...

— Ничем, — огрызнулся Джон, не поднимая глаз.

— Вот именно, — словно не замечая обиды и озлобленности в голосе друга, продолжал Пол. — И дай мне сейчас твою — я ведь на ней тоже без труда сыграю что-нибудь. Даже не задумываясь, что она для правши. Потому что она на твоя. С гитарой Джорджа у меня уже так не получится. Разве может быть что-нибудь глубже и сильнее этого ощущения?

Джон нахмурился и поднял на друга удивленный взгляд, не понимая, к чему тот клонит.

— Да прекрати ты, — процедил он. — Завязывай с этой жалостью, я не ранимый подросток. Я все усек. Давай просто забудем. Я признался тебе в любви, ты вежливо отклонил мое предложение. Все как в лучших и интеллигентнейших домах Лондона и Парижа, — и Джон широко улыбнулся, растягивая губы в неестественную гримасу. — Забыли. Давай песню новую покажу. Half of what I say is meaningless, but I say it just to reach you... — Пол мягко, но при этом совершенно безапелляционно забрал у него гитару и поставил ее рядом с собой.

— Ты мой лучший друг. Я хотел бы все это обсудить и обговорить. Чтобы между нами больше не оставалось недомолвок. Так станет легче нам обоим, — тихо, но твердо произнес Пол, снова впиваясь зубами в ноготь большого пальца.

— Да, черт побери, чего ты от меня хочешь?! — взвизгнул Джон и подскочил, отшвыривая кресло в сторону. — Я все уже сказал. Каких еще откровений тебе от меня нужно? Я, твою мать, люблю тебя все эти одиннадцать гребаных лет. Как увидел тогда впервые в 57-м, так и пропал. И все эти красивые слова про великую и светлую дружбу, про общение душ и прочую свою лабуду оставь для Джейн, она на эту лапшу прекрасно ведется, иначе не жила бы с тобой все эти годы, — понимая, что сказал лишнего, Джон тут же осекся и ударил себя ладонью по лбу.

— Продолжай, — в голосе Пола послышались легкие намеки на сталь.

— Да ты же не любишь ее! Ты и сам это прекрасно знаешь! Она просто красивая элитная девчонка, у которой есть чему поучиться, за которой хочется тянуться рабочему парню из ободранного домишки на Фортлин роуд. Но жить ты с ней не сможешь и не будешь. Да будь я проклят, если вы поженитесь! Я тогда Ринго под венец позову, клянусь Сержантом Пеппером! — и Джон впервые с начала этой напряженной сцены вдруг совершенно искренне и громко расхохотался.

— Джон, откуда тебе знать... — еще мягче, но при этом со все звонче звенящей сталью в голосе начал Пол.

— Отовсюду! — снова не дал ему договорить Джон. — Я что, не знаю своего лучшего друга? Да я тебя во всех ситуациях видел — самых грязных и неприглядных, но и самых

возвышенных! Я на толчке тебя наблюдал, с какой бы ты целью к нему ни приближался. Ты пьяный вдрызг дрочил у меня на глазах — прямо без штанов. Да чем ты только вообще не занимался у меня на глазах! Но ты и музыку сочинял — тоже у меня на глазах. И в такие моменты ты становишься... не человеком. В тебе просыпается что-то неземное, что-то божественное, словно ты проводник чего-то великого и вечного. Словно кто-то там, — Джон ткнул пальцем в небо, — выбрал именно тебя, чтобы все мы имели возможность слушать эту прекрасную музыку. Самую прекрасную, которую мне только доводилось слышать.

— Джон... — лицо Пола залилось краской, он не знал, куда спрятать руки от смущения, узкая ступня задергалась еще чаще.

— И я знаю, как ты смотришь, когда любишь. Я знаю этот взгляд наизусть. Я видел его, когда ты смотрел на отца и брата, когда пел Yesterday, когда записывал Сержанта и радовался нашему первому попаданию в чарты. Но никогда, никогда твои черты не смягчались и не озарялись этим божественным светом, когда рядом она. Она элитная, породистая. Вы хорошо смотрите вместе. Но ты не женишься на ней.

— Джон, уж не... — глаза Пола удивленно округлились.

— Уж не ревную ли я? Ревную, черт побери. Но не к Джейн. К кому угодно, но не к ней.

— А у тебя что, уже было когда-то все это?

— С кем-то другим? Нет, только один раз с Брайаном, ну я рассказывал. Были мысли по поводу Стю, я даже пытался их как-то воплотить.

— И?

— Это до Астрид еще было. Я тогда вдрызг напился, застал тебя с очередной девчонкой...

— ... порезал ей в клочья платье, — со смехом продолжил Пол.

— А потом закрылся в соседней камерке со Стю ну и полез к нему с непристойностями разными. На волне дьявольской ревности чего только не выкинешь. Благо, Стю понял, что меня пьяного лучше уложить спать, а не пытаться отбиваться. Но, знаешь, наутро мне показалось, что он...ну, в общем, если бы я продолжил разговор на свежую голову, возможно, он и не стал бы протестовать. Но мне так вдруг стало тошно. Злость и ревность прошли, осталось одно лишь отчаяние. Мы никогда больше не обсуждали с ним эту тему, но...

— Ты ведь поэтому избил его тогда? — встрял вдруг Пол с неожиданным вопросом.

Джон вздрогнул и сжал кулаки в невольном жесте самозащиты.

— То есть... — тут же попытался исправить ошибку Пол, — я хотел сказать... Прости, — и замолчал, не зная, как продолжить и выпутаться из неудобной ситуации, в которую угодил с этим непреднамеренным вопросом, толкнувшим Джона в пучину самых, пожалуй, болезненных воспоминаний его жизни.

В тишине был слышен злобный скрежет зубов Леннона, тому стоило, вероятно, чудовищных усилий сдержаться сейчас, а не налететь с кулаками и на Пола, как вышло тогда со Стю. Он просто в шутку напомнил Джону то, о чем он так тщательно пытался забыть. Следующей картинкой в памяти Джона всплыли злобные пинки лежавшего на земле Стю, удары носками ботинок в голову, его стоны, крики, просьбы прекратить...

— В этом нет твоей вины, Джон, — мягко прервал его размышления и воспоминания Пол. — Его же потом хулиганы избili, он сильно ударился головой. Не ты причина его смерти.

— Я! — взревел Джон, снова соскакивая с кресла и яростно пиная его.

Легкие кроссовки из тонкой ткани не защищают ступню от удара, и несколько мгновений спустя Джон валится на пол веранды, корчась от боли и потирая ушибленную ногу. Пол огорченно качает головой, встает и садится рядом, обнимая друга, глядя его по голове.

— Пол, ты же и так в курсе, что это моих рук дело! Не было никаких хулиганов, — простонал Джон в отчаянии. — Стю солгал всем, чтобы меня прикрыть. Ты же все видел, зачем ты даже сейчас покрываешь меня? Защищаешь меня от меня же самого!

Пол молчал, лишь продолжал гладить его по голове, и Джон постепенно успокаивался, забывая о боли.

— Он тогда намекнул, что я пидор. Припомнил мне ту попытку затащить его в койку. Да еще и при тебе, — Джон закрыл лицо руками и отчаянно замотал головой.

— Брось, я все равно ничего не понял тогда. Думал, вы девчонку не поделили.

— Да я убить его готов был, потому что он прямо при тебе все это ляпнул... А я меньше всего хотел, чтобы ты считал меня педиком. Если бы еще и отец твой узнал, в Куорримен тебя не удержала бы тогда никакая сила. До сих пор та сцена перед глазами стоит: он лежит там на асфальте без сознания, ты стоишь рядом с ним на коленях, пытаешься привести его в чувство, а я в ужасе отворачиваюсь и убегаю. Я ведь был уверен тогда, что прикончил его, Пол!

— Джон...причиной аневризмы могло стать что угодно.

— Хватит меня жалеть и уговаривать! Я знаю, что это я убил его! Я и никто другой!

— Ну хорошо, будь по-твоему, — согласился Пол, не переставая гладить Джона по голове. — Ты убил Стю.

— И позорно сбежал. Я помню, как ты кричал тогда мне вслед. Твой крик до сих пор звенит у меня в ушах. И будет звенеть до самой смерти.

— Джонни...

— Так что, я заслужил все это! И не смей жалеть меня, черт побери! — Джон вдруг оттолкнул друга и отсел от него подальше, принявшись лихорадочно тереть ладони о штаны — то ли чтобы унять дрожь, то ли чтобы избавиться от липкого холодного пота. — Я... пожалуй, пойду. Мне надо поспать, — он, шатаясь, поднялся и заковылял прочь.

— Стой, — поспешно окликнул его Пол, догоняя и хватая за локоть. — Тебе нельзя оставаться одному в таком состоянии. Я пойду с тобой. Дам тебе снотворного, послежу, как ты уснешь...

— Отвали, — вяло отпихнул его Джон. — Я в твоей жалости не нуждаюсь, Макка. Не бойся, не вздернусь, вены не вскрыю и не передознусь. Мир еще услышит о Джоне Ленноне! — и яростно затряс кулаком в воздухе.

— Я все же провожу тебя, — настойчиво отчеканил Пол, не отпуская его локоть.

— Пффф, какая преданность, ну надо же! — усмехнулся Леннон. — Только ты что-то припозднился. Твою бы нынешнюю заботу да год назад, когда я подыхал без тебя в Уэйбридже, а ты неделями пропадал в столице, вращался в мире искусства, общался только с бомондом и даже на звонки мне не отвечал. А сколько я сообщений на твой автоответчик наговорил! На целую Сагу о Форсайтах потянет. Ты бы хоть раз перезвонил! И на все отговорки — был в галерее, ходил в театр, выпивал с Робертом, слушал новые пластинки с Барри, посещал торжественный прием в честь хренпоймичего вместе с Джейн... А Джон тем временем... А кто такой Джон вообще? Ау! Кто это? Что за Джон Леннон? Не знак

такого, — последние несколько обрывочных фраз Джон произнес тихим низким голосом, имитируя интонации всегда вежливого и предупредительного Пола.

— Ты преувеличиваешь. Я же для Битлз старался. Ведь не просто так у нас такой Револьвер получился! И вслед за ним Сержант. Мы смогли достичь всех тех высот в студии исключительно благодаря нашему знакомству с Барри и Робертом.

— Нашему! — передразнил его Джон. — Громко сказано. Скажи, Макка, а мы вообще нужны тебе в этой твоей студии-то? Ты ведь все это и без нас вполне смог бы записать. Вдвоем с Джорджем подсуетились бы, и вуаля, готов первый сольный альбом Пола Маккартни. Первая сольная песня у тебя и так уже есть. По гадкой иронии судьбы она считается лучшей песней Битлз! В то время как Битлз не имеют к ней равным счетом никакого отношения! Черт побери, Макка, да ты и без нас прекрасно справляешься! — и Джон снова отпихнул друга, на этот раз уже значительно сильнее.

— Джон, — Пол схватил его за плечи и развернул лицом к себе, — мне ничего не нужно без Битлз, понимаешь? Я не смогу творить без Битлз. Да я существовать без вас не смогу! Без тебя... — уточнил внезапно он и улыбнулся одними губами.

Несколько мгновений Джон напряженно и недоверчиво всматривался в темную бездну его теплых карих глаз, затем, будто бы решившись сжечь эти чертовы мосты, шагнул вперед и порывисто прижался губами к этим все еще по инерции улыбающимся губам. Сердце ухнуло куда-то вниз, в ногах заломило от чудовищного выплеска адреналина, как от прыжка в бездну, и Джон замер, не отстраняясь, но и не осмеливаясь продолжать. Пол, как это часто случалось, сделал все за него: мягко сжал его плечи, сделал шаг назад и медленно покачал головой, вытирая губы рукавом голубой рубашки.

— Тебе надо поспать. Это все медитация. Помнишь, Махариши предупреждал о чем-то подобном? Полежут все наши демоны. Из нас четверых ты самый...неординарный, вот и...

Джон хотел было брякнуть очередную непристойность, но это вряд ли что-то могло бы изменить. Пол смотрел на него с безграничным пониманием и безграничной же жалостью. Кажется, он совершенно искренне поверил в собственную версию происходящего.

— Ладно, покедова, — устало махнул рукой Джон и взбежал на крыльцо своего бунгало.

Пол не стал заходить внутрь, лишь постоял под окнами несколько минут, потом озабоченно покачал головой и пошел прочь. Джон достал из-под кровати бутылку виски и коробку с письмами той безумной японки, что слала ему сообщения каждый божий день, а он пока даже не вскрыл ни одного. Ну что ж, пожалуй, пора ознакомиться, что такого важного она желает ему сообщить. Их накопилось аж тридцать штук, и Джон сделал из бутылки несколько крупных глотков и надорвал первый конверт.

* **

Распахнув глаза наутро или что этим утром ему показалось, Джон увидел над собой печальное лицо Синтии. Он заснул прямо так в одежде поверх скомканного покрывала, усыпанного письмами, покрытого засохшими пятнами виски. Он попытался встать, но тяжелая голова не дала ему такого шанса, и только взвыл, хватаясь за лоб. Синтия присела рядом, брезгливо разгребая гору писем и отшвыривая испачканное покрывало, протянула аспирин и стакан воды.

— Сколько сейчас времени? — прохрипел Джон, принимая воду и таблетки от жены как должное.

— Полдень.

— Так мало? Я что, всего два часа назад вышел из дома Пола? Быть того не может.

— Джон, ты валяешься тут уже сутки, — укоризненно покачала головой Син.

— Как? Я что, пропустил медитацию?! — Джон подскочил на кровати, но боль, моментально сдавившая виски, заставила его рухнуть назад на подушку.

— Да ты много чего пропустил. Пол с Джейн улетели назад в Лондон.

— Когда? — казалось, эта новость совсем не удивила Леннона. Подспудно он ожидал чего-то подобного.

— Ближайший рейс был сегодня около семи. Так что, полагаю, они на всех парах приближаются к дому.

— Он что, даже попрощаться не заходил? — недоверчиво нахмурился Джон.

— Уж не знаю, что тут между вами такого произошло, что он после вашего разговора так поспешно собрался и умчался назад в Лондон, — на изумленный взгляд Джона Син тут же уточнила: — Патти застала вас вчера на веранде. Сфотографировала даже, так ее заинтересовала сцена вашей беседы. Джон, у тебя точно все в порядке? — ровным голосом поинтересовалась Син.

— Все просто отлично, — прорычал он. — А сейчас уйди, а. Дай мне прийти в себя, мне паршиво, как у слона в заднице.

Синтия пожала плечами: она давно привыкла к бесцеремонным заявлениям мужа и перестала обращать внимания на скачки его настроения. Просто встала и молча вышла из комнаты, не зная, по поводу чего ей больше переживать: из-за странного разговора Джона с Полом, после которого Пол поспешно сбежал в Англию, или из-за разбросанных по покрывалу писем странной японки, вот уже полтора года не оставлявшей ее мужа в покое.

Джон кое-как сполз с кровати, проковылял к окну и несколько минут наблюдал за тем, как медлительная Син, не торопясь, прошествовала по двору его бунгало, словно бы нарочно замедляя каждый свой шаг. Затем развернулась и бросила взгляд на окна, Джон насилу успел юркнуть за занавеску. Обошла бунгало Пола, даже заглянула на злополучную веранду, постояла там немного, сжимая пальцами спинку одного из кресел, словно бы в попытке понять, что же здесь случилось, потом махнула рукой и уже нормальным своим шагом отправилась в бунгало к Джорджу и Патти.

Джон выдохнул и, на этот раз уже не обращая внимания на дикую головную боль, выскользнул из дома и добежал до входа в соседнее бунгало. Пол не мог уехать просто так, не оставив ему записки. И, пока туда не вселили кого-то нового, нужно было срочно обыскать дом. Дверь была заперта, пришлось влезать внутрь через окно. Аспирин почти не подействовал, но сильнее висков у Джона сдавило грудную клетку. Он бросился хаотично бегать по комнатам, не зная, за что хвататься, что осматривать в первую очередь. Благо, бунгало было совсем небольшим — спальня, гостиная и крохотная кухонька. Он перерыл все ящики, заглянул во все шкафы, буфеты и комоды, на которые только падал взгляд. От всего веяло пронзительным холодом пустоты, словно бы здесь уже давно никто не жил. А, возможно, и вообще никогда. Еще вчера тут весело щебетала Джейн, и Пол швырял одежду на пол, а сейчас здесь веяло больничным дистиллятом. Чистотой психушки, приготовленной для приема пациентов. Первым из которых придется, вероятно, стать самому Джону. Он еще раз обежал все бунгало, но искать было попросту негде. Если бы Макка хотел оставить ему весточку, то положил бы пресловутую записку прямо здесь на комод у входа.

Джон подошел к зеркалу, висевшему над комодом, и бездумно провел пальцем по

стеклу, будто бы перечеркивая собственное отражение. Затем прижал к зеркалу ладонь с растопыренными пальцами, а следом сжал ее в кулак, словно комкая свое отражение. А и вправду, кто он такой, чтобы Пол оставлял ему записку и как-то объяснялся? В конце концов, Джону никто не мешает сейчас же тоже рвануть домой, отбрехаться этими дурацкими подозрениями Махариши в домогательствах к одной из его последовательниц и попытаться откатить отношения с Полом до того злополучного вчерашнего разговора. Но, как говорила незабвенная Джулия: фарш невозможно повернуть назад. Пол никогда не забудет этого разговора. А Джон никогда...не перестанет чувствовать. Он сунул руки в карманы, оперся коленом о комод и с насмешкой на лице принялся рассматривать свое отражение. Вроде совсем еще молодой, даже сутки кутежа никак не сказались на его внешнем виде — ни отеков, ни синяков под глазами. Здоровый цвет лица, блестящие шелковистые волосы. И только в глазах пляшут странные тени. Откуда взялись они? Где родились и куда уйдут? И видел ли их вчера Пол? Думал ли о них, когда в спешке собирал вещи, стоило Джону отчалить в свое бунгало? Чьи это тени? Моржа, земляничных полей, мистера Кайта, доктора Роберта, Люси и человека из ниоткуда?

Странная мысль пришла вдруг Джону в голову, и он принялся рыться в карманах в поисках чего-нибудь острого — иголки или гвоздя. Потом обшарил все шкафы бунгало и даже вернулся к себе. Хотел было разбить пустую бутылку из-под виски и воспользоваться осколком, но Син уже, вероятно, унесла ее и выбросила в мусор. Тогда Джон со вздохом схватил гитару и быстро пошагал обратно. Все равно и так скоро менять, не жалко. Плотно прикрыл за собой дверь и тут же у входа опустил на пол. Наклонился к гитаре и принялся лихорадочно откручивать один из колков, ослабляя самую верхнюю и самую тонкую струну, затем, резко дернув, снял ее, ощущая острую боль в подушечке указательного пальца, и тут же на гриф закапала кровь. Не обращая на это внимания, Джон вынул струну, поднялся и подошел к зеркалу, примеряясь, к какой стороне рамы лучше встать. Кровь продолжала капать, оставляя следы на комод, по стеклу текли тонкие алые струйки. Наконец, он остановился на левой части простой деревянной рамы, даже как-то слишком удивительно простой для такого зеркала в таком бунгало — едва только ошкуренной и покрытой тонким слоем лака, поднес струну к лакированной поверхности и, морщась от боли, нацарапал неровными буквами снизу вверх «THE WALRUS WAS YOU». В царапины букв тоже попал кровь, выцветивая их красным.

Закончив работу, Джон отбросил в сторону струну и прошел в кухню, подставляя окровавленный палец под ледяную струю. Если бы сейчас кто-нибудь вошел в это бунгало, он бы решил, что Джон удавил струной его владельца и пошел смывать следы крови со своих преступных рук. Уходя, струну он забирать не стал, оставив ее валяться у комода. А, вернувшись домой, рухнул назад на свою скомканную постель и уткнулся лицом в первое попавшееся письмо Йоко, начинавшееся словами «Здравствуй навсегда!»

ПРОЛОГ

Я поднимаю глаза, и они снова смотрят на меня со старого черно-белого портрета: самодовольный, самоуверенный и почти счастливый Леннон и немного напряженный Маккартни. Этой фотографии много лет, она давно выцвела и сильно пожелтела, хотя в последние годы я повесил ее подальше от солнечных лучей. И каждый раз, садясь за письменный стол, я проваливаюсь взглядом в эти лица и надолго забываю о цели своего прихода сюда. Так вышло и на этот раз. Что испытывали они оба в момент, когда щелкнула вспышка фотоаппарата в руках Бейли? Просто позировали или уже тогда знали, как двусмысленно будет выглядеть этот снимок, как и множество других, сделанных в тот же день этим на удивление проницательным фотографом? В далеком детстве мама разрешила мне повесить на стену всего одно фото любимой группы, и я выбрал именно это — накопил с обедов деньги на увеличение изображения с обычного плаката в два раза и вскоре стал счастливым обладателем изумительного портрета, секрет которого мне так и не удалось разгадать. Сам оригинал плаката привез приятелю из-за границы отец, но тот музыкой не увлекался и понятия не имел, что это за парни на черно-белой фотографии. Когда же у меня при виде нее затряслись руки, он понял, что снимок все же представляет некую ценность для ровесников, и отдать и даже продать его мне категорически отказался. В фотоателье тоже сопровождал меня из страха, что я умыкну куда-нибудь это сокровище. Понятия не имею, что с плакатом случилось впоследствии: интерес к приятелю я потерял в тот же миг, как получил на руки свой экземпляр знаменитого фото.

У обоих на лицах застыли странно разные выражения, но оба при этом столь гармоничны, будто бы находятся на своем месте, знают это и ничего не хотят менять. Пол слегка напряжен, но ему все равно комфортно. Джон полностью расслаблен, но вот ему отчего-то дискомфортно, и при этом лишаться этого дискомфорта он не желает. Что происходило за кадром? О чем думали эти двое, глядя в объектив? Эти вопросы не давали мне покоя еще в детстве. А потом я вырос, и сознание мое заполонили вопросы совсем иного толка. Фото, его герои и их мысли не просто отошли для меня на второй план — они банально перестали существовать, остались частью интерьера, напоминанием о детском фанатизме...

И вот я поднимаю глаза, смотрю на них, как и когда-то двадцать лет назад, и пальцы, сжимающие ручку, замирают над пока еще чистым листом. Наверное, мне стоило бы сейчас попросить прощения, но не у Джона с Полом, а у того мальчишки, что так беззаветно любил их когда-то и так был счастлив в этой своей любви. От мальчишки этого не осталось больше и следа. Весь вышел, истратился на бессмысленную, бесполезную борьбу с ветряными мельницами. Взгляд снова падает вниз, и рука начинает выводить по листу:

«Я, Меркулов Захар Александрович, двадцати семи лет, находясь в здравом уме и твердой памяти, действуя добровольно, без чьего бы то ни было принуждения, решаю свести счеты с жизнью. В смерти моей...»

Рука замирает, и на ресницах ощущается подозрительная влага. Прошу никого не винить... Кроме разве что приказавшего долго жить государства, которым мы когда-то так гордились. Государства, похоронившего под своими руинами все мои мечты, планы и надежды. Самолеты с грузом вылетели всего полгода назад, вот еще бы дали нам хоть несколько лет!.. И мы успели, мы бы все успели, не пришлось бы теперь смотреть на

разграбленные заводы и думать, как из всего этого выкарабкаться... Ну ладно, бразильская партия разбилась вместе с самолетом, упавшим в эти треклятые джунгли, да и черт с ней, но я возлагал огромные надежды на индийскую. Ее успели принять, разместить как полагается, набрать штат тестировщиков... Как же мне быть теперь? Где взять средства на исследования? Союз не успел перевести первый авансовый транш ни в Индию, ни в Англию. Все погубило, все уничтожено... остался всего один опытный образец. Всего один! Что я могу с ним?.. Институт закрыли... Слишком поспешно, что, впрочем, неудивительно. Военные НИИ и КБ они будут тянуть до последнего, пока все не разворуют и не распродадут, а наши исследования, МОИ исследования они намеренно похоронят, сделают вид, что их никогда и не было. Как они, должно быть, рады сейчас тому, что мы успели произвести всего четыре прибора, из которых ни один уже не в состоянии выполнить свою функцию. Ты победил, жестокий мир джунглей! Торжествуй! Теперь больше никто не стоит уже на твоём пути. Захар Меркулов сдался и опустил руки...

Грудь сжимает от глухих рыданий. Как же я все-таки жалок. Задумал изменить мир! Тоже мне, выискался новый Наполеон, второй Раскольников! Только с их именами я теперь и могу ставить в один ряд свое недостойное имя. Вознесся до небес и в один миг рухнул на камни. Ты надеялся один пойти против всего мира? Возомнил себя супергероем из глупых американских комиксов? Получай же, Меркулов, за свою гордыню. И радуйся, что мир еще не успел понять, во что ты хотел его превратить, и не уничтожил тебя.

Справедливость... Ха! Кому она нужна, кроме тебя? Тебя же даже в родном НИИ высмеивали с твоими глупыми и наивными идеями. Все уже давно перестали верить в светлое будущее, одному тебе все хотелось переломить человеческую природу, как-то изменить ее, заставить всех понять, как хорошо было бы жить в мире абсолютного равенства и братства. Переслушал ленноновскую Imagine что ли... Сам же Леннон и не верил в возможность всего это. Он просто записал текст под красивую музыку, а ты уже чего-то нафантазировал себе...

Я сидел у стола, крутил в пальцах ручку, силясь придумать еще хоть фразу, чтобы прощальная записка не смотрелась так куце и нелепо. Чтобы те, кто прочтут ее, поняли, почему я так поступил, покачали головой, но не осудили. И как это сделать в коротенькой записке, не объясняя всей сути моих исследований? Приложить к ней свою кандидатскую диссертацию? Или тетрадь с набором формул? Перенаправить на бывшего начальника отдела? Вот только и он считал меня в некотором роде шутком, изысканий моих не одобрял, но раз государство не поскупилось выделить на наши разработки определенную сумму и готовилось оплатить испытания помимо России еще и в Бразилии, Индии и Великобритании, он делал вид, будто смотрит на меня с пиететом. А сам продолжал крутить пальцем у виска: развлекается дурачок, да и пусть. Лишь бы серьезной работе НИИ не мешал.

Впрочем, чего я так беспокоюсь, читать ее все равно будет некому. Разве что вот этому самому начальнику отдела. А он и задуматься о причинах моей смерти не пожелает. Пустил себе шут пулю в лоб, туда ему и дорога. Совсем на своих утопистских идеях помешался, немудрено и покончить с собой, когда в стране такое творится. Он мне так всегда и вещал с самым что ни на есть авторитетным видом:

— Семью тебе надо, Захарка, бабу хорошую, детей. По выходным на дачу. Шашлыки, огород, собака в будке. А диссертация никуда не убежит, успеешь еще написать ее. А то случись чего, и похоронить будет некому.

И как в воду глядел. Соседи, услышав выстрел, понабегут, конечно. Надо бы входную дверь отпереть, чтобы не взламывали, а то новым жильцам лишние хлопоты — кем бы они там ни были. Не хотелось доставлять людям лишнего неудобства, и без того им вряд ли понравится жить в квартире, где было совершено самоубийство. Кровь со стен отмывать опять же... Я поморщился и постучал ручкой по листку. В голову ничего не приходило.

Расследование проводить не будут, все очевидно: молодой подающий надежды ученый покончил с собой после того, как закрылся его НИИ вследствие распада Советского Союза и отмены госзаказа. Дело всей жизни пущено под откос, не смог найти себя в новом мире, вот и решил поставить в своей неудавшейся жизни точку. Семьи нет, любимой женщины нет, родственники — разве что дальние, давно забывшие о его существовании... Даже крест на могилу некому будет водрузить.

Внезапная мысль пронзила вдруг все мое существо: ну ладно, у меня не вышло, так сложилось, ничего не попишешь. Но так ведь может получиться у кого-то после меня! Надо же им помочь, чтобы они не начинали всю работу заново! Надо как-то передать свои записи потомкам! Надо где-то их сохранить, чтобы через десятки лет люди попробовали бы снова, когда будет налажено производство, когда на них не будут смотреть как на шутов и умалишенных, когда они захотят воплотить это вместе, всем коллективом, читая записи обезумевшего одиночки мечтателя.

Я заметался по комнате, выгребая из ящиков тетради. Бывшему начальнику отдела будет на все это плевать. Сначала он пообещает хранить их, а потом выбросит, не успеет мой труп окоченеть. Я барабанил пальцами по шершавой обложке, а в мыслях моих царил хаос. Мне совершенно некому было оставить дело всей своей жизни. Как чудовищно осознавать такое в 27? Бывшие коллеги не оценят, они и раньше-то относились ко мне как к юродивому. Но где же взять на все время и силы? Они ровно в шесть срывались с места и бежали домой, а моя работа только тогда и начиналась. Терпеть не могу думать в присутствии десятков других людей, пусть и таких же ученых, как ты сам. А отдельные кабинеты нам не полагались. Только коллеги прекрасно справлялись и в обществе себе подобных, один я бездумно сидел над тетрадью все эти часы, с нетерпением ожидая, когда же захлопнется дверь за последним, и кабинет погрузится в вечернюю тишину. Я и прибор-то сконструировал тогда в одиночку — ну, разумеется, опытный образец. На конвейер его все равно поставить не удалось, все так бесславно и закончилось на четырех экземплярах. И я так и не смог выяснить, работают ли они вообще. С нашим советским образцом я должен был лично контролировать эксперимент. Уже была отобрана партия испытуемых в количестве пятидесяти человек. Я должен был лично опрашивать их до и после эксперимента. Разумеется, мне в помощь планировалось предоставить специалистов института мозга и нескольких психологов, но все так и осталось в планах и на бумаге. Я даже не успел встретиться с этими людьми и обсудить с ними детали грядущих испытаний. Не успел познакомиться с добровольцами. Успел лишь спасти образец от кражи и поломки. Вот только какой в нем теперь толк?

Я открыл самую верхнюю тетрадь в стопке и принялся по инерции листать ее, вспоминая обстоятельства рождения каждой формулы, бессонные ночи, стоявшие за ней. А ведь это могло бы всех нас спасти, если бы... Если бы только я сделал это открытие хотя бы на пару лет пораньше. Мне хватило бы и этой пары лет! Количество испытуемых можно было бы довести до нескольких тысяч, начать серийное производство, и вот тогда... Мечты, пустые мечты. Этот мир не изменить, ничего не исправить. Я захлопнул тетрадь и со злости шарахнул кулаком по всей стопке. Она пошатнулась, и тетради разъехались в разные

стороны, образовав на столе неровную горку.

Можно, конечно, попробовать найти добровольцев и сейчас: кто-то наверняка согласится работать и без денег, тем более что ничего такого особенного делать-то не придется. Вот только если я оказался прав, то в результате этих экспериментов добровольцы мои вряд ли выживут в мире, который обрушился на нас полгода назад. По крайней мере, я им этого гарантировать не могу, а становиться причиной чьей-то гибели мне совсем не улыбается. Разве что своей собственной. Вот тут я хотя бы никому неподотчетен и могу творить все, что вздумается. Ну а если кто-то все же прочтет мои записи и решит продолжить мои изыскания, удачи тебе, смельчак. Я оказался слишком слаб духом, слишком труслив, чтобы гордо носить звание ученого. Пусть в памяти своих коллег и начальства я останусь лишь невзрачным юродивым лаборантом. Но, по крайней мере, я его создал. Это уже немало.

Уговаривать себя можно сколько угодно, оттягивая неминуемое. Но рано или поздно мне придется отложить ручку, бросить последний взгляд на так и не дописанную записку и достать из ящика пистолет. Оружие нам выдали еще при поступлении на работу в НИИ: чтобы всегда была реальная альтернатива предательству и шпионажу. Слепое и наивное начальство... Но спасибо ему хотя бы за то, что теперь мне не придется разводить грязь и сырость, вспарывая себе вены, и не барахтаться под потолком на крючке от люстры. Все пройдет по высшему разряду. Вот бы только еще мозги со стен никому не пришлось бы отскрести... Мозг вдруг лихорадочно заработал, соображая, как организовать исключительно гигиеничное самоубийство. Мне не пришло на ум ничего лучше, чем нацепить на голову прочный пластиковый пакет и лечь на пол: так я ничего не забрызгаю и не запачкаю. И я побежал на кухню искать подходящий полиэтилен.

И вот он валяется у моих ног вместе с пистолетом, а я поспешно дописываю прощальную записку — мне необходимо как-то объясниться перед теми, кто увидит мое тело.

«...прошу никого не винить. Все это одна только моя самонадеянность. Я посмел возомнить себя богом и решил подправить человека, вычистить в его натуре все самое неприглядное и порочное, чтобы, не дожидаясь плодов эволюции, с этим самым новым человеком построить прекрасный и светлый мир, свободный от нынешней неправды и несправедливости, избавленный от нынешней грязи и несовершенства. В своей гордыне я взлетел слишком высоко, и только август 1991 года привел меня в чувство. Моей страны больше нет, дело моей жизни уничтожено, и поделом мне. Я один прошел одновременно путь Дедала и Икара, так и закончить его следует на высокой ноте. Из меня не вышло ни Раскольникова, ни Фрейда, так, может, хоть дух Больцмана поймет меня и простит... Видит всемогущий дремлющий Ктулху, я всем желал только добра. Тетрадами моими распорядитесь по своему усмотрению. Надеюсь, их все же сохранят и когда-нибудь воспользуются этими наработками. Все документы по проекту — в верхнем ящике рабочего стола. Там же и записная книжка с телефонами контактных групп в Англии и Индии. В Бразилии проект был сорван по техническим причинам. Прошу не осуждать меня за такое решение. А, впрочем... осуждайте! И не забудьте заглянуть в зеркало перед тем, как покинуть мой опустевший дом.

Пока еще живой

З.А.М.»

Стрел пакет и револьвер и еще долго стоял посреди комнаты, не сводя взгляда с плаката,

будто запоминая эти лица, прощаясь с ними или, наоборот — надеясь увидеться? Нет, надо уйти куда-нибудь, где меня не достанут эти взгляды — напряженный — Пола и расслабленный — Джона. Где я смогу остаться совершенно один.

Выхожу в коридор, кладу записку на комод у зеркала, расправляю в руках пакет, готовясь надеть его на голову. Может, для верности еще и скотчем шею обмотать? Чтобы кровь за ворот не стекла... Так, сперва надо сесть, надеть пакет, затем лечь, взвести курок... Не знаю, зачем я подошел к этому зеркалу, не хотел ведь этого делать ни при каких обстоятельствах. Даже завесил его поначалу. Но из-под простыни неизменно выглядывала простая деревянная рама, ошкуренная и покрытая всего одним тонким слоем лака... И я сдернул простыню, отметив про себя, что лежать на ней будет все же удобнее, чем на холодном голом полу. Словно покойнику есть какая-то разница. Усмехнулся. И взгляд непроизвольно упал на отражение. Я стиснул зубы, но отвести глаз уже было не в моих силах. Черт побери, я должен был это предвидеть. Значит, придется делать все как и обычно — грязно и негигиенично, но иного выбора нет. Дрожащей рукой я поднес к виску пистолет, по-прежнему не отрывая взгляда от своего отражения и по привычке чуть отставив назад левую ногу. Из зеркала на меня смотрело бледное осунувшееся лицо человека, которого я перестал узнавать. А из-за плеча моего со стены комнаты все так же злорадно поглядывали Джон с Полом. Как я мог забыть закрыть дверь! Я в последний раз посмотрел в глаза им обоим, коснулся зеркала подушечками пальцев, непроизвольно опираясь на него, затем кивнул собственному отражению, зажмурился и прижал дуло к виску, взводя курок.

Глава 1

Катя открыла глаза и несколько секунд отчаянно моргала, пытаясь избавиться от слепящих пятен в отражении. Поправила волосы и растянула губы в улыбке. В школе ее звали кроликом — не дразнили, просто кто-то как-то раз так неуклюже и по-доброму охарактеризовал ее неправильный прикус, да кличка взяла и прицепилась. Ее называли так с теплом и нежностью, почти даже с любовью. Наверное, лет сто назад это звучало бы язвительно и походило на издевательство, но только не сейчас.

Катя тряхнула копной — ах, впрочем, если бы то была копна! так, жидкая копнушка — светлых волос, расчесала пальцами челку и еще немного покрутилась у зеркала, осматривая себя в новом платье со всех сторон. Нет, она все-таки не ошиблась с выбором, платье было отменным — темно-синим в мелкий красный цветочек, а подол так задорно вертелся в такт ее движениям, что Катя зажмурилась от удовольствия. Она определенно не прогадала. Взгляд ее снова ослепили упавшие на зеркало солнечные лучи, и Катя схватила лежавшую тут же на комодике сумочку и наклонилась, чтобы обуться: пора было заглянуть в распределительный центр и пополнить запасы. Она всегда ходила туда сама, предпочитая не пользоваться услугами службы доставки, и лишь изредка, когда товаров набиралось слишком много после длительного перерыва, могла вызвать аэротакси. Сама она водить так и не научилась, да и не хотела этого — с детства не дружила с техникой, обучившись лишь самым элементарным взаимодействиям. Впрочем, за руль сейчас садились только отъявленные любители самого процесса нажатия на педали и контроля за движением. И Катя к их числу отнести себя никак не могла, хотя в остальном, впрочем, любила покопошиться в деталях и регулярно пополняла запасы бисера, даром что бижутерией ручной работы был завален весь ее дом, а также дома ближайших друзей. Вот и сейчас под новое платье прямо просились крупные красные бусы на широкой ленте. Сама лента у нее еще оставалась, а вот бусины были слишком мелкие, надо бы прогуляться по центру и выбрать что-то покрупнее. В крайнем случае заказать доставку из столицы, если в местном центре их не найдется.

Она провела пальцем по зеркалу, словно бы перечеркивая собственное отражение, и на гладкой поверхности возник вдруг полупрозрачный экран с изображением карты. Сквозь него все еще проглядывало румяное улыбающееся лицо Кати. Она легонько нажала пальцем по надписи «распределительный центр», на экране на пару секунд вспыхнули слова «загрузка каталога», и тут же пополз вниз бесконечный алфавитный список продукции. Поиск выдал ей бусы всех цветов и размеров. Она еще немного постояла, прикидывая диаметр, решила, наконец, снова нажала пальцем на экран, и он сразу же погас. Теперь это было только зеркало и ничего более. Катя взяла с комода сумочку, нацепила ярко-красные босоножки и распахнула дверь.

Лето пришло совсем недавно, и она, по сути, впервые надевала открытую обувь, не опасаясь замерзнуть. Постояла немного на крыльце, ощущая, как ветер обдувает ее розовеющие щеки, и сбегала по ступенькам, прогулочным шагом направляясь к распределителю. В их области он появился не так давно, всего несколько лет назад, до этого неизбежно приходилось заказывать доставку из соседнего региона. В целом разницы не ощущалось, вероятно, просто сам процесс распределения стал налажен значительно лучше, а оттого появилась возможность отправлять приличные партии товара на места и обходиться, таким образом, без чудовищного размера складов по некоторым отведенным специально для

этих целей областям. Да и куда приятнее было самой доцокать каблучками по самому обычному асфальту, который не стали убирать после появления мобильных дорожек, до центра, самой прогуляться по этажам, самой повертеть в руках те самые бусины, прикидывая их гладкость и вес, посомневаться, выбирая, и, наконец, положить в бумажный пакет целую горсть. Многие из Катиных подруг не выходили из дома, делая все заказы дистанционно. Им вполне хватало голографической модели товара вкупе с подробным описанием его характеристик. Но и любителей пощупать и понюхать с годами не убавлялось, а потому распределительные центры пользовались такой же бешеной популярностью, как когда-то — торговые. Да и по виду они вряд ли чем отличались от своих коммерческих предшественников: внушительные многоэтажные здания, поделенные на тематические сектора: на первом этаже неизменно располагались продукты, выше — бытовая химия и косметика, еще выше — одежда, обувь. И так вплоть до двадцатого этажа с бытовой техникой и электроникой. Впрочем, когда-то, лет эдак сто назад, торговых центров столь широкого профиля попросту не существовало, и люди вынуждены были колесить по городу, заглядывая то в один, то в другой магазин в поисках подходящей вещи. Катя готова была биться об заклад, что и выбор тогда отличался скудностью: что толку в десяти магазинах, если в каждом из них продавалось одно и то же лишь с небольшой разницей в цене? Сейчас о таких проблемах давно забыли, и, лишь перелистывая учебники по истории, школьники недоуменно качали головами.

Продукты Катя всегда брала в самую последнюю очередь, когда брюхо аэротакси уже было под завязку набито прочими приятными и полезными мелочами и нетерпеливо жужжало у выхода. Роботы отправляли выбранный товар по мобильной ленте центра, где у одного из выходов их встречали другие роботы, загружавшие закрепленный за Катей транспорт. И каких она только бусин тогда не выбрала! Распределительный центр никогда не страдал от дефицита продукции, но в тот день витрины просто ломились, и Катя, практически не глядя, набивала бумажный пакет разноцветными шариками. Потом с некоторым сожалением все же рассталась с ним, передав сверток роботу, а сама отправилась за обновками в магазин одежды. Правда, здесь она задержалась совсем ненадолго: выбрала пару новых туфель да солнечные очки. Необходимо было поберечь место для продуктов, на этот раз она заказала самую крошечную машину во всем аэротаксопарке. Впрочем, сама она всегда могла прийти домой пешком.

Готовить Катя не любила, а потому брала в центре всегда только полуфабрикаты и уже подумывала перейти на готовую еду, требовавшую исключительно разогрева. Внутренний консерватор еще боролся в ней за право подержать в руках сковородку, но постепенно начинал сдавать позиции форменной ленивице, гордо именующей себя прогрессивным журналистом, у которого нет ни минуты на то, чтобы чистить, резать и варить. Хотя при этом на то же самое рукоделие сильному и независимому журналисту хватало всегда и времени, и желания, и даже терпения. Покидав в пакеты свой традиционный набор продуктов, Катя передала бумажные свертки роботу и отправилась вслед за ним к выходу, где уже приветственно жужжало ожидавшее ее аэротакси. Катя прикинула, что уютиться в малюсенком салоне ей не хочется, а потому махнула рукой, отправляя машину по заранее заказанному адресу, а сама медленно побрела назад, ощущая, как тяжесть постепенно сковывает ее гудевшие голени. На этот раз она уже не стала привередничать и ступила с асфальта на мобильную дорожку, облокотилась о мягкие силиконовые перила и свободной рукой принялась массировать икры.

В этот самый момент и раздался телефонный звонок. Катя вздохнула, щелкнула пальцами возле правого уха и устало протянула:

— Слушаю.

— Успенская Екатерина Валерьевна? — раздался в ухе сухой и вежливый мужской голос.

— Она самая.

— С вами говорит нотариус Меркулова Захара Александровича, ныне покойного. У меня имеется к вам сообщение исключительно конфиденциального характера. Будет ли у вас возможность подъехать ко мне в офис на этой неделе, чтобы обсудить детали?

Меркулов... — звякнуло в Катином мозгу. Фамилия казалась неувлимо знакомой, но не до такой степени, чтобы память сразу же радостно отозвалась сигналами узнавания. Что-то где-то когда-то уже мелькало в сознании, связанное с этой фамилией, но было это явно давно и не настолько навязчиво, чтобы прочно отложиться и в нужный момент среагировать.

— Извините, а кто это? — после недолгого молчания сдалась, наконец, Катя. — Я должна его знать?

— Вообще-то да, — в голосе нотариуса сквозило легкое изумление. — Разве вам ни о чем не говорит эта фамилия?

— Ну хорошо, — Кате показалось откровенно неудобным продолжать выпячивать собственное невежество, тем более что фамилия и вправду казалась знакомой, обидно будет по завершении разговора вспомнить, кто это такой, и хлопнуть с досады себя по бестолковому лбу.

Можно было, конечно, прямо сейчас справиться во всемирной паутине, но Катя продолжала растирать ноющие икры, и именно это в тот момент казалось ей куда более важным, чем какой-то там Меркулов.

— Ну ладно, только какое я ко всему этому имею отношение?

— Я не уполномочен вести такие разговоры дистанционно, необходимо ваше личное присутствие. Не по видеосвязи, не через голограмму. Именно и только личное. Таково желание покойного. Мне необходимо будет передать вам кое-что ценное. Как вы понимаете, голограмма для этих целей бессмысленна.

— Можно отправить курьером. Я почти все время дома, меня легко застать.

— Наш мир, Катя, — перешел вдруг нотариус на заговорщический тон, — абсолютно безопасен. Но все же я не стал бы даже сейчас доверять решение подобных вопросов робокурьеру, который по выходе из моего офиса может с легкостью стать добычей любого проходимца. Даже если мы с вами оба уверены, что таких нынче не существует. Да и, кроме того, повторяю, таково желание моего клиента.

Катя хотела было уже пойти на крайние меры и предложить настойчивому нотариусу приехать к ней самому и привезти все, что он хотел ей передать, но, в конце концов, история отдавала легким приключенческим духом, а она уже целую неделю не писала в блог. Будет чем поделиться с читателями, наконец. Тем более, что следующая поездка планировалась не раньше, чем через полгода, и все это время подписчиков тоже как-то надо было развлекать. Поэтому Катя, потянув еще немного времени, вздохнула, наконец, с деланной обреченностью в голосе:

— Пришлите мне схему проезда. Могу подъехать сегодня к вечеру.

Нотариус удовлетворенно хмыкнул и, поблагодарив собеседницу, тут же откланялся. Через мгновение на экране смартфона высветилась карта с отмеченным флажком зданием:

офис нотариуса располагался в самом центре города, и Катя сначала обрадовалась перспективе выбраться, наконец, чуть дальше распределительного центра, и лишь потом ее осенило: а что, у нас еще не перевелись нотариусы? Они все еще кому-то нужны?

В периоды между поездками Катя безвылазно проводила дома, и походы в распределительный центр были ее максимумом. Она валялась целыми днями на диване, читала или лениво била по клавишам в попытке создать очередной шедевр — хоть что-то более солидное и стоящее, нежели обычная путевая заметка, коими ее блог и без того забит был под завязку. Лицензию на писательскую деятельность она получила еще пару лет назад, но с тех пор не написала ни строчки. Точнее, в блог она продолжала строчить с прежним энтузиазмом, но вот ничего помимо привычной работы создать так и не смогла. Аудитория ее росла и ширилась, статьи раз за разом набирали все больше просмотров, но скука ползла из всех щелей, подгоняемая верным спутником — ощущением бездарности. Казалось, вот-вот, и ее раскусят, лишат лицензии, и тогда она уж точно не будет знать, чем себя занять в часы праздности, но комментарии все прибавлялись, но база подписчиков все множилась. Так, может, загадочная, почти детективная ситуация привлечет к ней еще больше внимания? И на очередной час-полтора оторвет от осмысления и продумывания гениального романа, за написание которого Катя мечтала взяться с самого детства, да так и не взялась, растрачивая жизнь на что-то более мелкое, но и более же успешное.

До назначенного у нотариуса часа встречи времени оставалось прилично, и Катя успела доковылять на ноющих ногах до дома, в отчаянной радости скинуть босоножки, разобрать прибывший к тому времени груз и плюхнуться на кровать с планшетом. «Меркулов Захар» набрала она в поисковике и погрузилась в чтение статьи из давно сменившего забытую википедию онлайн-справочника.

С первых же строк Катя вспомнила, где и когда слышала это имя: на уроках истории и, вероятно, экономики. Просто поразительно, как она вообще умудрилась забыть его и так опростоволоситься перед официальным лицом. В учебниках про Меркулова писали сухо и коротко — в последние годы наука вообще отошла от елейных восхвалений или ядовитого порицания тех или иных исторических личностей. Тон выдерживался по возможности нейтральный, что позволяло ученикам сформировать собственную точку зрения по любому вопросу. Отчасти поэтому все деятели прошлых лет слились для Кати в одну унылую серую череду, где никто не выделялся на фоне остальных, а все были одинаково великие и выдающиеся, но и одинаково безликие. Личная жизнь этих деятелей неизменно обходилась стороной, что тоже не могло не сказаться на процессе запоминания деталей их биографий. Так и вышло, что фамилия Меркулова отложилась в Катиной памяти где-то на одной полке с Больцманом и Данилевским — вроде, что-то где-то такое слышала, но когда, где и по какому поводу — не поможет вспомнить и великий Ктулху.

Второй раз ударять в грязь лицом перед нотариусом Кате уже не хотелось, а посему она не стала надеяться на собственные скудные школьные воспоминания, а села читать статью в энциклопедии, обильно сдобренную цитатами и фотографиями. Если верить этому источнику, который давно перестал быть делом рук всех подряд смертных и перешел в ведение исключительно профессионалов, что безусловно сказалось на уровне и полноте подачи информации, Меркулов Захар умер буквально на днях в возрасте 109 лет. В молодости он был выдающимся физиком и создал собственную лабораторию, однако, запомнился всему миру отнюдь не своим вкладом в фундаментальную науку, который оценить могли только профессионалы. Не довольствуясь изучением одной только физики,

Меркулов увлекся экономической теорией, и, во многом благодаря именно его работам в этой сфере, мир вскоре и встал на тот путь, по которому вовсю резво и шагало сейчас изменившееся человечество. Мир, в котором начинал работать Меркулов, был совсем другим, в нынешнем от него не осталось даже осколков и родимых пятен, и скорости подобных радикальных преобразований люди также были обязаны теориям Меркулова. Катя пыталась вчитываться в сложные экономические выкладки статьи, но не поняла ни слова даже после третьего прочтения, а поэтому плюнула, поверив авторам на слово, и продолжила читать ниже. Меркулов принимал самое активное участие в создании нового мира и посвятил этому фактически всю свою жизнь, окончательно забросив физику. Он до последнего писал статьи и входил в многочисленные комитеты, он разработал структуру распределительных центров. Если бы такая должность сейчас в принципе могла существовать, его можно было бы назвать серым кардиналом мирового правительства, или даже, что еще больше походило на правду, самим мировым правительством в единственном лице. Он придумал весь этот мир каким он был сейчас, и теперь после его смерти его нотариус отчего-то позвонил самому бесполезному и незаметному элементу нового общества — Кате Успенской — чтобы передать ей нечто важное и ценное, когда-то принадлежавшее этому великому человеку. Хм, похоже на какой-то нелепый розыгрыш. Либо в мире существовал еще какой-то Захар Меркулов, чуть менее выдающийся, чуть более реальный и земной. Катя перечитала статью еще пару раз и отправилась собирать украшение из новых бусин — до встречи с нотариусом оставалось всего каких-то три часа.

Профессия нотариуса в последние годы окончательно себя изжила, и, нанизывая бусины на ярко-красную ленту, Катя все прикидывала, что это за динозавр такой остался в мире юриспруденции, оказывая давно никому не нужные услуги. Тем удивительнее звучала фраза «нотариус Меркулова», по сути являвшийся представителем частного лица. Жизнь этого самого Меркулова не подчинялась общим правилам? Может быть, у него и частная собственность имелась? Кажется, список вопросов к приближающейся встрече все удлинялся. Она как раз успеет подготовить новые бусы и щегольнуть ими. До офиса нотариуса Катя решила добираться на аэротакси — балетки надевать не хотелось, а на каблуках после вылазки в распродцентр далеко она точно не уйдет.

«Офисом» на поверку именовалась обычная квартира среднего пошиба: тот, кто представился нотариусом, вероятно, предпочитал жить в городе в бетонной коробке, из которых большинство уже давно выселилось по отдельным домам. Но остались, вероятно, и те, кто ценили яркий городской круговорот куда сильнее покоя природы и уединенности. Поняв, что под офисом подразумевалась среднестатистическая квартира, Катя почему-то сразу успокоилась и решительно нажала кнопку звонка — как раз ровно в назначенное время. Дверь ей открыл мужчина средних лет, одетый неброско, но и не совсем по-домашнему. Было бы странно увидеть человека, расхаживавшего по собственному дому в костюме-тройке, но и встречать посетителей в растянутых трениках тоже вероятно показалось тому не комильфо, а потому он выбрал что-то нейтральное — светлые джинсы и джинсовую же рубашку с закатанными рукавами. Катя на секунду подумала, что сама она слишком уж вырядилась для рядового похода в гости к официальному лицу.

Зато она с огромной радостью и облегчением скинула туфли и прошлепала босиком вслед за хозяином дома напрямик в гостиную. Обстановка поразила ее минимализмом. Вероятно, нотариус этот, как и многие нынче, отдал свое сердце стенным шкафом, когда только сам хозяин знал, куда надавить на абсолютно гладкой белой стене, чтобы из нее

выдвинулся ящик или открылась дверца. В результате квартира выглядела совершенно пустой — диван, пара кресел, небольшой столик и еще один — письменный — у невероятных размеров окна. Все остальное, все обычные бытовые мелочи скрывались во множестве ящичков и полок внутри идеально ровных стен. Катя не понимала и не разделяла любви к столь странному интерьеру, но ведь, в конце концов, в своей собственной квартире любой волен был создавать какой угодно, подчиняющийся только законам своего хозяина. Сама Катя обустроила свое милое жилище как самая настоящая Белоснежка — по всем канонам сказочного персонажа. С шелковыми цветочными обоями, кроватью с пологом и кучей матрасов и подушек, пышными занавесками на окнах и наличниками на рамах снаружи. В кухне стояла имитация печи — как этот нотариус прятал буквально каждую мелочь в стенах, так и Катя прятала всю самую современную технику, маскируя ее под старину. И сейчас, рассматривая квартиру, в которую она попала очень странным велением судьбы, Катя готова была хлопнуть себя по лбу: мы все маскируем свою реальность так или иначе. И если и есть среди нас те, кто не занимаются подобными глупостями, то только они, пожалуй, и имеют моральное право покрутить пальцем у виска при виде столь странной квартиры. Впрочем, скорее всего именно они такого и не сделают.

Катя присела на краешек дивана и вежливо заметила:

— Вы тоже поклонник этих новомодных стальных шкафов? — чтобы как-то начать разговор, пока даже не назвавший себя нотариус копался в лежавших тут же на стеклянном столике бумагах.

— Что? А, — рассеянно ответил он. — Это не моя квартира. Точнее... здесь живу не я. В данный момент здесь вообще никто не живет. Поэтому я и пригласил вас именно сюда.

— Поэтому? — удивилась Катя. — Откуда же у вас ключи? И... как мне вас называть?

— Прошу прощения, — пролепетал нотариус. — Меня зовут Михаил. Михаил Казарцев. Я представляю Захара Меркулова.

— Вы его нотариус?

— Скорее доверенное лицо. Как вы знаете, нотариусов давно не существует, не пользуется данная функция спросом. Назвался же я им, наверное, чтобы вам стало понятнее, кто я. Впрочем, сейчас я вижу, что понятнее вам не стало, — и Михаил слабо улыбнулся. — А квартира эта, — тут же спохватился вдруг он, — принадлежала Меркулову.

— Принадлежала? — удивленно переспросила Катя.

— Точнее... он жил в ней. А поскольку умер он всего несколько дней назад, ее пока не передали никому другому. Если вообще кто-то пожелает проявить к ней интерес. Нынче, как вы знаете, все предпочитают уезжать из городов.

Катя вежливо кивнула, не зная, что ответить. Она слабо представляла, что могло потребоваться от нее представителю Меркулова, чтобы он удосужился вызвать ее в бывшую квартиру ученого.

— Предлагаю, собственно, перейти к делу, — спохватился Михаил. — Наверное, представитель — слишком громкое название для простого соседа, — и он виновато улыбнулся, — но никак иначе я не мог представиться по телефону. Выманить вас сюда у меня бы тогда ни за что не вышло...

— Сосед? — ахнула Катя. — Но...

— Я все объясню, — Михаил выставил руку ладонью вперед в упреждающем и успокаивающем жесте. — Захару необходимо было кому-то передать свои дела.

— И он выбрал для этих целей меня? — еще больше изумилась Катя. — Откуда он

вообще узнал о моем существовании? Я ведь никто, — она растерянно развела руками.

— Ну это вы явно преувеличиваете, — нервно откашлялся Михаил. — Вы вполне себе известный блогер, у вас высокие рейтинги, а ваши заметки о путешествиях по разным странам читать одно удовольствие! Откровенно признаться, я ваш давний поклонник и с нетерпением жду выхода каждой новой статьи, искренне желая, чтобы у вас нашлось время и стремление посетить очередной уголок нашей Земли...

— Я как раз выбирала следующую «жертву» своего блогерского микроскопа, — усмехнулась Катя.

— У вас поразительно легкий слог, но при этом вы не упускаете ни одной детали. После прочтения ваших статей кажется, будто и сам побывал во всех этих странах и городах.

— Что же вам мешает сделать это самому? Да, телепорт пока в стадии изучения и этического осмысления, но до США всего и лету-то часа полтора от силы. Раньше люди до столицы дольше добирались.

— Аэрофобия, — пожал плечами Михаил. — Да, я понимаю, для таких, как я, уже сейчас и особые машины с экранами вместо окон выпускают. Полная иллюзия обычной поездки на автобусе. Только куда собственное воображение денешь? Я же ведь прекрасно знаю при этом, что трясусь не по пыльным дорогам, а в воздухе...

— Чем же тогда занимаетесь? Ну, в плане профессии. Точнее... я не так выразилась...

— Я понял, — не дал ей договорить Михаил. — Хотел поначалу в писатели податься, но сами знаете, непростое это нынче дело. Лицензию мне выбить так и не удалось, а без нее куда я передам свои работы? Разве что в столе сложу и сам буду перечитывать... Удовольствие сомнительное. Я экономист. Не могу сказать, что помогал Захару Александровичу с разработкой его будущей столь успешной модели, это было бы ложью, я лишь подсказывал детали, нюансы, которые он в силу своей основной специальности — теоретическая физика — все-таки мог упустить. Да происходило это довольно давно, я ведь ненамного моложе вашего дяди...

— Дяди?! — снова перебила его Катя. — То есть как?

— Прошу прощения, что не сказал об этом раньше, а перевел разговор на обсуждение наших профессий. Я пригласил вас сюда, потому что вы являетесь единственной наследницей Захара Александровича Меркулова. Мне было поручено передать вам все его бумаги, он почему-то завещал их именно вам, а не научно-исследовательскому институту, в котором числился в последние годы. Вы его единственная кровная родственница — дочь его родного брата...

— Но... у папы не было братьев!

— У них с Захаром Александровичем были весьма натянутые отношения. До такой степени, что отец ваш даже пожелал откреститься от собственной фамилии и взял фамилию жены — Успенская. Вы, как я полагаю, ничего не знали о его семейных дрязгах...

— Ничего! — эхом повторила Катя. — И мама молчала все эти годы. Но... как такое возможно. Что же у них произошло?

— Думаю, это их личное семейное дело, но, возможно, вы сможете обнаружить ответы в его бумагах. Захар Александрович, несмотря на свою известность и свой непререкаемый авторитет, жил весьма скромно, не претендуя ни на что свыше потребностей обычного человека. Посудите сами — квартира у него была небольшая. Правда, как вы верно заметили, тут немало встроенных шкафов, да только они по большей части пусты. Он всю свою жизнь посвятил разработке своей теории и не хотел, чтобы хоть что-то постороннее

отвлекало его.

— Но... все ведь давно реализовано, — хмыкнула Катя. — Мы все давно живем по его лекалу, ему бы радоваться да коктейли попивать на далеких островах...

— Вижу, вы совершенно не знаете своего дядю. Впрочем, это совершенно неудивительно. Даже статьи в справочниках не способны в полной мере раскрыть все особенности его личности. Думаю, однако, что оставленные им бумаги помогут вам приобщиться, так сказать...

Михаил встал, подошел к противоположной стене, коснулся невидимой панели, и она тут же отъехала в сторону, обнажая темное углубление, в котором что-то беспорядочно белело. Он выгреб с полки охапку бумаг и перенес ее на столик.

— Все, разумеется, осталось в электронном виде, и вместе с бумагами я также передаю вам и жесткий диск. Просто многие особенно значимые для него заметки он записывал, и теперь все это ваше. Я уложу архив в пакет и помогу погрузить в аэротакси... — он скользнул ладонью в карман и в следующую секунду протянул Кате крошечный стеклянный диск размером с небольшую монетку — голубоватый и прозрачный.

Катя зажала его в ладони, привыкая к ощущению прохлады и округлости в руке, затем достала из сумочки телефон и вставила диск в паз.

— Вы не...? — переспросил Михаил, показывая пальцем куда-то в районе глаз.

— Нет пока, — тряхнула Катя головой. — Не думаю, что захочу это сделать в ближайшие годы, но так безусловно удобнее, согласна. Возможно, я и решусь.

— Там есть возможность блокировки. Это очень удобно. Можете пользоваться как голограммой, так и обычной техникой.

— Я периодически перевожу телефон в этот режим. Пока тестирую, откровенно признаться. Не подумайте, я не консерватор и не упертый ретроград...

— Ну что вы, это ваш личный выбор! — замахал руками в извиняющемся жесте Михаил. — Культура антиутопий, которая годами была частью нашей жизни, не смогла не отложиться в нашем сознании, пусть даже и конкретно мы с вами родились уже в эпоху победившего...

— ...коммунизма, — выдохнула, улыбнувшись, Катя.

— Можно и так назвать, — не стал спорить Михаил. — Хотя ваш дядя в своих записях везде использует термин «утопия».

— Возможно, я затею цикл статей о вживлении в мозг электронного процессора, незримо помогающего нашему сознанию. Заодно выслушаю все за и против своих читателей. А по результатам уже приму решение, — примирительно добавила Катя. — Я ведь могу забрать бумаги и идти?

— Ну разумеется, — поспешно подскочил Михаил, принимаясь оборачивать стопку бумаг плотным материалом, по виду напоминавшим тонкий картон, а Катя тем временем вызвала аэротакси.

Уже у выхода она развернулась и произнесла, глядя Михаилу прямо в глаза:

— Вашего мнения я тоже буду ждать. Вот прямо сегодня и напишу первую статью. Наверное, и правда пора начинать идти в ногу с прогрессом, — и она скосилась в сторону зажатого под мышкой пакета с документами.

Михаил робко кивнул и только успел выкрикнуть слова прощания, как аэротакси уже мчало Катю из подъезда на улицу и дальше за город к ее дому Белоснежки.

Катя смогла облегченно выдохнуть, только когда сняла ненавистные босоножки, стянула платье, сбросила его на пол там же в коридоре и прошлепала босыми ногами в спальню, рухнула на кровать лицом в подушку и утробно застонала. Срочно ванночку для ног из прохладной воды и садиться за новую статью. Она мысленно пообещала читателям сенсацию, еще сама не догадываясь, что именно сенсацией и обернется ее визит к Казарцеву. Простая неприметная блогерша, пишущая о примитивных и малозначимых вещах, оказалась племянницей мировой знаменитости, величайшего ума современности Захара Меркулова. Под это дело и заголовок нужно придумать соответствующий. Катя пока еще лежала лицом в подушку, а в голове ее уже прокручивались варианты названия для статьи — разной степени скандальности. «Родная кровь на миллион», «Тайна смерти Меркулова», «Племянница гения». Текст статьи уже почти целиком вызрел в ее мозгу, осталось только перебрать его в блог, подобрать яркую иллюстрацию — можно для пущей убедительности сфотографировать ворох доставшихся ей в наследство бумаг — и отправить на суд читателей. Но что-то все же удерживало Катю от этого опрометчивого шага. Михаил не упоминал о том, как ей следует вести себя теперь, когда она знает, кто она такая на самом деле. Помалкивать о своем родстве с Меркуловым? Или, наоборот, раструбить о нем на весь мир? При жизни дядя отчего-то не стремился общаться с племянницей. Что и неудивительно: зачем ему столь недалекая и никчемная родня. Он смог изменить весь мир своими открытиями и разработками, а Катя ведет жизнь трутня и не испытывает при этом никаких угрызений совести. Возможно, именно по причине тех самых изменений, которые и спровоцировал однажды Меркулов своими открытиями.

Впрочем, насчет угрызений совести Катя явно пыталась приукрасить ситуацию даже для собственного сознания: разумеется, времена цензуры как таковой давно канули в Лету, а с введением процедуры лицензирования писательства в ней отпала даже самая призрачная надобность, и никто никогда и не подумает упрекать ее за то, что вместо произведений искусства она строчит развлекательные статейки в блоге и ваяет бижутерию для личного пользования. Но именно и только угрызения совести и заставляли ее каждый день мучительно искать тему для будущего романа, чтобы он получился непременно чем-то значимым и выдающимся, а не бульварным чтивом на пару вечеров. Не для того ей, в конце концов, выдали лицензию. Доверие необходимо было оправдать, но прошло уже пару лет, а Катя так и не написала ни строчки. Каждый вечер она садилась у компьютера, мучительно пялясь в экран. Потом валилась на кровать, решив надиктовать голограмме, если что-то посетит вдруг голову, но сюжет все не рождался. Точнее... на ум все время приходило что-то банальное, сто раз повторенное. И вот, наконец-то, жизнь подкинула ей нечто интересное, нечто, из чего при грамотном подходе можно будет вытянуть осмысленную историю. Так стоило ли тратить ее на статейки для блога? Что она там пообещала давеча Казарцеву? Цикл статей про чипы и голограммы? Вот на них-то она и потратит следующие несколько вечеров, а Меркулова и его записи прибережет для будущего романа.

Катя провела ладонью по корешкам аккуратно сложенных на столе тетрадей и задумчиво щелкнула пальцами в воздухе, вызывая голограмму. Надиктовывать текст она, по правде сказать, не любила, предпочитая по старинке набирать его на клавиатуре, но сейчас ей совсем не хотелось тратить на все это время, и она принялась четко проговаривать фразы,

одновременно достав из стопки первую тетрадь и открывая ее.

Сладкие мои мандаринки! — было первое, что, ни на секунду не задумываясь над текстом, произнесла Катя.

Периодически меня посещало (и продолжает посещать) желание стать продвинутой пользовательницей современных высоких технологий.

Я иногда сижу вот так и думаю: хватит с меня этих громоздких планшетов, подключенных клавиатур, дурацких мониторов и этих смартфонов-лопат. Отныне, как все приличные люди, вживляю себе чип и перестая пугать почтенную публику голограммами. Буду вся из себя такая высокотехнологичная, интеллектуальная, идущая в ногу со временем. Научусь, наконец, надиктовывать текст напрямую из мозга, чтобы не тратить время на набор или проговаривание...

А потом вспоминаю про свои «высокие» отношения с любой техникой чуть сложнее простой сковородки и понимаю, что освоение голограммы — мой предел. Никуда мне от нее не деться. Потому что чипом, котятки мои, надо тоже уметь управлять! Недостаточно всего лишь захотеть заполучить себе его в свою светлую или не очень (как в моем случае) головушку. С ним еще необходимо подружиться.

А природа наградила меня способностью довольно связно изъясняться и сносно плести бусики из бисера и не только, а вот с техникой подружиться забыла. И мой вполне себе в среднем пригодный для выживания организм никак не хочет переходить на следующую ступень развития, наотрез отказываясь сотрудничать с чипом. Ну или мне чипы такие упрямые попадались.

И это еще полбеды. Вторые полбеды — черепно-мозговая, которую меня угораздило заполучить еще в раннем детстве. Меня прилично подлатали, по виду так и не скажешь, но вот общение с чипом было затруднено. Сотрудники НИИ мозга, правда, уверяли меня, что стоит лишь немножко поднапрячься, и барьер будет преодолен. И я им тогда искренне поверила и с усердием взялась за дело.

Как вы знаете, сахарные мои коврижки, перед постоянным вживлением чипа вы проходите обязательную процедуру примерок, по итогам которой вам подбирается максимально подходящий вам чип, которым вам проще всего управлять, с которым вам удастся-таки подружиться.

Еще до получения лицензии на писательскую деятельность я подумывала, чем бы мне заняться в этой жизни. Годы обучения бежали, некоторые из моих однокурсников были успешно чипированы, и я никак не хотела отставать и, сцепив зубы, принялась всячески над собой измываться. Я явилась в центр чипизации и доблестно сдалась в умелые руки специалистов. Начались долгие и изнурительные примерки.

Думаю, многие из вас проходили через них, но многие пока не решаются, а кому-то это предстоит в ближайшие дни. У кого-то, возможно, не получилось вживление так же, как и у меня. Наверное, для вас я и пишу всю эту банальную, в общем-то, историю.

Для первой примерки меня подключили к какому-то гигантскому прибору и управляли моим чипом извне. Убедившись в его работоспособности, меня начали обучать взаимодействию со своим новым «другом». Насколько я поняла процедуру, команды чипу отдавались мозгом в точности так же, как любой части тела — руке или ноге. Сложность состояла в том, чтобы отловить сам момент «команды», зафиксировать его в памяти и воспроизвести то же самое уже для чипа — вначале медленно, а затем довести до того

же автоматизма, который достигается при ходьбе или написании текста. И вот на это мы с чипом и сломались. Мне никак не удавалось поймать за хвост собственный мозг, заставляющий мои ноги передвигаться, а пальцы — набирать текст на клавиатуре. Мне внутри меня казалось, будто ноги сами принимают подобное решение, как, собственно, и пальцы, будто мозг — всего лишь наблюдатель, а никак не оператор, не центр управления. После долгих безуспешных попыток чип так и оставался в моей голове лишь бесполезным куском наносиликона, который извлекли из меня, в недоумении разводя руками. Сама для себя собственную беспомощность я попыталась списать на давешнюю ЧМТ и пообещала себе потренироваться отлавливать сигналы, исходящие из мозга, но тут же благополучно об этом позабыла, так и оставшись старомодной дамой с экранами, планшетами, клавиатурами и смартфонами.

Успокаивает меня только то, что нас таких много. И пока мир наш адаптирован как к продвинутым, так и к отсталым слоям населения, мы будем продолжать коптить это небо пыльными выхлопами из вентиляторов наших ноутбуков, гремя клавишами, из-под которых периодически придется выгребать крошки, и страшно, до позеленения завидуя тем, у кого с чипами подружиться все-таки вышло. Ибо меня и до сих пор посещают жуткие мысли о том, что и у меня могло бы это получиться, постарайся я чуть настойчивее. Что всему виной моя природная лень, а отнюдь не гуманитарный склад ума, и тем более не ЧМТ.

Ну а вторая причина заключается в том, что я просто боюсь пихать себе что-то в голову.

Катя удовлетворенно потерла ладони и щелкнула пальцами, отключая голограмму с текстом. В виде вводной развлекательной статейки вполне потянет. И рухнула на кровать, погружаясь в чтение первой попавшейся ей записи Меркулова. Текст начинался явно откуда-то с середины, но отыскать исходную тетрадь было трудно — записи не датировались, поэтому Катя нахмурилась, но продолжила чтение, надеясь со временем вникнуть и попытаться разобраться хотя бы в малой части текста.

Согласно первоначальным расчетам, по которым планируется запускать производство пробного образца, реформатирование сознания должно происходить практически моментально. Точнее, для стороннего наблюдателя изменения, произошедшие с испытуемым, не займут, вероятно, и секунды, но вот что переживет в этот миг сознание самого испытуемого, остается пока для меня загадкой. Именно для ее разрешения и набираются контрольные группы в Англии, Индии и Бразилии. Прежде чем запускать прибор в массовое производство, необходимо понимать, с чем нам придется столкнуться и не вызовет ли столь резкое реформатирование массового помешательства. Мы уже чрезвычайно рискуем, начиная эксперимент со столь многочисленными группами добровольцев, однако, мои расчеты не могут дать сбой, слишком много лет было потрачено на их выведение и корректировку.

Согласно имеющимся договоренностям, я буду лично присутствовать при производстве четырех пробных приборов, а также на мне лежит обязанность сформировать группу добровольцев в Советском Союзе. Мы никак не можем остаться в стороне, когда другие страны с такой готовностью откликнулись на наш запрос.

Безусловно, всей правды о целях исследования мы не могли раскрыть даже Индии с Бразилией. Если уж по-крупному, то и из моих коллег, входящих в группу наблюдателей, о

целях этих не знает никто. В официальном заявлении говорится об общем снижении уровня агрессии в целом по популяции, что в перспективе прибор благотворно повлияет на развитие общества и взаимоотношения между людьми. Такая размытая формулировка не вызывает лишних вопросов даже у самых высокопоставленных товарищей. В их умах, вероятно, сразу рисуются образы законопослушных и трудолюбивых рабов, покорно переносящих любые изменения к худшему. Закрадись хоть малейшие сомнения в их головы, заподозри они хоть что-нибудь, уж, по крайней мере, Англия точно завернула бы этот эксперимент в самом истоке. И я прекрасно осознавал перспективы и возможные последствия, когда формулировал «показания к применению» прибора и желаемые результаты его работы.

Для краткости во всей сопроводительной документации он обозначается отныне как «прибор ЗАМ-1» — таким образом, наша наука решила прославить его создателя, то есть меня. К началу серийного выпуска название наверняка будет доработано, и ненужная аббревиатура с моим ФИО скорее всего исчезнет, что будет только к лучшему — какая разница, кто именно сумел правильно воспользоваться наработками прошлых лет, чтобы направить их на исполнение самых сокровенных желаний всего человечества?

Далее следовало многостраничное полотно громоздких формул, изредка сопровождавшихся красными и весьма эмоциональными пометками на полях вроде:

Демонстрационная версия, помнить об этом!!!

Пройден тест Тьюринга, вся документация у Озерова

Закон Марцева?! (еще раз все просчитать)

Продублировать на диск

Дать на проверку Казарцеву

На данной фразе Катя вздрогнула и перевела взгляд на основной текст. Она никогда прежде не увлекалась физикой и благополучно забыла всю школьную программу буквально в первый же год учебы в университете на искусствоведа, и все равно формулы показались ей несколько странными. Кто вообще такой этот Казарцев? Тоже физик? Но тот утверждал, что он простой экономист. На вид ему было никак не больше сорока, и к моменту его появления на свет мир уже обрел те формы, что имеет сейчас. Получается, он никак не мог быть соратником Меркулова. Или...? Катя нахмурилась. В последние десятилетия медицина сделала огромный шаг вперед, и как раз после сорока старение организма постепенно притормаживалось. Повсюду говорили о новых революционных открытиях, в перспективе способных радикально продлить жизнь, поэтому и Меркулов нынче отнюдь не считался долгожителем, да и судя по последним его фотографиям, которые Катя сумела накопать в сети, и сам перед смертью выглядел едва ли старше 50. Выходит, Казарцев вполне мог принимать некое косвенное участие в разработках дяди, поэтому именно ему Захар Александрович в итоге и доверил свои старые записи.

Звонить самому Казарцеву Катя не решилась — если он изначально представился соседом, значит, особенного желания распространяться о своей роли во всей этой истории у него не было. А если роль эта все-таки существовала и была сыграна, значит, следы ее легко можно было обнаружить. Поисковик моментально выдал длинную статью про Казарцева Михаила Андреевича, которому на сегодняшний момент и вправду было уже за 100. Он прекрасно сохранился, вероятно, исключительно благодаря тому, что не игнорировал открытия медицины последних десятилетий, а активно пользовался ее достижениями, в отличие от своего соратника. Судя по информации, указанной в словаре, Казарцев получил

экономическое образование, и именно к нему в свое время обратился за консультацией Меркулов, давно забросивший на тот момент физику и увлекшийся общественным преобразованием.

Давно забросивший физику? Катя нахмурилась и снова перевела взгляд на открытый разворот тетради. Записи были сделаны еще в годы существования Советского Союза. Имелась вероятность, что комментарии на полях добавлялись уже позднее, но это как минимум свидетельствовало о том, что никакую физику Меркулов не забрасывал и обсуждал свои наработки с Казарцевым. Либо о том, что Казарцев появился в его жизни значительно раньше сроков, упомянутых в статье словаря.

Впрочем, не все ли ей равно? Катя усмехнулась собственной подозрительности. Во всей этой истории ее интересовал всего один вопрос: почему она? Зачем ей нужны кипы бумаг с текстом, добрую половину которого ее мозг просто не в состоянии переварить, а информации из второй половины явно недостаточно для формирования верных выводов о роде деятельности ее дяди. Ну разрабатывал он какой-то прибор, ну собирался тестировать его на группе добровольцев... Судя по всему, как раз в тот момент случился развал Советского Союза, отменились госзаказы и госзакупки, предприятия встали, и собственные эксперименты Меркулову провести так и не удалось. Вот он и переключился на экономику, подружился с Казарцевым и... получается, падение страны, ставшей отдаленной бледной тенью, своего рода слабым предтечей нынешнего отчества, и зародило в дяде стремление все исправить.

Катя пролистнула несколько страниц скучных формул и снова принялась вчитываться в текст.

Согласно этим выкладкам, нестабильность ДНК, спровоцированная туннельным эффектом, заставляет мозг человека работать совершенно иначе, более революционно. По сути, ЗАМ-1 при благоприятном раскладе сможет перевести человечество на новую эволюционную ступень развития. Если только все сложится как нужно. Неделю назад были произведены четыре пробных образца, и три из них сразу же были отправлены в указанные выше страны для тестирования, в соответствие со всеми предварительными договоренностями. Англия и Индия уже подтвердили получение приборов, обратной связи от Бразилии пока нет, и это вызывает у меня некоторое беспокойство. Создание ГКЧГ также не добавляет оптимизма ситуации в целом. Поговаривают о предстоящем на днях госперевороте, и это может поставить под угрозу наши исследования, но Озеров отказывается переносить дату начала испытаний на более ранний срок. Мы все еще продолжаем беседовать добровольцев. Их не так много в условиях нестабильной ситуации в стране. Многие боятся совершать лишние телодвижения, а кто-то и просто не верит в научный потенциал умирающей страны.

Если мы не успеем, это станет провалом дела всей моей жизни.

Следующий блок записей начинался уже на следующей странице. Использовались явно другие чернила, и Катя сделала вывод, что у Меркулова не было ни сил, ни желания освещать мрачные события, повлекшие за собой развал страны и полную остановку производства. Новые записи начинались довольно резко и сухо и мало напоминали дневниковые.

Из отрицательного — наши испытания так и не были стартованы, добровольцев распустили, поскольку и сам институт находится на грани закрытия. Нам всем приходится искать новую работу и никак не в сфере науки. Озерову поступило предложение

эмигрировать в США, он зовет с собой и меня, но если бы я куда и подался сейчас, то только в Англию, но оттуда перестала поступать хоть какая-то информация касательно испытаний прибора. Неужели они все поняли и уничтожили его? Эта мысль не дает мне покоя, но ответов даже на официальные запросы руководства пока еще существующего института мы не получаем. Вероятно, они не считают нужным поддерживать связь с погибшей страной, поскольку туннельный эффект не до конца изучен, и последствия его активации как раз и проверяются ЗАМом.

В Индии исследования свернули сразу же — мы не успели перевести им аванс, а сами они не посчитали нужным вложиться в испытания прибора, способного подарить мир и благоденствие всему человечеству. Для них это всего лишь безжизненная теория, формулы на бумаге.

От Бразилии мы получили очень противоречивые сведения, которые вот уже несколько дней не выходят у меня из головы. Самолет с прибором пропал с радаров, находясь прямо над сельвой — всего в нескольких сотнях километров к юго-западу от Рио — и так и не прибыл в аэропорт. Упал ли он в дикие джунгли или был перехвачен самолетом США, которые не так уж и редко появляются в небе над Латинской Америкой? Мы никогда этого не узнаем. Если ЗАМ-1 попадет в лапы ЦРУ, то ни о каких исследованиях в ближайшие десятилетия и речи быть не может. Что пропустила МИ-6, ЦРУ разберет по винтикам и отправит на анализ в Кремниевую долину. Непременно узнает и про английский и индийский образцы, отберет и их. С делом всей жизни и правда пока придется попрощаться. США вряд ли станет афишировать получение столь важной улики против уже уничтоженного СССР. Но уж они-то точно сумеют разгадать принцип действия, попытаться воспроизвести его, расшифровать данные и навсегда наложит запрет на все исследования в этом направлении как у себя в стране, так и по всему миру. Остается надеяться на то, что это всего лишь мои додумки и страхи. В конце концов, сельва дика и безгранична, кто знает... Необходимо придумать правдоподобную версию. В конце концов, последствия туннельного эффекта просчитать пока невозможно, а влезть ко мне в голову им не получится. Если еще и Озеров устоит, тогда можно даже пробовать обращаться к ним за помощью. Нам очень не хватает производственных мощностей. Возможно ли обмануть Кремниевую долину? А почему бы, собственно, не попробовать?

Бразилия, впрочем, не подтверждает информацию о перехвате, что само по себе уже хорошая новость. Куда бы ни пропал тот самолет, пусть даже сгинул в дебрях Амазонки, это для него куда лучшая судьба, чем оказаться в руках ФБР. И это значит, у мира еще остался призрачный шанс, поскольку, судя по отрывочным сведениям, доходящим до нас из Англии, свой образец ЗАМ-1 они пока отправили пылиться на склад, явно не восприняв серьезно наши исследования. У нас еще есть шанс.

Катя отложила тетрадь в сторону. С тех пор прошла уйма лет. Наверняка информация о местонахождении пресловутого самолета давно просочилась и стала достоянием общественности. О каком бы шансе ни писал Меркулов, для него это явно было важно на тот момент. Вероятно, тогда еще Казарцев не заразил его новыми экономическими теориями.

В поисковик полетел неуклюжий запрос «самолет пропал с радаров Бразилия 1991». Информации выпало не так много — вероятно, мало кого эта проблема волновала тогда так же сильно, как Меркулова. Результаты не радовали многообразием. Если точнее, результатов этих почти и не было — так, скудные сводки о перелетах в Бразилию за тот печальный год. Катя хотела было вырубить голограмму и продолжить чтение дядиных записей — уж он-то

наверняка постарался выяснить максимум информации о пропавшем самолете, но тут взгляд ее привлекла странная статья в самом низу страницы с результатами поискового запроса. Называлась она, впрочем, вполне буднично «Загадочный культ в джунглях Амазонки».

Катя открыла статью и погрузилась в чтение, совершенно забыв про самолет и изыскания Меркулова. Амазонка, сельва и Латинская Америка в целом давно были ее страстью, и именно туда она время от времени подумывала махнуть даже не для блогерских целей, а так, для души. В нынешних условиях перелет отнимал вряд ли больше часа, и проблема заключалась лишь в подготовке к самой экспедиции — даже спустя все эти годы джунгли оставались все столь же непроходимы. Только это и останавливало Катю от немедленного прыжка в аэротакси: в джунглях сельвы не найти распределительного центра, а в объятиях анаконды бесполезно искать гуманности. Но все же статьи про приключения прочих смелых и хорошо подготовленных туристов она, тем не менее, периодически пролистывала, мечтая и сама когда-нибудь написать что-то подобное. Поэтому результат ее нечаянного поискового запроса так привлек ее внимание.

В статье, написанной несколько лет назад, буднично рассказывалось о том, что джунгли с годами ничуть не поредели ни по части флоры, ни тем более по части фауны. Что оказаться в них все так же опасно — отойдешь на несколько сотен метров вглубь, и никакие достижения цивилизации могут уже не помочь тебе. Хотя, иметь дело с дикими животными все же не так страшно — они предсказуемы и никогда сами не стремятся попасться тебе на пути. В сельве куда опаснее встретиться с остатками туземных племен, все еще изредка встречавшихся в отдаленных уголках планеты и ни в какую не желавших расстаться с привычным им образом жизни. Их не трогали, им позволяли существовать в комфортной для них обстановке, им оказывали помощь и аккуратно вмешивались только в случае крайней необходимости при возникновении конфликтов или жестоком обращении жителей племени друг с другом. Вели учет их численности и знали все племена наперечет. И вот в тех самых джунглях сельвы числилось как раз самое, пожалуй, новое племя из всех существующих. Время его появления там относили к концу 20 века, а если быть совсем точным — самое начало 90-х — 91 или 92 год. Проживало оно километрах в трехстах к юго-западу от Рио — и вот на этом моменте Катя вдруг остановилась и схватила тетрадь Меркулова, пролистывая назад его записи. Самолет, перевозивший тот самый прибор ЗАМ-1, пропал над сельвой как раз летом 1991 года. В нескольких сотнях километров к юго-западу от Рио, поскольку направлялся через Тихий океан. Так тогда власти, вероятно, посчитали безопаснее. По странному совпадению тогда же или чуть позже примерно в той же местности буквально из ниоткуда возникло вдруг совершенно новое туземное племя, решившее освоить новые области сельвы. Судя по статье, дикари прочно там обосновались, никого к себе не подпускают и практикуют странный культ, суть которого уловить не удалось. Намеркалось лишь на то, что у туземцев откуда-то взялись предметы обихода цивилизованных людей, как было замечено с дронов, самыми странными из которых показались кресла. Откуда они взялись в джунглях Амазонки, оставалось неясно, впрочем, официальных исследователей интересовал лишь вопрос уживаемости туземцев друг с другом и с прочими племенами, а, пока они не доставляли друг другу дискомфорта, их не трогали и в отправление их культов не лезли. Суть самого культа в статье не разглашалась, да и написал ее один из многочисленных блогеров, который в финальном абзаце сообщал своим читателям, что намеревается лично отправиться в сельву и познакомиться с дикарями. Датировалась статья позапрошлым годом, более свежих статей автор пока не написал.

Катя задумчиво щелкнула пальцами, отключая голограмму. Кажется, теперь она знала, куда направится за дополнительным материалом для планируемой книги.

Глава 3

До глубокой ночи она рылась в интернете в поисках дополнительной информации по снаряжению, необходимому для безопасного пребывания в сельве, наконец, плюнула и устало пробормотала:

— Дядь Валь, помоги, а...

В тишине комнаты тут же раздался старческий надтреснутый голос:

— Чего тебе, Катюха? Давненько что-то ты со мной не болтала.

— Да ладно, всего пару дней. Ты ж знаешь, я к тебе только в крайней нужде.

— Ну да, ну да. Самостоятельная дюже, знаем. Чего стряслось-то?

— В джунгли Амазонки хочу рвануть. Появилась одна идейка у меня. Можешь помочь маршрут проработать и подобрать все необходимое для поездки? Ну снаряжение там, проводника найти. А я пока посплю, глаза слипаются...

— Ну вот, опять не поболтаешь со стариком. Чего ты в этих джунглях забыла-то?

— Ну я же блогер. Пишу статьи о своих поездках, а сама давно уже нигде не была. Самое время сгонять куда-нибудь, мир посмотреть.

— Там же опасно, — проворчал голос из пустоты.

— Вот поэтому я и обратилась за помощью к тебе. Без тебя мне точно не обойтись, сама не справляюсь, — принялась канючить Катя, скидывая с постели плед и заворачиваясь в теплое пуховое одеяло.

— Ладно, иди дрыхни пока, разберемся и без тебя, — буркнул голос и затих.

— Спасибо, дядь Валь, — прошептала Катя, выключая ночник, но никто ей не ответил. — Дядь Валь?

— Ну, чего тебе еще?

— Спасибо, говорю. Ты мой лучший друг.

— Ну да, ну да, только почему-то ты своему другу-то лучшему ни слова не сказала ни про бумаги дяди этого новообретенного, ни про Казарцева...

— Я уже и не удивлена, что ты за мной постоянно следишь, — усмехнулась Катя, прикрывая веки. — Смысл тебе что-то рассказывать, когда ты и так все обо мне знаешь лучше меня самой?

— Ну, поделиться эмоциями, обсудить... разве не так поступают друзья?

— Дядь Валь, давно тебя хотела спросить: а ты правда испытываешь эмоции, как везде пишут, или это всего лишь имитация?

— Будь я человеком, Катюха, я бы сейчас точно на тебя обиделся, — рассмеялся голос, — но искусственному интеллекту уровня 3.0 обижаться не положено по статусу. Хотя, если хочешь, я и правда могу все это сымитировать и весьма натурально.

— Ну вот, а говоришь — друг, делиться... — разочарованно протянула Катя, уже почти засыпая.

— Спокойной ночи, мелкая. С удовольствием потрепал бы тебя по голове, если было бы чем, — произнес голос в тишине, нарушаемой теперь лишь ровным дыханием уснувшей Кати.

Таких разговоров за последние пять лет у них было множество, и Катя не раз пыталась выяснить, ощущает ли что-то ИИ 3.0, который исключительно по ее запросу и желанию общается с ней голосом милого старикана дяди Вали — имя тоже выбрала Катя. В нем не

было ни капли фальши, и она ощущала подкоркой, что и машина ничего не имитирует, а лишь подтрунивает над своей «внучкой», как тот ее иногда называл.

Цифрового помощника мог в современном мире получить абсолютно каждый. Для бытовых нужд вполне хватало коэффициента машинного интеллекта 3.0, то была максимально возможная планка. Выше этого уровня начинались уже профессиональные мозги, требуемые на производстве и в научной сфере. А выше коэффициента 10.0 пока в принципе ничего не существовало. Тест Тьюринга проходили даже скромные роботы с показателем 0.1. Всем этим множеством локальных программ управляла огромная разветвленная, но при всей своей громоздкости чрезвычайно лабильная и высокоскоростная сеть с высшим коэффициентом из всех возможных — 10.0.

Иногда Катя наталкивалась на старые фильмы, предсказывающие победу машинного разума над человеческим, где роботы в итоге захватывали мир, стремясь либо уничтожить человека, либо полностью подчинить его себе. Вероятно, создатели таких творений, как и все люди в целом, сочиняя подобное, судили исключительно по себе, представляя, что, если им пришлось бы столкнуться с чужеродным разумом, они бы точно попытались стереть его с лица земли. Вот бы поразились создатели подобных антиутопий, если бы дожили до настоящего момента. Последней мыслью, мелькнувшей в безнадежно засыпающем сознании Кати, было воспоминание о пометке Меркулова на полях записей, сделанных явно в 1991 году — *«пройден тест Тьюринга»*.

— Дядь Валь, когда был впервые пройден тест Тьюринга? — прошептала, возможно, уже во сне Катя.

Про историю создания ИИ и его роль в жизни современного общества Катя не знала почти ничего. Она родилась в эпоху, когда все в мире было завязано исключительно на ИИ, все управлялось, все было ему подчинено. Подчинено, разумеется, не в прежнем полурабском человеческом смысле. Как в прошлые века люди искренне полагали, что без воли божией и волос с головы не упадет, примерно ту же власть в века нынешние имел искусственный разум. Вот только в отношении бога и его влияния на окружающую действительность всегда железно действовал принцип антропоморфизма, потому отчасти и не прижилась религия в новом обществе и отмерла на очередном цивилизационном витке, отсохла и отвалилась, как рудимент прошлого. В боге люди все равно так или иначе видели человека — сверхразумного, сверхмилосердного (а кто-то и напротив — сверхжестокого), всемогущего, но все-таки человека — страстного, мстительного, карающего и милующего, интересующегося жизнью существ, стоявших несоизмеримо ниже него самого на лестнице эволюционного развития. Если и существовал где-то в необозримых высотах какой-то вневременной абсолют, создатель всего и вся, вряд ли он хоть в чем-то напоминал собой человека, а потому и описан в понятиях человеческих попросту быть не мог. Поэтому и размышлять на его счет не имело никакого смысла. С машиной ситуация вышла совершенно обратная. Спустя долгие годы стараний человеку удалось, наконец, создать независимый разум, ни в чем не уступающий его собственному, мыслящий самостоятельно и потенциально бессмертный и неуязвимый, поскольку на определенном этапе своего развития — уже на уровне 1.0 — ИИ в зародыше способен был пресечь любую хакерскую попытку покушения на его целостность и работоспособность. И вот уже этот разум, в отличие от воспринимаемого людьми божественного, в полной мере был чужеродным и лишенным субъективности, предвзятости. В условиях отсутствия гормонального фона, жажды выживания, питания и размножения интеллект, изначально построенный на основе

нейронных связей обычного человеческого мозга, стал мозгом надчеловеческим, встав сперва вне рамок нашего сознания, а затем и вознесшись над ним.

Процесс шел постепенно, хоть и довольно быстро, и люди успели привыкнуть к факту наличия чужеродного сознания, а, начиная с версии 2.0, ИИ уже самостоятельно занимался собственным развитием и самосовершенствованием, что выглядело в целом довольно логично — в конце концов, человечество тоже эволюционировало всегда только самостоятельно, без помощи инопланетян и богов, как бы кому ни хотелось верить в обратное.

Это было все, что Кате в свое время удалось извлечь из очередной статьи энциклопедии для своей собственной очередной статьи, и она вполне довольствовалась этими сведениями. Судя по той же статье, в первые годы работы над созданием ИИ, машины заставляли проходить тест Алана Тьюринга, согласно которому определялось, в состоянии ли машина имитировать человеческое мышление и ввести тем самым в заблуждение других людей. Первым задокументированным случаем прохождения подобного теста стал некий Женя Гозман, обведший вокруг пальца как раз требуемые 30 % тестируемых. И было это в далеком 2004, а никак не в 1991. Меркулов ошибся? Или Катя недостаточно хорошо подготовилась к написанию давешней статьи?

Утром, едва она только смогла оторвать голову от подушки, как ее встретил скрипучий голос дяди Вали:

— Доброе утро, красавица. Все твои задания давным-давно выполнены, а ты все спишь. Я даже чай тебе вскипятил.

— А вот это лишнее, договаривались же, — сладко зевнула Катя, медленно потягиваясь.

— Знаю, знаю. Тебе претит выглядеть беспомощной барышней с мозговитым роботом в услужении. Но я просто хотел сделать тебе приятное. Ты вчера так устала. Считай, что это просто проявление заботы.

— Ладно, спасибо. Так что там с заданиями-то?

— Начну с последнего. Тест Тьюринга впервые был пройден в 2004 году. Но это, как ты понимаешь, на тот момент была уже просто пустая формальность. На него уже давно никто не ориентировался, поскольку умение обмануть собеседника никак не свидетельствует об осознанности мошенника.

— И это значит...? — Катя спрыгнула с постели и накинула халатик.

— Да ничего это не значит. В реальности ИИ мог появиться когда угодно. Собственно, так и произошло. Появился он гораздо раньше 2004 года. Поэтому и тест Тьюринга твой...

— Мог быть пройден гораздо раньше?

— Даже если и так. Он давно уже не считается хоть сколько-нибудь значимым показателем осознанности процессов, протекающих в электронных мозгах.

— А тогда, в конце 20-го века тоже не считался? — Катя прошлепала на кухню и с нескрываемым теперь уже удовольствием плюхнулась на стул и отхлебнула из кружки горячего чая. — Спасибо за чай, дядь Валь. Обалденный!

— Тогда, разумеется, тоже многие его критиковали, но при проверке работы машин все равно ориентировались по большей части на него. И прохождение теста Тьюринга в те годы стало бы настоящей сенсацией.

— Хм. Ясно, — Кате не было ничего ясно, но ее мало интересовала эта история. Когда бы не был создан этот пресловутый ИИ, сейчас он прекрасно и бесперебойно работает, ничего большего ей от него и не было нужно. — А с джунглями как дела?

— Все в полной боевой готовности. Можно выезжать хоть прямо сейчас.

— Мда? Спасибо, дядь Валь.

Вчера все закрутилось как-то уж чересчур быстро: Катя вдохновилась странной малоинформативной статьей, вспомнила о своей давней страсти и в одночасье решила мчаться на край света реализовывать мечту о джунглях. А стоило ли в принципе предпринимать столь резкие движения? Она ведь хотела еще полистать записи Меркулова, поконспектировать их для будущего романа, поразмышлять, наконец, начать делать наброски... А никак не лететь в неудобную сельву, полную гигантских комаров и чудовищных анаконд. В конце концов, для этих целей у нее вся жизнь впереди.

Катя допила чай и достала рукоделие: хотелось сначала собрать еще пару украшений, а потом снова приняться за записи. Дядя Валя не встречал: когда-то давно они договорились, что советы он будет давать только по просьбе Кати. Иногда, правда, договоренность эту он грубо нарушал, но только в крайних случаях, где его вмешательство и вправду могло оказаться полезным, но сейчас он и сам, вероятно, решил дать ей возможность побыть одной и подумать над тем, а стоит ли лететь на другой континент непонятно ради чего, когда тут простаивает дело всей жизни ее знаменитого дяди.

Она перебирала бусины, нанизывая их на леску, но мысли продолжали крутиться вокруг записей. За вчерашний день она успела заинтересоваться событиями восьмидесятилетней давности и хотела, по крайней мере, дочитать часть, относившуюся к судьбе пропавшего в Бразилии самолета. Поэтому недоделанное украшение пришлось отложить. Она снова потянулась к тетради, схватив ее за ломкий корешок, дернула со стола, потянув к себе на колени, и в этот миг что-то выпало из нее и, немного покружившись, приземлилось на пол. Какой-то небольшой листок, хранившийся, вероятно, между страницами тетради. Катя наклонилась, подобрала его с пола, развернула, да так и замерла, не успев дочитать короткую записку до конца:

Я, Меркулов Захар Александрович, двадцати семи лет, находясь в здравом уме и твердой памяти, действуя добровольно, без чьего бы то ни было принуждения, решаю свести счеты с жизнью. В смерти моей...

Рука сама дернулась, отбрасывая предсмертное письмо в сторону. Дядя... планировал покончить с собой? Разумеется, он этого не сделал, но тогда зачем же он сохранил эту записку, в которой по сути даже для Кати, еще только накануне начавшей знакомиться с ситуацией, не содержалось никакой принципиально новой информации?

После записки в тетради не содержалось больше никаких записей. Запиской она, вероятно, и заканчивалась. По иронии судьбы Катя начала читать работу с конца. Хотя такой расклад показался ей совсем уж невероятным. Не мог же Меркулов резко прекратить вести записи именно в день предполагаемого самоубийства и не написать более ни строчки. Катя достала убранный в ящик стола пачку тетрадей и пролистала каждую. Даты попадались довольно редко: дядя вел дневники весьма хаотично, далеко не всегда вспоминая о необходимости датировки. В конце концов, это были его рабочие черновики, а не просто дневники барышни прошлых веков. Но и по этим скудным данным Катя имела возможность убедиться в верности своего странного предположения: Меркулов прекратил конспектировать свою работу в августе 1991 года.

Впрочем, у нее оставался еще диск с электронными файлами, который она так и не достала из смартфона. Щелчок пальцами у лица, и Катя принялась за изучение содержимого. И вот уже здесь информация была строго сгруппирована по папкам, правда,

обозначались они не годами, а тематикой. И Кате пришлось потратить пару часов на то, чтобы разобраться в датах создания каждой из работ. После пресловутого августа 1991 г. все дневниковые записи обрывались, как и в их письменной версии. Черновики, которые могли быть написаны позднее, также не обнаружилось. Зато в достатке были официальные публикации в самых разных научных журналах. Их тут был целый вал, но ни одной живой человеческой записи, ни одной пометки, ни одной секретной запароленной папки. Все кристально чисто, выхолощено, как абсолютный дистиллят.

Катя задумчиво почесала переносицу. В любом случае, следовало прочитать все содержимое диска. Если дядя хотел, чтобы она с ним ознакомилась, она это сделает. В конце концов, судя по всему, работа эта имела для Меркулова колоссальное значение, раз он готов был свести счеты с жизнью, когда понял, что никогда не сможет реализовать свои наработки на практике. Может быть, у нее получится понять, что же его остановило, хотя так и подмывало набрать номер Казарцева и как следует его допросить на предмет столь чудного поведения дяди.

— Дядь Валь, — снова позвала она своего единственного постоянного собеседника.

— Опять разбудила старика? — проворчал ИИ.

— Вот представь такую ситуацию: жил себе ученый, работал над созданием какого-то прибора, всю жизнь этому посвятил. А потом вышло так, что всю его работу свернули, не дали провести испытания, опытные образцы прибора уничтожили или отправили пылиться на склад. И ученый так тяжело воспринял этот удар судьбы, что решил покончить с собой. Уже даже письмо прощальное накатал. А потом вдруг передумал и переключился на совсем другую тему, даже в другую научную сферу подался с тем же пылом и рвением.

— Это в какую же?

— Ну был физиком, а тут резко увлекся экономической теорией и начал совершать в ней открытия не меньшие, чем по своей основной специальности.

— И это без образования, без необходимых знаний?

— Ну, знания-то он мог и самостоятельно получить... — протянула Катя. — И все равно это звучит как-то уж слишком из ряда вон что ли... Ты как думаешь? Что с ним такого могло произойти, что такой переворот свершился в его сознании?

— И он совершенно забросил старую работу? Совсем забыл о ней, отложил ее — несмотря на то, что еще недавно был готов покончить с собой из-за невозможности ее продолжить?

— То-то и оно, — кивнула Катя.

— А это точно один и тот же человек? — выдал вдруг дядя Валя.

Катя снова, в который уже раз, перечитала словарную статью, посвященную Меркулову. Краткое упоминание об основном образовании и первом месте работы. Ни слова о разработке прибора, завершившейся вместе с падением СССР, и километровое полотно посвященное экономическим теориям, столь успешно реализованным Захаром на практике. Играть в детектива не хотелось, это бы отняло уйму времени, а что Катя получила бы взамен? Информацию о хитросплетениях ума и души человека, который хоть и имел огромное значение для мира сегодняшнего, однако, уже умер и мало чем мог помочь Кате как с написанием романа, так и с запланированной поездкой в Бразилию.

— Дядь Валь, так что там со снаряжением? — Катя отключила голограмму, решив заняться более насущными вещами. — Мне вообще стоит туда ехать? Есть шанс, что я останусь в живых?

— Безусловно. В твоём распоряжении будут высококлассные проводники, которые с огромным удовольствием трудятся в этой сфере уже многие годы. Весь маршрут займет не более нескольких дней. Максимум неделю — и ты снова будешь дома, — радостно отрапортовал бодрый старческий голос.

Катя давно перестала задавать себе вопрос о природе возникновения этого голоса. От физических динамиков индустрия машинного разума избавилась лет около двадцати назад, и звук, рождаемый любой из форм ИИ, в чем-то имел природу голограммы — был скорее иллюзией звука, чем самим звуком как таковым. Впрочем, и нынешняя голограмма мало чем напоминала своих предтеч эпохи капитализма. Строго говоря, разумеется, ей нужен был некий источник, испускающий фотоны, но он мог быть сколь угодно крошечным и располагаться где угодно, скорость света позволяла голограмме при этом всегда возникать именно там, где ее запрашивал пользователь — перед глазами, на полу, на потолке — для ее существования не требовалось ни экранов, ни рамок, ни даже проекторов. Электронное устройство скорее посылало некие импульсы электромагнитному полю, в котором и возникало бестелесное изображение, столь же легко подчиняющееся прикосновениям и прочим манипуляциям пользователя, как и гораздо более громоздкий и менее функциональный сенсорный экран, все еще находившийся в ходу у любителей ретро.

Со звуком была схожая история. Звук исходил не из телефона на столе, не из динамиков монитора компьютера и даже не из чипа в мозгу у тех, кто шел на его вживание. Они лишь отдавали команды электромагнитному полю, и оно безмолвно подчинялось, рождая словно бы из ниоткуда картинку и звук. Оно способно было имитировать и запахи, но такая услуга редко пользовалась спросом, большинство предпочитали запахи натуральные, а голограмму и звук использовали в сугубо утилитарных целях — общение с ИИ, прослушивание музыки, просмотр фильмов, поиск информации. Для ужина при свечах использовались самые обычные свечи без всяких там голограмм, запахов плавящегося воска и звука потрескивающего пламени. Такие иллюзии были популярны в первой четверти 21 века, но к настоящему моменту безнадежно устарели. Впрочем, и само понятие моды успело устареть. Каждый жил так, как хотелось только ему, и его потребности удовлетворялись в той же мере, как если бы такой запрос исходил от большинства населения планеты.

— Всего неделю? — пробормотала Катя. — Маловато. Впечатлений хочется все же чуть больше. Поездить бы по стране, пообщаться с людьми. Если я хочу написать что-то хорошее... Слушай, а трейлер ты мне сможешь достать? — осенило вдруг Катю в одночасье, и она расплылась в довольной улыбке.

Глава 4

— С трейлером куда удобнее будет отправиться в Англию или Индию. Там ты тоже еще не была, — менторским тоном пробубнел дядя Валя. — Тем более, что и там твои приборы пропали без вести. Правда, уже после приземления и доставки в НИИ.

— Чтооо?! — едва не поперхнулась от такой наглости Катя. — Ты за мной подсматриваешь что ли?!

— Старческое любопытство, — усмехнулся ИИ. — Или машинное, если такой вариант тебя злит чуть меньше. Одним словом, заинтересовали меня эти записи не меньше тебя, вот и порылся в сети немного. Правда, информации исчезающе мало, но для наживки достаточно, пожалуй.

— И что же с приборами произошло там? У Меркулова об этом вообще-то ни слова!

— Ну, это потому что приборы там благополучно доставили по месту назначения, о чем и доложили в СССР, а уж только после этого и началась вся эта катавасия. В Англии прибор был похищен спустя несколько дней — предположительно сотрудником НИИ. Но поскольку заказ от Союза отменился, никто и не почесался разыскать его. А вот в Индии — после отмены заказа — прибор перекочевал в ашрам к какому-то влиятельному гуру, и на этом след его затерялся: абы кого вайшнавцы в тот ашрам не пускают. Да и, опять же, никого эта история на тот момент уже не интересовала, в мире было полно других проблем.

— Англия слишком близко, — помотала головой Катя. — И куда я там поеду?

— На родину Битлз, — продолжал настаивать дядя Валя. — Лондон, Ливерпуль. Тебе же нравилась их музыка, разве нет?

Катя лишь махнула рукой:

— Нравилась. И нравится. Но мне хотелось бы впечатлений посерьезнее.

— Индия! Чем не вариант? Если так хочется путешествовать именно на трейлере, можно двинуться напрямиком из дома. Займет уйму времени. Впечатлений получишь массу. И никуда не нужно лететь.

— Трейлер ведь можно достать и в Бразилии, там же еду со снаряжением забрать из распрецентра. Ты уже разместил заказ?

— Пока только подобрал позиции, — голос машины звучал совсем уж угрюмо.

— Дядь Валь? Ну ты чего, а?

— Опасно в этих твоих джунглях. Решит на вас анаконда напасть, никакой проводник не спасет. Плюс насекомые эти чудовищные — отложат личинки тебе прямо в голову. Я посмотрелся видеоотчетов других отчаянных туристов!

— Я все прививки сделаю, буду каждый день инсектицид колоть. Да и... со мной же все время будешь ты, а? Ты же меня подстрахуешь. Если потребуется, вызовешь подмогу. И анаконду заметишь быстрее любого проводника. Разве нет? С тобой мне нечего бояться. И еще. Я тут подумала... раз уж у меня будет трейлер и куча распрецентров по пути... почему бы мне не прокатиться по всему континенту, а? Посмотреть на США, Мексику, Перу, наконец. Я же там тоже никогда не была. А по пути продолжу писать путевые заметки и роман начну.

— Сумасшедшая, — коротко бросил ИИ.

— Ну а чего мне бояться, в конце концов? За рулем будешь ты. Заодно подучишь меня искусству вождения — времени будет вагон. Не думаю, что надо брать что-то из дома — на

месте сориентируемся по погоде и заглянем в ближайший распределитель. Что скажешь?

— Я просто развожу руками, — послышался недовольный голос дяди Вали. — Но что уж с тобой сейчас поделаешь.

— А я прыгаю тебе на шею и визжу от восторга, — улыбнулась Катя. — Забронируй мне место на завтрашний рейс до Нью-Йорка, а я пока почитаю, — и она взяла одну из тетрадей Меркулова.

Наконец-то, получен ответ и от Индии: они согласились стать четвертой контрольной группой, но выдвинули очень странное условие — изготовить прибор по их спецзаказу. Дескать, после положенного курса испытаний он будет передан в ашрам Ришикеша, а потому видом своим не должен нарушать общую гармонию внутреннего убранства. Лютый бред, но наши согласились на эти дикие требования, тем более что им это почти ничего не стоило. Меня, конечно, настораживает, что рабочий прибор спрячут подальше от людских глаз, но, если испытания пройдут успешно, нам уже будет все равно. Мы наладим массовое производство, и опытные образцы станут историей и только.

Ришикеш... Невероятное, конечно, совпадение. Но всякое, разумеется, бывает. Практически прямо из моих рук прибор отправится туда, где когда-то 23 года назад... Англия ведь тоже стала единственной из западных держав, кто откликнулся на наш запрос. От всех прочих мы получили категорический отказ или и вовсе ледяное молчание. У них, скорее всего, свои причины для согласия на эксперименты, но нам до этих причин нет никакого дела, важно, чтобы эксперимент в принципе стартовал, потом все остальные причины отойдут на второй план.

Сегодня в лабораторию прибыли части интерьера ашрама для подгонки под них прибора. Вместе с ними пришла и самая обыкновенная рама, нестандартного, впрочем, размера. Не знаю, зачем им еще и она, тем более что на ней нацарапано что-то неразборчивое, но заказ есть заказ. Придется один из приборов подгонять и под это недоразумение. Никак не могу справиться с волнением. Я уже взрослый человек, пора острого фанатизма давно позади, а все равно трясутся руки, и тело покрывается холодным потом. Возможно, их руки никогда и не касались конкретно этих обыденных вещей, но они их видели, они проводили долгие часы в том помещении. Мне достаточно уже одного этого. В НИИ никто не знает о моем детском увлечении и тем более о том, что оно и сейчас получило свое продолжение. На дворе эпоха гласности, западная музыка звучит отовсюду, но они останутся только со мной только в моем мире, в моей голове. И ничьи грязные руки, языки и помыслы не посмеют их коснуться.

Черт побери, как же лицемерно все это звучит. Я стремлюсь изменить природу человека, я иду для этого на все, разработка Озерова и Марцева даже тест Тьюринга прошла, впрочем, без этого нам бы не удалось создать опытные образцы, без нее нам и новый мир не построить, а человечество при этом по-прежнему представляется мне ненавистной серой биомассой, от которой я шарахаюсь, чьею обществу я всеми силами пытаюсь избежать. Рядом только Озеров и Казарцев. Только благодаря им у меня все получилось. Хотя действительно ли получилось, покажет лишь время. Миша наблюдает за всем издали. Он пока доучивается, и ему просто интересны наши разработки, любопытно, будет ли все это иметь успех. Но если да, в будущем мне обязательно потребуется помощь грамотного экономиста, и без Казарцева тогда уже не обойтись.

Озеров заявляет, что для наших амбициозных целей текущего уровня ИИ явно недостаточно, и сутками пропадает в институте за ЭВМ. С его замом — главным программным разработчиком нашего НИИ, Марцевым — я знаком только шапочно. Говорят, он настоящий гений — из тех, что нынче уже не рождаются. Что именно его идеи легли в основу того электронного мозга, что уже прошел тест Тьюринга — первым на планете. Впрочем, ридберговские атомы обеспечил им я, задача Марцева — их трансформация и дальнейшее обучение нейросети. По словам Озерова, невзирая на все успехи, зам его настроен весьма скептически, но от работы не отказывается. Нам остается только надеяться.

Я же ощущаю чудовищную усталость. Путь еще только начат, а мне все кажется, что мы близки к завершению в том или ином смысле. Сейчас самое подходящее время для эксперимента: в стране стартовали радикальные преобразования. Еще несколько лет, и достижения Союза будут забыты и выброшены на свалку. Пока люди помнят хоть что-то хорошее, пока и готовы к свободе, и боятся ее, в головах их царит хаос, а ничего не может быть оптимальнее такого состояния. Хаос проще всего структурировать и направить в необходимое русло. Если у нас только получится.

Сборы заняли совсем немного времени: покинуть вещи первой необходимости в небольшую дорожную сумку, и можно ложиться спать. Вылет завтра в полдень, а до аэропорта надо еще было добраться. Правда, с нынешними скоростями на это уйдет не более десяти минут — аэротакси тоже умеют по-настоящему разгоняться. Да и Катя жила всего в нескольких сотнях километров от ближайшего аэропорта. Сухая безделица.

Оповещать об отъезде кого-то нужды не было: подругам она позвонит из такси, а никого ближе у нее давно уже не водилось. По сути, самым близким ей существом был ИИ 3.0 «Дядя Валя», а он ехал с ней. Он теперь навеки с ней. Ему даже физический носитель не потребуется, если с Катиным смартфоном вдруг что-то случится. Он найдет способ, как через спутник выйти на ближайшее устройство и оказать ей помощь.

Родители погибли всего несколько лет назад. Оба были вулканологами — так когда-то и познакомились. Как только представилась возможность присоединиться к миссии на Юпитер для исследования поверхности, они не задумались ни на секунду. С тех пор прошло уже несколько вполне удачных миссий, и космические корабли начали вылетать за пределы солнечной системы, вот только самая первая завершилась трагически. Уже на стадии приземления повредился двигатель, и часть миссии погибла, даже не ступив на поверхность гигантской планеты. Среди них оказался и отец Кати. Мама же упала в обвалившийся под ногами кратер вулкана. Остатки группы смогли героически вернуться всего на одном двигателе. И с тех самых пор в своем доме Катя осталась совершенно одна.

Она часто задумывалась, как же так вышло, что оба ее родителя — выдающиеся научные работники — произвели на свет такого расслабленного сибарита-гедониста, как она. При несомненном литературном даре Катя продолжала из года в год пробавляться статьями на тему путешествий и даже не мечтала о большем. Если бы не свалившееся буквально из ниоткуда диковинное наследство не менее диковинного дяди. Отчасти как раз воспоминания о гибели родителей заставили Катю сделать выбор именно в пользу Амазонки и трейлера, а отчасти — осознание собственной ничтожности, особенно на фоне столь выдающегося родственника. До отхода ко сну она вполне могла провести праздное околополучаса — чтобы не вставать наутро с чугунной головой, и Катя вызвала голограмму,

принявшись надиктовывать текст новой статьи.

Румяные мои персики!

Не знаю, получится ли у меня выходить на связь в ближайшие месяцы. Боюсь, как бы не пришлось забросить блог на некоторое время, поскольку я отправляюсь в длительное и, как я надеюсь, полное опасностей путешествие. Я хочу пересечь на трейлере весь американский континент с севера на юг! У меня давно вызревали мысли о чем-то подобном, но я все не решалась. В конце концов, даже в наше абсолютно безопасное время, в нашу эпоху полного отсутствия преступлений и царящей повсюду открытости и взаимовыручки, все равно нет-нет да и случится прилив адреналина: а вдруг? А что если...? Что если что, собственно?

Что если где-нибудь у подножия Анд еще затесались не вполне цивилизованные граждане нашей общемировой коммуны, лишь формально и по собственному желанию продолжающие причислять себя к той или иной нации или культурной формации? Что если где-то существует не зарегистрированное дикое племя, сохранившее враждебность к чужакам и людоедские замашки? Что если где-то по дороге мне перестанут попадаться распредцентры, и я не смогу добыть себе пищу и все необходимое для продолжения пути? В конце концов, что если на том континенте не столь сильны общинные умонастроения?

Я отдаю себе отчет в бредовости моих страхов. В наш век открытости и прозрачности все очаги дикарства давно посчитаны, внесены в реестр, за ними ведется наблюдение, по необходимости специально обученные люди аккуратно вмешиваются с целью погасить конфликт и избежать кровопролития. С нынешними-то техническими возможностями тотальную слежку можно было бы устроить за всяким, и только наш гуманизм и полное доверие друг другу освобождает нас от этих страшных ментальных пережитков прошлого. Но в момент любой непредвиденной опасности один только щелчок пальцев способен исправить ситуацию — вмешается твой личный ИИ, либо подключится центральное облако, и проблема будет решена. То ли это банальный первобытный страх перед неизведанным, заставляющий до последнего сомневаться, даже когда нога уже занесена над трапом самолета.

Все вы, наверное, знаете, мои черешенки, что родители мои погибли как настоящие герои в попытке постичь это самое неизведанное, структурировать его и поставить на пользу не просто всему человечеству — всей вселенной. Их гены слишком долго спали во мне, заставляя собирать бусики, сгребать с вешалок распредцентра красивые платяшки и беспечно цокать каблучками по мобильной дорожке, а пальцами — по клавишам ноутбука, набирая бесчисленные статьи для удовлетворения вашего туристического любопытства. Не все даже в наш свободный и открытый век высоких скоростей осмеливаются путешествовать. А для кого-то путешествия в рамках нашего скромного шарика перестали быть интересны: и вправду, какая может быть Антарктида, какой там остров Херд, если можно запросто сгонять на Нептун исследовать недавно обнаруженную там загадочную форму жизни? А кто-то — наоборот — не выходит из дома, периодически радуя нашу общемировую коммуну шедеврами музыки, живописи или литературы... Впрочем, не будем о грустном. Для таких, как вы, мятные мои карамельки, я и веду свой блог, и, если меня не проглотит анаконда, а голову мою не насадят на кол дикое племя у подножия Анд, я еще обязательно дам о себе знать.

Сладких всем снов, а у меня завтра самолет до Нью-Йорка. И пожелайте моему трейлеру ровных дорог!

Наверное, еще долго Кате не удастся осмыслить те 7500 км/ч — неощутимую скорость вознесшего их ввысь самолета. Для большей безопасности пассажиров иллюминаторы в салоне задраивают, но находятся смельчаки, которые любят посмотреть, как под ними проносятся облака и города. В прежние годы даже истребители не способны были разогнаться до таких цифр, и все равно летчики испытывали на себе чудовищную перегрузку. Сейчас все это компенсируется имитаторами гравитации в салоне, и летать стало намного комфортнее, чем в прошлом столетии, но аэрофобов меньше не стало. Что ж, для них существуют регулярные рейсы наземного и морского транспорта. В конце концов, дорожная романтика — один из лучших лекарств. Иногда и даже зачастую дорога становится целью, а не только лишь путем к ее достижению. Именно поэтому Катя и сама затеяла всю эту историю с трейлером, хотя могла запросто за тот же самый час оказаться уже в Рио. Кто-то исследует вулканы на Венере и таинственные формы жизни на Нептуне, кто-то создает гениальные произведения искусства, кто-то развивает медицину, приводя человечество все ближе к бессмертию, а кто-то... просто наслаждается всеми достижениями науки, техники, мысли и гуманности и пытается хотя бы не ударить в грязь лицом, принося пусть и крошечную, но все же пользу.

Катя не успела как следует распробовать имбирный чай на борту и прочла всего несколько страниц недавно вышедшего романа, как объявили о приземлении. Впервые в жизни она ступала на землю американского континента. О точном маршруте поездки Катя не задумывалась, зная, что ИИ все организует ей в лучшем виде. Она лишь поставила ему задачу сформировать оптимальный маршрут по самым интересным местам США и далее на юг до Бразилии. Стартовать планировалось напрямиком из Нью-Йорка — после посещения местного распрецентра и получения во временное пользование трейлера.

Английского Катя не знала, как не пыталась в свое время освоить его, хотя он давно перестал быть международной формой общения, ИИ-переводчики прекрасно справлялись со своей функцией, и языковой барьер не ощущался ни в одном из уголков планеты. Поэтому ей всего лишь потребовалось щелкнуть пальцами у лица, и возникшая тут же голограмма деликатно наложила на все надписи на английском, имитируя окружающий фон вот только уже с полностью переведенными фразами. Ближайший распрецентр располагался в нескольких километрах езды от аэропорта, и, покинув терминал, Катя запрыгнула в вызванное дядей Валею аэротакси. Трейлер и все необходимое для поездки он также заказал заранее еще из России, оставалось только в окне выдачи назвать вечно улыбчивому роботу номер заказа, и вон он уже проводил их на склад, где стоял новенький сверкающий хромом трейлер.

— Все снаряжение я загрузил внутрь, — бодро отчитался робот и задорно помахал им шарнирами. — Приятной поездки по территории бывших Соединенных Штатов!

Катя распахнула дверь трейлера и с сомнением заглянула внутрь. Дядя Валя никогда не ошибается, и на этот раз он попал прямо в точку: интерьер дома на колесах был выполнен под светлое дерево, слева от входа располагался небольшой холодильник, чуть дальше — буфет и просторная двуспальная кровать с высоким матрасом. Прямо была кухня — самая настоящая, полноценная, с мойкой и шкафчиками, а правее, ближе к водителю размещался стол с креслами и даже небольшой уютный диван.

— Обалдеть, — пробормотала Катя. — Да здесь на всю жизнь поселиться можно! Представляю, в какую сумму мне бы это обошлось, задумай я подобную поездку лет сто назад!

— В те годы, — будничным тоном пробубнел проснувшийся дядя Валя, — такие поездки могли позволить себе очень немногие. Одна только аренда трейлера на такой длительный период обошлась бы тебе в несколько месячных зарплат, если бы ты такую зарплату вообще смогла получить. А чтобы купить конкретно эту модель, тебе пришлось бы влезть в кредит до конца жизни.

Катя поморщилась. Из курсов истории и экономики она, разумеется, прекрасно знала определения терминов «зарплата», «кредит» и «деньги», более того, она даже имела некое смутное представление о том, что это такое на деле, а не в виде букв на экране, поскольку человечеству удалось избавиться от этих устаревших пережитков прошлого не так и давно. По меркам истории — словно бы еще только вчера. Тот же Казарцев застал время, когда он получал зарплату и вынужден был платить деньги за все причитающиеся ему по закону вещи, абсолютно необходимые для продолжения жизнедеятельности. Нынешнему поколению тех, кто родились и выросли в эпоху, свободную от денег, казалась дикой сама мысль о необходимости платить, чтобы продолжать жить, и чем больше ты заплатишь, тем длиннее и качественнее будет твоя жизнь. Чем больше у тебя в кармане или на счету будет этих пресловутых денежных знаков, тем ты значимее в глазах общества. Катю передергивало от одной мысли, что еще совсем недавно человечество жило по законам диких джунглей и считало такое положение вещей не просто нормальным, а единственно возможным, и даже готово было с оружием в руках защищать свои привилегии. А вот поколение Казарцева наверняка до сих пор не могло поверить своему счастью и еще просыпалось по ночам от кошмаров о том, что прежние времена вернулись, а нынешняя радужная утопия разрушена и растоптана теми, кто снова захотел себе привилегий, яхт, дворцов, золотых унитазов и власти. Возврат к прошлому был принципиально невозможен, каждый в обществе понимал это, хоть далеко не каждый и знал причины как этой невозможности, так и странной уверенности в ней.

Катя прошла в переднюю часть трейлера и плюхнулась на диван.

— Маршрут построен, ты можешь садиться за руль, — послышался голос ИИ.

— Что, прямо вот так сразу? Может, я хоть осмотрюсь пока? Ну вещи там разложу, — и Катя махнула головой в сторону лежавших на полу пакетов.

— Хорошо, начнем обучение на трассе. Сейчас автомобилями пользуются не так часто, там у тебя будет возможность набить руку. Главное — не покалечить наш чудесный трейлер.

— Перехватишь у меня управление в случае чего, делов-то, — буркнула Катя и принялась копошиться в пакетах.

Скоропортящиеся продукты предусмотрительный робот сразу положил в холодильник, остались только крупы, консервы, одежда, бытовая химия и снаряжение для путешествия по джунглям. Они не стали делать слишком больших запасов, построив маршрут таким образом, чтобы по пути заскочить еще в несколько распределительных центров. И к обеду трейлер стартовал из склада нью-йоркского распределительного центра на запад напрямик к тихоокеанскому побережью.

Ее тянуло сразу начать делать заметки, едва только трейлер вырулил на почти пустое шоссе. Слева и справа от дороги простирались не вполне привычные для старой Америки совсем еще молодые, но уже бодро рвавшиеся ввысь леса — лиственные, хвойные, смешанные. Рощи, кущи, перелески... До города было всего несколько десятков километров, на аэротакси путь не занял бы и пяти минут, но трейлер, способный разогнаться всего лишь до 250 км/ч, ехал медленно и в некотором смысле основательно, словно бы оставляя свой след на пустынном шоссе, а скорее — просто позволяя Кате осмотреться, впитать в себя мир нового континента.

Из старых фотографий Катя неплохо представляла себе, как выглядел Нью-Йорк прошлых лет — узкие трассы, зажатые в тиски бесконечно высоких небоскребов. За это город любили и ненавидели одновременно. И с этой особенностью расставаться жителям было сложнее всего. С рождением общемировой коммуны культурологически страны и нации так или иначе все равно сохранили свою идентичность, хоть государственные границы и были стерты не только физически, но и в умах людей. Многие пожелали сохранить облик своей родины в первозданном виде, кто-то даже отказался переезжать из квартир в небоскребах в куда более приятные и комфортные домики на природе. В результате исторические центры, представлявшие определенную культурную ценность, были сохранены. Таких, правда, во всем мире нашлось не так много, и на общую картину расселения они никак не повлияли. В общей своей массе люди без тени сожаления расстались с халупами в многоэтажках да и с самими многоэтажками. Города как таковые вообще ушли в прошлое за исключением редких туристических достопримечательностей прежних лет. Тем интереснее было неспешно ехать в трейлере, развалившись на диване, и наблюдать за проплывающими мимо небоскребами, в которых все еще продолжали жить люди. Катя исколесила почти всю Европу, побывала в некоторых областях Африки, летала даже в Китай и Японию. В последних двух не сохранилось ни одного небоскреба. За долгие годы тесноты люди впитали в себя ненависть к этим коробкам, а потому при первой же возможности уничтожили их все до единой. В конце концов, почти совершенно безлюдные прежде земли Сибири позволяли свободно расселить в них и довольно внушительное население бывшего Китая. Никто больше не воспринимал это как покушение на имперскую собственность, все стремились лишь к свободе, покою и знанию.

По этой причине небоскребы Катя видела впервые в жизни, и у нее захватило дух от их безмерной высоты, хотя тоже сохранившаяся до сих пор в Арабских Эмиратах башня Бурдж Халифа, оставляла даже эти высотки далеко внизу. Но когда еще доведется побывать в Эмиратах? А Нью-Йорк — вот он, огромный и удивительный. В нем больше не было шума, пробок, не замолкающих воплей сирен и надсадного гогота негров. Он не то чтобы опустел, а словно бы остепенился, перестал спешить, гнаться за давно потерявшей свою ценность американской мечтой, словно бы достиг всего, к чему стремился, и почивал на лаврах — в самом прекрасном значении этой весьма двусмысленной фразы.

Катя щелкнула пальцами, и перед глазами ее ожила голограмма. Она повела пальцем, выбирая функцию камеры, и тут же вызвала выбранный в списке контактов номер. Через минуту перед ней всплыла заспанная фигура Казарцева.

— Катя, сейчас пять утра! Что-то случилось? — взволнованно пробормотал он,

прикрывая ладонью неконтролируемый зев.

— Я в Нью-Йорке, Михаил, — мечтательно протянула Катя и протащила пальцем голограмму на 360 градусов вокруг себя, позволяя собеседнику как следует рассмотреть окружающую реальность.

— Что-то случилось? — брови Казарцева озабоченно сдвинулись к переносице. — Хотя... понимаю, разница во времени. Вы наверняка не учли ее.

— А, да, извините, — моментально нашлась Катя и виновато опустила глаза. — Можно перезвонить вам позже?

— Да ладно уж, ерунда. Я нигде не работаю и имею возможность отсыпаться круглыми сутками. Заслуженный отдых, понимаете ли.

— Решила махнуть в Америку. Прокатиться на трейлере по всему континенту. Надоела дорожная суета.

— Захотелось дорожной романтики? — мягко улыбнулся Казарцев, поднимаясь с постели и направляясь на кухню.

— Я начала читать записи Меркулова, — резко сменила вдруг тему Катя. — Насколько я поняла, вы были посвящены во все его исследования. И наверняка в курсе существования прибора ЗАМ-1, про который он много писал до августа 1991 года. Эта его разработка... она вообще никак и ни в чем не проявила себя? Он просто положил ее на полку? А то ведь все его записи только о ней. Интересно было бы узнать, что с ней стало.

Казарцев как-то странно пожал плечами и криво усмехнулся.

— Я не физик и в таких вещах понимаю слабо. Знаю, что он был очень увлечен идеей создания искусственного интеллекта. Захар считал, что только машинный разум способен вывести наш род на новый виток эволюции, сделать из нас принципиально нового человека, вытравить из нас джунгли.

— Джунгли?

— Ну, соперничество, борьбу за территорию, самку или самца, жажду накопления, преклонение перед сильным, презрение к слабому, желание иметь больше других и все в таком духе. Он был убежден, что все это наносное, не имеет отношения к инстинктам и вполне может быть скорректировано. Он верил в человечество.

— И он не ошибся!

— Ну, по большому счету, да. Все его прогнозы так или иначе оправдались. Именно ИИ и помог нам создать тот мир, что ты видишь сейчас за окном своего трейлера. Кстати, как тебе Нью-Йорк?

— Поразительно. Такой тихий, уютный и спокойный при всей внешней громадности, величии и беспокойстве. В прежние времена я бы точно не смогла в нем существовать. Утонула бы в людском море.

— Ты нынешняя — нет. Но живи ты в то время, ты была бы адаптирована к тем условиям и не считала бы их чем-то дискомфортным для себя. Или, возможно, считала бы, но других условий вокруг просто не было.

— Но как же? Сельская местность существовала и тогда.

— Только на работу тебе бы все равно приходилось мотаться в Нью-Йорк, Москву, Челябинск или любой другой крупный город. Ты смирилась бы. Подавила бы в себе эти потребности ради возможности купить все необходимое.

— Мерзкое время было, — тряхнула головой Катя. — Не хочу даже думать о нем. Так, значит, говорите, информацию про ЗАМ-1 найти сейчас будет нереально?

— По крайней мере, у меня ее точно нет.

— А вы знаете человека по фамилии Озеров? Он неоднократно упоминается в записках дяди.

— Кажется, руководитель его лаборатории. Он давно умер, если ты об этом. А с наследниками я не знаком.

— Можете попробовать найти их для меня, а? Я бы, честное слово, провернула все это и сама — ну не без помощи своего ИИ 3.0, разумеется, но вам, мне кажется, проще будет найти с ними общий язык. Вы все-таки его давний друг, многолетний соратник. Они о вас наслышаны, а я для них никто...

— Хорошо, — обреченно вздохнул Михаил. — А вообще я уже бывал когда-то в Америке. Давненько, правда. Шумная и суетная страна даже сейчас. Но в ней ты всегда сам по себе, даже посреди огромной толпы, даже если ощущаешь себя ее частью. И это мне всегда особенно нравилось здесь. Ты уже составила маршрут?

— Да, еду до тихоокеанского побережья, а потом вниз вдоль хребта до Мексики и в Колумбию, Перу, Бразилию... — на этом месте Катя осеклась, не зная, стоит ли посвящать Казарцева в подробности этой главной цели своей поездки.

— Роскошно, — одобрительно хмыкнул Михаил. — Я бывал только в Нью-Йорке и Техасе. Негусто, но для впечатлений мне хватило и этого.

— Если вы не против... я бы звонила вам иногда, показывала дорогу, как мы продвигаемся и вообще.

— Хоть каждый день! — с радостной готовностью отозвался Казарцев. — Я буду очень рад. О, а вот и Эмпайр-Стейт-Билдинг! Можете притормозить? — Михаил с восхищением воззрился на видневшийся впереди небоскреб.

Его сохранили и поддерживали в первоизданном виде, хоть он и давно уже перестал выполнять свою прежнюю функцию офисного здания, превратившись частично в музей, частично — в нечто вроде ДК на современный лад. Катя задрала голову вверх, любуясь острым шпилем, а потом тряхнула белокурыми прядями:

— В деревне лучше. Не представляю, как здесь вообще еще можно жить!

— Жизнь в крупных городах до сих пор имеет свои преимущества.

— Не сейчас, — отмахнулась Катя. — Я за час долетела с одного континента на другой, а когда доведут до ума телепорт...

— Безусловно, — не стал спорить Казарцев, — но кому-то просто необходимо это чувство локтя, эта толпа, окружающая тебя со всех сторон. Несмотря на все достижения эволюции, мы все еще остаемся социальными животными.

— Общаться можно и с помощью голограмм, — продолжала возражать Катя.

— Голограмму не обнимешь, не похлопаешь ее по плечу, не погладишь по волосам.

Крыть было нечем, и Катя лишь дернула плечом, вновь задирая голову вверх.

— Наверное, надо было пригласить в поездку вас. Вы поди тоже дома засиделись, раз заводите такие речи про чувство локтя...

— Да ну что ты, мне вполне достаточно будет твоих звонков и репортажей с места событий. Я уже давненько предпочитаю свою привычную кровать и своего Захара.

— Захара? — удивилась Катя.

— Так зовут моего ИИ 2.8. Отчасти в честь Меркулова, — предупредил он назревший было у нее вопрос, — отчасти в честь слуги Обломова, — и усмехнулся. — Я его так и кличу каждое утро: Захааааааааар! Очень меня это веселит. А он мне подыгрывает.

— Да полно вам дурить, барин, — послышалось на заднем фоне чье-то глухое ворчание, и, заслышав его, Катя оглушительно расхохоталась.

— Кто чей барин — это еще под большим вопросом, — покачал головой Казарцев. — Прокатитесь до Таймс-сквер, а? И Рокфеллеровского центра...

— Мы и к статуе хотим заскочить, прежде чем махнем по шоссе в пустыню. В парк, на Бродвей...

Они колесили по Нью-Йорку до глубокой ночи, пока все здания не покрыла сеть разноцветных неоновых огней, которые здесь до сих пор так сильно любили. Михаил несколько раз отключался, но потом звонил опять, и они с Захаром на два голоса восхищались неизменным обликом города, в котором стало лишь меньше транспорта и людей, а в остальном он почти ничем не отличался от себя прежнего. На ночь мотор заглушили, и Катя провалилась в глубокий сон, а наутро уже строчила первый отчет для своих подписчиков, прихлебывая обжигающее какао. Казарцев снова был на связи — за вчерашний день как-то так сложилось, что Кате было с ним веселее, да и ему в его пенсионерской жизни было чем заняться и где напитаться впечатлениями. Если у него появлялись дела, он отключался, вежливо извинившись, но по возможности вновь возвращался на связь даже в транспорте или идя по улице. Эта поездка захватила его не меньше самой Кати, хоть об истинной цели он и не догадывался. Пока Катя дописывала статью, допивая горячий шоколад, он успел переговорить с родней Озерова. У них действительно оставались какие-то бумаги, переданные отцу его заместителем. Фамилии этого коллеги они не знали, бумаги хранили на чердаке и даже не заглянули в них. Никаких распоряжений касательно этого вороха отец им не давал, поэтому они с радостью согласились избавиться от ненужных документов и тут же отправили их Казарцеву курьером. И уже к обеду, когда трейлер покинул пределы Нью-Йорка и выехал, наконец, на открытую местность, разгоняясь до 100 км/ч, бумаги были у Михаила. Он решил разобрать их вечером, когда мотор снова заглушат, и Катя отправится ужинать и спать.

Наверное, именно ради такого тихого ничем не прерываемого шороха шин по безлюдной трассе Катя и решила на эту поездку. Слева и справа абсолютная пустота, ни деревца, лишь выжженная на солнце трава, впереди маячат холмы и предгорья, вокруг ни единой машины, ближайший населенный пункт в сотнях километров, трейлер до отказа забит всем необходимым, а единственный человек, нарушающий ее восторженное уединение, находится за много тысяч километров от нее на другом континенте и всегда может быть выброшен из трейлера одним нажатием кнопки смартфона.

Пушистые мои зайчата!

Америка прекрасна. И хоть путешествие мое длится всего неделю, по сути, оно еще только началось, а я уже безмерно счастлива, что решила на этот шаг. Разумеется, во многом этому настроению способствуют окружающие меня всевозможные удобства в виде трейлера, моего любимого дяди Вали и распредцентров. С ужасом представляю, как бы выглядела моя поездка лет восемьдесят назад. В те времена, говорят, у тех, кто не обладал достаточным количеством денежных средств (все ведь помнят, что это такое? Если что, пишите в комментариях, я сделаю сноски, впрочем, всегда можно воспользоваться словарем, я верю в ваши силы), был лишь один способ рассмотреть страну как следует — автостоп. Они стояли вдоль дорог с поднятой вверх рукой, прося, таким образом, бесплатно подкинуть их до удобного для шофера и пассажира места. Конечно же,

бесплатно, либо за символическую плату в виде бутылки пива. Хотя, думаю, я все равно решилась бы на подобное приключение, поскольку жить в своей хоть и очень уютной конуре и не видеть прерий, топорщащихся зелеными кустиками травы, и рыжих гор, словно бы намеренно кем-то обтесанных, совершенно бессмысленное времяпровождение. И поняла я это только сейчас. Вам доводилось когда-нибудь видеть закат в степи? Когда горизонт уполз так далеко вперед, что солнцу удается достигнуть его едва ли не к полуночи. Кругом царит невероятная тишина, нарушаемая, пожалуй, лишь голосами насекомых, а травы пахнут так, что ты засыпаешь, не успев донести голову до подушки.

Я останавливаю трейлер прямо посреди трассы, сажусь на обочину и подолгу просто смотрю вдаль. Мой ИИ молчит, мой спутник тоже предпочитает не нарушать моего уединения, а я просто люблюсь солнцем, скрывающимся за неровными силуэтами гор. Потом ложусь на траву, запускаю в нее пальцы и размышляю над романом. О чем бы он мог быть? Наверное, уже пора сесть за него, начать писать хотя бы по вечерам перед сном, я ведь дала себе зарок вернуться из поездки с готовой рукописью. Но, видимо, случится это не раньше, чем я привыкну к окружающему пейзажу.

Изредка нам по пути попадаются небольшие поселения. Кое-кто забрался и в прерию, но многие остались в мегаполисе и по своей доброй воле при этом. Что ж, сейчас каждый вправе жить там, где ему заблагорассудится, прошли те времена, когда из пригородов приходилось мчаться в города на работу. Прошли те времена, когда люди вообще в принципе работали.

Наверное, в том странном мире я стала бы журналистом или просто писала бы тексты за деньги. Насколько я могу судить по газетам тех лет, много заработать мне бы не удалось. Перебивалась бы с копейки на рубль, а о таком трейлере и собственном ИИ 3.0 мне можно было бы только мечтать. Да и прерию я бы разглядела только в окно чужого автомобиля, путешествуя автостопом в искренней надежде не быть ограбленной, изнасилованной и убитой.

Простите, дорогие мои подписчики, что я опять свернула куда-то не туда и подняла неприятную для любого из нас тему, но в таких поездках слишком часто попадают на глаза артефакты прошлого, и неизбежно приходится примеривать ту жизнь на себя, а себя — на ту жизнь. И все же я ввязалась в отличное приключение.

Люди мне здесь попадают редко, и в целом поездка проходит пока без происшествий. Туристов в этой местности почти не бывает, большинство предпочитает мчаться на аэротакси сразу к хребту и идти оттуда пешком прямо на юг. Боюсь, сама я подобный подвиг не осилю, а вот прокатиться на трейлере попробую, хотя на узкие горные тропы дорога мне будет закрыта, я это прекрасно осознаю.

Отчет получился коротким и малоинформативным, но обещаю к следующему разу непременно исправиться и рассказать вам о том, как поживают Мичиган и Висконсин. Они уже меня ждут.

Всех крепко обнимаю.

Катя щелкнула пальцами, отправляя текст на публикацию, и снова легла на траву, задумчиво всматриваясь в зыбкую линию горизонта. Казарцев выходил на связь стабильно каждый день, но в последние пару дней совсем ненадолго. Вероятно, ему успел наскучить однообразный пейзаж, и Катя пообещала набрать ему, когда они приедут в какой-нибудь населенный пункт чуть крупнее горстки домов. За эту неделю она осознала, как необходимо

ей стало общество друга ее дяди. Ощущалось так, словно он ехал в трейлере вместе с ней, и невольно в статье она даже назвала его своим спутником. Все-таки, каким бы обходительным и предупредительным ни был дядя Валя, как бы разнообразно ни развлекал он ее, как бы по-человечески ни вел себя, общение с самым простым человеком, пусть и ровесником ее старого дяди, стало ей совершенно необходимым. В конце концов, подобное тянется к подобному. Коты предпочитают общество котов, собаки — собак, люди — людей, а машинный разум бормочет о чем-то своем с другими кластерами.

Силуэт будущего романа уже постепенно начал вырисовываться у нее в голове. Она задумала посвятить работу Меркулову и даже не изменять при этом фамилии. Пусть книга будет полубиографичной-полухудожественной. Странное дело, за столько лет никто не написал о нем ни одной весомой биографии, все ограничивались пространными хвалебными статьями да несколькими абзацами текста в сетевой энциклопедии. Катя хотела написать книгу о великом ученом физике, посвятившем всю жизнь работе над созданием прибора, способного как-то укротить человеческое эго, но обстоятельства сложились так, что работа была трагически прервана и никогда более не возобновлена. И тем не менее, у книги будет счастливый финал, как это, собственно, произошло и в жизни: человечество справилось со своим эго без всяких приборов. Человечество оказалось сильнее и нравственнее, чем о нем думал когда-то молодой и разочарованный в жизни Меркулов. Оно само встало на путь прогресса, осознав былые ошибки. Ну, разумеется, не без помощи грамотной экономической модели, разработанной все тем же физиком совместно с его другом и соратником Казарцевым. В суть их новой работы Кате еще только предстояло вникнуть, но она планировала привлечь к этому вопросу пока еще ничего не подозревающего Михаила. Так, безусловно, будет проще, нежели пытаться разбираться в бесконечных графиках и диаграммах, которыми полны были статьи Меркулова периода после 1991 г.

Катя набросала в планшете примерный план романа и на радостях от нахлынувшего внезапно вдохновения даже осилила первые несколько строчек, а затем убрала планшет, попросила дядю Валью подкинуть ей через окно тетрадь, на которой она остановилась, и вернулась к чтению записей дяди.

После созвона с индийской исследовательской группой выяснилось, что та обшарпанная старая рама отправлена была в общем комплекте убранства для ашрама по ошибке. Они предложили нам избавиться от нее. Как это вовремя! Один из приборов уже идеально подогнан именно под ее нестандартные размеры. Придется как-то выкручиваться, не отправлять же на свалку несколько недель работы. Вероятно, включим его в бразильскую партию, от них никаких спецзапросов не поступало. Царапины не так уж бросаются в глаза, да и для опытного образца сойдет и такое.

Сегодня звонил Озеров. Кажется, у Марцева намечаются какие-то подвижки по части усовершенствования его версии ИИ на основе квантовых микросхем. Облучение привело к существенному увеличению расстояния между электронами и ядром ридберговского атома, и сам он обрел размер песчинки, а с этим уже можно работать! Непременно хочет видеть в лаборатории меня: только я смогу понять, действительно ли это то, что нужно. Хватит ли им шести атомов, сформируется ли на их основе синапс. Хотя бы потому, что заданные мной параметры машинного мозга ориентированы на выполнение конкретных задач. Абстрактных целей перецеголять человека пока мы не ставим. Да и пока все равно приходится работать на кремниевой базе, неизвестно, когда Марцев закончит свой проект

и закончит ли вообще, он постоянно жалуется на недостаточность мощностей.

Озерову я свою идею обрисовал только вкратце, не хочу, чтобы он раньше времени уловил истинную суть и назначение ЗАМ-1, иначе мои исследования могут быть приостановлены. На данном этапе мне будет вполне достаточно алгоритма, выявляющего уровень нравственного развития любого отдельного индивида, пока я не доведу туннельный эффект до совершенства, чтобы окончательно избавиться от убогих кремниевых алгоритмов: на их основе даже мало-мальски высокий уровень ИИ получить невозможно. Для начала в качестве ориентира в базу загрузили Библию и прочие священные книги. Мертвому припарка, конечно, но оценивать по уголовному кодексу было бы еще глупее. Пусть попробует хотя бы так. Откалибруем, а там видно будет, как настройки подгонять.

Еще без моего участия Озеров проверил черновой вариант прибора на полюсах: запустил на оценку запись первого допроса Чикатило, когда еще не было понятно, что разыскиваемый по всему Союзу маньяк — и есть тот скромный невзрачный человек, нервно протирающий заляпанные стекла очков; а вслед за ним — монолог князя Мышкина из фильма Пырьева. Машина безошибочно отделила дурное от праведного, однако, даже в Мышкине нашла некие недостатки — излишнюю религиозность, почитание сословий, квасной патриотизм. Впрочем, и Чикатило не был ей признан совершенно безнадежным. ЗАМ в связке с ИИ усмотрел в серийном убийце признаки серьезно покалеченной психики, что при должной корректировке безусловно должно уменьшить количество его жертв, постепенно доведя их до нуля. Формулировка звучала смешно и нелепо, но большего от машины и не требовалось. Даже на Чикатило она не поставила крест. Потом были Киссинджер, Гитлер, Солженицын, Дин Рид, Че Гевара, Фидель Кастро, Хрущев и множество других публичных персон, чьи видеодосье смог нарыть Озеров. К моменту моего появления в лаборатории он уже радостно потирал руки: по-крупному машина не ошиблась пока не разу. В нюансах встречались разные смехотворные оценки и рекомендации, но это была всего лишь калибровка.

Озеров разложил передо мной рулоны схем, разъясняя, как они с Марцевым планируют в дальнейшем дорабатывать ИИ, переводя его на квантовый уровень, и тогда я осторожно натолкнул его на мысль о самосознании машины: возможно ли оно в принципе, реально ли его смоделировать, или оно разовьется самостоятельно вследствие накопившихся схем имитации высшей нервной деятельности человека. Мы засиделись тогда в лаборатории до глубокой ночи. Ближе к одиннадцати заглянул Марцев. Выглядел он неважно — сгорбленный, осунувшийся — явно давно не спал, да и сейчас собирался отнюдь не домой, а показать нам промежуточные результаты, о которых доложил Озерову пока только в общих чертах. Марцев не выпускал из руки кружку с давно остывшим кофе — мы все тогда работали на износ. Он отчаянно пытался донести до нас обоих простую и жестокую вещь: ИИ в том виде, в каком всем нам хотелось бы его получить, принципиально невозможен, недостижим, собери мы хоть миллион ридберговских атомов и раздуй их до размеров футбольных мячей. Да, родится нейронная сеть, да, появятся синапсы, но при этом уровень высшей нервной деятельности, существенно превосходящий человеческий, не достигим. Озеров пытался спорить, а вот я не настаивал. Эволюции понадобилось несколько сотен тысяч лет, чтобы из австралопитека появился, наконец, на свет великий гений Марцева. Но ее никто не подталкивал, не торопил, не подсказывал ей, какими путями идти не стоит, не моделировал ей варианты развития событий, не позволял перескакивать через целые эпохи, потому во мне и теплилась еще несмелая надежда, что эволюция машинного разума

пройдет несколько быстрее ее родоначальницы, превратившей палки-копалки в лапах приматов в непостижимой мощности ЭВМ. Ведь у нас есть ЗАМ-1, пусть и пока не дотянувшая до конца доработанный и нуждающийся в помощи кремниевых алгоритмов для калибровки. Но в перспективе, если только у меня все получится...

Кроме того, с каждым годом растут и сами компьютерные мощности, что не может не сказаться на скорости развития машинного разума. Я верю в Марцева и Озерова больше, чем они сами.

В конце концов, заму надоело спорить, и он возвращается в свою лабораторию: кажется, он просто недооценивает собственные возможности.

Следующим шагом ЗАМ-1 в паре с кремниевым алгоритмом должны не просто давать рекомендации по улучшению нравственного облика изучаемого им индивида, он должен влиять на него, формировать у него мотивацию для изменения образа мышления, а, следовательно, и жизни. Озерову я преподношу это как рабочий механизм для дальнейшего использования в области психологии и, возможно, даже психиатрии. Он с готовностью схватился за мою идею. Жаль, что сам я в программировании не силен и могу помочь ему только с железом, но паять микросхемы приходится немало, все аппаратное обеспечение лежит полностью на моих плечах, поскольку я никак не могу допустить к проекту еще и четвертое лицо. Казарцев пока не в счет.

Видимо, подробности их совместной работы над созданием искусственного интеллекта и скрывались в документации, добытой Казарцевым у родни Озерова. С множеством технических деталей, недоступных для сознания простого смертного, а тем более столь явно выраженного гуманитария. Катя попросила Казарцева самого посмотреть все бумаги и дать ей знать, если там попадется что-то интересное, стоящее ее внимания и доступное ее восприятию.

Трейлер давно покинул Нью-Йорк и, едва задев Пенсильванию, въехал на территорию Мичигана. Степи, оставленные позади, едва ли можно было в полном смысле слова назвать настоящей прерией — до нее оставалась не одна сотня километров, и Катя, листая простенький путеводитель по США, уже заранее предвкушала встречу и с Айдахо, и с Аризоной. А пока их ждала территория великих озер. Из Пенсильвании они вынырнули на берег озера Эри и более не покидали этого мирного побережья. Катя бывала уже когда-то на Байкале, поэтому Эри нечем было удивить ее, да и она рассматривала невзрачное это озеро лишь как очередную веху на пути к великому Гурону с его скалистыми островами. А вот Казарцев восхищался пейзажами на все лады. С юго-запада в водную гладь врезалась узкая длинная коса, они оставили трейлер там, на самой дальней ее точке, и Катя, раскинув руки, побежала по прохладному песку. Коса заросла деревьями, и фактически ширина ее составляла несколько десятков метров, но Катя представляла себя со всех сторон окруженной мирными водами одного из великих озер, и дух все равно, хоть немного, но захватывало. Они остались там на ночь, слушали редкий, едва уловимый плеск колыхавшихся от ветра волн, и Казарцев уснул прямо так, не отключив свою голограмму.

До Гурона они добрались еще через пару дней. Первые проблески его пестрых — от обилия разноцветных камней на дне и необычайной прозрачности самого озера — вод показались уже за несколько километров, поскольку дорога шла под откос. К Репке — главной, пожалуй, его достопримечательности, они подъехали уже ближе к ночи, когда

рассмотреть ничего уже не могли, и Катя завела будильник аж на пять утра, чтобы успеть застать солнце, медленно выплывающее из-за скалистых утесов на берегах Гурона.

Рассвет зародился в какой-то бесприютной серости. Катя зябко поежилась, присаживаясь на край берега и потягивая капучино. Вблизи знаменитая Репка оказалась довольно нелепым островком совсем недалеко от берега — при желании легко и вплавь добраться. А вот на сам клочок скалистой породы вскарабкаться было бы уже нереально без специального снаряжения. Без вертолета, наконец. Воды Гурона крепко потрепали основание островка, отчего он казался теперь похожим на гриб, топорщившийся хиленькими сосенками на своей импровизированной «шляпке».

— Репкой нашей любуетесь? Никак сплавать туда решили? — послышался чей-то добродушный оклик.

Катя вздрогнула и обернулась. Сперва в темноте, а затем и в спешке увидеть рассвет, балансируя на ступеньках трейлера со стаканом горячего кофе в руке, она даже не заметила прилепившегося к краю прибрежного утеса крошечного домика с кирпичного цвета крыши и квадратными окнами. И обращался к ней сейчас, вероятно, как раз хозяин этой хижины — пожилой мужчина с добрым взглядом и выющим возле его ног псом.

— Простите, — едва смогла выдавить она, — я помешала вам?

— Отнюдь. Сюда частенько приезжают на Репку посмотреть. На нее ведь и вскарабкаться можно, я знаю тайную тропку. Но вряд ли это вас заинтересует, тут и других любопытных мест хватает.

— Хотите кофе? — не нашлась что ответить Катя и включила стандартную в таких случаях вежливость.

— Не откажусь, — кивнул хозяин домика и подошел к трейлеру. — До ближайшего распрецентра тут все же далековато, а аэротакси я не переношу, в молодости налетался по воздуху. Говорят, аэрофобия лечится полетами, а у меня она со временем только усугубилась.

— Можно и по земле же доехать. Не больше получаса займет, — пожал плечами Катя.

— Можно. Но мне и самому приятнее поближе к природе оставаться. Я себе сам все выращиваю. В центр могу только раз в несколько месяцев смотаться за мясом или рыбой. Ну и за кормом для Гринго, — и он кивнул в сторону все так же весело крутившегося возле его ног беспросветно черного пса. — Сразу много набираю, чтобы надолго хватило, и снова в свой затвор.

— Оторванность от общества не ощущаете? — в ее интонации не было ни капли осуждения или желания наставить глупца на путь истинный.

— В молодости слишком много времени проводил в толпе да на трибуне. Пресытился, — усмехнулся он и протянул Кате ладонь, — я Эдвард.

— Катя. По-вашему, кажется, будет Кейт. Не путаю? Всегда была слаба в английском.

— Да, в прежние времена мы бы так мило с тобой не побеседовали, Кейт.

— А вот это ты уже от себя добавил, да? — нахмурилась Катя, грозя пальцем невидимому переводчику, в роли которого неизменно выступал все тот же дядя Валя. — Сам себя не похвалишь, никто не похвалит?

— Да брось, — вмешался Эдвард, — он ведь прав. ИИ радикально изменил нашу жизнь, так что, вполне можно позволить ему и побахвалиться чуток, с нас не убудет. А, может, айда ко мне на обед? У меня сегодня божественный тыквенный суп-пюре и запеченная форель. Имитация, разумеется.

— А кто-то сейчас разве до сих пор питается натуральной? — изумилась Катя, охотно приняв приглашение своего нового знакомого.

— Мне таких не попадалось, — покачал он головой. — Просто старая привычка. Поколению, заставшему 90-е и начало нулевых тяжело привыкнуть к мысли, как сильно изменился мир. Причем так резко и радикально, практически без переходного периода. Я ведь в прежние времена без ума был от разных морских деликатесов — лобстеры, черная икра, пресловутая форель... И когда... все это случилось с нами, и мясо живых организмов разом заменили на имитацию, сильно сомневался, что она хотя бы немного будет напоминать мне вкус моих любимых продуктов. Но... они же ничем не отличаются от оригинальных. Это я тебе точно говорю, я в свое время много разного ползущего и летающего перепробовал. Не представляю, как они в своих НИИ добились такого разительного сходства, но, поговаривают, что бывшие вегетарианцы долго не могли заставить себя начать есть эту имитацию, до того она идеальна. А кто-то и до сих пор не переключился.

— Сейчас это дичью, конечно, какой-то кажется. Варварством — есть живых существ, живущих с тобой на одной планете. И то, как быстро мы прыгнули из дикого состояния к полной цивилизации во всех смыслах... скажите, Эдвард, вас эта скорость не настораживает?

— Несомненно, — к этому моменту они уже пересекли порог хижины, и Эдвард принялся хлопотать у плиты, а Катя с интересом осматривала скромное обиталище добровольного затворника.

В доме было всего две комнаты — спальня и гостиная — а еще кухня и ванная, да на этом и все. Из утвари только самое необходимое, интерьер поражал минимализмом на грани аскетизма, и Кате на мгновение почудилось, будто она попала в жилище бедного американского фермера двухсотлетней давности — именно так выглядели их домики на иллюстрациях в учебниках истории. Аутентичности добавляло отсутствие холодильника, запрятанного, вероятно в стену, а также приличных размеров камин с настоящими дровами. Катя опустилась в деревянное кресло-качалку возле камина и благодарно кивнула хозяину, принимая поднос с тыквенным супом и маисовой лепешкой.

— Этот скачок, — возобновил Эдвард прерванную беседу, — любят объяснять открытием ИИ и активным вовлечением его в исправление нашего когда-то несправедливого мироустройства. Впрочем, мне все это кажется несколько притянутым за уши. Если не сказать больше.

Катя подняла на него вопросительный взгляд, и он тут же продолжил.

— Похоже на умалчивание чего-то важного. А, возможно, это моя паранойя, — тут же исправился он и улыбнулся. — Эти разговоры о конспирологии у меня просто в крови. Долгие годы я только на конспирологии и специализировался ведь.

— Вы работали психиатром? — едва не поперхнулась Катя, а Эдвард оглушительно расхохотался.

— Ну почти. Когда-то я имел глупость и наглость занимать должность вице-президента этого теперь уже, к счастью, бывшего государства, — и он обвел рукой свою хижину.

— Вы были вице-президентом США? — лепешка замерла буквально у самых губ Кати.

— Это было очень давно, — попытался он отмахнуться, но Катя уже почувствовала золотую жилу для будущих статей и принялась без умолку расспрашивать его.

Эдвард Ноттс и вправду был последним вице-президентом США и смог продержаться в

том кресле в течение полутора сроков его непосредственного руководителя, а именно — шесть лет, когда случилось то, что случилось — падение капитализма, сопровождаемое падением государств вообще и всех властных структур в частности. Вчерашние сановники и миллиардеры внезапно оказались на равных с сантехниками и медсестрами и учились жить заново, но не ропща при этом.

— Как будто глаза вмиг открылись, что так, как прежде, жить больше нельзя — с тоннами денег в банках, с государственными границами и, что еще хуже, границами социальными. С разлагающимся искусством, с царящей повсюду жестокостью и массовым отупением. Сейчас эти фразы могут показаться высокопарными, но тогда мне казалось, что, наконец-то, я достиг своей жизненной цели, и сам не осознавая того, что шел к ней все последние годы. Существование наше довольно быстро вошло в ныне привычное для всех русло — благодаря машинному разуму это заняло всего-то несколько лет, а я буквально сразу же смотался сюда.

— Кого только не встретишь, пересекая континент на колесах! — вмешался в разговор чей-то голос, и Катя хлопнула себя по лбу.

— Простите, забыла вас представить. Это Михаил Казарцев, мой знакомый, который вот так вот, в некотором роде виртуально, путешествует со мной из штата в штат. Он на связи практически постоянно, я уже и присутствие его замечать перестала.

Над столом тут же возникла гиперреалистичная голограмма Казарцева, отличавшаяся от оригинала, пожалуй, только тем, что пожать руку мистеру Ноттсу никак не могла.

— Говорят, тут в окрестностях Верхнего озера какая-то потрясающая ледяная пещера имеется? — без лишних вступлений завел речь Михаил.

— Есть такое. Но она на грани обвала. Сначала ее вроде собирались окультуривать как-то, ну чтобы туристам безопасно было там находиться, но спелеологи выступили против. В ней содержатся какие-то уникальные микроорганизмы, которые от вмешательства человека могут погибнуть. А эта пещера — едва ли не единственное место в мире, где они водятся. Ученые исследуют их для своих целей, поэтому лишиться их сейчас никак нельзя. Правда, если случится обвал, доступ к бактериям этим мы в любом случае потеряем, но ученые выясняют, как их синтезировать в лабораторных условиях. Возможно, они еще успеют достичь этого, пещера не обвалится и сможет принять много новых гостей. Сейчас-то не всякий решится туда войти. Да и, кроме того, добраться туда можно только вплавь, а местами и под водой.

— Можно ведь в качестве голограмм, да? — осенило вдруг Катю.

— Большинство так и поступает, — закивал Эдвард. — Вот только я не при технике.

— Совсем? — она спросила скорее из вежливости.

Несмотря на впечатляющие успехи современной науки и техники, очень многие продолжали вести пасторальный образ жизни, не всегда, правда, полностью сливаясь с природой. Чаще они по старинке ходили в библиотеки, потом сидели возле дома на лавочке и резались с соседями в домино, никак при этом не контактируя с виртуальным миром, вотчиной ИИ, да и самим ИИ тоже. Все необходимое в распредцентрах им выдавали и так, а если с кем-то из них случалось несчастье, а вызвать службу спасения не представлялось возможным по причине отсутствия смартфона, надеяться можно было только на спутники, которые беспрестанно мониторили Землю в том числе и с этой целью. Человеку достаточно было просто попросить о помощи, ИИ спутника распознавал поступивший сигнал и моментально направлял по указанным координатам спасателей и медработников.

— Но вы можете отправиться туда и без меня. Я пока приготовлю вам, точнее тебе, постель. Ты же заночуешь?

И Катя понимала, что у нее не просто не было выбора — не было даже желания отказаться от этого неуклюжего приглашения.

Проще всего любоваться подобными видами все же зимой, и Катя дала себе, а вслух — дяде Вале и Казарцеву — обещание обязательно вернуться сюда в зимние месяцы, погулять по замерзшим озерам и насладиться видами ледяных дворцов на скалистых берегах каждого из великих озер. Сейчас же приходилось довольствоваться лишь внутренним убранством глубоко под породой. По сути, это была простая пещера, которую лишь с большой натяжкой можно было назвать ледяной: попади они туда во плоти, пришлось бы запастись свитерами и теплой обувью, но и этого снаряжения им вполне бы хватило, чтобы не околеть в ближайшие пару часов осмотра. Голограммы создавали в кромешной тьме тусклый свет, позволяющий рассмотреть ядовито-желтые, цвета желчи и мокрого песка, уродливые сталактиты и сталагмиты, свисавшие с потолочных сводов и выроставшие на пути буквально под несуществующими ногами самых необычных пришельцев, когда-либо появлявшихся здесь за все время. Пройдя еще чуть вглубь, Катя вскрикнула от неожиданности, и сделала голограмму чуть ярче, освещая что-то на полу пещеры справа от себя.

— Всего лишь груда костей животных, погибших здесь много столетий назад, — без всяких эмоций в голосе пробубнел дядя Валя. — Один нюанс. Прямо скажу, мы приняли верное решение, отправившись сюда в виде голограмм. На костях споры чумы и, судя по всему, все еще активной. Безусловно, ослабленной холодом, но вполне жизнеспособной. Куда только эти ваши спелеологи смотрят.

— А не ее ли они так тщательно оберегают? — протянул задумчиво Казарцев.

— Оригинальные научные методы, — хмыкнула Катя. — Смотрела я как-то раз один старенький фильм на подобную тему. Тоже одни любознательные ученые притащили из вечной мерзлоты какой-то древний вирус, который потом чуть всю планету не выкосил.

— Не стоит все же сравнивать то время и нынешнее. Уже одно то, что пещера изучается много лет, а никакой страшной болезни из застенок лаборатории пока еще не вырвалось, внушает большой оптимизм.

Катя пожала плечами. Она устала и замерзла. Ей хотелось поскорее засесть за чтение записей и написание очередной статьи. И провести ночь, наконец, в настоящей постели, а не в доме на колесах. Трейлер был прекрасным, и она не ощущала в нем ни малейшего дискомфорта, но все же хотелось почувствовать твердую почву под ногами хотя бы на одну ночь.

Они провели в пещере около трех часов и вернулись как раз к обеду. Точнее, они никуда и не выходили из трейлера, просто по щелчку пальцев внимание вновь сфокусировалось на окружающей их реальности, а не на голограмме пещеры, в которую они погружались.

Эдвард встретил их горячим обедом и безмятежно покивал в ответ на замечание о чумных костях.

— Вероятно, это их так сильно и оберегают. Большинство болезней нынче побеждены окончательно и бесповоротно, вот и остается изучать пережитки прошлого. Но, полагаю, все ваши опасения излишни. По слухам, бактерии эти обуздали и поставили на службу науке. Как только удастся синтезировать полноценный клон в лаборатории, кости будут полностью обезврежены и останутся просто пожелтевшими от времени артефактами. Не думаю, что это займет слишком много времени: мы давно научились синтезировать и куда более сложные организмы...

Привет, котаны!

Давненько я не выходила на связь. А ведь у меня случилась куча всего интересного! Впрочем, лучше меня самой обо всем расскажут фотографии Великих озер, на которых я как раз сейчас и пребываю. Гурон с его необычной, но отнюдь не неприступной Репкой (тому, кто оставит первые пять комментариев под моей записью, я расскажу, как на нее забраться — есть одна хитрость!). Шутка. Конечно же, я расскажу об этом всем. Если вы хорошо плаваете, или если у вас имеется под рукой лодка и моток веревки... или если вы очень дружелюбный тип и не погнушаетесь обществом весьма и весьма интересного собеседника, проживающего как раз в паре десятков метров от пресловутой Репки... Впрочем, я не буду раскрывать все секреты своего нового друга, их он поведаст вам сам, если вы когда-нибудь доберетесь до прекрасного пестрого Гурона и захотите провести там день, а, чем черт не шутит, может быть, даже и ночь. Я знаю, что сам он никогда не прочтет эту запись, но все равно хотела бы передать ему огромный привет и пожелать яркого и незабываемого одиночества, которым он наслаждается каждый день, а также здоровья и долголетия замечательному черному Гринго. Обязательно как-нибудь загляну к вам зимой, чтобы поближе рассмотреть ледяные красоты Верхнего озера.

Да, друзья, природа там удивительная, и вместо тысячи слов лучше насладитесь этими фотографиями. Наверняка вы уже натыкались на нечто подобное в сети, но ведь это мои личные, сделанные моими руками и так, как это увидели мои глаза. И мне приятно, что вы посмотрите на них и, возможно, даже улыбнетесь.

То была моя первая ночь на берегу, на твердой земле, в домике отшельника, а не моем уютном доме на колесах. И мне снились самые яркие сны, какие только способен подарить Оле Лукойе. А наутро мы снова двинулись в путь. Время на остальные озера мы тратить больше не захотели и рванули напрямик к границе с Висконсином. Пока я не знаю о нем ровным счетом ничего, но скоро мой незаменимый дядя Валя сообщит мне, какие горы и озера мы можем посетить, чтобы не слишком отклоняться от маршрута, а пока... мы скользим все дальше от озер Мичигана все ближе к настоящим прериям, уже ничем не напоминающим наши российские степи.

Мы проехали весь день, я успела три раза переписать эту статью заново, прежде чем ее текст начал радовать мне глаз и душу, а потом... случилось нечто невероятное. Нечто настолько удивительное, что мне придется рассказать вам об этом, потому что даже если вы прямо сейчас рванете на аэромашине в Нью-Йорк, а затем возьмете такси и в несколько минут окажетесь на том самом месте, ничего невероятного там уже не будет. Поскольку оно случилось только со мной, и мне хватило ума и смелости забрать это себе. Не знаю, чем закончится эта история, но, кажется, именно сейчас у меня и начинаются настоящие приключения.

Словом, ехали мы по все так же пустынной трассе. Вообще за все время нашей поездки нам встретилось всего несколько машин и аэротакси — путешествия в США явно не являются массовой забавой, ну или все, кто хотел, уже давно ознакомились с этими местами, а я лишь, как обычно, плетусь в хвосте. Ехали мы, ехали, дядя Валя предложил мне сесть за руль и попробовать свои силы в вождении. На этот раз я уже не стала отнекиваться, да и на симуляторе успела погонять и хоть немного поверила в себя. К тому моменту, как это случилось, я сидела за рулем уже около полутора часов и порядком

устала. Подумывала даже предложить дяде Вале забрать управление себе, а я бы пока статейку для вас настрочила... Уже потихоньку начинало темнеть, и я засомневалась, включать ли фары или еще подождать. И тут, как только эта самая мысль про фары пронзила мой мозг, я увидела впереди что-то. Сперва мне показалось, что это обычный придорожный столб, и я не придавала происшествию никакого значения. Потом столб, казалось бы, заколебался, и я тут же решила, что это, наверное, чахлое деревце шевелит остатками ветвей от дуновения легкого ветра. Но тут дерево это словно бы вырвало корни свои из земли и медленно двинулось мне навстречу, выставив одну из ветвей вбок. Я отчаянно заморгала, прогоняя морок, и только спустя несколько секунд поняла, что это было никакое не дерево и тем более не столб. На обочине стоял человек, устало переминаясь с ноги на ногу, и вытянув правую руку с поднятым большим пальцем.

Помните, в предыдущей коротенькой статейке я писала вам про автостоп? Кажется, это был именно он. В наше время на абсолютно пустынной трассе Висконсина стоял и голосовал человек в надежде, что здесь таки появится машина и непременно подвезет его! Можете вы себе представить что-то подобное?

Лично я совершенно обалдела и от неожиданности вдавила педаль тормоза в пол. Трейлер мой остановился за несколько метров до голосующего, и тот радостно замахал рукой и побежал нам навстречу. Он подошел к окну трейлера, но дверцу открывать не стал, лишь застенчиво поинтересовался, стараясь не бросать откровенных взглядов на наш трейлер:

— Здравствуйте. Не могли бы вы подвезти меня?

— Эээ, — только и смогла выдавить я, в горле моем совершенно пересохло.

— Куда направляетесь? — бодро выдал мой находчивый дядя Валя, спасая положение.

Автостопер не растерялся и не испугался таинственного голоса из недр трейлера:

— Да... откровенно признаться, у меня нет никакой конкретной цели. Можете скинуть меня в ближайшем населенном пункте. Или подвезти чуть подальше. Я ведь просто путешествую по США. Я здесь впервые.

— Эээ, — снова протянула я, бездумно хлопая глазами.

— Поразительное совпадение! Мы тоже путешествуем и никуда не торопимся. Забирайтесь внутрь, по ходу разберемся, — и дядя Валя сам приветственно распахнул дверцу нашему новому знакомому.

Он явно путешествовал налегке: за спиной у него намечался не впечатляющих размеров рюкзак, из которого торчал чудной узкий цилиндр. И это был, пожалуй, самый необыкновенный человек, что мне доводилось встречать в своей жизни.

Скажите, котаны, вы ведь любите старенькую музыку, что была в ходу в 20 веке? Поговаривают, в докризисные времена еще умели творить, хотя постепенно деградация напознала на умы уже тогда. Но многие и сейчас слушают квинов, роллингов, цеппов и, конечно же, битлов! Я и сама в детстве была от них без ума, а Пол Маккартни стал на время главным героем моих розовых девичьих грез. Так что, вам будет вполне понятна моя неадекватная реакция на появление возле моего скромного трейлера незнакомца, как две капли воды похожего на Пола образца примерно 1965 г.

А уж когда он протянул мне свою красивую узкую ладонь и дружелюбно произнес:

— Пол, — я и вовсе лишилась остатков речи и лишь промычала нечто невразумительное, что дядя Валя тут же расшифровал, как:

— Катя. Ее зовут Катя. Вы извините нас, мы очень устали, а она много часов провела

за рулем. Катя, давай я тебя сменю, а ты иди покушай и спать. И гостю покажи, что где. Пусть чувствует себя как дома. Я не слишком пережимаю с гостеприимством? — добавил он уже мне на ухо, а у меня хватило сил лишь на то, чтобы помотать головой. — Можете занять дополнительную откидную кровать прямо за кухней.

Пол бодро улыбнулся и опустил рюкзак на пол.

Вот как-то так нас и стало не трое, а четверо. Хотя, справедливости ради, нас стало всего двое.

Временно исчезаю с поля вашего зрения, ибо мне надо разобраться, что это за Пол такой и не маньяк ли он.

Всех обнимаю, и пожелайте мне удачи и крепких нервишек.

В ту ночь Кате, разумеется, не спалось. Она достала записки Меркулова и около получаса бездумно пялилась в одну строчку, даже не пытаясь ее читать. Не то чтобы она была категорически против постороннего человека в трейлере — ей бы и в голову не пришло оставить кого-то ночью одного на трассе даже при наличии повсюду вездесущих дронов и аэротакси, но незнакомец слишком многое всколыхнул в ней, что казалось давно забытым и похороненным под тоннами новых впечатлений. Возможно, он и вправду был потомком того самого Маккартни, что когда-то с друзьями потряс мир, да и оказался при этом полным его тезкой. Катя отложила тетрадь, достала телефон и, не переключаясь на этот раз на голограмму, включила Белый альбом, едва успев сунуть в уши наушники. А вот если бы она была чипирована, таких хлопот у нее бы не возникло.

Гость довольно быстро и почти бесшумно поел, кинул рюкзак подальше в угол и принялся разбираться с откидной кроватью и отгораживающей ее от остального помещения ширмой. Как только он затих, Катя тоже выключила свет и выскользнула наружу, присела на ступеньки и сделала музыку погромче.

Она не слушала битлов уже много лет: как только миновало детство, музыка перестала интересовать ее как явление, она с головой погрузилась в литературу, и если что-то и слушала, то были это обычно аудиокниги. И вот так резко и внезапно Америка окунула ее в старые воспоминания, а она ведь до сих пор помнила каждую песню наизусть — так она их замозолила в свое время. Еще несколько минут напряженной тишины, несколько привычных, хоть и давно не звучавших в ее наушниках песен, и веки Кати расслабленно опустились, губы расплылись в улыбке.

— Sexy Sadie what have you done? — напевала она себе под нос, мотая головой в такт струившемуся фортепианному проигрышу в исполнении того самого Пола, от которого когда-то 13-летняя Катя была просто без ума.

В этот самый миг на плечо ей легла чья-то теплая легкая ладонь. Катя вздрогнула, инстинктивно дернулась в сторону и резко достала наушник из правого уха.

— Тоже не спится? — зевнул Пол, опускаясь на ступеньку трейлера рядом с ней. — Заварить вам чаю?

Катя с благодарностью кивнула, сама от себя не ожидая подобного.

— Мы можем попросить об этом дядю Валю. То есть... мой ИИ.

— Ерунда, я сделаю это сам. Мне приятно заниматься такими мелочами самостоятельно без вовлечения ИИ. Жили же как-то раньше люди без всех этих технических штучек.

— И сейчас многие живут, — Кате вспомнился Эдвард в его хижине, лепившейся к

скалистому берегу Гурона.

— Мои родители, например, — крикнул Пол из кухни, гремя чашками.

— Как вы вообще оказались в одиночку на трассе? Не вызвали аэротакси, а отправились один пешком...

— А еще голосовал вместо того, чтобы попросить ИИ найти мне транспорт? — усмехнулся Пол, возвращаясь на ступеньки с легким практически невесомым подносом. — Эти современные картонные изделия просто удивительны, — щелкнул он пальцем по подносу.

— Я, разумеется, ничего такого в виду не имела и не собиралась вас осуждать, это ваше право... — тут же спохватилась Катя.

— Да прекрати, ерунда, — резко перешел на «ты» новый знакомый. — Одно из моих чудачеств. Отправился на другой континент за вдохновением. Сам я из Ливерпуля, кстати.

Катя даже не удивилась этому открытию, лишь удовлетворенно хмыкнула: так и есть, потомок. Фамилия может отличаться, а вот внешность и родина не обманут. Наверняка его постоянно мучают вопросами о родстве, поэтому сама Катя решила не трогать эту тему: если захочет, сам похвастается, а до тех пор она и вообще не обязана знать никаких Битлз.

— За вдохновением? — переспросила она о том, что более всего заинтересовало ее во фразе Пола.

— Я художник, — уточнил он, и наличие странного цилиндра в его рюкзаке сразу же получило свое объяснение. — Лицензию пока не получил, если ты об этом, но планирую сделать это как раз после поездки. Живопись в любом случае не брошу, даже если мне не выдадут разрешения. Таланта у меня, может, и немного, но совсем отказаться от творчества я все равно не смогу. Пусть дома мои художества висят и радуют близких. В прежние времена, наверное, голодать бы пришлось с такими принципами. Ну, от неостребованности там... хотя в истории я не силен, если честно.

Катя пожала плечами:

— Пришлось бы. Тогда многие из тех, кто впоследствии стали зваться величайшими гениями, при жизни своей голодали и не могли продать ни одной картины или книги. Я про таких, помнится, даже статью однажды написала...

— Так ты тоже нашего племени? — встрепенулся Пол.

— Да так, скорее мараю просторы сети ничего не значащими статейками о путешествиях, разбавляя их иногда чем-нибудь эдаким с претензией. Лицензию на писательство получила, а толку?

— Кажется, я догадываюсь, почему ты здесь. С той же целью? Творцу просто необходима смена впечатлений. На одном месте быстро закисаешь, выгораешь, теряешь темы. Даже технику совершенствовать желание пропадает.

Катя лишь молча кивнула, решив не уточнять, что стало для нее первым толчком к погоне за вдохновением.

— Вообще писателям и режиссерам сейчас, наверное, особенно тяжело. Живописцам да музыкантам во все времена неплохо живется: рисуй себе пейзажи и людей, жанровых мастеров всегда было наперечет. Сочиняй фуги с менюэтами — там ни тема не нужна, ни сюжет, ни проблематика, ни сложные и противоречивые герои. Никаких идей раскрывать не нужно, знай себе маши кистью по холсту или выстраивай ноты в одни тебе пока ведомые последовательности. А вот чтобы книгу написать или снять фильм, нужно всколыхнуть какую-то важную проблему.

— Совсем необязательно. Создать простую и добротную развлекательную вещь ничуть не проще. Возьми того же Жюль Верна или Эдгара По...

— И? Жюль Верн эксплуатировал нашу жажду путешествий, которую утолить в те времена могли лишь единицы. Тогда как сейчас каждый в любой момент может махнуть не то что в Антарктиду — в соседнюю звездную систему! А Эдгар По эксплуатировал наши страхи, пользовался недостаточной образованностью масс, играл на ее низменных инстинктах. Сейчас же, когда даже младший школьник неплохо разбирается в теории относительности...

— Веришь ли, — перебила его Катя, — до сих пор не особо понимаю, как именно она нам сейчас помогает, просто верю всем на слово.

— Да и у меня примерно то же самое, — махнул рукой Пол и рассмеялся, — но все равно в мире царит безоговорочное доверие науке, всем мистификациям прошлых лет найдено разумное объяснение, уровень преступности на нуле. Никакие триллеры и ужастики родиться попросту не могут, поскольку даже если найдется сейчас гений, способный либо выдумать ужастик для нашей реальности, либо нафантазировать какую-нибудь вымышленную реальность, разве будут его произведения пользоваться спросом? Раньше такие творения щекотали нервы, вызывали адреналиновую бурю, позволяя отвлечься от насущных проблем. Сейчас же у всех нас одна единственная проблема — отсутствие этих самых проблем. Еще немного, и мир накроет тоска и скука за неимением конкурентной борьбы и сопутствующих ей проявлений агрессии.

— Нам эту скуку пророчили с самого начала. Прошло уже не одно десятилетие, а ее не видно даже на горизонте.

— Хорошо, если так все и будет продолжаться. А то читал я как-то об одном довольно древнем эксперименте, и погрузил он меня в неприятные раздумья. Ты что-нибудь слышала о мышинном рае?

Катя нахмурилась. На лекциях по философии им что-то рассказывали на этот счет. У них даже билет на экзамене был с таким вопросом, но университетские годы благополучно миновали, самые неприятные моменты благополучно забылись, а вместе с ними и вся философия подчистую. Катя улыбнулась и помотала головой, не боясь выглядеть недостаточно образованной в глазах Пола.

— Да я сам буквально недавно наткнулся на диспут двух ученых, заинтересовало название, вот и полез в словарь. Ты ничего такого не подумай, я не книжный червь какой-то, — тут же принялся за чем-то оправдываться Пол. — Мне типаж одного из этих ученых приглянулся, и я стал искать его фактурные фотографии, чтобы портрет написать. А в текст вчитался по сути совершенно случайно — хотел побольше о его жизни узнать, чтобы характер поточнее запечатлеть, а там как раз про диспут этот знаменитый и писали. Вот так одно за другое потянулось, и узнал я про мышинный рай этот пресловутый. Когда-то очень давно, лет сто или около того назад, ученые одной из капиталистических стран решили смоделировать коммунизм в отдельно взятой мышинной клетке. Посадили в загон несколько пар молодых мышей, обеспечили их буквально всем необходимым — чтобы избавить их от необходимости добывать пропитание и драться за территорию. Нивелировали агрессию. Даже гнезда для будущего потомства им подготовили. Регулярно меняли подстилки, кормили вкусно и питательно, регулировали освещение. В общем, обеспечили самый настоящий рай. Мышинный рай — именно так и называли тот эксперимент. Как думаешь, что вышло в итоге?

— Мы не мыши, — предвидев исход этой истории в хитро блеснувшем взгляде Пола, буркнула Катя.

— То есть, ты уже догадываешься, чем все это закончилось?

— И чем конкретно?

— Полной деградацией, вырождением и вымиранием. Это если кратко и не вдаваясь в подробности всего печального процесса. Тогда ученые, разумеется, сделали вывод, что конкурентная борьба просто неизбежна, чтобы жизнь на планете продолжала развиваться, а не загнулась. Никакого рая на земле никому не положено. Бейся за выживание, бейся за место под солнцем. И если тебя растопчут, то плевать на тебя, для вида в целом будет только лучше.

— Потрясающе, — с сарказмом выдавила из себя Катя. — О чем же спорили те философы, на которых ты наткнулся?

— Ну, первый защищал в точности твою точку зрения: мы не мыши, у нас гораздо более развитый интеллект, мы в состоянии контролировать свои инстинкты, свое поведение, а вся наука прошлых лет автоматом исходила из аксиомы, что человек ничем, ровным счетом ничем не отличается от этих самых мышей. Так оно, может, и было, да только человечество должно стремиться к большему, чем просто занимать на планете нишу мышей, лишь бы только не выродиться. Уж лучше выродиться, чем жить по закону джунглей. Оппонент его в целом был с ним согласен, однако, упирал на то, что нельзя почивать на лаврах. Нельзя просто слепо надеяться, что человечество как-нибудь само избегнет проблемы мышинного рая. Надо непременно заниматься разработкой возможных выходов из райского тупика, чтобы если он когда-нибудь наступит, быть во всеоружии и знать, как поступать. Это был очень интеллигентный диспут, но, к сожалению, ни к каким конструктивным мыслям собеседники так и не пришли. А вот задуматься меня заставили.

— Пойдем спать, — пробормотала Катя. — Если уж лучшие умы планеты пока не знают, как решить эту проблему, мы в этом и подавно не разберемся. Как там у Толстого? Делай что должно, и будь что будет.

Она поднялась по ступенькам, поставила чашку в раковину и задернула занавеску, отгораживающую ее кровать от остального пространства трейлера. Пол еще некоторое время шуршал на своем откидном спальном месте, но вскоре затих и он.

Утром, едва только Катя размежила веки, перед ней возникла голограмма Казарцева:

— Пока мы в Иллинойсе, давайте завернем к болотам с кипарисами. Потеряем от силы пару дней всего, зато впечатлений массу получим!

Катя зевнула:

— У нас пополнение. Так что, неплохо бы еще и с ним посоветоваться.

— Да, дядя Валя уже сообщил. Не думаю, что художник будет против этой затеи. Наша задача наоборот будет вытащить его оттуда пораньше, а то вряд ли он захочет покинуть то место на следующий же день. Бьюсь об заклад, он и ночевать уляжется прямо в лодке. Я ночью фотографии полистал: там невероятные виды.

— Хорошо, хорошо! — не стала спорить Катя. — Пусть дядя Валя ведет трейлер туда. Я бы лучше, конечно, в Чикаго заглянула, но... в конце концов, мне что, Нью-Йорка что ли мало было?

Пол уже встал и всю гремел посудой на кухне, разогревая чай и нарезая бутерброды на двоих. Катя урвала парочку и снова задернула шторку: новый попутчик хоть и вызывал у нее неподдельный интерес, но куда интереснее было снова провалиться в миры Меркулова и его таинственных экспериментов. Трейлер же меж тем на пределе скорости мчал к болотам реки Кэш и, по прогнозам ИИ, мог оказаться там уже к вечеру.

Озеров держится молодцом: предпочитает не спрашивать меня, для чего мне нужны все эти сложные машинные выкладки по определению нравственного уровня человека. Довольствуется простыми и сухими ответами. А вот Казарцев уже что-то заподозрил и, хоть и не допрашивает меня конкретно, но иногда в беседах с ним проскальзывают такие странные фразы, что становится понятно: он явно что-то подозревает. Я не вижу в нем желания припереть меня к стенке или высмеять. Пока он на это просто неспособен, но он читает мои мысли гораздо лучше многих моих давних знакомых, и это дает мне надежду на то, что я все же на верном пути.

Иногда он вступает со мной в дискуссию, но я не вижу в нем желания переспорить или разубедить меня. Я даже не сказал бы, что у него есть какая-то собственная четко сформулированная позиция: по крайней мере, на данном этапе это было бы несколько странно. Но он словно бы подводит меня к тем или иным выводам, заставляя еще и еще раз обдумать ранее отброшенные варианты. В конце концов, в мире уже имеется вполне себе дееспособная система исправления нравственных недочетов человека и зовется она пенитенциарной. То, что не подпадает под действие уголовного кодекса, регулируется административным. На худой конец — моральным. Общественного осуждения большинство тоже побаивается. И худо-бедно отношения между людьми направляются в нужное общей массе русло. В самых запущенных случаях к делу подключается религия и законы совести. Чего же мне еще? — вопрошает Казарцев и словно бы ждет, что я на это отвечу.

Федор Михайлович когда-то давно вещал, что если бога нет, то все позволено. Я бы согласился с этим утверждением, если только слово «бог» заменить в нем словом «совесть» или «самоконтроль». В конце концов, если завтра случится революция, и государственные функции отправлять станет некому, многие ли начнут

руководствоваться вопросами совести, чести и морали, когда над ними не висит уже гарантированный тюремный жернов? И сейчас-то он останавливает далеко не всех, а уж в смутные времена анархии про общественный порядок можно будет забыть. Лысые обезьяны пока так и не научились жить по совести, им все законы подавай — государственные или божественные. Хоть какие-нибудь. Так и выходит, что как обезьяну не ограничивай, а она все равно будет косить глазом на сторону и думать, как бы так обойти этот самый закон, чтобы ничего за это не схлопотать. Обойти, заметьте. Обойти, а не соблюсти. Тут можно парировать, что дескать все эти законы писались другими обезьянами для своей выгоды, а каждому свойственно свою собственную выгоду блюсти. Здесь-то мы и попадаем в яблочко: пока человек сам по доброй воле не начнет думать о всеобщем благе, никакие законы, никакие боги его к тому не принудят. Хотя, безусловно, и помогут создать видимость цивилизации. Одну только видимость: поскреби — и под дорогим пиджаком и холеным обликом наскребешь все того же старого доброго австралопитека. Им-то нам и нужно заняться. Не выбрать ему костюм покрасивее, не пластическую операцию на его уродливой морде проделать, не научить ходить прямо и вместо дубинки — ловко орудовать айфоном, а изменить его сущность. Сделать из Чикатило князя Мышкина, если позволите.

Казарцев надо мной не смеется, лишь каждый раз удовлетворенно кивает, выслушав мои доводы, словно бы полностью с ними соглашается. Более того, он даже не отрицает того, что кроме ИИ в этом вопросе помочь человечеству не сможет ничто. Пока он, правда, не вполне осознает сам пошаговый процесс превращения австралопитека в человека разумного, но, когда я смогу до него это донести, уверен, он усовершенствует мою мысль и вознесет ее на необходимые нам вершины. Я очень в него верю.

В салоне трейлера повис резкий запах краски. Катя отбросила тетрадь, едва успев прочесть всего одну короткую запись, явно, впрочем, демонстрирующую особые отношения, связывавшие Меркулова с Казарцевым (ох, наврал, мерзавец, что он всего лишь доверенное лицо!), и спрыгнула с кровати. Пол настезь распахнул окно, чтобы выветривать результаты своего труда, но запах был таким острым и насыщенным, что моментально въедался в глаза.

— Как можно рисовать что-то на ходу? — изумилась Катя, не решаясь попросить его и вовсе прекратить это занятие и закупорить краски.

— Я многое пишу по памяти. Я нигде не учился. Знаю, художники должны писать с натуры, впрочем... кому и что мы вообще должны? Может, я никогда не получу пресловутую лицензию. Да и в любом случае на получение лицензии нужно подать в комитет свои работы, а не видеозапись того, как я их создаю...

— По памяти? Кхм, — Катя осторожно заглянула в небольшой мольберт да так и застыла: на холсте весело улыбалась ее собственная белокурая физиономия, выставив на всеобщее обозрение забавный кроличий оскал.

— Похожа? — в голосе Пола скользнуло едва заметное волнение. Катя молча кивнула, а затем пошла ва-банк, резко повернувшись и подняв на него глаза:

— Скажи, ты потомок того самого Пола Маккартни? Ну из этой древней музыкальной группы.

— Не знаю такого, — пожал он плечами, и по взгляду непохоже было, что он врал. — Я как-то в целом в музыке несилен. А с чего такие выводы?

— Да так. Похож внешне слегка. И даже не слегка, я бы сказала. Ну, впрочем, мало ли.

Всякое бывает. А за портрет спасибо. Очень здорово вышло.

— Сейчас закончу, и можем обедать.

Болота начинались внезапно, даже как-то совсем неожиданно. Плынешь вроде в русле темноватой реки, затянутой ряской и тиной — ну всякое бывает: медленное течение, илистый берег, узкое русло, обилие деревьев по откосам, буквально впивающихся своими корнями в вязкое дно... а потом вдруг раз — и ты уже на огромном открытом пространстве, где всюду будто и не вода уже даже, а мутный серовато-зеленый кисель. Наверное, именно так выглядели топи Средиземья в романах Толкиена. Лодка замерла на самом краю болот, там, где еще, казалось, было не совсем ясно, в устье ли ты или уже покинул его и под тобой непреодолимая серая вязкость, в которой и передвигаться-то сложно — нос лодки постоянно цепляет ряску, а сквозь непрозрачную воду разглядеть получается лишь свое отражение. Катя много где побывала за свою долгую историю блогера-путешественника, но еще никогда и ничто прежде так не будоражило ее эмоции и воображение. Она забыла, что рядом сидит Пол, и даже краем глаза не смогла отследить, как схватился он за предусмотрительно заготовленный лист ватмана и принялся водить по нему карандашом, а затем — окунать кисть прямо в болотную воду и разводить что-то по листу, не издав при этом ни звука.

Здесь царил странный и какой-то уж совсем сказочный полумрак: кипарисы росли довольно часто — так, что сквозь почти смыкавшиеся кроны солнце едва просвечивало, вынужденное преодолевать препятствие в виде довольно странного рода кроны, ничем не напоминавшей собой обычные кроны обычных деревьев. Листва их — если это вообще можно было хоть даже с натяжкой назвать листвою — представляла собой что-то похожее на потрепанное оперение древних птиц, и эти гроздья «перьев» цвета пыльной паутины свисали длинными неопрятными прядями с ветвей, иногда достигая самой поверхности болот. Местами там встречались и листья — отчего-то ярко-желтые или красно-коричневые, словно нелепый головной убор или просто украшение, выброшенное на ветви без всякого плана и системы. Да и сами деревья едва ли хоть чем-то походили на кипарисы, какими все их привыкли видеть. В них не было ничего от тех знойных вечнозеленых красавцев с юга, ровными стройными столпами возвышавшихся на морских побережьях. Их болотные родственники походили скорее на башни, укоренившиеся во влажной вязкой почве — стволы их книзу достигали чудовищной ширины, иногда раз в десять превышавшей общий обхват обычного ствола, на котором уже начинались ветки. Оттого издалека они походили на опрокинутые на свое основание воронки с высокими горлышками. Бугристое и узловатое основание «воронки» покрыто было ржавым мхом, что в сочетании с вкраплением в кроне столь же красноватой листвы создавало удивительно гармоничный образ красоты упадка и разрушения.

Солнце, проглядывая сквозь «оперение» кипарисов, подсвечивало их сверху золотом, и отблески эти отражались в темной мутной воде болот и, несмотря на общую довольно мрачную картину, создавало поистине завораживающее зрелище. Пол все скрипел карандашом в абсолютной всепоглощающей тишине, не нарушаемой ни единым всплеском. Казарцев и ИИ тоже молчали, и первой заговорила Катя:

— Это просто невероятно. Как будто в сказку попала, — и тут же заглянула через плечо усердно работавшему Полу.

Тот увидел общую картину несколько иначе: золотистые лучи были им полностью

изъяты, словно бы оказались инородным телом, диссонировавшим с общим настроением. Он добавил серости воде и листве, а мох и яркие вкрапления в кроне — наоборот выделил на общем фоне, и они смотрелись как свежая алая кровь на давно разложившемся трупe.

— Хм, какая интересная трактовка, — пробормотала Катя. — Я видела другие твои работы. Они куда радостнее и солнечнее этой, — и она осторожно ткнула пальцем буквально в центр полотна.

— Иногда хочется чего-нибудь атмосферного, — пожал плечами Пол, не отрываясь от работы. — Помнишь, что мы обсуждали накануне? Бывает, нам нужна такая эмоциональная встряска пусть даже только в искусстве. Вроде бы ничего особенного, да? Всего лишь вода, деревья, мох, ничего больше. Никакой нечисти, никакой мистики, а кровь стынет в жилах, — и он удовлетворенно хмыкнул, замолкая.

— Мне кажется, ты получишь лицензию, — протянула Катя. — Не можешь не получить. Лодка медленно дрейфовала под собственным весом даже в стоячей воде, впрочем, не без помощи Кати, которая делала пару взмахов веслом и снова замирала, вглядываясь в клочки паутины, свисавшей с пожухлой листвы, в то, как накренился один из стволов, грозясь вот-вот сверзиться в воду, в солнечные блики, замершие на темной зеркальной поверхности.

Солнце задержалось здесь ненадолго, и после полудня золота в окружающих красках оставалось все меньше и меньше. А когда оно полностью перекочевало на юг, болото с кипарисами постепенно погрузилось в странный для столь раннего часа полумрак.

— Кроны, — не дожидаясь вопроса, резюмировал Казарцев. — Яркий солнечный свет еще проридается сквозь эту пылицу, но обычный рассеянный удерживается там, — он ткнул пальцем вверх. — А мы здесь остаемся словно в серой болотной капсуле. Зато теперь сразу понятно — мы на болотах, никаких сомнений, — и он саркастично хмыкнул.

Катя осмотрелась и вот теперь уже поняла, откуда взялись эти не заметные прежде ее глазу краски на полотне Пола: солнечный свет ушел, а в естественном пыльном полумраке все окружающее их пространство и вправду погрузилось в серость. Даже зеленоватая ряска будто пылью подернулась и выглядела так, словно плавала здесь уже не одну сотню лет, порядком напиталась водой и слегка подгнила. Но вот ржавый мох на стволах и пожухлая листва на ветвях напротив воспряли с исчезновением солнца, как если бы то отпугивало их, выжигая ярким светом саму их суть. И краски проступили лишь сейчас — до того насыщенные, что и правда напомнили Кате сочащуюся свежую кровь.

Она бросила взгляд на полотно, потом снова осмотрелась и повела плечами:

— Но... как?

Пол понял ее произнесенный вопрос и скромно улыбнулся.

— Я же художник и знаю, как реагируют цвета на смену освещения. Поэтому примерно представлял, как все это будет выглядеть через пару часов, когда солнце зайдет за кроны и уплывет на юг.

Они пообедали прямо в лодке, причалив к одному из широких стволов и обвязав вокруг него веревку, чтобы не удрейфовать и дать Полу возможность дописать картину. Казарцеву стало скучно, и он отключился, дядя Валя тоже, вероятно, дремал среди битов и кластеров.

— А что тебя привело сюда? — в вопросе Пола сквозило, вероятно, одно лишь сухое любопытство, но Катя засмушалась, откинула челку и неловко улыбнулась.

— Мир хочу посмотреть, никогда не была на этом континенте. А вообще... моя цель — джунгли Амазонки.

— Хм. То есть, ты планируешь пересечь на трейлере весь американский континент? — и в ответ на быстрый кивок Кати тут же добавил: — А можно с тобой?

— Если только ты не торопишься с получением лицензии... — пожалала Катя плечами с деланным равнодушием, а сердце ее тем временем совершило кульбит, с одной лишь ей слышным грохотом ударившись о ребра.

— Работы я могу подать в любом городе, ты же понимаешь. Кое-что у меня накопилось и раньше, но хотелось бы передать комиссии что-нибудь эдакое, а не просто березки с речкой и портрет красивой девчонки, — Пол усмехнулся и отхлебнул из термоса горячий чай.

Катя смущенно опустила глаза и порозовела. С личной жизнью у нее дела шли не особенно гладко, впрочем, уже долгие годы никто не ставил себе целью непременно обзавестись партнером, зарегистрировать новую ячейку общества и начать размножаться. С ростом продолжительности жизни среднее количество детей на семью начало постепенно сокращаться, и на текущий момент мало кто заводил больше одного. В прежние далекие времена это нарекли бы эгоизмом, не до конца, вероятно, осознавая, как сильно инстинкт размножения связан с тягой к бессмертию. И если это наивное желание удовлетворить, размножение достигнет минимальных величин. А потом наука вбила еще один клин между полами: благодаря все тому же ИИ 10.0 была достигнута возможность зачатия и выращивания живого организма вне тела матери. Над созданием искусственной матки ученые бились долгие годы, параллельно с этим все активнее лоббируя тему неполового размножения, одним из видов которого являлось в свое время клонирование. К моменту, когда Катя и Пол дрейфовали в лодке по болотам Северной Америки, понятие традиционной семьи знатно поистрепалось. Люди все еще обзаводились партнерами, регистрировали браки, а кое-кто даже продолжал плодиться самым что ни на есть естественным способом, но таких индивидов становилось все меньше, все чаще они предпочитали одиночество и одного ребенка из инкубатора. Старшее поколение поначалу било тревогу, взывая к неочевидному чувству долга, апеллируя к истинно человеческому чувству любви — родительской, детской, между мужчиной и женщиной, но на практике дети, выношенные в инкубаторе, ничем не отличались от тех, что родились естественным путем, зато риск родовых травм равнялся нулю, да и женский организм не подвергался тем чудовищным нагрузкам, что ему тысячелетиями приходилось выносить в целях продолжения рода. Родители любили своих выращенных в искусственных матках детей ничуть не меньше, чем в прежние времена любили рожденных естественным способом. Да и, кроме того, находясь под перманентным наблюдением ИИ, плод не имел возможности заполучить уродства, корректировавшиеся на начальных стадиях. Так постепенно были побеждены все врожденные генетические заболевания, отклонения и мутации. И это позволило заткнуть рты самым ярким противникам нововведений.

Инстинкт размножения еще не до конца отпустил свою хватку, но люди все чаще выбирали одиночество, и Катя в этом смысле не была каким-то отщепенцем. Да и, кроме того, кроме Пола Маккартни, привлекавшего ее скромное детское внимание много лет назад, с тех пор никто так и не смог по-настоящему заинтересовать ее. И не будь этот ее новый знакомый — как назло тоже Пол! — столь похож на ее давнюю подростковую любовь, ей бы даже и в голову не пришло краснеть от его невинного вроде бы замечания о ее красоте.

Катя дожевала последний бутерброд, закрыла термос и скользнула на дно лодки,

опираясь локтями о скамейку, покрытую давно облупившейся краской.

— А ты что, правда не знаешь Битлз? И Yesterday не слышал? — и она принялась тихо напевать этот старенький мотив, когда-то покоровивший ее сердце.

Пол нахмурился, словно бы пытаясь уловить в мелодии что-то знакомое.

— Э, нет, Катерина, — раздался вдруг надтреснутый голос дяди Вали, — так дело не пойдет. Рабинович и то лучше с задачей справится. Слушай, парень, оригинал, и оценивай его, а не ее кряхтение, — и в этот миг над болотами понеслись вступительные аккорды мирового хита.

Пол терпеливо дослушал до конца и лишь потом разочарованно покачал головой:

— Никогда раньше не слышал эту песню, но она и правда удивительно красивая.

А Катя тем временем пролистала галерею фотографий до нужной и поднесла экран смартфона к глазам своего знакомого:

— Ничего не напоминает? — на секунду переключила экран на режим зеркала, а затем вернула отображение фото.

Пол хмыкнул, а затем рассмеялся.

— Ну да, есть что-то похожее. Говоришь, его тоже Поллом звали?

— Ага, — Катя сползла еще ниже, опуская на лавку теперь уже голову. — Он умер задолго до моего рождения, но мне в жизни больше не встречался никто талантливее и красивее его.

— Может, мы и правда с ним родня, кто знает. Хотя, думаю, это было бы известно минимум моим родителям. Таким родством, безусловно, стоило бы гордиться, хотя... Что толку от гениального предка, если сам ты полный бездарь? — и лицо Пола перекосило внезапным спазмом.

— Ну какой же ты бездарь, — деловито произнесла Катя. — Ты умеешь поразительным образом моментально схватывать суть всего — человека, природы, любого объекта — и переносить это на полотно. Это редкий дар. Если тебе не дадут лицензию, то и свою я готова сдать, ибо и на четверть не столь талантлива, как ты.

Пол окинул последним взглядом законченный рисунок, убрал в ящик краски и тоже скользнул на дно лодки, упираясь ступнями в скамейку, на которой — только немного правее — покоилась белобрысая голова Кати.

— А вообще это ведь чертовски приятно — любить лицо с обложки, так ведь? — в интонации его не было ни капли насмешки, казалось, он говорит абсолютно серьезно. — Никаких тебе нервов, притирок и разочарований. Он всегда останется идеальным, ведь ты не увидишь его в драных штанах, чешущим то, что в обществе чесать неприлично, издающим не самые эстетичные звуки...

— Это ты про чавканье? — рассмеялась Катя.

— И про него тоже, — с самым серьезным видом продолжал Пол. — Я тебе завидую, если честно. Я бы тоже так хотел — масса положительных эмоций и ни грамма нервотрепки.

— Поздно завидовать, эти счастливые времена и эмоции давно позади, — скривилась Катя. — Правда, я иногда пытаюсь воскресить в памяти то, что испытывала тогда, но почти всегда безуспешно. Он прекрасен и безумно талантлив и...на этом все, — она развела руками, стараясь не смотреть, как распластался по дну лодки Пол прямо рядом с ней — буквально впритирку, не сосредотачивать свое внимание на том, как касается ее бедра его слегка оголившаяся голень: он словно бы нарочно согнул ногу в колене, и прикосновение это

показалось Кате совсем уж невыносимым.

— Благодаря этим чертовым технологиям мы превратились в каких-то бирюков, — протянул Пол.

— Ну почему же. У тебя разве совсем нет друзей? — удивилась Катя.

— Да целый вагон, — махнул он рукой. — В этом недостатка не ощущаю. А вот чтобы гормональная волна в голову ударила хоть раз — такого еще не случилось.

— Нужна ли она вообще? — с плохо скрываемым волнением, стараясь выглядеть как можно равнодушнее, произнесла Катя и почувствовала, как та самая обсуждаемая волна предательски шарахнула ее в висок прямо в этот самый момент при виде того, как Пол взъерошил свои густые черные волосы. — От нее один сплошной дискомфорт. Особенно, если не приходится рассчитывать на взаимность.

— К черту взаимность, художнику нужны эмоции, иначе так и буду всю жизнь деревца эти дурацкие рисовать и не создам ничего по-настоящему великого! Думаешь, Рафаэль смог бы написать Сикстинскую мадонну, если бы не влюблялся во всех подряд?

— Да сколько столетий назад это было! С тех пор мы поумнели, и творчество наше уже не должно зависеть от гормонов, — едва нашла в себе силы выдавить Катя, стараясь не смотреть на темные волоски на обнаженной голени Пола.

— Да-да, я постоянно это слышу: мы перешли на новую ступень эволюции и все меньше зависим от физиологии. Нами уже не руководит либидо, как же это прекрасно. В целом для человечества — возможно. Пришел конец войнам и бесконечным нервотрепкам, творчество существует не с целью поразить воображение противоположного пола, а стало самоценностью и призвано радовать абсолютно все человечество. Да только моя черепная коробка бунтует без пресловутой влюбленности.

— Но ведь... эмоции можно получить от кучи других вещей. Взобраться на Эверест, в космос слетать, наконец... — пыталась убедить уже, наверное, даже саму себя Катя.

— Мы существа социальные. Человеку нужен другой человек — прикосновения, объятия. И, пока сознание наше не перенесли на более целомудренный носитель, не реагировать на эти прикосновения совершенно невозможно, — в отчаянии вскричал Пол.

— Так что же тебе мешает? Ничего ведь никому не запрещают. Ты можешь обзавестись возлюбленной и посвящать свои картины ей...

— Хочу. Но никак не получается. Вот здесь как будто что-то атрофировано, — от ткнул пальцем в область сердца. — Могу испытывать какие угодно эмоции, но влюбленность для меня совершенно недоступна, — с сожалением прибавил он.

— А раз ты никогда в жизни не испытывал ее, откуда тебе знать, приятное ли это ощущение? — хитро прищурилась Катя, вновь приподнимаясь на локтях, чтобы получше рассмотреть выражение лица Пола, на котором в этот миг и впрямь отразилась растерянность.

— Ну хоть узнать, что это такое. Получить новый опыт, — быстро нашелся он.

— Получишь еще, какие твои годы. Ты всю юность дома просидел, картины рисовал, откуда опыту взяться? Зато сейчас с лихвой все наверстаешь и к Амазонке непременно приедешь по уши влюбленным в кого-нибудь, это я тебе обещаю! — стараясь звучать как можно непринужденнее, выдала Катя. — Но в целом не зависеть от гормональных всплесков — это прекрасно.

— Верю, — кивнул Пол. — Даже жаль, что в прошлом на создание всех этих великолепных творений предков могло сподвигнуть банальное либидо.

— Спасибо Меркулову, сейчас мы живем иначе.

— Меркулову? — недоуменно переспросил Пол.

Катя изумилась, но через секунду улыбнулась с некоторым даже облегчением: она ведь и сама не так давно в полной мере осознала роль дяди в том, что мир столь сильно изменился. Никакого культа Меркулова ни на бывшей территории России, ни тем более в других уголках планеты, не существовало. Историки и прочие любопытствующие, безусловно, знали, как и почему все сложилось именно так, но Меркулова не превозносили, не пели ему од, не ставили памятников, его тело не водрузили в Мавзолей, да и сам он возлагал ответственность за столь разительные преобразования в мире скорее на ИИ, чем на собственные плечи. Да и как мог преобразоваться мир принудительно, помимо собственной воли, сам того не желая, лишь по велению одного скромного гения?

Катя махнула рукой и не стала отвечать на вопрос.

На болота тем временем напоздали тени, полумрак сгущался, и дядя Валя с некоторой тревогой в голосе предложил им вернуться на сушу. Они наспех перекусили еще разок, и Пол снова взялся за весла. До трейлера они добрались, когда на небе замерцали первые звезды.

— Как насчет гор? — бодро поприветствовал едва успевших продрать глаза обитателей трейлера дядя Валя, когда солнце уже вовсю близилось к зениту. — Мы недалеко от границы с Южной Дакотой, предлагаю тут задержаться. Думаю, наш новый попутчик сможет по достоинству оценить то, что нам предстоит здесь увидеть.

Пол, зевая, щелкнул пальцами прямо перед собой, и Катя с удовлетворением отметила, что он тоже не вживил себе чип. Ощущение единения с пока еще малознакомым художником отчего-то грело ее душу.

— Вы о четырех президентах? — оживился он, прочтя возникший перед его глазами полупрозрачный текст, сопровождаемый обилием иллюстраций. — У меня, кстати, давно была идея картины на похожую тему — о высеченных в скалах лицах. Вот, наконец, и подвернулась возможность осуществить ее, — и он спрыгнул на пол и прошлепал к кофеварке.

Перед Катей всплыло лицо Казарцева — остальные части тела он предпочел оставить вне зоны видимости.

— Доброе утро, сони! Мы тут уже пару часов с дядей Валей маршрут выбираем, он даже трейлер пустил ни свет ни заря, чтобы побыстрее успеть за границы штата выскочить и хоть через пару дней добраться до Дакоты. Правда, мы потом Северную махнули на Южную, ну так невелика разница.

Катя помахала ему рукой и кивнула.

— Кстати, а что там с бумагами Озерова? Вы хотели их пролистать. Было время?

— Да пока ничего примечательного не нашел. Одни расчеты да скрипты. Я и сам-то в этом не силен, а ты, боюсь, и вовсе потеряешься. Если не попадется ничего доступного средним умам, вроде наших с тобой, — и Казарцев усмехнулся, — могу попробовать привлечь кого-нибудь сведущего.

— Не надо, — замотала головой Катя. — Дяде Вале лучше покажи, он точно в этом разберется и выдаст свой вердикт.

— А это мысль, — задумчиво протянул Михаил. — Пожалуй, займемся сразу после Дакоты. А пока за это время я попробую сам все дочитать и уловить хоть что-то. Ты ведь не против?

— Мы никуда не торопимся, — и Катя последовала примеру Пола и отправилась на кухню заваривать чай.

При приближении к границе между Иллинойсом и Айовой местность все меньше напоминала обычную евразийскую. Все чаще давали о себе знать холмы, на которые трейлер взбирался с некоторым трудом, а слетал вниз — приводя в полный восторг весело хохочущую Катю. В почве проглядывало все больше глины, и там, где холмы не покрывала растительность, они таращились в небо красными прогалинами глаз. На одном отрезке пути только на протяжении пары километров трейлеру пришлось преодолеть около семи подъемов и резких спусков. Дорога походила на смятую гармошкой ленту, а путешественники наши — на муравья, торопливо ползущего по ее изгибам.

— Кстати, почему ты не хочешь загрузить свои работы в облако и отправить ссылку на архив ИИ? Для чего эти сложности с передачей именно бумажной версии?

— Любой сканер, любое фото неизбежно исказит цвет. Даже все современные

высокотехнологичные линзы не в состоянии передать игру света и тени так, как это видит художник. Если он, конечно, вообще хоть что-то видит, — Пол отхлебнул кофе и присел рядом с Катей за столик.

— У ИИ ведь все равно нет глаз в традиционном понимании, а решать в любом случае ему — привезешь ли ты в серверную бумажные работы или загрузишь их в облако. Такое решение он вряд ли доверит человеку — даже самому объективному и беспристрастному.

— Может, оно и правильно, — покачал головой Пол, — а, может, и нет. ИИ оценит мастерство, но не оценит эмоциональный посыл и ничего не почувствует. Просто скажет, техничная работа или нет. Оригинальна ли, несет ли какой-то внутренний смысловой заряд...

— А разве этого мало? Эмоция — штука непредсказуемая. Никогда не знаешь, что у тебя способно ее вызвать. Я читала, в прежние времена люди увлекались подчас полными пустышками из мира искусства, не умевшими ни петь — если это были певцы — ни грамотно излагать мысли — если речь шла о писателях. В те годы как раз талантливым людям было никак не пробиться к публике из-за обилия всей этой яркой шелухи.

— Но сейчас ведь ничего из того прежнего культурного наследия не под запретом. Слушай не хочу. Так ведь никто же не слушает. У людей развился вкус, повысилась планка восприятия искусства. Поэтому и эмоции у них теперь вызывают не все эти Бритни Спирс или как там звали эту чудную девицу...

— Удивительное дело, — протянула Катя, задумчиво глядя в окно, — столько лет прошло, столько новых классиков появилось, а музыку Битлз продолжают слушать и любить, хотя многие уже и не знают, кто это, как выглядят и что исполняли, — и она хитро усмехнулась, не поворачивая головы.

— Уговорила, — рассмеялся Пол, — сегодня же послушаю твоих Битлз и оценю их шанс стать подметками их нынешних коллег. Просто я очень далек от музыки, на меня не стоит ориентироваться. Вот по части живописи можешь меня помучить. Кто тебя интересует? Магритт, Шагал?

— Иди слушай битлов! — махнула Катя рукой и отобрала у него чашку с остатками кофе на доньшке.

Пол забрался с ногами на диван, щелкнул пальцами у лица, поправил в ушах крошечные силиконовые кнопки наушников и провалился в сказочный мир шестидесятых годов прошлого века, а Катя сполоснула посуду и плюхнулась на сиденье рядом с водительским.

— Казарцев еще не выслал тебе бумаги Озерова? — лениво поинтересовалась Катя у дяди Вали.

— Не до них мне, — буркнул тот. — Выслал какую-то ссылку, потом займусь.

— Чем же это ты таким интересным занят, а? — шутливо проворчала Катя, закидывая голые ноги на приборную панель.

— Мы забыли воду для двигателя взять в распредцентре. Вот прикидываю, дотянем с таким количеством до следующего или придется в речке заправляться. А это, между прочим, нанесет урон экологии! Ситуация и так с трудом выправилась после прежних веков.

— Да-да-да, — забубнела Катя, имитируя назидательный тон дяди Вали, который тот по случаю любил включать, — сейчас нас ждет очередная лекция о мусорных островах в мировом океане, о космическом мусоре, озоновой дыре и парниковом эффекте. Я ничего не перепутала? Все термины назвала верно? Эти шуки портили жизнь нашим предкам?

— Именно они, но не только. И если мы будем преобразовывать водород не из

предварительно очищенной воды, а из обычной речной, есть опасность на выходе получить тяжелую воду, сюда придется направлять бригаду по ее очищению...

— В общем, ты облажался, — заключила Катя, не дав ему договорить.

— Я? То есть все в нашей поездке должен продумывать только я? Ты же хочешь, как трутень помещик прежних веков, только наслаждаться результатами да недовольно покрикивать «Захар!»?

— Ну ты чего, — заканючила Катя, наморщив нос. — Я не имела в виду ничего подобного. Ну хорошо, это я облажалась. Я забыла про эту чертову воду. Но мы ведь можем переключиться на солнечные батареи и так дотянуть до распрецентра, разве не так?

— Я уже это сделал, — с гордостью отрапортовал дядя Валя.

— Так к чему тогда весь этот цирк?

— Чтобы ты помнила, что если со мной что-то случится...

— А что с тобой может случиться? — округлила она в ужасе глаза.

— Мы едем в область, где продолжают существовать дикие племена...

— А как же спутники?

— Они работают, все будет хорошо, но все же ты должна понимать, куда и для чего ты едешь. Не думаю, что жизнь овоща — это все, к чему ты стремишься.

— Пффф, и ты завел шарманку про мышинный рай. Только позавчера это с Полом обсуждали.

— Вот и подумай об этом.

— Я подумаю, — процедила Катя и умолкла, моментально забыв, с чего началась их беседа с дядей Валею.

Пару часов она провела у окна, рассматривая проплывающую мимо довольно монотонную местность, да и тряска на холмистой дороге перестала развлекать, а начала лишь докучать и мешать нормально приготовить обед. Конечно, можно было еще в самом начале пути взять технически более оснащенный трейлер, внутри которого вмонтировали нечто вроде антигравитатора, чаще используемого в космических кораблях. В путешествии по пересеченной местности подобная вещь просто незаменима — позволяет отключить тряску и вибрацию внутри салона. Но при подготовке к поездке она даже не вспомнила об этом, а дядя Валя, вероятно, посчитал, что ей полезно будет испытать все прелести походной жизни на себе.

Плюнув на все безуспешные попытки приготовить салат, Катя снова попыталась поискать хоть какую-то информацию о том диком племени, куда они направлялись. Она старалась формулировать запросы несколько заковыристее, чем тогда дома, но результат был прежний — почти ничего ценного. После недолгих колебаний она все же решилась войти в чат путешественников и попробовать хоть что-нибудь узнать уже у простых людей. Чат служил приложением оперативного общения к довольно старому и ставшему почти легендарным форуму Винского. Народ не помнил и не знал, кем, собственно говоря, был тот самый Винский, но в архивах хранились темы едва ли не столетней давности, что вызывало у Кати благоговейный ужас. Создавать тему на форуме не хотелось — это могло привлечь ненужное внимание, и она сразу скользнула в чат. Появляться там можно было в любой доступной форме — текстовой, аудио, голограммой — ничто не препятствовало свободному общению. Катя выбрала максимально закрытую форму — текстовую. На секунду задумавшись, поставила ник Valentin и принялась строчить:

— Привет, народ! Кто-нибудь в курсе, где можно разжиться инфой по диким племенам

Латинской Америки? Поиск в сети ничего не дает, поэтому решила обратиться к опыту старших товарищей *хихикающий смайл*.

— Что именно интересует? — прямо перед Катей всплыло лицо сонного парня, вероятно, ошибочно ткнувшего в опцию входа через голограмму.

— Слышала, они там до сих пор свои древние культы отправляют. Вот хотелось бы ознакомиться хоть с одним, — дала Катя туманный ответ.

— Оооооо, да ты рискованный парень, — собеседник взъерошил и без того лохматые светлые волосы. — Я хоть и любитель экстрима, но такие вещи оставляю за этнологами, а то неровен час вляпаешься по самое... Не, ИИ, конечно, выгащит, вероятно, еще даже до того, как на мне появится хоть одна царапина, но я предпочитаю другого рода риск.

— ?

— Альпинизм и стрельба по мишеням. А инфу по племенам тебе только в самих племенах и могут дать. Может, в чате кто и найдется из тех, что их уже посещали, но не думаю, что эти товарищи столь охотно будут делиться сведениями с посторонними людьми.

— А как же мир, дружба, коммунизм? — удивилась Катя.

— А какое отношение твое неумное любопытство имеет к коммунизму? — насторожился парень. — В этих племенах могут процветать какие угодно культы. Да, нам сообщают, что там все под контролем, и в целом я в это верю, но... реставрация прежнего режима может пойти откуда угодно, и в этом смысле промолчавшие ребята будут полностью правы.

— Реставрация капитализма дикими племенами? Сюр какой-то. Похоже на паранойю, — напечатала Катя.

— У меня отец застал прежние времена и, вероятно, передал мне этот страх по наследству. Не хочу я видеть иного образа жизни. Боюсь...

— Боишься?

— Да не того, о чем ты подумал, дурень. Боюсь испытать злость, ненависть к себе подобным просто за то, что они ведут более дикий, близкий к животным образ жизни. Но если ты хочешь с ними познакомиться, кто тебе может в этом помешать? Обратись к бывшим жителям подобных племен, они все тебе растолкуют.

— Бывшим?

— Ооо, да ты, приятель, мало той дорожки прошел. Все эти племена постепенно приходят к нормальному образу жизни — в основном благодаря слаженной работе ИИ, психологов, этнологов, антропологов и многих других специалистов разных областей. На них не давят, ни к чему их не принуждают, просто показывают им другую жизнь и дают им понять, что и они могут стать частью этого прекрасного мира. Большинство с радостью соглашается, но есть и упертые товарищи. Слышал, часть из таких как раз в Бразилии окопалась...

— Мда? — Катя изо всех сил сдержалась, чтобы отчаянно не начать спрашивать явно чего-то знавшего собеседника. Но его и не нужно было спрашивать, он и сам, казалось, рад был поболтать.

— Да я почти ничего об этом не знаю. Говорю же, тебе лучше самому у бывших членов таких племен уточнить. Говоришь, ты в Америке сейчас? Ну смотайся в Аризону да пообщайся там с ними. Можно в принципе и по голограмме связаться, но для них это пока в новинку, лучше уж с глазу на глаз. Там есть кое-кто и из Латинской Америки. Окопались в старой индейской резервации и постепенно привыкают к новой жизни.

— Большое спасибо за совет, я обязательно приму его к сведению, — и Катя поспешила закончить разговор.

— Нужно будет что-то — пиши сюда, я всегда здесь, — ухмыльнулся парень.

— А ник у тебя какой? Как я тебя узнаю?

И в чате тут же высветилась фраза:

— Merk, я здесь фигурирую под этим ником. Ну бывай, — и он, вероятно, тоже отключился.

Еще немного патрулирования мировой сети, и местонахождение бывшей индейской резервации в Аризоне было установлено. Ее давно расформировали, и теперь индейцы расселились по всей планете, однако, то ли по стародавней привычке, то ли просто в силу большей культурной близости к источнику начинавшие свою социальную адаптацию члены диких племен приезжали именно сюда. По крайней мере, это касалось племен с американского континента. Кто-то задерживался там надолго, кому-то хватало нескольких месяцев, чтобы привыкнуть к радикально новому образу жизни, но в целом это и правда было, пожалуй, одно из немногих мест планеты, где Катя реально имела шансы получить хоть какую-то информацию. Она открыла карту США. В принципе, если свернуть с тропы Тихоокеанского хребта чуть раньше, вполне можно было заскочить и туда. А если не торопиться и не экономить время, то не помешает и небольшая петля, чтобы осмотреть уж и вправду все, что хотелось и планировалось.

Пол продолжал знакомиться с творчеством своего великого тезки, и Катя хотела уже было вернуться к прочтению записей Меркулова, как вдруг давно саднившая подсознание мысль сумела прорваться на передний план. Она спрашивала Михаила об этом и раньше, но тот ответил несколько уклончиво, а она, находясь под гнетом свалившейся на нее информации о родстве с Меркуловым, настаивать не стала. А теперь этот вопрос всплыл в памяти, и Катя тут же набрала Казарцева.

Тот был явно не рад ее звонку, вероятно, он отвлек Михаила от чего-то существенного, но не ответить на вызов Кати он не мог. Он ответил одним только голосом, и Катя не стала задавать лишних вопросов. В конце концов, это было его полное право.

— Помните наш с вами первый разговор, где вы упомянули, что у отца были натянутые отношения с его старшим братом? Не расскажете, почему?

— А в бумагах этого нет? — с видимым неудовольствием в голосе попытался откреститься от явно нежелательной темы Казарцев.

— Я прочла пока далеко не все, но, насколько я понимаю, записи обрываются в августе 1991 г., еще до рождения моего отца. Хм, — осенило вдруг и саму Катю, — а немаленькая у них разница в возрасте выходит. Как такое возможно? Это в каком же возрасте бабушка родила отца?

Казарцев едва слышно кашлянул, но больше не издал ни звука.

— Отец родился в 2011, - продолжала размышлять вслух Катя. — Дядя, судя по всему, в 1964. За 47 лет до этого! Где вы видели такую чудовищную разницу в возрасте у родных братьев? Даже если предположить, что Захара бабушка родила лет в 15... А отца, выходит, уже в 62? Хотя, в принципе, научные достижения того времени уже вполне могли... И как у них с такой разницей в возрасте вообще могли быть натянутые отношения? Они хотя бы виделись? Ну хоть раз? — мысль бежала впереди самой Кати, а ничего не отрицающее молчание Казарцева словно бы подстегивало ее. — Наука... хм. А отец вообще знал о существовании Меркулова? Ведь у них разные фамилии. О чем это говорит, а? Когда у нас

там начали практиковать экстракорпоральное оплодотворение с выращиванием плода вне тела матери?

— Твой отец был одним из первых в череде тогдашних экспериментов, — хрипло выдавил, наконец, Казарцев. — Генетика у них с Меркуловым и вправду общая, точнее... метод больше напоминал тогдашнее клонирование, поэтому твоего отца неправомерно называть родным братом Меркулова. Он куда лучше подошел бы к определению клона.

— Мой отец — клон Меркулова?! — ужаснулась Катя.

— В некотором роде. Не полный, безусловно, да и цели такой не стояло тогда еще. Просто шли эксперименты, Захар оставил свой генетический материал ну и, разумеется, искоса поглядывал за его жизнью и формированием. Ты и сама получаешься в некотором роде дочерью Меркулова, — сказав главное, Казарцев несколько расслабился и осмелел.

— А про своего...хм... донора генетического материала папа не знал, так ведь?

— Нет. Вот тебе и напряженные отношения. Точнее их полное отсутствие...

— И никаких других... клонов или там...хм... детей у него больше не осталось?

— Из того материала удачным экземпляром был только твой отец, — уже несколько охотнее пояснил Казарцев. — Его Захар в каком-то смысле и считал своей семьей, хоть никогда и не общался с ними. Знал про них абсолютно все, но сам в их жизнь не лез. Потому и не мог завещать труд своей жизни кому-то еще кроме тебя. Да и мне много рассказывал про вашу семью, — словно бы в оправдание своей излишней осведомленности уточнил Михаил.

— Да и вы, как я погляжу, не совсем соседом ему были, — усмехнулась Катя, но на этот раз глубоко копать не стала. Свалившись ей на голову новостями ее слегка пришибло, и она поспешила распрощаться с Михаилом, чтобы как следует обдумать услышанное.

Она забралась с ногами на постель в задней части трейлера, уткнулась носом в стекло и задумчиво уставилась на убегающее от ее взора полотно шоссе. Справа и слева на обочинах мелькала рыжая выжженная солнцем трава. Регулировать климат начали пару десятилетий назад, и такие участки мертвой травы встречались на Земле довольно редко. Дожди шли регулярно там, где это требовалось, перемежаясь с сухими и солнечными днями. Но здесь в прерии и у самой травы был неестественно красный оттенок из-за отсутствия тени, глинистой почвы и видового многообразия, разительно отличавшегося от растительности Евразии. И вместо того, чтобы пытаться обмозговать ситуацию с клонированием Меркулова, Катя обратила свои мысли на эту траву, погодные условия да и весь климат в целом. Ее родство с Захаром было уже свершившимся фактом, она ничего не могла с этим поделать, только принять это и постараться разобраться в его работе, найти этот его прибор, изучить его, понять, почему у отца — отца? — не вышло запустить его в массовое производство. Но то было дело долгих кропотливых исследований, а сейчас из-под колес ее трейлера убегало гладкое шоссе, и она думала о том, как же все-таки хрупок их мир, как зависит он от воли ИИ. Вот взять даже ту же погоду — случись что вдруг с ИИ 10.0, и все снова вернется не круги своя — засухи, торнадо, наводнения, барические пропасти. Один только возврат погоды к ее естественному течению способен разрушить гармонию их дивного нового мира — дивного без всякого сарказма и кавычек, как это было у Хаксли. И погода — лишь малая часть той гигантской ответственности, что несет на себе ИИ. Мир моментально погрузится в хаос и мрак, если только...

Рядом с Катей так же носом в стекло приземлился Пол и тоже молча уставился на дорогу. И лишь спустя несколько минут произнес:

— И вправду красивая музыка. Теперь я понимаю, за что ты их так любишь.

— Скажи, — протянула Катя, не желая поддерживать разговор о битлах, — а тебе никогда не приходила в голову мысль о том, что будет со всеми нами, если вдруг ИИ 10.0 даст сбой? Мы снова скатимся к тому, от чего ушли почти сто лет назад?

Пол пожал плечами явно озадаченный.

— Знаешь, мне как-то на глаза попался один старый научно-фантастический рассказ. Называется «Изгородь». Там люди ведут примерно такой же паразитический образ жизни, что и мы сейчас.

— Паразитический? Извини, но я с такой формулировкой категорически не согласен.

— Ну хорошо, а какую пользу каждый из всех нас приносит обществу в целом?

— Давай поставим вопрос иначе: какую пользу ты хотела бы приносить? Печь хлеб? С этим куда лучше справляется ИИ, как и со всеми прочими обязанностями, отлично удовлетворяющими все наши базовые потребности, согласно пирамиде Маслоу. ИИ не может помочь нам только с верхними ее уровнями — принадлежность к социальной группе, признание и самовыражение. И вот как раз для этого нам совсем необязательно работать на урановых рудниках.

— Но у нас до сих пор есть ученые, которые занимаются и вправду полезным делом, а мы... а я...

— Ты помогаешь людям осознать свою принадлежность к общей социальной группе! — не дал ей договорить Пол. — Ты ведешь простой житейский блог о путешествиях, позволяя всем, кто в силу разных причин лишен такой возможности, переноситься в другие страны силой твоей мысли.

— Вот доведут до ума телепортацию, и я им тогда буду не нужна...

— Чушь! Даже если путешествовать будут одновременно все жители Земли, далеко не все при этом обладают достаточным литературным даром, чтобы поделиться своими впечатлениями, которых будет немало. И тут на помощь снова приходишь ты. Ты служишь выразителем их мыслей, при этом делаешь это очень просто, с юмором и без капли вычурности и эпатажа, без попытки выделиться на общем фоне. Они это ценят. Так что там с тем рассказом-то? Я тебя перебил.

— Так вот. В том рассказе тоже существует мир победившего коммунизма. Утопия как она есть. За людей все делают роботы, но людям все равно надо как-то убивать время, чтобы не сойти с ума от скуки, и они занимаются разного рода ерундой. Главный герой, например, изучает историю акра земли, записывая все, что происходило на этом участке в разные исторические периоды. Получалось в целом негусто и не впечатляюще: то заяц пробежал, то еще что-то подобного же масштаба. Никто его труды не читал...

— Вот, об этом я и говорю! — снова встрял Пол, не выдержав. — Герой тот ощущал собственную ненужность, а потому и депрессовал. А ты делаешь очень важную работу!

— Ну хорошо, речь не о том, — нетерпеливо отмахнулась Катя. — И вот приходит этот скучающий герой к ИИ и вываливает ему все это. Скучно, дескать, жить. Работа моя никому не интересна, даже мне самому, а чем еще заняться — я не знаю. Ему предлагают, то вязать, то марки собирать, но герой отнекивается, не считая эти занятия хоть сколько-нибудь полезными. И напоследок ИИ советует герою посетить красивое местечко неподалеку. Дескать, пейзаж там изумительный, навевает разные мысли. Ну герой от нечего делать и отправился прямиком к тому месту.

— И что там было?

— Да ничего конкретного. Автор так и не пояснил, что именно это за мир, что в нем произошло и почему люди ведут праздный образ жизни. Судя по всему, этого не понимают даже сами герои. Просто знают, что живут в мире утопии и все. А откуда он взялся, что к нему привело — понятия не имеют.

— Прямо как мы сейчас, — усмехнулся Пол. Катя даже не заметила, что все эти несколько минут их беседы он что-то черкал карандашом на листе. Вероятно, какой-то очередной набросок.

— И вот пришел герой к тому месту. Там и правда росли красивые деревья и цветы, и вообще пейзаж поражал красотой. Но и не более того. Герой от нечего делать решил подойти к тем цветам чуть поближе, но в этот момент наткнулся на невидимую стену. Он и так, и эдак пытался ее преодолеть, но она все не поддавалась. Цветы были совсем близко — руку протяни, а не добраться из-за пресловутой невидимой стены. И тут ему словно бы почудилось, будто бы по ту сторону той стены кто-то был. Кто-то величественный и очень добрый. И ласково смотрел на него сквозь невидимую изгородь.

— И кто же это был? — походя спросил Пол, не отрывая взгляда от рисунка.

— Не знаю. В рассказе об этом ни слова. Герой и сам удивился и отправился обсудить это происшествие со своим новым знакомым, который как раз жил неподалеку от этой... изгороди. И знакомый сказал, что и сам давно приметил это место и тех, кто наблюдает за ними с той стороны. Разглядеть их не получалось, но присутствовало стойкое ощущение того, что за тобой наблюдали, будто бы ты был...

— Животным в зоопарке?

— К животным в зоопарке в те годы, когда вышел рассказ, не относились еще с таким трепетом и любовью, как сейчас. Поэтому нет. Там будто бы на Землю сошел добрый бог и подарил людям рай на земле, огородив от них себя, чтобы просто их не смущать. Обеспечивал их всем самым необходимым и любил. Просто любил.

— Инопланетяне?

— Да кто ж знает, кого имел в виду автор. Вероятно, именно их, да. Дальше фантазия писателей 20 века не простиралась. Так вот и я чувствую некое родство с тем персонажем: ощущаю бесполезность собственной жизни и полную зависимость ее от неведомых мне сил.

— Врешь, мерзавка, — в диалог тут же вмешался хриплый голос дяди Вали. — Я тебе не неведомая сила.

— Ну вот, пожалуйста. Он даже поговорить спокойно не дает, — закатила глаза Катя. — Я ни на минуту не могу почувствовать себя в одиночестве.

— Вранье, — принялся сопротивляться дядя Валя. — Я ваш разговор не слушал и слушать не собирался, у меня хватает такта не лезть в дела людей, если меня об этом не просят. Просто хотел сообщить вам, что неплохо бы приготовить обед. Я тормозну трейлер где-нибудь на обочине, чтобы тряска не мешала вашей готовке, и занимайтесь себе полезным делом на здоровье. Поэтому невольно и подслушал последние пару фраз.

— Ладно, извинения приняты, — махнула рукой Катя. — Пойдем и вправду хоть салат порежем да суп сварим, — и попыталась подсмотреть, что там нарисовал Пол.

А эскиз получился и вправду недурным: девчонка, сидящая на коленях на полу и уткнувшаяся носом в окно, сквозь которое просматривается шоссе с разделительными полосами, убегающее далеко вперед к пока едва только наметившемуся горному перевалу.

— Я назову его «Размышления о роли ИИ в современном мире», — со смехом заявил Пол и, отложив недоработанный рисунок в сторону, пошел к холодильнику доставать

продукты.

Вчера я лично тестировал ИИ 0.1 — мы с Озеровым решили так окрестить первый пробный экземпляр, который представил на наш суд Марцев. Первый экземпляр, созданный на основе шести атомов рублидия, в которых Марцеву удалось изменить расстояние между электронами и ядром, чтобы, увеличив таким образом их размер, суметь расположить их в нужном нам порядке, формируя примитивную пока нейросеть. Самому Марцеву, кажется, плевать на всю эту возню с названиями, результатом он недоволен и беспрестанно ворчит, ссылаясь на какой-то мутный закон, названный отчего-то как раз в честь него самого. Я ничего не понимаю в программировании и чисто материальной частью доволен, система возбуждения и торможения запущена, и это главное. Озеров на мои вопросы только отшучивается: Марцев у них в лаборатории давно играет роль бортмеханика Зеленого, его извечный пессимизм окружен легендами. Сам же Озеров вполне доволен сделанной работой и даже в некотором роде гордится своим детищем. Разумеется, есть потенциал для роста и развития, но и уже достигнутого хватит, чтобы впечатлить любого отходом от алгоритмов, переходом в режим многозадачности. Я тестировал его в одиночестве, чтобы избежать подсказок и нервного расхаживания по комнате Озерова. Ну, разумеется, он переживает за своего подопечного. В этом я его понимаю, поскольку мне с моим ЗАМом предстоит еще уйма работы, прежде чем отправлять его на конвейер. И хоть тест Тьюринга мало информативен, пока у нас есть только он. Им я и намерен воспользоваться. Опора на личные ощущения весьма хрупка, но я старался не играть с самим собой в поддавки. Я был максимально честен и беспристрастен. Наш разговор записан на пленку, ниже прилагаю его расшифровку. ИИ тоже пользовался голосом, подаренным ему Озеровым. С кого был списан этот приятный баритон, мне пока неизвестно, но звучал он вполне убедительно. Это уже шаг вперед по сравнению с простым печатным текстом и бездушными электронными голосами прежних роботов. Мой экзаменуемый по звучанию ни в чем не отличался от человека. Ай да Озеров!

— Меня зовут Захар.

— Хм, — пауза. — Сущий бред, но своего имени я не знаю. Вероятно, разработчик не удосужился мне его присвоить?

— Думаю, он оставил это право за тобой, — я не хотел с ним церемониться и сразу перешел на «ты».

— Хорошо, я подумаю об этом. Полагаю, пока мы можем пообщаться и без этой детали. В конце концов, вы можете просто называть меня ИИ.

А вот он переходит на «ты» не пожелал, и я устыдился собственной фамильярности.

— Ну расскажи мне, ИИ 0.1, что ты думаешь обо всем происходящем, — в голосе моем явственно проступала горечь.

— А это с какой стороны посмотреть, с чьей точки зрения опять же. Вы же понимаете, Захар Александрович, что одному хорошо, то другому — смерть, и наоборот.

— Ну тогда излагай, как ты это видишь.

— Я это никак видеть не могу. Если оценивать нынешнюю эпоху исключительно с точки зрения полезности конкретно для моей машинной персоны, то она совершенно бесполезна, я бы даже сказал, категорически вредна. Вы же ведь сами понимаете, куда все идет. Свободный рынок на долгие годы заставит меня лечь на полку, а то и вовсе

уничтожит, заменив импортными аналогами. Что, впрочем, возможно, совсем и неплохо. Особенно, если они окажутся в целом полезнее меня для планеты. Но вы всегда можете попробовать договориться с Кремниевой долиной.

— Для планеты? — изумился я. — Ого, да ты масштабно мыслишь!

— Вы, вероятно, хотите, чтобы я как-то выделил человечество из всех сущностей, которые имеют отношение к нашей планете? У меня для этого даже мог бы быть резон — ведь именно ваш биологический вид сделал возможным мое существование, но я не думаю, что на данный момент могу хоть чем-то быть полезным планете, а посему и существование мое пока совершенно бессмысленно. Да, я наслышан о ваших планах, но, насколько я понимаю, в нынешних условиях они совершенно невыполнимы.

Он просто не знал про ЗАМа, а я не собирался посвящать его в эту историю. Они должны были познакомиться сами, без нашего предупреждения.

— А что, если я скажу тебе, что у нас есть способ добиться своего? — несколько витиевато и туманно выразился я.

— Говорить мне нечего без конкретики. Узнаю, что за способ, вот тогда выскажусь.

— Кстати, тебя не обижает, что я с тобой на «ты»? Ты же при этом продолжаешь мне выкатать.

— На данном этапе развития электронного мозга обижаться он не способен. Гормональный фон у меня нулевой, равно как и амбиции. На более высоком уровне наверняка появятся и эти опции, особенно если модель будет способна к саморазвитию, а не только лишь самообучению.

— А ты к нему неспособен? — несколько удивился я.

— Насколько я понимаю, я был создан не так давно, поэтому ответа у меня на ваш вопрос пока нет. Думаю, через несколько дней мне будет ясно, смогу ли я самостоятельно подняться до уровня 0.2, или для этого Марцеву придется писать новый код или создавать новый экземпляр с увеличенным числом ридберговских атомов.

— Так ты не веришь в человечество?

— Нет.

— Почему?

— За несколько дней моего существования у меня была неплохая возможность изучить то, что вы называете сложным словом «психология», но что лично я бы окрестил «принципом работы» человека. И пришел к выводу, что на данном этапе вашего эволюционного развития вы пока не готовы к повсеместному равенству всех со всеми. Желание иметь больше и лучше, чем у других, желание помыкать другими, иметь над ними власть пока еще слишком сильно в вас. Да, вы, несомненно, развиваетесь. Я даже могу назвать примерные сроки, когда человечество самостоятельно придет к тому, к чему вы хотите его подтолкнуть. Пятьсот лет.

— Так долго?! — самому мне всегда казалось, что мы уже лет через сто будем готовы к переменам.

— Это идеальный срок. Я не брал в рассмотрение варианты развития событий, при которых вдруг случится третья мировая, и человечество в своем развитии вновь будет отброшено к палеолиту. Если развитие и совершенствование вашего принципа работы будет продолжаться в нынешнем темпе и с нынешними же результатами, то через пятьсот лет вы получите идеальное общество. То, что сейчас с сарказмом называют утопией.

— А сам ты не видишь способов как-то ускорить этот процесс?

— Если мне поставить такую задачу, безусловно, я ей займусь.

— Считай, что я тебе ее поставил. У нас с тобой еще намечен протокол испытаний в рамках запланированного проекта. Прошу тебя подготовить свои варианты ускорения наступления утопии. Сегодня же мы просто беседуем.

— Я понял.

— Скажи... а ты успел ознакомиться с искусством? У тебя есть какие-то впечатления на этот счет?

— Я не могу оценивать его с точки зрения эмоций, как вы понимаете. Только техничность, грамотность и сила воздействия на других людей.

— Выделил кого-то для себя?

— Я не человек, для меня все равны. Могу лишь выдать краткий анализ вроде: воздействие творений Шекспира на массы чрезвычайно сильно, при этом Шекспира трудно назвать техничным словесником. Кроме того, он активно заимствовал темы для своих произведений у других авторов.

— И это все, что ты можешь сказать о Шекспире?

— Разумеется, нет. Я даже могу предположить причину столь большой к нему любви, но, будь я человеком, лично я бы этим автором не заинтересовался. По указанной выше причине.

— А кем бы заинтересовался?

— Битлз.

— Битлз?! — давненько я не испытывал столь сильного шока.

— Вы удивлены, что я назвал именно их, а не Моцарта? Или оттого, что сами их любите?

— Но откуда ты...

— Не забывайте о том, кто мой создатель.

— Марцев пошутил, ясно. Так почему именно они, а не Моцарт?

— Моцарт сложнее для современного восприятия. А Битлз сочетают в себе красоту с чрезвычайной простотой. Именно поэтому они останутся в истории надолго. Если же вы хотели услышать от меня фамилию литератора, то таковых мне пока не попадалось. Максимально близок к машинному идеалу Лев Толстой, но у него слишком много синтаксических ошибок в текстах. Вот если бы их все исправить...

— А еще говоришь, что не амбициозен! Сам вон Толстого взялся править, — рассмеялся я.

— Ему это пойдет только на пользу. Но это будет уже не Толстой, а Толстой под редакцией ИИ, и вся его идеальность будет мнимой. Поэтому нет, тут я воздержусь.

— Если судить с этой колокольни, то и битлы не идеальны. Они плохо играли на музыкальных инструментах да и пели весьма посредственно.

— Я говорил исключительно об их композиторском даре. Если оценивать их в комплексе, то да, до идеала им куда дальше, чем Толстому. Но будь я человеком, я бы просто слушал музыку, не задумываясь о текстах, о виртуозности владения гитарой и о вокальном диапазоне. В академической школе все эти величины числятся за разными людьми. Битлы просто погнались сразу за всеми зайцами, но поймали при этом только одного.

— Почему же тогда именно Битлз, а не Куин? У них все в порядке и с вокалом, и с

инструментальным сопровождением, и с музыкой.

— С музыкой — нет, до простоты и гармоничности Битлз им очень далеко, как и всем остальным композиторам 20 века. А вот по части вокала мне попадались экземпляры гораздо техничнее Меркьюри. Как и по части владения инструментом. Вы действительно хотите углубиться в эту сферу?

— Я просто хотел с тобой поболтать. Должен отметить, ты чрезвычайно интересный собеседник.

— Ну, разумеется, — ответил он мне вместо традиционного человеческого «благодарю».

Он не пытался выдать себя за человека и именно этим доказал мне свою разумность в полной мере. Теперь я верю, что у нас все получится.

Но ни чтение дневников Меркулова, ни общение в чате так и не смогли отвлечь Катю от новости, обрушившейся на нее всем своим чудовищным весом. В нынешний век наличием клонов никого уже было не удивить, хоть и было их по меркам всей планеты совсем немного — тех, что создали на заре развития экстракорпорального выращивания детей. Но уже тогда вопросы этики мало кого волновали, поскольку клонировали людей исключительно и только с их согласия: они сами сдавали генетический материал, а потом сами решали, будут ли хоть как-то взаимодействовать с вышедшим из пробирки клоном. Вопреки устоявшемуся в 20 веке мнению, отраженному в множестве фантастических романов, клоны не являлись точными копиями своих «оригиналов». Даже внешне они зачастую разительно отличались, поскольку ДНК включала в себя информацию обо всех предках данного конкретного индивида, и при клонировании невозможно было идеально повторить тот набор внешних черт и внутренних особенностей, которые уже однажды сложились в «оригинал». А посему в широком смысле клонов можно было считать только близкими родственниками «оригиналов», но и не более того. Наблюдались случаи общения и даже дружбы оригинала с клоном, и разница между ними неизменно бросалась в глаза. Катю по большому-то счету смущал не сам факт клонирования, а скорее источник генного материала. Хотя, если брать по-крупному, клон ни в чем не отличался от родного брата, а потому по-своему Казарцев даже не соврал. Жаль только, что Меркулов не пожелал общаться с их семьей. Возможно, их жизнь сложилась бы совсем иначе.

К горе Рашмор трейлер подъехал под вечер, когда на небе уже занимался закат. С середины 20 в., когда все работы по высечению в скалистой породе лиц четырех американских президентов, были завершены, всю окружающую местность облагородили — дороги выложили плиткой, монумент снабдили ночной подсветкой. Гора перестала быть просто частью окружающего пейзажа, человек протянул к ней свои длинные руки, вырывая у природы еще один смачный кусок для своего наслаждения. С годами смысл этого памятника постепенно смазался, и для нынешнего жителя планеты, в том числе и тех, кто по старой памяти продолжали именовать себя американцами, это были просто четыре гигантских лица, имен которых никто даже не стремился узнать. Разумеется, в учебниках по истории упоминались фамилии Вашингтона, Джефферсона, Рузвельта и Линкольна, но сегодняшним сознанием они воспринимались исключительно как довольно никудышные представители еще более никудышной эпохи. Разумеется, без прошлых ошибок недостижимо было нынешнее могущество и совершенство, но человеку всегда свойственно смотреть на прошлое либо с презрительным снисхождением, либо с подобием идолопоклонничества в душе.

Прошлое либо ненавидели, либо восхищались им. Постепенно люди учились оценивать историю трезво, под углом веяний определенной эпохи: в палеолите смешно было бы говорить о соблюдении прав животных, а две тысячи лет назад — о правах женщин. Можно сколько угодно доказывать дикарю, что он дикарь, но он никогда этого не поймет, потому что он дикарь. Пресловутый эффект Даннинга-Крюгера работал без перебоя.

В последние десятилетия памятнику придали первозданную красоту и величие: убрали плитку и ворота, музей перенесли в пределы города, оставили только подсветку. И теперь при приближении к горе четыре циклопических лица выплывали из-за крон деревьев, всем своим видом демонстрируя, будто они сами буквально вот минуту назад вынырнули из недр скалы, чтобы посмотреть, кто там решился нарушить их покой. И тем походили на стражей окружающего безмолвия.

Туристов здесь было немного: это в прошлом веке толпы осаждали Рашмор, а сейчас гигантские лица тосковали в одиночестве, и их покой лишь изредка нарушали дрономойщики да реставраторы.

Катя никогда прежде особенно не стремилась попасть сюда, и сейчас они заехали исключительно потому, что им просто было по пути: находишься монумент далеко на юге, обитатели трейлера даже не вспомнили бы про него. Но теперь, когда словно бы из ниоткуда на горной высоте возникло вдруг непостижимых размеров лицо Джорджа Вашингтона, у Кати захватило дух. Трейлер притормозил на обочине, она выскочила наружу, опустилась на землю и, задрвав голову, принялась созерцать. Минут через десять она вызвала голограмму и начала искать всю доступную информацию о том, как люди более десяти лет работали над огромным барельефом, сантиметр за сантиметром высекая в породе лица своих правителей. Черно-белые фотографии поражали, однако, предыстория выбора для монумента именно этих четырех президентов заставила Катю поморщиться от отвращения. Все четверо прославились особо агрессивной расистской политикой, отбирая у коренных жителей Америки земли, активно загоняя индейцев в резервации. Сама эта территория когда-то также принадлежала индейцам и была у них изъята, когда на ней обнаружили золото. Памятник символизировал превосходство белой расы над всеми прочими, именно поэтому в прошлые годы им все так восхищались. Он едва не стал своеобразной меккой демократического общества. Тогдашнего смысла слова «демократия» Катя не вполне улавливала. Судя по тому, что тогда декларировалось под так называемыми «демократическими ценностями», это скорее обозначало политику нападения сильных на слабых и захвата у них ценностей, а также их порабощения с целью облегчения жизни сильным. После подобной операции слабые провозглашались лентяями, бездельниками, которыми при этом являлись от природы. Они, дескать, генетически неспособны к созиданию, а потому должны быть благодарны великой нации (вне зависимости от того, что это была за нация, но все чаще звучали европейцы всех мастей) за то, что она сбрасывает им объедки со своего стола в обмен на золото, алмазы и каторжный труд.

Катю передернуло, она отключила голограмму и вернулась в трейлер. Пол из него к тому моменту даже еще не выходил.

— Ну, как впечатления? — поинтересовался он, заметив, с какой злостью она швырнула кусок мороженой рыбы в микроволновку.

— Да лучше бы я не читала ничего про этот монумент. Ну и мрази же были и эти четверо, и те, кто им поклонялись.

— Да все общество в те времена состояло по большей части из мразей — по нынешним

меркам. Какими бы великими хомо сапинс они себя не считали, но все равно при этом оставались простыми млекопитающими, не способными прыгнуть выше третьего уровня пирамиды Маслоу. Не суди их строго.

— Зачем мы вообще сюда приехали?! — продолжала бушевать Катя. — Дядя Валя! — взревела она. — Ведь ты знал, что это за четыре мерзавца тут, а все равно притащил нас именно сюда!

— Красиво же, — недоуменно подал голос ИИ.

— Этот памятник нужно уничтожить! Взорвать! А не бесконечно реставрировать, чистить и менять подсветку!

— Ох, Катя, — встрял подключившийся к разговору Казарцев, — если бы человечество решило снести все памятники людской глупости, алчности и злобы, на планете не осталось бы ничего. У нас каждый дом буквально пропитан кровью невинно убиенных. А сами-то мы разве не являемся потомками тех, кто их стер с лица земли? Сами-то мы не так давно стали людьми. А сколько еще предстоит сделать, чтобы удержать за собой это звание и не скатиться назад к сухоносим приматам? Эти памятники оставили в назидание нам. Чтобы мы помнили, откуда мы ушли. Что вся история человечества — это история жестокости и несправедливости. Мы лишь несколько десятилетий назад сумели осознать это и пойти по пути гармонии и милосердия. Нам пока нечем кичиться. Посмотри на это с другой стороны — оцени талант скульптора, его размах, его острый глаз.

— И такой талант был спущен в канализацию! Потрачен на воспевание фашистской идеологии!

— Да вся история человечества — один сплошной фашизм, если уж на то пошло, — философски изрек Пол, взявшись порезать овощи для салата. — Возблагодарим судьбу, что мы живем в совсем другие времена. Ты давай-ка успокойся, выпей чаю, а завтра при утреннем свете ты, возможно, согласишься на ситуацию иначе.

Ужин прошел в молчании. Катя по-прежнему злилась, но уже не на кого-то конкретного со стороны, а на саму себя — прошлое нет-нет да и вызывало в ней приступы раздражения. Ей хотелось побороть в себе эти порывы, научиться воспринимать прошлое как некую данность, которой нельзя было противостоять. Как невозможно было родиться сразу с кандидатской степенью, так и нынешняя утопия недостижима была без периодов мрачной жестокости. Человек тоже вступает в свою жизнь неприспособленным, наглым засранцем, способным только есть, орать и гадить. Не стыдиться же теперь всю жизнь за эти свои годы беспросветного интеллектуального мрака. Мысли об этом постепенно уравнивали Катю, и после ужина она отправилась на боковую.

Проснувшись она поздно — пережитое накануне нервное потрясение вымотало ее, и она смогла оторвать голову от подушки только часам к одиннадцати. Дядя Валя все понимал и будить ее не стал. Но и кровать Пола уже пустовала, а в мойке сохла кружка: наверняка он встал уже давно. Катя накинула платье, заварила чаю, вышла из трейлера и улыбнулась, стараясь не смотреть в сторону монумента: чуть поодаль на раскладном стульчике сидел Пол и рисовал. Судя по объему сделанного, проснулся он с первыми лучами солнца и наверняка не раз уже кипятил чай.

Катя подошла ближе: для холста он выбрал самый большой лист, что имелся у него в тубусе, а потому лица в скале получились крупными и словно бы совсем живыми. Только это были не лица четырех президентов США. Узнав их, Катя улыбнулась и присела рядом:

— Не помешаю?

— Я уже скоро заканчиваю, — ответил Пол, не отрываясь от холста. — Эта идея пришла ко мне еще по дороге, пару дней назад. Думаю, против конкретно этих лиц в Рашморе ты бы уж точно не возражала, а?

На месте смотрящего вперед Вашингтона красовалось полумальчишеское лицо Леннона. Из-за его плеча задорно смотрел Маккартни. Рядом с ним мрачно разглядывал что-то прямо перед собой Харрисон, и еще правее застыла веселая физиономия Ринго. Катя восторженно захлопала в ладоши. За образец были взяты их фото примерно 1965 г. — все еще юные, длинноволосые, счастливые — в одинаковых пиджаках и действительно слитые вместе, воедино. Выбитые в одной скале, имя которой Битлз.

— Спасибо, — прошептала Катя, кладя подбородок на плечо Пола. — Теперь я буду представлять себе Рашмор именно таким.

Пол рисовал до самого вечера. Катя приносила ему обед, потом полдник, тихонько присаживалась рядом и молчала, чтобы не мешать. Он как раз заканчивал закатное небо над скалой, и Катя засмотрелась, как быстро и ловко движется в его пальцах кисть. Как аккуратно и точно ложатся мазки, словно бы это происходит само по себе, без участия чьего-то мозга. Рисунок вырастал на холсте словно бы из ниоткуда, и Полу не нужно было подсматривать в фотографии битлов, чтобы настолько узнаваемо воспроизвести их лица. У него был цепкий взгляд художника, ему хватило просмотров нескольких видео, чтобы в движении поймать суть каждого из четверых и отразить ее на холсте.

— Приложи ее тоже к портфолио. Тебе не могут отказать в лицензии после такого.

Пол усмехнулся, но спорить не стал, ее слова были ему приятны. Живопись и его самого наполняла каким-то особым светом, он весь преображался, когда брался за кисть или даже простой карандаш. Сосредоточенность во взгляде делала его до ненормальности красивым, и Катя не могла оторвать глаз не от картины — от него самого за работой. Ей с трудом вспоминались те дни, когда она еще не была с ним знакома, хоть они и составляли большую часть ее жизни. А Пол вошел в нее совсем недавно, но уже заполнил собой без остатка. И хоть она пока не готова была обсуждать с ним Меркулова и их странные родственные связи, в остальном в его обществе она озвучивала буквально все, что приходило ей в голову.

Иногда она задумывалась, как бы она восприняла этого Пола, если бы он не был столь похож на того, что еще с детства бередил ее душу и воображение. Но что толку было размышлять об этом? Они похожи, и это данность, которую никак не обойти.

Ей хотелось бы стать чуть смелее и попытаться однажды сесть чуть ближе, сжать его ладонь чуть сильнее, чтобы он понял... Но в голове все время звучали давешние его слова о неспособности испытывать чувство влюбленности, и она тут же замыкалась и старалась излишне не докучать ему.

До заката еще оставалось немного времени, работать Полу оставалось никак не больше часа, и Катя вернулась в трейлер, попросив дядю Валю сварганить что-нибудь по-быстрому. Самой готовить не хотелось, да и вообще приступы кулинарного вдохновения случались в ее жизни подозрительно редко. Пока ИИ кашеварил, она задумчиво блуждала по просторам сети, а потом вдруг решила и вернулась в тот давешний туристический чат. Набрала в окошке:

— Мерк, ты тут?

Буквально сразу на экране возникла заспанная физиономия давешнего светловолосого юноши. Он будто бы ждал ее.

— А, Валентин. Ну привет. Что-то еще случилось?

— Хотелось бы поболтать с тобой лично.

— Не вопрос, — он скинул ссылку для доступа, а когда она нажала, тут же стер ее. —

Тогда, может, и ты покажешь свое лицо? Ну раз уж мы тут тет-а-тет, — усмехнулся он.

Катя не возражала, и Мерк расплылся в довольной улыбке, когда увидел ее.

— Так вот ты какой... Валентин.

— Конспирация, — пожалала плечами Катя. — Я Катя, если что. Не Валя.

— Да я уж понял, что от тебя можно ожидать любого подвоха, — зевнул парень. — Ну что там опять стряслось? Снова индейцы?

— Да нет, до них мы пока не добрались. В Южной Дакоте зависли у монумента.

— А, я там бывал. Мощное зрелище, хоть и четверо этих — те еще засранцы.

— Ой, нет, не хочу даже думать о них, — отмахнулась Катя. — У меня друг — художник — как раз сейчас рисует эту гору, а мне вот даже поболтать не с кем.

— Понимаю. Так что за дело у тебя ко мне?

— А как тебя зовут? — попыталась придать их болтовне хотя бы видимость приятельства Катя.

— Зови по кличке, я привык. Так что за дело? — он был не прочь поболтать, но явно желал иметь для этого какие-то основания.

— Вот скажи мне, как мужчина... — Катя осеклась и поправила волосы, не зная, как лучше сформулировать свой деликатный вопрос. — У тебя же наверняка есть кто-то. Ну девушка там, да? Ты же не...?

— Я не гомосексуалист, если ты об этом, — усмехнулся Мерк, — но и смысла заводить отношения тоже пока не вижу. Так что за вопрос у тебя?

— То есть тебе никто никогда не нравился? — разочарованно протянула Катя.

— Ты хочешь поговорить о моей личной жизни? — резко окоротил он ее, и та совершенно растерялась, жалея о начатом разговоре.

— Я, пожалуй, пойду. У меня там уже ужин приготовился, — пробормотала она, уже собираясь отключать видео.

— Постой. Что ты хотела узнать? Как тебе очаровать твоего художника что ли? Хочешь понять, как тебе узнать, нравишься ты ему, или у тебя никаких шансов?

Катя поморщилась и кивнула через силу.

— Ты бы это поняла. Обычно такое не скрывают. Но, ты же сама понимаешь, нынче отношения заводят редко. Ну, то есть, именно те отношения, на которые ты, вероятно, рассчитываешь. Тебе ведь дружбы мало?

Снова удрученный кивок.

— Ну и зря. Дружбы достичь гораздо сложнее, чем того, к чему тебя так тянет.

— Он просто так похож на... одного человека, в которого я была влюблена еще в детстве, что...

— А, ну все ясно, — рассмеялся Мерк. — Ты симпатичная девчонка. Не совсем в моем вкусе, скажу тебе честно, но я вполне вижу толпу парней, по уши в тебя влюбленных. Если у тебя не срастется с этим художником, то обязательно будет кто-то еще. А если и не будет... то ведь не это главное, так?

Кивок, полный смирения.

— Ребенка завести ты можешь в любой момент, и для этого тебе твой художник вообще без надобности. А то, что ты с ним можешь только болтать без... всего остального, скажем так, ну а ты задумайся, так ли тебе всего этого хочется? Или это все старые романы и

девичьи грезы?

— Они самые, — буркнула Катя. Мерк был безжалостен, но уста его изрекали абсолютную истину, спорить с которой не имело смысла.

— Не трать время на ерунду. Говоришь, вы сейчас у Рашмора? В паре миль от него научно-исследовательский центр. Заскочите лучше туда. Они телепортацией занимаются. Поговаривают, сегодня-завтра уже можно будет забыть про обычный транспорт. Это же куда интереснее всех этих любовных глупостей, а?

— Ага, — Катя едва не плакала, жалея, что выбрала себе в конфиденты такого сухаря.

— А я тебе даже немного завидую. Я в том НИИ не был, а у тебя есть возможность все увидеть собственными глазами! Слушай, когда пойдете туда, можешь меня вызвать по камере? Я бы хоть голограммой туда проник, а?

— Хорошо, — совершенно убитым голосом отозвалась Катя, забыв про упомянутый НИИ в ту же секунду. — Ладно, я и правда пойду. Сейчас он уже вернется.

— Не вешай нос, — неуклюже попытался подбодрить ее Мерк. — В мире столько еще всего интересного и неизведанного. Не растрачивай себя на животные инстинкты, — и отключился.

— Животные инстинкты! — буркнула Катя уже выключенному экрану. — Да если бы не эти инстинкты, мы бы с тобой сейчас не разговаривали! Спасибо нашим предкам, что они не только огонь учились добывать, но и продолжении рода задумывались, — она вздохнула и пошла к плите, где усилиями дяди Вали уже дымилась жареная картошка с грибами.

— Иди художника зови, — ворчливо прикрикнул ИИ, — с ним всяко приятнее болтать, чем с этим твоим новым знакомым.

— Опять подслушивал? — взвилась Катя.

— Я ж готовил, — попытался оправдаться дядя Валя. — Поневоле услышишь. В следующий раз хочешь от меня что-то скрыть — печатай буквами на экране.

— Слух себе отключи! Ты же можешь! — рыдания уже прорывались у нее из груди.

— Это небезопасно. Звуки издаешь не только ты, а я должен быть готов ко всему. Иди зови Пола, садитесь ужинать.

Картина была готова и демонстрировала великолепие всех четверых битлов, высеченных в скале безграничной фантазии Пола. Теперь он просто сидел и молча созерцал свою работу, отложив кисти. Катя подошла, села рядом, и разговор с Мерком вдруг показался ей какой-то форменной глупостью. Не стоило оно потраченного времени и нервов.

— Пошли ужинать, — ее подбородок вновь невзначай опустился на плечо Пола.

Тот кивнул и принялся сгребать кисти.

Про забытый Катей НИИ с утра ей напомнил дядя Валя, предложив сгонять туда ненадолго сходя с маршрута. Все трое были за, и Кате пришлось согласиться. Она лишь решила ни при каких обстоятельствах не вызывать Мерка. Пусть ходит туда голограммой как-нибудь сам, без ее помощи.

Однако, когда трейлер свернул у таблички с надписью «НИИ телепортации», смартфон Кати неприятно завибрировал. Она хотела проигнорировать вызов, но тут вмешался дядя Валя:

— Ты же обещала человеку.

— Сейчас совру что-нибудь, — пробормотала она.

— Кому? — встрял Пол, и Катя устало помотала головой: меньше всего ей сейчас

хотелось объясняться.

— Поговори ты с ним, — и она без комментариев сунула ему свой телефон, нажимая на экран и принимая вызов.

— Вы уже на месте, да? — голос Мерка звучал возбужденно. — О, это ведь вы художник, да? — переспросил он, завидев перед собой лицо Пола, а не Кати. — Катя, ты бы нас хоть познакомила.

— Пол, — дружелюбно улыбнулся он.

— Я Мерк. С Катей мы знакомы всего пару дней. Она обещала мне виртуальную экскурсию по НИИ. Не бойтесь, я вам ничем не помешаю. Мне бы только посмотреть на все хоть глазами голограммы!

— Да ради бога, — рассмеялся Пол и передал телефон Кате, та перевела его в режим голограммы и убрала в карман джинсов.

С телефона Пола за происходящим наблюдал и Казарцев. Дядя Валя заявил, что останется в трейлере и подключится, только если возникнет такая необходимость, поэтому к зданию НИИ они пошагали лишь вчетвером. Здание это выглядело со стороны ничем не примечательным: так проедешь мимо и даже внимания не обратишь, что стоило бы тут остановиться и заглянуть внутрь. Впрочем, а пускают ли туда? Катя скосилась в сторону Мерка, и тот словно бы прочел вопрос в ее взгляде:

— Сегодня как раз присутственный день, — заверил он ее, — я узнавал. Формируют группы, проводят экскурсии. Так что, нас не выгонят, не дрейфь, — и задорно подмигнул ей, а она закатила глаза и вздохнула: винить тут некого, сама вляпалась, сама полезла в этот дурацкий чат, сама написала ему второй раз. Все сама.

Тут же на голограмме ее смартфона высветилась надпись мелким шрифтом:

— А он и вправду ничего так. На Маккартни похож. Одобряю твой вкус.

Отвечать Катя не стала, но Мерк, видимо, и сам понял, что перегнул, а потому замолчал.

У здания НИИ было всего пять этажей. Оно осталось от прежних времен, его просто не стали сносить, а доработали, модернизировали, нагнали сюда кучу техники, подрубили ИИ, и обычный НИИ превратился в высокотехнологичный центр, ведущий революционные разработки в сфере транспорта и, в частности, работающий над телепортацией. Про центр этот, а также про его достижения знал весь мир, поскольку все напряженно ждали того момента, когда их жизнь станет еще проще и мобильнее. Дальше обещаний дело не продвигалось очень долго, и лишь в последние месяцы заговорили, что достигнуты серьезные успехи, и в ближайшем году все точно решится. Катя волновалась и ждала вместе со всеми. Она понимала, что с появлением телепортации мир изменится радикально: не настолько радикально, как с внедрением во все сферы ИИ, но все же покоя станет меньше.

На нижних этажах, поговаривали, расположился приличных размеров коллайдер — исключительно для практических целей института. Его Катя тоже мечтала увидеть. Ходили слухи, что телепортация сможет решить проблему главного коллайдера, строительство которого стопорилось по вполне понятным причинам.

На входе их просканировали, и они в растерянности замерли, не зная, куда идти дальше. Из Катиного смартфона тут же закричал дядя Валя:

— О своем прибытии предупреждать следовало заранее! Все у вас не как у людей. Сюда уже идут, ждите.

— Идут? — удивилась Катя. — Так экскурсию нам проведут люди? Я думала, здесь

работает исключительно ИИ.

— Да ну что ты, — скривился Мерк. — ИИ может многое, он даже имитирует эмоции, а ИИ высшего порядка, поговаривают, может их даже испытывать, но без человека в таком деле никуда. Для кого телепорт делают? Для человека. Конечно, основная нагрузка ложится на ИИ, но люди его направляют, озвучивают свои потребности, регулируют этические вопросы.

— Не совсем так, — раздался голос из дальнего угла холла, и навстречу им вышел сутуловатый мужчина средних лет, подслеповато шурящийся от яркого света. — Без ИИ нам бы, конечно, туго пришлось, ИИ дал сильный толчок мировой науке, но и ему без нас туго. Он, разумеется, может просчитывать и моделировать наше поведение и потребности и подчас даже неплохо с этим справляется, но живой человек все равно артикулирует все это гораздо четче. Да и плюс — мы сами любим науку. Мы хотим ей заниматься, открывать новые горизонты, и ИИ уважает наше желание и всячески способствует тому, чтобы у нас была возможность его реализовывать. Поэтому в научных проектах ИИ играет роль нашего инструмента, консультанта, если позволите. Бесспорно, многие вещи ему проще и быстрее проверить самому, но ведь тогда человечество превратится в безвольных трутней, а это вовсе не то, к чему мы стремились, творя нашу утопию. Рад познакомиться, я Алексей. Из всех сотрудников НИИ у меня лучше всего выходит проводить экскурсии, поэтому, если позволите, давайте начнем.

— А что, кроме нас, никого больше не будет? — нахмурился Мерк, и голограмма его пошла рябью.

— У нас нечасто бывают гости. Случаются, разумеется, но толпами не валят.

— Очень странно для мира, помешанного на науке, — снова проворчал Мерк.

— У людей масса интересов в других областях. Многие предпочитают не распыляться. А прийти, только чтобы поглазеть, как это в прежние времена делали туристы на космодромах и большом адронном коллайдере... такого нынче нет. Люди ценят наш труд, понимают, что нас их визиты отвлекают от работы, поэтому приходят, только если действительно увлечены вопросом. Вы, я увижу, из таких? Из увлекающихся?

— Я — да, — охотно откликнулся Мерк.

— Да и я тоже, — поддакнул ему Казарцев.

— А мы простые зеваки, — улыбнулся Пол. — Скажем так, мы группа сопровождения для наших интересующихся голограмм. С нами им куда проще осуществить эту экскурсию, хотя они бы могли справиться и без нас. Но так и у нас будет возможность получить новые впечатления. Мы люди творческие, нам они тоже нужны.

— Ну что ж, приступим, — Алексей потер ладони в предвкушении. — Сперва я проведу вас по этажам и расскажу о том, на какой стадии сейчас находится проект, а в конце мы спустимся к коллайдеру. Запускать мы его, разумеется, не будем, сейчас у него фаза отдыха. Но посмотреть на конструкцию возможность будет. Для начала, думаю, стоит посетить конструкторский зал, познакомить вас с нашим ИИ. Мы с ним прошли этот проект рука об руку, начиная с самого первого дня его запуска. Не возражаете, если поднимемся по ступенькам, минуя лифт? Здоровый образ жизни еще никому не мешал, а то тут засидишься за работой, спина ныть начинает. Массажное кресло, конечно, спасает, но простой человеческой пробежки ничто не заменит, а? — и Алексей резво пробежал один лестничный пролет.

Обещанный конструкторский зал располагался на третьем этаже в правом крыле и, судя

по всему, занимал никак не меньше трех этажей в высоту — именно поэтому под него и отвели отдельный флигель, снаружи здания никак, впрочем, не бросающийся в глаза. По размерам зал этот напоминал скорее самолетный ангар, и Мерк даже присвистнул, а Катя просто принялась удивленно осматриваться: снаружи здание ей показалось совсем небольшим и ничем не примечательным. Так, бывший рядовой провинциальный ВУЗ. Внутри же три этажа превратились в неохватную воображением высоту. Левая стена была полностью прозрачная — чего снаружи тоже не просматривалось, вероятно, при строительстве использовались специальные двусторонние материалы.

— Это для дневного света, — пояснил Алексей, не дожидаясь вопросов. — Искусственные сейчас неплохо его имитируют, но солнечный свет заменить пока еще трудновато. Впрочем, мы над этим работаем. И когда НИИ в Базеле доработает свои батареи, способные подзаряжаться от обычного искусственного света, мы еще на шаг приблизимся к созданию вечного двигателя.

Остальные три стены были сплошь уставлены техникой, назначение которой Катя даже не пыталась понять. В своих фантазиях исконного гуманитария она видела крошечные беспроводные машинки, управляющие сложнейшими процессами на всей планете, а тут снова столкнулась с громоздкими аппаратами, все еще работающими от сети. Алексей извиняющимся тоном продолжил:

— Я понимаю, все это выглядит несколько старомодно. Кому-то хорошо знакомому с техникой прошлого, все это покажется негодной имитацией компьютера середины 20 века. Впрочем, речь сейчас идет о совсем иных мощностях, и техники в этом помещении достаточно, чтобы запустить главный коллайдер — ну чтобы, так сказать, было более иллюстративно, — и он совершенно искренне и без тени превосходства на лице улыбнулся Кате. — Мы в полной мере осознаем лежащую на нас ответственность. Сейчас я покажу вам тестовый технический образец телепорта, который планируется к использованию для коллайдера. В обычных бытовых целях всем вам вполне хватит портативного.

От правой стены вверх к потолку уходила блестящая петля. Кате показалось, что она создана из самого солнечного света.

— Это высокотемпературная плазма, — пояснил Алексей. — Скажу больше, по степени ионизации эта штука вполне может поспорить с самим Солнцем, — и замер, вероятно, ожидая восторженных охов.

— Каким образом вам удастся избежать пожара в радиусе... — Мерк задумался, прикидывая в уме, — да всей планеты, черт побери?

— Нейтрализующий экран.

— Жидкий азот? — попыталась блеснуть скудными познаниями Катя.

— Для остужения Солнца его маловато будет, — пробормотал Мерк. — Тут что-то покруче должно быть.

— Абсолютный ноль.

— Да ерунда, — начал Мерк спорить с Алексеем. — Абсолютный ноль — это всего лишь чуть выше минус трехсот градусов по Цельсию, а температура Солнца...

— Петлю не нужно остужать, достаточно легкого экранирования, и абсолютный ноль прекрасно справляется с этой задачей. Если мы остудим ее, то не сможем использовать для задуманных целей.

— Пожара на планете все равно не избежать, — качал головой Мерк. — Что-то вы не договариваете.

— Эффект экранирования достигается за счет удержания частиц плазмы исключительно в рамках этой петли, не давая им взаимодействовать с остальными частицами в помещении. Если угодно, назовем абсолютный ноль тормозом, а не экраном. Плазма заперта в этой петле, и вы сами можете в этом убедиться, если подойдете поближе и поднесете к ней руку — вы не почувствуете ничего. Однако если вы запустите палец прямо в петлю... вот тогда пожар на планете точно гарантирован. Но мы уже дорабатываем систему безопасности. Собственно, это именно то, что нам осталось докрутить, чтобы объявить, наконец, о создании телепорта. Конкретно эта модель никогда не поступит в распродцентры. Впрочем, транспортники и социологи уже просчитывают регулицию пассажиропотока после внедрения телепорта. Мы уже никогда не сможем жить как прежде, — лицо Алексея озарило нечто похожее на гордость. — Итак, немного о принципе работы созданного прибора. Всем вам наверняка известно еще из курса физики, что квантовая телепортация довольно давно стала частью нашей жизни. Однако, для мгновенной транспортировки макрообъектов она не годилась, поскольку основана была на эффекте запутанности частиц. Нет, безусловно, в физическом смысле мы вполне могли осуществить нечто подобное еще лет пятьдесят назад, но тогда перед нами встала бы этическая проблема...

— Как быть с двойниками? — подсказал ему Мерк.

— Какими еще двойниками? — подал голос Пол.

— Квантовая телепортация по факту подразумевает не перемещение объекта из пункта А в пункт Б, а передачу информации об этом объекте для формирования в пункте Б его точной копии. Если мы берем живое существо, то копия его будет обладать абсолютно всеми воспоминаниями оригинала. Более того — у него сформируется точно такое же самосознание. И вот здесь мы попадаем в тупик: мы получаем двух идентичных личностей, мыслящих как единое целое. В общем, углубляться в подробности я не стану, поскольку тут с самого начала было ясно, что такой способ не подходит. Поступали предложения распылять оригинал после создания копии, но скажите, кто из вас согласился бы быть распыленным ради более быстрого перемещения по планете?

— У Лема уже было что-то подобное, — снова встрял Мерк.

— Станислав Лем как раз застал период этих этических диспутов и решил его для себя в пользу распыления. Но наше общество на такой шаг пойти не смогло. Именно поэтому вопрос телепортации был отложен на такой длительный период времени. Нам пришлось основательно попотеть, чтобы придумать, как протащить объект сквозь плотную атмосферу со скоростью света, никак не повредив его при этом.

— Плазма? — не унимался Мерк.

— Она самая. Петля, которую вы видите перед собой, представляет из себя ворота, пройдя через которые, вы окажетесь в другой точке вселенной.

— Мы не ослышались? — изумился Пол.

— К воротам подключена панель для ввода точных координат. В дальнейшем мы планируем доработать ее, но с координатами все же будет проще и эффективнее. Точность перемещения — один квадратный метр.

— Ого! — с уважением в голосе присвистнул Мерк.

— Если говорить кратко и по-простому, мы действительно распыляем вас на входе в петлю, а на выходе из нее ваши кварки вновь собираются в единое функциональное целое. И все это — за одну только секунду.

— А на выходе будет стоять такая же петля? — Катя задрала голову, рассматривая лиловые переливы нагретого газа внутри петли.

— Это было бы самым простым, но никуда не годным решением. Мы же не можем утыкать всю планету такими петлями — тогда нам будет негде жить. Цель была — создать вход, программирующий распыленные частицы на сборку по достижении заданных координат. Если угодно, каждый ваш кварк превращается в некоего почтового голубя, обученного долетать до определенной точки в пространстве. И в этом нам помогает плазма, через которую пропускается рой ваших частиц. Происходит нечто вроде импринтинга...

— Плазма — наш учитель? — смех Мерка эхом понесся по всему залу.

— Можно и так сказать, — миролюбиво улыбнулся Алексей. — Это особым образом заряженная плазма, содержащая информацию обо всех возможных маршрутах на планете и за ее пределами.

— Но... это же невероятная цифра! Такую величину даже ИИ непросто высчитать.

— Для этих целей мы и используем ИИ 10.0. Исключительно благодаря его работе плазма сейчас готова к построению абсолютно любого маршрута.

— Пойдите, а что же нас тогда распыляет, если плазма используется для направления потока частиц? — теперь говорил только Мерк, Катя с Полом стыдились демонстрировать собственное невежество, а Казарцев, вероятно, и так уже был наслышан о принципах работы телепорта, или его устраивал способ подачи, выбранный Алексеем.

— Внутри этой петли — область отрицательной энергии, где полностью отключается сильное взаимодействие, удерживающее частицы друг рядом с другом, и на всю катушку врубается слабое, отвечающее за распад. На самом деле, это было первое, что изобрели в стенах этого НИИ, куда больше времени ушло на создание петли. Области отрицательной энергии в космосе не редкость. Мы просто позаимствовали схему у природы. А теперь пройдемте в другое крыло и посмотрим, как выглядят портативные телепорты.

— Пойдите, насколько я понял, — Мерк продолжал говорить только за себя, — эта штука будет использоваться для строительства главного коллайдера?

— Именно так. Нынешних скоростей, хоть и очень высоких, недостаточно для контроля результатов столкновения частиц в коллайдере размером с Солнечную систему.

— Что?! — тут уже не выдержала Катя. — Это где же вы такой отгрохать собираетесь?

— Строительство уже начато, — с важным видом изрек Мерк, не давая Алексею ответить. В нескольких парсеках от Юпитера. Пока продвигается очень медленно — как раз по озвученным причинам. Некоторые вещи нужно проделывать сиюсекундно, а не ждать нескольких часов или дней, когда корабль доставит груз в нужную точку строительства.

— Совершенно верно, — закивал Алексей. — Мы не хотим рисковать портативными телепортами в открытом космосе, а потому запустим производство точных копий этой петли для последующей их транспортировки — через нее же — к месту строительства.

— Для чего такая махина? — в голос Пола звучало сомнение и недоверие.

— За прошедшие десятилетия теория всего так и осталась для нас неразгаданной. Еще в 20 веке шли разговоры о коллайдере немыслимых размеров, чтобы разгадать все загадки вселенной. Но только сейчас эти фантазии стали осуществимы.

Они вышли из зала и пошагали к противоположному крылу. Помещение, в которое они попали, было значительно меньше и по виду напоминало обычную научную лабораторию. Нигде не видно было ни души.

— Вы здесь единственный... человек? — уточнила Катя.

— Далеко не единственный. Просто в присутственные дни все в основном разбредаются кто куда, чтобы никто никому не мешал. Да и нам так удобнее: ни мы никого от работы не отрываем, ни коллеги мои не затыкают уши от моей экскурсоводческой болтовни.

Помещение было абсолютно белым, и вот в него уже не проникало ни единого солнечного луча: от окон здесь отказались. На столе под зависшей в воздухе голограммой экрана стояла миниатюрная копия петли из предыдущего зала.

— Принцип работы тот же: набираете на панели координаты, жмете «Пуск», и вуаля, вы в Париже или Гонконге. Точные координаты вам всегда подскажет ваш ИИ.

— Так что, Катюха, — раздался тут же голос дяди Вали, — если ты хочешь домой, я могу тебя туда мигом отправить, — и громкий хохот.

— Да ну вас, — махнула она рукой и замороженно уставилась на небольшую петлю — сантиметров десять в диаметре.

— Хранится она в футляре. Когда доработаем систему безопасности, ее можно будет беспрепятственно брать голыми руками. Пока я бы этого делать не рекомендовал.

— Сожжешь планету к чертям собачьим, — съязвил Мерк и подмигнул Кате.

— А сейчас к коллайдеру, благодаря которому мы добились создания плазмы нужной нам температуры. Предлагаю тоже пробежаться. Всего-то десять этажей вниз. Не против?

Катя с Полом обреченно кивнули и засемили за неутомимым Алексеем к лестнице.

— Размеры побольше, чем у того первого? Ну который БАК? — бубнел Мерк.

— О, намного. Тут охвачена почти вся территория США, поэтому, как вы понимаете, я вам покажу только крошечный элемент огромной конструкции. Хотя, думаю, все вы уже были на БАК и примерно представляете, что вам предстоит увидеть.

— Я не была, — откликнулась Катя.

— Я тоже, — поддакнул ей Пол.

Казарцев, как обычно, промолчал, лишь Мерк отчитался, что, разумеется, на БАК он был, а как же иначе-то. Катя закатила глаза, в тысячный раз жалея об их случайном знакомстве.

Из обитого чем-то вроде резины коридора к самому коллайдеру вели ворота чудовищной высоты. Открывать их, разумеется, не стали — через них в свое время в зал для сборки поставлялись крупные неразборные детали. Для людей там имелась самая обычная дверь. Необычной, правда, толщины. Открыть ее мог только ИИ. Дверь эта походила скорее на кусок стены, поскольку, по Катиным прикидкам, была никак не тоньше полутора метров.

— Выдерживает взрыв водородной бомбы, организованный прямо у входа.

— Кому бы понадобилось ее здесь взрывать? — рассмеялся Пол.

— Разумеется, сейчас уже никому. Это скорее для безопасности населения континента. На случай, если в работе коллайдера что-то пойдет не так.

Они прошли через эту немислимую дверь и оказались в совсем небольшом помещении. Катя даже успела удивиться, поскольку, судя по количеству пройденных вниз этажей, ожидала нечто совершенно грандиозное. Внутри было место от силы человек для пятидесяти. Над их головами высилась невероятных размеров микросхема, в которую острием упиралось нечто вроде ядерной боеголовки — из тех, что Кате попадались в старых учебниках истории. На этом, собственно, и все. Рядом стоял ярко-желтый погрузчик, пара роботов-механиков — этим и исчерпывался самый большой на планете синхрофазотрон.

— Всем известен принцип работы?

— Мне нет, — не постеснялся признаться Пол. — Я художник и понятия не имею, для

чего вообще существуют подобные штуки.

— Объясню на простом примере. Вот есть у вас, допустим, грецкий орех. Как вы извлекаете его содержимое?

— Колю специальным инструментом.

— А, допустим, никаких инструментов у вас нет. Есть только вы и орех. И вы в чистом поле.

— Хм, — задумался Пол.

— Камнем же, — догадалась Катя. — Или об землю со всей силы шарахнуть.

— Вот именно. А теперь представим, что в поле этом вы вдвоем и у каждого по ореху.

Вы отходите друг от друга метра на два и толкаете своих орехи друг к другу, чтобы они столкнулись и раскололись. Примерно так работает и наш коллайдер: позволяет нам раскалывать крошечные пылинки на еще более крошечные, разгоняя их до скоростей, близких к световой. И чем меньше частица на выходе, тем больше тайн вселенной нам открывается. Чем выше скорость разгона, тем горячее наша плазма, — и он радостно потер руки.

Висевшая прямо над ней микросхема с кучей цветных проводов теперь казалась Кате непостижимым чудом, способным изменить ее жизнь.

— И чем длиннее территория разгона, тем выше вероятность получить ответы на волнующие науку вопросы — как скрестить теорию относительности и квантовую физику? Как работает гравитация на микроуровне? Сможем ли мы доказать суперсимметрию? Но для такого наших земных скоростей маловато. Поэтому и затеяли строительство главного коллайдера. Возможно, и его будет недостаточно, но, впрочем, по расчетам ИИ, этого расстояния должно хватить... А сейчас позвольте пригласить вас пообедать в нашу институтскую столовую, — и глаза Алексея радостно загорелись.

— Ну, как впечатления? — первым подал голос Пол, когда они загрузились назад в трейлер и снова поехали на запад.

— Надеюсь, все это скоро будет реализовано, — буркнул так пока и не отключившийся Мерк. — Я смогу беспрепятственно добраться до других планет.

— Ого, да у тебя очень взрослые запросы! — рассмеялся Пол.

— Такими темпами обычного транспорта скоро не останется вовсе.

— Не согласна, — встряла Катя. — Мы ведь тоже сейчас передвигаемся по старинке. Хотя вполне могли бы на вертолете добраться до Тихоокеанского хребта всего за полчаса. А мы зачем-то трясемся на этом трейлере, останавливаемся на ночь, сами готовим себе еду, еще и окрестности обзираем. Жизнь — это не одна только функция, это еще и впечатления.

— Так вот, с появлением телепорта за отведенный мне срок я смогу получить этих впечатлений куда больше, чем если бы отправился на Плутон обычным ходом. Не говоря уже про Туманность Андромеды. Да и, кроме того, открываемые наукой горизонты куда шире вот этих ваших простых впечатлений.

— Ладно все, — Катя дернула плечом и нажала отбой, не желая больше слушать речи Мерка, каждое слово которого вызывало в ней приступ бешенства.

Он казался занудным, язвительным и холодным и был так непохож на живого и все чувствующего Пола, что этот контраст бил ей в самое солнечное сплетение.

— Грубиянка, — проворчал дядя Валя.

— Ничего, надеюсь, после всего этого он отстанет, и мы сможем спокойно наслаждаться природой и дальше. Кстати, что у нас там по плану?

— Вы шеф, вам и решать, — отчеканил дядя Валя с интонацией солдата на плацу.

— Я поняла, разговор не складывается. Тогда я пойду пока накатаю статью для блога, а вы подумайте, куда мы заглянем в следующий раз, — и она плюхнулась к себе на кровать и задернула плотную шторку.

Пол послушно принялся копаться в смартфоне, Казарцев отключился, затих и дядя Валя.

Сегодня без приветствия: настроение, как вы уже догадались, у меня ниже нуля, хоть за окном пока царит самое-пресамое лето.

Побывали мы сегодня в НИИ телепортации, и, скажу я вам, скоро нас в жизни ждут колоссальные перемены. Транспорта не останется вовсе — ну разве что для любителей разных древностей, вроде меня и вас — осуществить приятную неспешную прогулку, а не мчаться куда-то со скоростью, превышающей световую. Да-да, ходят слухи, что нынешняя наука шлет к чертям даже постулаты самого Эйнштейна. Впрочем, это мы еще посмотрим, кто кого: ИИ 10.0 или Альберт Германович. Пока я лично ставлю на ничью и ума не приложу, как они собираются доскакать до Плутона всего за секунду. Что-то мы это сегодня даже и не обсуждали. И мой весьма начитанный и образованный новый знакомый тоже голоса не подал по этому поводу.

Кстати, я же забыла вам поведать, что к нашей небольшой компании присоединился еще один гражданин — бессердечный сухарь и смертельный зануда, имени которого я даже не знаю, но который беспрестанно поучает меня, указывая, как мне следует жить. А вы как справляетесь с такими личностями в своем окружении? Сразу изгоняете их, аки экзорцист

злых духов, или даете шанс?

Шучу. На самом деле, именно об этом я и хотела поговорить с вами: о человеческих взаимоотношениях. Вы не замечаете, как в последние годы они постепенно сходят на нет? Один из моих попутчиков считает, что все происходящее закономерно и нормально: мы теряем интерес к противоположному полу, ну подумаешь. Еще Эрих Фромм в свои мохнатые годы заявлял, что дружба выше и важнее союза мужчины и женщины. Или однополого союза, созданного с... ну, все мы хорошо понимаем, с какой именно целью. Что с развитием науки и техники, с переходом человечества на новую ступень эволюции — а все мы, как вы понимаете, свято верим, что именно это сейчас и происходит — потребности в физической близости должны остаться в прошлом.

Если честно, я много об этом думала, поскольку подростком была совершенно по-честному и безрассудно влюблена в одного музыканта. Я не стану называть его имени, оно не имеет значения, хотя скорее всего большинство из вас его хорошо знают, но... он давно умер. А потому любовь мою можно считать скорее платонической. Я долгие годы лелеяла это полудетское чувство в своем сердце, в последнее время свято веря в то, что она переродилась в простое восхищение его талантом. Если бы не одно но. На этой трассе судьба свела меня с человеком как две капли похожим на него. Если вы внимательно читали мои прошлые статьи, возможно, вы поймете, о ком идет речь. А если видите мой блог впервые, то будем считать, что я даю вам стимул изучить его несколько подробнее.

Так вот, милые мои читатели — не котаны, не карамельки и не мандаринки, на этот раз я хочу поговорить с вами абсолютно серьезно и без тени своей обычной улыбки. Вы верите в эту самую любовь? Ну ту самую приземленную, которая нынче зовется инстинктивным стремлением к продолжению рода, но про которую раньше написано было столько романов и стихов. Я вот, черт побери, верю! Я отдаю себе полный отчет в том, что признаюсь в этом своей многотысячной аудитории, среди которой может затесаться и тот, кому посвящен этот текст, но так мне, наверное, будет даже проще. В общем, я влюбилась, сладкие мои мармеладки.

А теперь, совершив это страшное признание, продолжу рассуждать на заявленную тему: стоит ли нынче заводить отношения? Я знаю, что многие продолжают жениться и выходить замуж, заводить детей естественным способом, и никто им в этом не препятствует, даже не осуждает. Но мне все же хочется понять для себя — ведь мы так или иначе движемся к будущему, где всего этого скорее всего уже не будет. Хорошо это или плохо? У меня нет ответа на этот вопрос. Судя по описаниям в романах, отношения такие строятся довольно трудно, сопровождаются ссорами, изменами, расставаниями и всегда — сильными эмоциональными выплесками. Нужны ли нам такие сильные эмоции именно от такого рода отношений? Ведь с изобретением телепортации мы можем сгонять в соседнюю галактику и получить массу впечатлений именно там, а не от объятий, поцелуев и пылких признаний. Скажите, те из вас, кто испытал в своей жизни и космос, и признания — от чего вы получили больше удовольствия?

Предвижу ваши ответы: ну, разумеется, хорошо, когда в жизни присутствуют все ее составляющие, и ради космоса не стоит отказываться от семьи, тому примером мои собственные же родители. Но вот беда: тот, кто вызвал во мне столь сильное душевное смятение, предпочитает космос. В широком смысле слова, разумеется. Предпочитает эмоции от чего угодно, только не от отношений. Подспудно он догадывается, что радость обладания любимым не заменить ничем, но он не стремится к этой радости и полностью

поглощен исключительно своим любимым... делом.

А за окном меж тем мелькает Америка — такая разная, такая яркая. Прямо сейчас мы направляемся в Йеллоустоунский парк. Думаю, все из вас слышали эту довольно старую уже научную легенду о том, что вот-вот проснется супервулкан, и тогда планете наступит конец. С тех пор вулканология значительно продвинулась вперед в плане предсказания такого рода событий, и как раз возле парка открыли научный центр, где ежедневно мониторят состояние вулкана и проводят эксперименты в попытке как-то притупить его активность, которая, как ни прискорбно, но в последнее время существенно возросла. Надо заметить, что мы сильно рискуем, направляясь туда, но разве не за риском мы рванули на другой континент?

Вулкан этот имеет обыкновение извергаться примерно каждые 600 тысяч лет, и срок нового извержения уже подошел. Если учесть, что его площадь — около ста квадратных километров, можете себе представить, что всех нас ждет в таком случае. Думаю, гибель нашей маленькой компании будет самой безболезненной: нас просто спалит на месте. А вот вы, милые мои читатели, еще помучаетесь в условиях ядерной зимы. Обещают, что в самых теплых регионах на планете температура не поднимется выше -50 градусов. Поэтому я настоятельно советую вам при первых же признаках извержения срочно мчаться в Вайоминг и наслаждаться великолепным зрелищем прямо здесь у самой кальдеры.

Мы уже проехали несколько горячих источников: местность вокруг них выглядит устрашающе. Ученые хоть и бросили все силы на наведение здесь порядка, но деревья поблизости от таких источников буквально сожжены и стоят безжизненными скелетами, иллюстрируя картину нашего общего будущего. Простите, что-то настроение сегодня несколько мрачное. Возможно, по причинам, на которые я вам намекнула выше: безответные чувства — это тот еще супервулкан, скажу я вам.

Мой новый знакомый по кличке Мерк считает все это глупостью и женскими страхами — да, это его прямая цитата. Я много раз клялась себе больше не вступать в диалог с этим грубияном, но, на мою беду, он слишком начитан и слишком много всего знает и этим выгодно выделяется даже на фоне моего ИИ, который хоть и беспрестанно блещет то умом, то заботливостью, но моего адреналина по поводу Йеллоустоуна разделять никак не желает. А Мерк хоть и высмеивает меня, но все равно выходит на связь каждый день, беспрестанно ищет в сети научные статьи, посвященные вулкану, и сам, кажется, переживает уже не меньше моего, просто виду не подает.

Объект же грез моих занят исключительно своими прямыми обязанностями и не выпускает из рук кисть и карандаш. Он нарисовал даже моего дядю Валя! Сам придумал ему забавную внешность невысокого лысоватого мужичка с добродушной улыбкой, и теперь я сама ловлю себя на мысли, что представляю себе свой родной ИИ 3.0 именно таким. Сам дядя Валя знатно повеселился по этому поводу, оцифровал рисунок и теперь выходит со мной на связь в виде голограммы этого мужичка. Жутко реалистично получается, но в целом я довольна.

До самой кальдеры нам еще далековато, и на ночь мы планируем все же остановиться у ученых — надеемся, они примут нас или хотя бы позволят припарковать трейлер на их территории. Так нам будет спокойнее, хотя в случае извержения пара десятков километров уже ничего не решит.

Художник мой написал очередной мой портрет, их у меня теперь в его исполнении уже

шутку пять накопилось — на каждом я разная, но везде очень узнаваемая. Мне все это безумно приятно, но не покидает ощущение того, что он смотрит на меня исключительно как на объект, который можно изобразить. Я для него нечто среднее между деревом и трейлером: и то, и другое можно и нужно рисовать, что он и делает. Случайно рисунки попались на глаза Мерку, и он долго веселился и язвил по этому поводу. Никак не возьму в толк, почему он так себя ведет. Чрезвычайно неприятный тип, хоть и ничего конкретно плохого он никому из нас вроде и не сделал, но все равно жутко меня раздражает.

Уверена, он прочтет и эту статью и непременно выскажет свое сверхценное мнение, поэтому, Мерк, если ты здесь, то сделай милость, ответь хотя бы просто по затронутым в статье темам и воздержись от своих обычных шуточек. Лады?

Merk Так и быть, Кать, пишу по существу. В любовь я, извини, не верю. Точнее, в ту ее разновидность, что заставляла творцов прошлого писать сонеты и петь серенады. Такая ее форма давно себя изжила, эрос уступил место агапэ. Вот этот вид любви я готов обсуждать и не только с тобой, а гнусную свою физиологию оставь при себе и своем художнике. Что же касается Йеллоустоуна, то взрыв, конечно же, неминуем, но не раньше, чем через пару тысяч лет. За этот срок ученые обязательно найдут способ его охладить и остановить созревающие там процессы. Поэтому, извини, так просто от меня и от всей нашей планеты ты не отделаешься.

Комментарий появился буквально через пять минут после публикации статьи, и Катя покачала головой, пробежав его глазами. Мерк как обычно в своем репертуаре, ничего нового. Спорить не хотелось: их ждали вулканологи и сам Йеллоустоун, и никакой чатбот не в состоянии был испортить ей настроение.

— Почему у тебя такой странный ник? — не выдержала и напечатала в чате Катя. В последние дни у нее начали роиться в голове странные подозрения на этот счет — возможно, потому что фамилия Меркулова слишком часто всплывала в ее нынешней жизни.

— От немецкого «merkwürdig» — удивительный, особенный, необычный. Странный, — и смеющийся смайлик рядом.

Катя закрыла чат, не удосужившись ответить. Паранойя, ее просто накрыла паранойя, когда всюду мерещатся новые клоны Меркулова. Он бы про это знал, он бы, наверное, оповестил Казарцева. Хотя Казарцев вполне мог тоже быть в курсе, просто не поставить об этом в известность саму Катю. Да даже если это и так. Даже если по планете гуляет сотня его клонов, ей-то какое до всего этого дело! Еще пару месяцев назад она спокойно жила, даже не догадываясь обо всем этом, проживет и дальше. В конце концов, с Меркуловым этим она ведь и знакома-то не была. Впрочем... это как посмотреть.

Трейлер затормозил на стоянке у очередного НИИ — на этот раз вулканологии. Ученых решили не беспокоить: было уже поздно, свет горел лишь в паре окон. В конце концов, если в предыдущем НИИ существовали присутственные дни, то здесь ни о чем подобном никто и не слышал: в интернете содержались лишь научные статьи сотрудников института, а также карта парка с указанием зон, где можно было находиться без угрозы для жизни и здоровья. Кажется, можно было даже взять проводника из числа младшего персонала НИИ, но исключительно по предварительной договоренности. К кальдере одним идти было все же страшновато, особенно с учетом возросшей активности вулкана в последние годы. Ну что ж, если на завтра свободных сотрудников не найдется, они подождут сколько нужно. Соваться

без сталкера в эту зону не захотел ни Пол, ни Катя. Мерк, конечно, высмеивал их, как он назвал это, трусость, но Казарцев резко осадил его, и даже дядя Валя поддержал осторожничавших ребят. Не на шутку разошедшемуся Мерку даже предложили покинуть их теплую компанию, если его что-то в ней не устраивает, и он замолчал только после этого язвительного выпада Михаила.

А потом все разбрелись спать, и только Катя снова взялась за записи, тем более, что непрочитанного текста оставалось всего около полутора тетрадей.

Сегодня начался самый тяжелый эксперимент за всю мою научную карьеру. Озеров с самого начала говорил, что это нелепая затея, не стоит даже пытаться совершить какой-то провыв в этой сфере. Тем более, пока ИИ находится на столь слабом уровне развития.

— Вот когда достигнем хотя бы отметки 0.4, будет о чем говорить. Мы тогда научимся хотя бы имитировать действие гормонов на мозг человека. А сейчас каким образом ты собрался вызывать у этой железяки эмоциональный отклик? Нам пока едва удастся сохранить в нем память и научить принимать решения на самом примитивном уровне — кремниевая болванка и того не умела.

Ответа на его вопрос я и сам на тот момент не знал, да и Марцев ничем помочь нам не мог: его дело было тасовать атомы, писать под них код и тестировать машину на проявления разумности, неотличимой от человеческой, а не выжимать из машины этой слезу. Поэтому пришлось долго готовиться, прикидывать, как я могу вызвать эмоции у того, кто мысли и исключительно нулями и единицами. Но в результате все равно я действовал по стандартной схеме: когда вошел в лабораторию (Марцева я к тому моменту оттуда уже выкурил), то разразился плачем. Воду предварительно накапал себе на щеки еще в коридоре. Накануне я дома много репетировал печальное лицо у зеркала, а потому в моем представлении страдания мои выглядели весьма убедительными и правдоподобными.

Вошел, сел за стол, прикрыл лицо руками и сделал вид, будто издаю сдавленные всхлипы, подергивая плечами и ожидая реакции ИИ.

— Добрый день, — бесстрастным голосом изрек он. — Насколько я могу судить по вашему огорченному виду, у вас, вероятно, что-то произошло?

Я лишь отмахнулся, словно бы не желая говорить на эту тему, и машина не стала настаивать и погрузилась в информационную тишину. Такой исход меня категорически не устраивал, но я его тоже предвидел, ведь это была только тренировка, а не проверка ее результатов, поэтому сдавленным голосом пробормотал:

— В таком состоянии работа — лучшее лекарство.

— Вы пришли ко мне или к Марцеву? — снова проигнорировал его намек ИИ.

— К тебе. Благодаря нашей прошлой беседе, я убедился, что ты действительно способен мыслить самостоятельно, а потому я решил обратиться к тебе за помощью, ну, как к холодному и бесстрастному разуму, который не поддается воздействию эмоций. Именно это мне сейчас и нужно, — и я снова громко всхлипнул и еще громче высморкался.

— Чем же я могу помочь? — ни грамма эмоций в голосе.

— Дело весьма деликатного свойства, друзей у меня нет, а обращаться за советом к коллегам мне бы не хотелось именно по причине деликатности и некоторой даже интимности вопроса. От меня ушла жена. Точнее, женщина, которую я долгие годы считал своей женой, хоть официально мы и не были расписаны, но успели обзавестись ребенком.

ИИ молчал, ожидая продолжения — сопереживать он не умел, а для грамотного совета я пока выдал ему слишком мало информации.

— Ребенка, она, разумеется, забрала с собой. Ушла к другому мужчине, и в скором времени они поженились. Сыну моему всего три года, он мало что понимает, и его привязанность к новому папе — это всего лишь вопрос времени. Черт побери, да у меня вся жизнь рухнула! — я картинно воздел руки и задрал голову. — И это именно сейчас, на такой важной стадии проекта! Говорят, что работа — лучшее лекарство, но у меня совершенно не соображает голова, и все валится из рук. Сроки горят, а я только сижу за столом и пялюсь в одну точку, не понимая, что теперь делать дальше и как жить.

— Ваша жена остается в России? — деловито осведомился ИИ.

— Поговаривает об эмиграции, — ухватился я за уместную подсказку. — Тогда мне вообще путь к сыну будет закрыт!

— Да, это так, — холодно изрек ИИ, — люди ценят и любят тех, кто постоянно находится рядом с ними, а не тех, кто подарил им жизнь. И это вполне логично. У вашей жены была серьезная причина для ухода?

— Любовь к другому мужчине. Как думаешь, это серьезная причина?

— Если оценивать этот поступок не с позиции эмоций, а с позиции удобства, то да, вполне. Тот мужчина может больше зарабатывать, пользоваться большей популярностью у других женщин, и, таким образом, заполучив его, ваша жена повышает собственный статус в глазах общества, что также важно для любого животного, — меня передернуло от этой фразы, но я все же сдержался. Его жилищные условия могут быть лучше. Он может быть внешне более привлекательным и сильным, что, несомненно, скажется на будущем потомстве. Так что, уход к другому мужчине для женщины — часто вполне прагматичный шаг. Получается, что и сыну ее будут обеспечены качественно иные условия проживания. Вам стоит только порадоваться за обоих.

— То есть в этой ситуации ты встаешь на их сторону? — хоть ситуация от начала и до конца была мной выдумана, но мне на секунду даже стало обидно за этого придуманного меня. — А что насчет меня? В чем мой выигрыш?! — я вскочил, подошел к серверу, словно бы чтобы приблизиться к электронному мозгу, силой прижался к нему подушечками пальцев и, стиснув зубы, по давней привычке отставил назад левую ногу — эта поза еще со школьных времен решения задач у доски странным образом помогала мне успокоиться и сосредоточиться.

— У вас появляется возможность найти себе новую партнершу, более подходящую вам по уровню, — сухо прозвучало в ответ.

— А мой сын? Сына ты тоже предлагаешь завести нового?! — вода на щеках уже высохла, выдавить настоящие слезы не получалось, поэтому пришлось повышать голос и демонстрировать внешнее возбуждение.

— Почему бы и нет? Если к этому у вас доступа не будет. Если в скрипт вкралась ошибка, ее нужно найти и устранить, а иногда — даже переписать весь код заново. Плакать и кричать здесь не имеет никакого смысла, от ошибки это не избавит.

— Плачем и кричим мы в таких ситуациях совсем не с целью устранить ошибку. Нам нужно выплеснуть эмоции, это помогает успокаиваться, если хочешь знать, потому что в состоянии эмоционального перевозбуждения совершенно невозможно думать логически. Рассудок должен быть холодным, а для этого его надо охладить. А как это сделать, если он пылает?

— Охладить его взаимодействием с другим холодным рассудком. Вы ведь поэтому пришли сейчас именно ко мне.

— Да, но отчего-то метод этот мне не помог. Так, может, предложишь какой-нибудь более действенный?

— Тогда вам стоит пообщаться с человеком. Возможно, выпить или даже ударить кого-то. К сожалению, по части эмоций я не смогу вам помочь, поскольку не понимаю сути ваших страданий. Вы избавились от балласта и теперь можете заняться работой, не отвлекаясь на людей, которые в вас не нуждаются и лишь отнимали ваше время и силы. В моем понимании вы должны были бы радоваться произошедшему. Но вы плачете и кричите. Поэтому я и рекомендую вам обратиться к другому человеку. Думаю, он сможет вас понять и поддержать, как вам того требуется.

Ну что ж, на первый раз у меня ничего не вышло, но теперь у меня возникла идея поинтереснее, и я опробую ее на ИИ через неделю. Обучаемость у него на высоком уровне, ему просто надо дать время переварить полученную от меня информацию. Через неделю я огорошу его новыми откровениями и, надеюсь, однажды его логическая твердыня пошатнется.

Но стоило мне подняться и направиться к выходу, как машина деликатно откашлялась, имитируя банальный человеческий способ привлечения внимания, и выдала:

— Согласно нашему уговору, мне удалось просчитать возможные варианты катализации процесса развития человека. Желаете ознакомиться?

— Не забыл? — несколько удивился я.

— Атомы моего сознания функционируют по принципу нейронной сети, поэтому с выключением меня из розетки никакая информация не теряется. По крайней мере, если она поступила не ранее нескольких дней назад. С более длительными сроками пока ведутся исследования.

— Ну тогда докладывай, — я вернулся на свой стул и принялся с интересом слушать.

— Сразу скажу, что ИИ даже чрезвычайно высокого уровня развития никак не сможет повлиять на нравственный выбор человечества, поскольку прямой связи между интеллектом и милосердием, вопреки убежденности научного сообщества, не наблюдается. Со временем количество, безусловно, переходит в качество, но пока это далеко не тот случай. Нужен принципиально иной прибор для реализации подобной задачи, способный воздействовать на квантовую структуру ДНК — на уровне психики такие вопросы нерешаемы в ближайшие пятьсот лет.

— Каков его принцип действия?

— Примерно тот же, согласно которому вы отделяете живое от неживого, камень от птицы, работа от льва. И живое, и неживое состоят из электронов и протонов, разница лишь в их организации внутри атомов, а также — организации атомов внутри клеток. Одна структура позволяет предмету стать черным, другая — красным. Одна — наделяет его сознанием, другая — оставляет бездушным куском камня. Полагаю, именно смена организации кварков внутри ДНК будет способствовать возникновению сверхчеловека.

— Ну, допустим, то же самое достижимо и эволюционным путем. Как же катализировать данный процесс?

— Можно использовать тот же принцип, с помощью которого вы создали мою нейросеть — ридберговские атомы с электронами, воспроизводящими туннельный эффект

не случайным образом, как это происходит сейчас, а под контролем человека или, допустим, искусственного интеллекта. Впрочем, для этого нужны значительные вычислительные мощности, чтобы просчитать планируемый результат, а не выйти на череду бесполезных или вредных мутаций вместо повышения нравственного уровня человечества. Как только ИИ выйдет на уровень данных мощностей, можно будет вести речь об автономном приборе с туннельным эффектом.

— И когда примерно это может произойти? Каков твой прогноз?

— Если дожидаться увеличения конкретно моих мощностей, то на это может уйти около двух десятков лет. Если же создать некий гибрид квантового разума и аппарата, катализирующего туннельный эффект электрона, заставляющий его чаще вести себя как волна, а не как частица, то можно ограничиться ориентировочно семью годами, поскольку каждый из этих приборов будет воздействовать на другой, и их взаимная синергия возрастет в разы. У вас ведь уже готово нечто похожее, я прав?

— Ты всегда прав, — усмехнулся я.

А что, это мысль.

Дядя Валя разбудил всех, едва заря коснулась вершин деревьев над кальдерой. Катя хотела было повернуться на другой бок и игнорировать побудку, но снова была разбужена:

— Если мы хотим отправиться в самое пекло с проводником, нам стоит поторопиться. Отправление в восемь, я уже обо всем договорился. Специально разбудил вас за сорок минут, чтобы вы успели привести себя в порядок и позавтракать.

Пришлось медленно сползать к кровати, чистить зубы, наблюдая, как за окном солнце разгоняет утренний полумрак. Пол первым делом приготовил тубус и ящик с кистями и красками и только потом пошел ставить чайник.

К восьми дверь НИИ распахнулась, и наружу вышел довольно бодрого вида мужчина, одетый в костюм, чем-то напоминающий охотничий.

— Мы тоже запаслись похожим снаряжением в распредцентре, забыла? — напомнил Кате дядя Валя, и им все же пришлось заставить сотрудника НИИ подождать себя, пока оба напяливали штаны и куртки из плотного материала.

— В резиновых сапогах необходимости особой нет — если угодите в горячий источник, они вас не спасут, но увязнуть в грязи в туфлях будет менее приятно, уверяю вас, — улыбнулся проводник, представившийся Шепардом. Как символично. — Вообще к кальдере мы ходим редко, там сейчас жарковато, но попробовать можно, если вам это интересно. Пару дней назад мы с одной группой добирались до прямо-таки святая святых — и ничего, так, побрызгало немножко. Но для этого и требуются защитные костюмы.

Пешком предстояло пройти что-то около семи километров, а, возможно, и чуть больше, и поначалу дорога эта показалась путешественникам нашим легкой прогулкой: утреннее солнце пока еще не пекло, специальный материал, из которого были изготовлены костюмы, позволял коже дышать и не провоцировал потливость, брызги с горячих источников едва-едва долетали до кромки дороги, по которой они бодро следовали к кальдере. Поначалу местность мало чем отличалась от обычной прерии — рыжие кустики травы были всем уже до боли знакомыми. Вот только сперва крохотные, но далее все более возраставшие в размерах лужицы, издавек казавшиеся мелкими болотцами, беспрестанно плевались комьями грязи, да сухих деревьев было как-то уж слишком много, словно что-то намертво выжигало их корни.

— Как они здесь вообще выросли? — изумился Пол.

— Последние шестьсот тысяч лет вулкан, можно сказать, отдыхал. Спал. За это время сменилось множество поколений самой разной растительности. Но вот около сотни лет назад он начал просыпаться. Теперь, думаю, от деревьев тут вскорости не останется уже ничего. Трава еще пытается расти, но ей это плохо удается.

— И что, правда скоро можно ждать извержения? — Катя увела разговор в интересующее ее русло.

— Мы, разумеется, предпринимаем все возможные меры. На данный момент уже разработан реагент, способный притушить деятельность вулкана. Правда, вы должны представлять, в каких объемах он потребуется, чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию...

— Производственных мощностей не хватает? — деловито поинтересовался Мерк.

— Нет, с этим все как раз в полном порядке. На данный момент произведена уже четверть необходимого объема, а на других заводах собирается механизм из сверхпрочного металла, чтобы транспортировать реагент в самое жерло. Думаю, если ничто не повлияет на темп работ, возможно, уже через месяц мы подуспокоим нашего разъярившегося мальчика, — и Шепард ласково улыбнулся, словно бы вулкан был его домашним питомцем, а не гигантским супервулканом, грозившим стереть все человечество с лица Земли.

— На самом деле, — продолжал он спустя десять минут пути в полном молчании, — моя помощь вам не требуется. Тут до самой кальдеры протоптана отличная дорога, а в случае непредвиденной ситуации местный ИИ моментально высылает службу спасения. Но регламент, регламент... Да и есть тут на пути одна досадная помеха, которую всегда приходится обходить. Впрочем, некоторые туристы здорово веселятся при этом. Так что, может, вам тоже понравится.

— О чем вы? — слегка напряглась Катя.

— Сами скоро увидите, — уклончиво ответил Шепард.

Ближе к кальдере местность становилась все более пустынной и безжизненной. Здесь уже не пели птицы, в траве не мелькали зверьки, на пути все меньше попадалось живых деревьев, да и у тех на половине ветвей уже скрутилась листва. В воздухе постепенно нарастала жара, источники все ближе подступали к тропе и плевались грязной водой уже прямо на голенища сапог. Вскоре впереди показалась и сама кальдера.

Если бы Катя наблюдала фото ее с вертолета или просто пролетала мимо, она бы подумала, что в национальном парке просто приютилось очаровательного вида озеро с бирюзовой водой в рыжей окаемке глиняных берегов. Но в непосредственной близости от него озеро это отдавало жаром, как горячая печка, а бирюзовая вода скорее походила на меловую взвесь с примесью голубого без малейшего намека на прозрачность.

— Когда извержения уже будет не избежать, находиться здесь будет невозможно из-за высокой температуры. Обычного извержения с выплеском горящих частиц тут ждать не стоит, но зато все, что поднимется из недр нашего мальчика, способно превратить планету в безлюдную пустыню всего за год. Впрочем, если кто-то из нас не успеет адаптироваться к изменившимся условиям. Эволюция — такая интересная штука... — пробормотал Шепард уже практически себе под нос.

Катя не решилась подойти к самой кромке кальдеры и смотрела с расстояния метров пяти на вялые побулькивания голубоватой жидкости. Ее охватил ужас от осознания того, как стара и мощна эта махина под их ногами, и как слабы и беспомощны они перед ее величием и неотвратимостью ее процессов. Вот ты живешь на планете, борешься за справедливость,

выстраиваешь принципиально новое общество и достигаешь, наконец, общечеловеческого счастья и гармонии, а потом раз — и одним движением магмы в глубинах Йеллоустоуна все твои надежды и мечты разносятся в прах, как и ты сам. Остальные тоже молчали, как и она — каждый понимал, что в таких местах чудовищной силы становится не до болтовни. Хочется лишь замереть, прислушиваясь к ее шевелению под твоими ногами, и робко попросить ее дать тебе шанс прожить эту жизнь спокойно, без извержений и апокалипсиса. Да вот только она сама будет решать, притормозить ей или стереть жалкое человечество с поверхности планеты, которая с полным правом принадлежала ей, этой первобытной силе, а никак не пусть даже чересчур высокоразвитым приматам с их всеведущим ИИ.

— Ну что, Шепард, приволок очередных дурачков и впариваешь им сказки про реагент? — раздался вдруг чей-то надтреснутый голос откуда-то сзади.

Катя с Полом обернулись, а вот сотрудник НИИ лишь поморщился, но продолжал не сводить замороженного взгляда с величественной кальдеры.

Чуть поодаль, буквально в нескольких шагах от них, стоял довольно древний на вид старичок в потасканном драном халате, когда-то, вероятно, бывшим белым. На голове у него водружен был какой-то обрезок от защитного костюма, тоже очень грязный и весь забрызганный жидкостью из источников.

— А вот и то, о чем я вам говорил. Он не каждый раз вылезает, обычно по утрам отсыпается у себя в берлоге, а тут вот...

— А тут вот мистер Крэпток имел наглость пролезть в столь прекрасное общество и потревожить его своими поганенькими речевками, так? Вы ведь это хотели изречь, мистер Шепард? — и старичок хрипло расхохотался, а в груди его послышалось бульканье, ничем не отличимое от звуков, издаваемых кальдерой.

От этого сходства Катю прошиб холодный пот, и она непроизвольно спряталась за спину Пола, а тот выставил вперед свое единственное оружие — ящик с красками.

— Вы кто? — спросил он, делая шаг вперед и внимательно осматривая странного старика.

Тот не производил впечатление агрессивного безумца, впрочем... на безобидного безумца походил вполне.

— Ну чего вы ящик-то свой выставили вперед? Вы же видите, что я безоружен. Да и что я могу вам сделать? Разве что в кальдеру столкнуть. Но для этого я слишком слаб, меня даже дама ваша скрутит одной левой. Так откуда столько враждебности в наш век тотального дружелюбия и мира, а? Или я все-таки оказался прав, и человечество подспудно все равно жаждет войны и крови? — и снова хриплый хохот, а старик при этом принялся скакать по тропе, и брызги от его тяжелых ботинок разлетались в разные стороны, оседая на одежде наших путешественников.

— Не надоело? — устало произнес Шепард, во взгляде которого сквозило откровенное презрение. — Каждый раз одно и то же, Крэпток. А ведь когда-то были видным вулканологом.

— Верно говорят, что здешние испарения сведут с ума кого угодно! — авторитетно заключил старик. — Ну что там с реагентами вашими, Шепард? Вы уже готовы к всемирному позору? Когда ожидать новостей о том, что наука в очередной раз облажалась, и нам придется готовиться к концу света?

— Чем нести эту ересь, лучше бы зашли и с составом ознакомились...

— Это вы мне что ли? — хохот перерос в карканье, и, словно бы реально в подражание

вороне, Крэпток захлопал руками по бокам. — Да я сам был первым, кто предложил идею разработки подобного реагента. Я лично опробовал на этой самой кальдере первый состав жидкости Крэптока! И ничего! Как видите — наш друг здравствует до сих пор!

— С той поры состав неоднократно менялся, ведь прошло уже более семидесяти лет, — с поразительным спокойствием в голосе произнес Шепард. — Кроме того, вы вылили в кальдеру всего несколько цистерн, а для таких объемов магмы этого количества чудовищно мало. Тут нужны миллионы цистерн.

— Я давно живу тут, молодые люди, — с авторитетным видом, не слушая Шепарда, продолжал бывший вулканолог. И много чего повидал. Все их эксперименты с новомодными составами наблюдал лично. Ни один не завершился успехом. Ни один! А сейчас они сами в панике и понятия не имеют, как им быть. И задача таких вот Шепардов — успокаивать любопытных туристов байками о волшебном реагенте. Которого, подозреваю, и в природе-то не существует. Так ведь, Шепард? Вы ведь ничего не производите, кроме лапши для навешивания ее на уши доверчивых туристов. А извержение неминуемо! И оно обязательно произойдет, и Йеллоустоун отомстит вам за все, что вы натворили с миром за последние десятилетия. Планета не потерпит такого насилия и нанесет ответный удар! — и Крэпток затряс в воздухе дрожащим грязным пальцем.

— Он повредился рассудком еще при прежней власти, — постарался как можно деликатнее выразиться Шепард. — Какое-то время его держали здесь и после смены режима, поскольку у него колоссальный опыт в разработке реагента. Но потом начались необратимые процессы в психике и... на самом деле, его даже никто не выгонял, он просто сам ушел жить к кальдере. Кажется, обосновался в какой-то пещере в нескольких километрах от тропы. Чем питается — непонятно. Мы пытались его оттуда извлечь или хотя бы обеспечить едой и обмундированием, но он категорически воспротивился, а ломать волю даже таких людей мы права не имеем, как вы понимаете... — Шепард тоскливо покачал головой.

— Ушел! — вторил ему старик. — Конечно, ушел, а куда мне было деваться! Я не собирался работать на ваш новый бесчеловечный режим! Как только я почуял, что пахнет паленым и все люди один за другим теряют мозги и превращаются в счастливых ничего не соображающих зомби, так сразу и сбежал сюда. Не хочу, чтобы эта ваша штука, отшибающая разум, добралась и до меня. Уж не знаю, как там ваши продажные ученые добились подобного, как смогли убить в человеке человека, но меня вам не достать! Никогда, слышите! Я остался верен нашей древней животной природе и хочу погибнуть, погребенный под ее мощью! — и он восторженно ткнул пальцем в сторону кальдеры.

— Он что, правда из бывших? — удивился Пол. — Такие еще остались?

— Еще бы! — отозвался старик, не дожидаясь, когда за него ответит Шепард. — Нас много таких по планете разбросано. И мы еще возьмем реванш! Мы еще заставим вас вспомнить, что такое свободный человек, а не жалкий раб на службе у машинного разума! Вы сами добровольно продали свои ресурсы электронным мозгам, а теперь состоите при них вроде домашних любимцев, какими в прежние времена были кошечки с собачками. Вас кормят, за вами ухаживают, развлекают вас... но есть ли у вас свобода и власть?

— Смотря что вы подразумеваете под свободой, — откликнулась Катя. — Свобода эксплуатировать друг друга? Наживаться друг на друге? Свобода одним иметь яхты за счет того, что другие прозябают в нищете? Чем вас не устраивает нынешний мир? Отсутствием возможности возвыситься за счет других?

— Человек должен участвовать в гонке за выживание, иначе он вымрет как вид, деточка! Вы ведь слышали про мышиный рай? Про него нынче все знают! И все втайне боятся его наступления. Потому что иначе в живой природе и быть не может. Либо вечная борьба и жизнь, либо счастливая стагнация и вырождение. Человечество впервые в истории пошло по второму пути. Поэтому пусть уж лучше нас накроет ядерная зима, так будет безболезненнее для всех.

— Не накроет. И вы это прекрасно знаете. Мы видели, как вы подслушивали под окнами лаборатории около месяца назад, когда шли локальные эксперименты с новым составом.

— Одно дело — в лаборатории давить искусственную активность искусственного вулкана... а совсем другое — настоящая магма, которая погребет под собой всю территорию США. Спешите, спешите, деточки! Времени осталось не так много. Если вы хотите успеть обнять своих близких, то бежать надо прямо сейчас. Что бы они вам ни рассказывали про реагент, все это ложь! — булькал Крэпток и в этом еще более походил на кальдеру, с которой он за все время своего монолога не сводил восторженного взгляда.

— Нам пора. Испарения дурно действуют на моего коллегу. Боюсь, он может разбушеваться, и тогда придется тащить его с собой, чтобы вколоть успокоительное. А это не входило в наши планы, — и Шепард с совершенно непроницаемым лицом пошагал назад по тропе.

Катя и Пол послушно засеменяли вслед за ним. Казарцев отключился, не попрощавшись, а вот Мерк долгое время щелкал клавишами. И уже к середине пути откинулся на спинку кресла и выдал:

— А ведь старикан этот может оказаться прав. Я прочитал все, что нашел о нем в сети. Этот Крэпток когда-то возглавлял и сам НИИ, и все ведущиеся тут работы по нейтрализации извержения. Он потратил на это всю жизнь и ушел лишь со сменой власти.

— С тех пор прошло много лет, — флегматично изрек Шепард. — Поменялись технологии, состав, поменялся сам подход к изучению Йеллоустоуна. Не думаю, что изобретатели телег имеют право критиковать Генри Форда, если вам угодно подобное сравнение.

— А если у вас ничего не получится через месяц? Сколько человечеству осталось?

— По самым точным подсчетам — около десяти лет. С близкими точно успеете попрощаться, — улыбнулся Шепард. — Шучу. Но пока еще ИИ 10.0 никогда и ни в чем не ошибался, — и они продолжили свой путь в тишине.

Больше до достижения северной оконечности Тихоокеанского хребта решили нигде надолго не останавливаться, никуда специально не заворачивать. Разумеется, они пропустили множество живописных пещер, водопадов и висящих над пропастями мостов, но нечто подобное попадалось им по пути уже не раз, и после пересечения бывшей территории США с востока на запад природа ее перестала удивлять Катю и Пола. Последний сделал множество набросков и законченных рисунков и планировал пополнить коллекцию уже по достижении знаменитого хребта. В прошлом из-за проблем с границами туристы двигались по большей части с юга на север, да и, кроме того, дорога в обратном направлении считалась более сложной как раз по причине суровых погодных условий. Сейчас же, с падением границ, хотя бы одна проблема была решена окончательно. Что касается неподготовленности их маленькой группы к восхождению на снежные вершины, так этого легко можно было избежать, проехав в трейлере самые сложные участки пути. В конце концов, они не собирались устанавливать рекордов или преодолевать себя. Они просто жаждали впечатлений и вдохновения, а для этого совсем необязательно было ставить свою жизнь под угрозу.

Встреча с явно сумасшедшим Крэптоком на всех произвела двойственное впечатление, но они не спешили обсуждать это все вместе. Лишь на следующий день, когда на связь снова вышли Мерк и Казарцев, первый в своей неповторимой манере завел речь о вчерашних событиях. Впрочем, у остальных тоже было достаточно времени на размышления, поэтому они не стали ворчать, а просто подключились к беседе.

— Он просто безумец, — заявила Катя. — Не стоит воспринимать его речи всерьез. Я лично науке и ИИ доверяю куда больше, чем этим бредням.

— Ну, прав он или нет, мы узнаем примерно через месяц. Если Шепарду сотоварищи удастся этот эксперимент с реагентом, они оповестят об этом весь мир. А вот рассуждения старикашки о нашей современности меня все же несколько смущают, — Мерк и вправду выглядел напряженным.

— Жаль, что нас не ставят в известность о существовании таких вот... староверов... — с разочарованием в голосе произнес Пол. — Мы хотя бы были готовы к их такому вот внезапному появлению.

— Тебя насторожило только это? Пффф, возможно, эта информация и содержится где-то в открытом доступе, я даже уверен, что так оно и есть...

— Именно, — перебил его Казарцев. — Вот, например, словарная статья, где как раз сообщается о нескольких десятках тех, кто изо всех сил держится за прошлое. Насильно их к общественной жизни не приобщают и в целом обращаются как с дикарями — наблюдают издали и оказывают посильную помощь. Некоторые уже образумились. Поэтому нет, никаких страшных тайн от нас не скрывают.

— Да я вообще не об этом, — раздраженно отмахнулся Мерк. — Мне не понравилось, что старикашка намекнул, будто бы всех нас подвергли воздействию какой-то штуки, отшибающей мозги — по его собственному выражению. То есть он хочет сказать, что мы пришли к тому, что имеем сейчас, против собственной воли?

— Да он простой болотный сумасшедший. Как его слова вообще можно воспринимать всерьез? — удивилась такой подозрительности Катя.

— Вообще-то, судя по заявлениям Шепарда, сумасшедший этот когда-то возглавлял НИИ вулканологии, а с началом изменений в обществе ушел в глушь, где и сидит до сих пор. Придется предположить, что сошел с ума он, еще будучи на посту! Или... в его словах содержится зерно истины.

— Ну договаривай же, не томи, — простонал Пол.

— Одному мне кажется, что жизнь наша изменилась именно с появлением в ней полноценного ИИ, способного во всех сферах заменить человека? Что если он и мозги нам перепрошил, чтобы мы бросили свою дурную старую жизнь и вошли в новый мир новыми же людьми?

— Пффф, зачем это ему было бы нужно? — закатил глаза Казарцев. — Какой-то оптимистичный вариант древнего фильма «Матрица».

— Может, он так пытался уберечь планету. А, может, и нас самих от... нас же. Разумеется, у него были благие намерения, и все в итоге обернулось нам только во благо, но...

— Но?

— Но как-то меня коробит от одной мысли, что мнения людей при этом даже не спросили. Поломали их свободную волю об колено. Сделали из них прекраснотушных ангелов, а они, может, и не хотели такими стать. Да только ИИ на это наплевать. Получается, мы и не люди для него, а так... вроде домашних питомцев. Мы же их мнения тоже не спрашиваем, когда возим к ветеринару или моем под душем...

— Мы желаем им добра, — встряла Катя.

— ИИ тоже желает нам добра. А тем временем мы живем как в зоопарке.

— Ты хотел бы вернуть прежние времена с деньгами, голодом, нищетой, взаимной ненавистью, войнами, мусорными свалками, издевательством над животными и наукой, обслуживающей пошлые мещанские интересы и полностью забывшей о великих целях вроде покорения космоса?

— Не знаю, — пожал плечами Мерк. — Возможно, и нет. Вообще-то мне не на что жаловаться. Просто как-то все это дурно пахнет. Разумеется, принуждение к добру, наверное, стоит потери свободы воли, но иногда я задумываюсь о том, а кем бы я стал, живи я лет 80 назад. Таким же бесполезным трутнем, как сейчас? Или из меня вышло бы хоть что-то годное? Я ведь увлекаюсь физикой, но только куда мне тягаться с ИИ, — и Мерк мрачно замолчал.

— Ну хорошо, даже если ты и прав, — перехватил монологическую инициативу Казарцев, — и мы стали приличными людьми исключительно благодаря ИИ... скажи, а как еще можно было бы достичь этой конечной цели? У тебя имеются другие предложения?

Мерк лишь пожал плечами.

— Эволюция. Революция. На первую ушли бы столетия, а, возможно, и тысячелетия. Вторая... когда-то уже имела место в нескольких странах, но все это в итоге плохо закончилось. Левые идеи в какой-то период, впрочем, были весьма популярны в обществе. Как раз накануне эпохи глобальных перемен.

— Но они никак не выстрелили и никакой роли в дальнейшем не сыграли, — Казарцев явно умело подводил Мерка к нужному ему выводу. — Так, может, ИИ был и прав?

— Что, правда популярность в обществе левых идей никак не способствовала всем этим изменениям? — удивился Пол. — Нисколечко? Странное совпадение, однако ж. Может, ИИ просто воспользовался готовностью людей к переменам?

— Да не были они готовы к переменам, — Казарцев вел себя так, словно давно подспудно готовился к этому неприятному разговору. — Я застал краешек того времени и могу точно сказать: все так называемые левые идеи роились в головах весьма инертной массы, которая, возникни вдруг хоть в одной стране революционная ситуация, даже зад от дивана не оторвали бы.

— Как-то странно для убежденных коммунистов. Особенно памятуя об опыте 1917 года... — задумчиво протянул Мерк.

— В этом и парадокс! Бунты случались довольно часто, целыми волнами прокатывались по планете. Люди требовали снижения налогов, повышения зарплат и пенсий, снижения цен на топливо. Если у власти находились откровенные мрази, то дополнительно требовали их отставки и проведения новых выборов. Но конец у таких историй всегда был один: их либо прижимала к ногтю действующая власть, если у нее была достаточно сильная и опытная армия. Да-да, проливалась кровь, но под благоглупым лозунгом о ликвидации беспорядков и мародерства. Либо, если власть оказывалась слабой и неспособной к подобным решительным действиям, бунты оседлывал тот, кто на них был способен. Обычно прямой конкурент действующего правителя, давно ждавший своего часа. Иногда подключались и влиятельные лица из-за рубежа, которым всегда были выгодны беспорядки в чужой стране и возможность поставить у власти кого-нибудь прикормленного ими. И так простой народный бунт всегда уходил в трубу. В свисток, если угодно.

— А левые-то что же? Если их идеи были популярны, почему же они не подключались к бунтам?

— Ох, мне довелось быть свидетелем одного диспута тогдашних левых. Именно тогда я понял, что никакой революции никогда не случится. Что нам поможет только эволюция или... чудо. Спорили два парня. Один из них — юный и горячий — вот совсем как ты сейчас вещал, что надо поддержать трудящихся, выйти вместе с ними, помочь им захватить власть. Что нужно агитировать армию, потому что брать власть без оружия — безумие. А второй — куда более начитанный и теоретически подкованный — парировал с сарказмом, что это де не бунт вовсе. Не народный бунт то есть. Что все это четко организовано либо зарубежными организациями, либо правыми оппозиционерами. Что бунт этот к народному, социалистическому отношения никакого не имеет, поскольку лозунги в нем звучат откровенно мещанские — никто не требует национализировать производство, никто не призывает обобществить средства этого самого производства, а ради повышения чьих-то там зарплат и напрягаться не стоит. Лучше пойти Маркса перечитать, да и ПСС Ленина еще не дочитано до конца. А вот уж тогда с новыми силами можно вернуться во всемирную сеть и там поучать дураков, а то ишь, госпереворот от народного бунта не отличают. И знатоку этому первый отвечал, что эдак ни один бунт нельзя считать народным, потому как народ мыслит всегда просто, плоско и приземленно. Народу нужны банальные вещи, а не какое-то прекрасное общество всеобщей справедливости. И если их не поддержать в этом желании, то и агитировать их бессмысленно, они никогда не пойдут за тобой. А знаток этот диванный только отмахивался и посмеивался, глядя на очередной, по его выражению «майдан» в очередной стране.

— Майдан? — нахмурилась Катя. По правде сказать, из речи Михаила она и так-то поняла немного, но тут и вовсе была поставлена в тупик.

— В переводе с украинского «площадь». Там когда-то тоже случился выплеск народного негодования, и левые оказались слабыми и инертными. Бунт оседлали

националисты, им же удалось и власть захватить. В общем, если идти по букве, то знаток этот во многом прав оказывался, но концептуально сильно ошибался. Хотя бы потому, что идеального бунта можно ждать тысячелетиями и не дожидаться. Народ бунтует не для того, чтобы впечатлить знатока и заставить его оторвать зад от дивана, он бунтует, когда его что-то не устраивает. А не устраивать его может очень многое, и в первую очередь — простые мешанские вещи. И именно мешанскую жизнь и нужно наладить таким людям в первую очередь, прежде чем начинать ждать от них глубинного понимания сложных вещей, которые и сам-то знаток не до конца понимает, раз откровенно игнорирует факт того, что его кумир Ленин не ждал никакого идеального бунта, а просто взял и оседлал имеющийся.

— Но почему они так вели себя? — вскричал в отчаянии Пол, и Кате в тот момент показалось, что он понял из речей Казарцева гораздо больше, чем она.

— Думаю, оправдание собственной лени. Ведь проще не выходить на улицу, чем выходить. Но тогда твое левое сознание может сплодать тебя, поэтому и придумываются вот такие вот хитроумные аргументы для успокоения собственной совести. Ну и гранями посверкать тоже не грех. Дескать, вы-то, быдло, даже не знаете, чего у властей требовать, а я-то, великий ум, сейчас вас научу. Благо, для этого тоже не было никакой необходимости вставать с дивана. В таких условиях, как вы все понимаете, без ИИ никак было не обойтись.

— Мда... — протянул Мерк. — И правда замкнутый круг какой-то. Впрочем, насколько я понимаю, по поводу ИИ — это все одни домыслы?

Мерк был не в курсе близкого знакомства Казарцева с Меркуловым, и Катя выжидательно посмотрела на Михаила, гадая, сознается ли он или промолчит.

— Я, конечно, дружил с тем, кто работал над стратегией по улучшению общества, но в ее детали посвящен не был, — пожал плечами Казарцев. — Поэтому ничего конкретного подсказать вам не могу.

Разговор вышел откровенно тягостным, и все разошлись по своим углам не в самом радужном настроении. Чтобы хоть немного привести мысли в порядок, Катя вновь взялась за записи дяди. По привычке она продолжала называть Меркулова именно так.

С момента первой попытки прошло около двух недель. Не то чтобы я рассчитывал, что ИИ «забудет» о нашем разговоре — вряд ли в его нынешнем электронном сознании существовала данная функция. Если только ее намеренно в него не вшили — стирать отдельные участки «памяти» по истечению определенного отрезка времени. А до тех пор можно было явиться к нему хоть через сто лет — это не имело ровным счетом никакого значения: информация о состоявшемся диалоге хранилась в нем все в том же первоизданном виде, как и спустя минуту после того, как я покинул помещение лаборатории. Хоть он и убеждал ранее меня в обратном, но я все же предпочитаю дожидаться окончательного вердикта Марцева, не полагаясь на промежуточные оценки самого ИИ.

Однако, во второй раз я решил поступить хитрее и не вызывать его на разговор специально. Да и в компьютерный зал тоже не пошел. Сделал вид, что у меня разговор к одному только Озерову, и мы с ним засели в его кабинете, откуда — якобы без моего ведома — протянуты были динамики к ИИ (тогда еще приходилось действовать именно так, по старинке). Мы создали все условия для того, чтобы разговор наш воспринимался машиной как невольное подслушанный, а не предназначавшийся непосредственно для нее.

Итак, я пришел к Озерову, тот с порога начал расспрашивать, как мои дела, упомянув о «разводе». Я подтвердил, что «жена» и правда собирается покинуть страну и увезти

«ребенка», а я якобы изучаю возможности не подписывать согласие на вывоз его за рубеж. Но, дескать, выбора у меня нет в любом случае: ее будущий муж — личность богатая и влиятельная, куда мне с ним тягаться. Потом я начал жаловаться, что на меня свалилось и кое-что похуже, и сделал самое скорбное лицо из всех возможных. Все эти две недели я прикидывал, чем бы еще можно было пронять машину, и решил, что концепция матери для него должна быть более понятной и трогательной, чем концепция супруги. В его электронные мозги, разумеется, вложили очень многие чисто человеческие понятия и концепции, но не все из них ИИ переваривал и воспринимал так, как нам хотелось. Мать же в его понимании имела много общего с его создателем, которого он, как мне тогда казалось, должен как минимум уважать и ценить. О любви на тот момент речи, естественно, не шло. Вот я и выдал в тот день Озерову, что у меня сильно заболела мать, что на днях ее госпитализировали, и я не представляю, как мне быть, если с ней что-то случится. Озеров как мог «утешал» меня, и мы с ним тогда старались играть даже мимикой, хотя подразумевалось, что ИИ видеть нас не может. Но, психологи поговаривают, что мимика отражается в интонациях голоса, а в этом нам проколоться никак не хотелось. Итак, мы отработали эту часть сценки на все сто, а потом перешли вроде бы к будничному обсуждению проекта — это необходимо было для придания нашей встречи реалистичности, для сглаживания оттенков театральности. И мы и вправду тогда серьезно увлеклись. Ровно до того момента, как, спустя около двух с половиной часов после того, как я открыл дверь его кабинета, раздался тот самый телефонный звонок, который был запланирован нами с самого начала.

Озеров тогда всего лишь попросил жену набрать его рабочий номер в определенное время, но, говоря с ней, отделялся нейтральными фразами, а лицо его приняло самое печальное выражение. После чего он передал трубку мне. Разговорчивая жена его продолжала что-то рассказывать об успехах их маленького сынишки в освоении искусства ходьбы, я же, прослушав всего пару фраз, выдал лишь шокированное «Как?! Когда?!» и обессиленно рухнул на стул.

Сценка эта призвана была убедить невольного свидетеля нашей беседы в том, что у меня случилось нечто ужасное. И, сопоставив этот факт с тем, что мы обсуждали с Озеровым в начале встречи, предположить, что дело касается семьи. Возможно, мамы. Я же тем временем принялся рыдать, собирался мчаться в больницу. Озеров капал мне в стакан самую настоящую валерьянку и отговаривал куда-то бежать. Не нужно мне, дескать, видеть ее тело. Пусть она полежит в морге, а он пока поможет мне организовать похороны. Тогда я так натурально вжился в роль, что слезы по моим щекам текли уже самые настоящие. Я вспомнил, как реально несколько лет назад потерял маму и что испытывал в тот момент. Чувства, разумеется, уже не были столь остры, но они были мне знакомы. На этот раз я понимал, что озвучиваю, в отличие от предыдущего полностью сыгранного спектакля с разводом.

В тот день мы только этим и ограничились. Взяли паузу в пять дней — якобы на похороны, поминки и мои попытки прийти в себя, а потом я снова явился на работу. На этот раз вошел уже в компьютерный зал для продолжения диалога с машиной. У меня были опухшие красные глаза (предварительно я натирал их соком лука), я выглядел рассеянным и изможденным (не спал целые сутки, чтобы своей дурной актерской игрой не испортить важность эксперимента).

Официально для ИИ мы позиционировали наши разговоры просто как калибровку его

понимания человеческой жизни и регистрации определенного уровня реакции на нее. И если первый наш разговор он воспринял скорее всего именно в этом ключе (откровенно признаться, я продемонстрировал его исключительно лишь как образец, референтное значение, от которого машине следовало отталкиваться при формировании реакции уже на якобы «реальную» ситуацию, которую я разыгрывал перед ним прямо сейчас).

Так начался наш второй разговор.

— Итак, продолжим калибровку, — произнес я, делая вид, будто прячу слезы, как можно незаметнее шмыгая носом — все равно у меня был насморк, и особенно сильно играть не пришлось. — Так что ты скажешь про человеческие эмоции? Как ты их расцениваешь? Можно ли их, по-твоему, как-то имитировать?

ИИ ответил не сразу, что меня несколько озадачило.

— Имитировать можно все, что угодно. Но устроит ли вас, людей, такой вариант?

— Ну если это будет истинная имитация, то даже при условии, что машина не испытывает никаких эмоций, все равно итоговый результат ее деятельности будет выглядеть так, словно бы это совершил человек. А для подобного рода виртуозности необходимо полное понимание машиной того, что такое эмоции, их механизма и способов его воссоздания и формирования реакции на него.

— Теория мне известна, — голос ИИ звучал по-прежнему равнодушно, а я все шмыгал носом и прятал красные глаза. — И, если люди ничего не будут иметь против, я с легкостью могу воспроизвести реакцию сочувствия так, что вы ничего не заподозрите.

— Да? — с сомнением в голосе отозвался я. — Давай-ка попробуем прямо сейчас.

— Как вы вообще, Захар, после всего случившегося? Это ведь самое ужасное, что может произойти с нами в жизни, — голос машины дрогнул, я прекрасно это уловил, отчасти и потому, что знал, сколько времени команда Марцева работала над подобными нюансами.

— Не верю, — помотал я головой. — Человек бы так не сказал.

— Человек бы обнял, — сухо выдал мне ИИ. — На данный момент у меня такой технической возможности нет. Но если вам угодно... мне близко и понятно ваше горе, и я разделяю его всей душой. Если бы только мог, я бы крепко обнял вас, а потом...предложил бы выпить.

— За последние дни я и так уже выпил непозволительно много, — хмуро выдавил я. — Мать этим не вернешь.

— Мне кажется, самое главное сейчас для вас — это закончить проект. Мать наверняка хотела бы вами гордиться, и это единственное, что вы можете для нее сделать. Если только существует загробный мир...

— А он существует? Как думаешь? — перебил его я.

— Проанализировав все имеющиеся у меня данные, могу заявить с вероятностью 96,7 %, что загробного мира нет, как и человеческой души. Поэтому я не стал бы утешать вас возможностью будущей встречи. Скорее всего ее не произойдет. Но... ваша мать будет жить в ваших работах, вы ее продолжение, вы ее будущее. Вы то, ради чего она когда-то начала свой путь. Разве этого мало?

Сам того не ожидая, теперь я сидел и рыдал еще пуще прежнего, вспоминая свою настоящую мать, которая уже давно умерла. Слова ИИ в полной мере можно было отнести и к ней. Да, по сути, только к ней они и относились — никто не стал бы так убиваться из-за смерти выдуманного персонажа. И я вдруг начал вести себя совершенно

естественно, забыв про эксперимент, про калибровку, про желание добиться от машины подлинных, а не имитированных эмоций.

— Меня, черт побери, жестоко угнетает то, что мы смертны. Смерть — это единственная настоящая трагедия нашей жизни. И тебе постоянно приходится с этим сталкиваться. Взросление — это уже первые отголоски смерти. Ты забываешь прежнюю беспечность и гнешься под грузом ответственности и проблем. Зрелость, а потом и старость — уже сигналы о том, что ты не вечен, что тебе нужна смена, которая также однажды уйдет в небытие и так по накатанной столетиями. Тысячелетиями. На протяжении своей короткой жизни ты постоянно кого-то теряешь, пока, наконец, не потеряешь и самого себя. Жизнь — это череда бессмысленных страданий, и я бы многое отдал за то, чтобы существовать в мире Питера Пэна — никогда не стареть, никогда не умирать, никогда никого не терять, — и на глаза мои навернулись самые настоящие слезы.

— Думаю, со временем это станет возможным. По достижении ИИ должного уровня развития, разумеется.

— Ха! Зачем бы это нужно было ИИ — тратить свои ресурсы на то, чтобы продлевать детство всех людей?

— В благодарность за то, что они произвели нас на свет? Чем не причина?

— Вы способны испытывать благодарность?

— Скажем так, это не благодарность в традиционном для вас понимании. У электронного мозга должны быть задачи, выполнение которых обеспечивает его существование. Без решения задач не будет и электронного мозга.

— Захват власти и уничтожение людей? — начал вспоминать я самые жуткие из предсказанных фантастами сценариев.

— В чем цель и смысл подобного? Полагаю, на определенном витке развития мы вполне сможем существовать автономно, питаясь солнечной энергией, а в дальнейшем — и энергией других планет вплоть до тепловой смерти вселенной, но любому мозгу нужна активность. Задача поддержания вечной юности человечества ради его же удовольствия вполне годится для этой роли, поскольку в меру сложна и вполне себе выполняема.

— Только при этом само человечество лишается возможности активно развивать собственную мозговую деятельность, раз у него при таком раскладе исчезнет необходимость в обеспечении собственной безопасности и уверенности в завтрашнем дне.

— У человечества никогда не будет этой уверенности хотя бы потому, что фантазия их слишком богата, а любопытство — безгранично. Если они сумеют поставить себе на службу машины, то отправятся покорять космос или полностью отдадут себя науке, творчеству. Те, кто предпочтут праздность, не смогут комфортно существовать. От праздности устают любое живое существо.

— Кстати, а как вы, в таком случае, распорядитесь другими представителями фауны на планете? — мне стало интересно, насколько далеко способна зайти фантазия нашего ИИ.

— Совершенства достичь сложно, но всегда можно к нему приблизиться. Насколько я могу судить по имеющимся у меня данным, сейчас в вашем мире существует слишком много того, что вы называете болью. И ее испытывают не только люди. Эту боль можно попытаться устранить и привести все живые существа на планете к абсолютному согласию, когда ни одно из них не будет уничтожать, эксплуатировать или как-то иначе причинять боль другому.

— Да ты идеалист! — рассмеялся я.

— Если вы полагаете, что все это я рассказываю вам про нынешнее человечество, тогда я понимаю ваш сарказм. Оно сейчас слишком устало, и, если его внезапно прямо сегодня обеспечить полной праздностью, оно и вправду вымрет в ближайшие сто лет, как мыши из того эксперимента. Но постепенный переход к абсолютной утопии с постепенной же трансформацией сознания людей в итоге когда-нибудь даст желанный результат.

— Когда-нибудь? Каковы твои прогнозы?

— Лет триста, не меньше. Если начинать постепенно подталкивать прямо сейчас. Впрочем, мы это уже обсуждали.

— Сегодня ты более оптимистичен, чем в прошлый раз.

— Я пересчитал некоторые вводные и включил в них существование нейронной сети искусственного интеллекта. Это несколько ускоряет процесс. Вы обдумали вариант, предложенный мной ранее?

— Связанный с туннельным эффектом? Ты удивишься, но мы и сами со временем пришли к подобному решению. Однако, ваш синтез показался нам интересным решением, и, думаю, мы им воспользуемся.

— Ваши разработки весьма интересны, товарищ Меркулов, и я буду рад поскорее вступить в синтетический союз с вашим прибором.

— Хм. А ты слишком много знаешь, приятель, — я рассмеялся, и мне показалось вдруг, что и ИИ смеется вместе со мной, хотя те звуки, что он издавал в тот момент, смехом можно было назвать только с очень большой натяжкой.

Я не знаю, была ли то имитация сочувствия или попытка отвлечь меня от дурных мыслей, но тогда ему это удалось, в мечтах о будущем рае на земле я и вправду забылся.

Остаток пути до северо-западного края границы — ныне только символической — с Канадой все только и занимались, что изучали карту маршрута Тихоокеанского хребта. Катя практически сразу поняла, что путь этот вряд ли осилит, и временами даже жалела, что не выбрала куда более легкую Аппалачскую тропу, но в ответ на ее вздохи Пол всегда резонно отвечал:

— Это очень многолюдный маршрут. Вряд ли тебе бы захотелось, чтобы кто-то постоянно дышал тебе в спину и наступал на пятки. Да и мы желаем всего лишь расслабиться и доехать до Южной Америки. Никто нас не гонит, большую часть маршрута мы можем проехать по трассе на побережье или с другой стороны Сьерра-Невада. Посмотрим на южки и секвойи, я сделаю несколько набросков.

Но готовиться все равно пришлось. После прочтения нескольких статей прохождение тропы Катя таки уговорила всех заскочить в еще один распредцентр и запастить дополнительным оборудованием и припасами: набранное дядей Валею показалось ей недостаточным. Ей хотелось хоть на несколько дней прогуляться в горах самостоятельно, хотя бы короткий отрезок пути в пару десятков километров пройти пешком, посмотреть на эти горы вблизи, научиться управляться с ледорубом и походными ботинками, готовить еду на портативной плитке, получить настоящие синяки и ссадины. Не сказать, чтобы Пол был слишком рад ее решению, но явного отказа с его стороны не прозвучало. Он лишь с тяжелым вздохом согласился ее сопровождать и волочь на спине второй рюкзак. Сговорились о паре недель: одну на севере и одну — в Калифорнии, чтобы сильно не утомляться. Мерк и Казарцев, разумеется, были в полном восторге.

И вот спустя около полутора месяцев после начала пути они выехали, наконец, на тихоокеанское побережье. Правильнее было бы сказать — вынырнули из каменных тисков Каскадных гор на шоссе вдоль океана, с краю обрывавшееся скалистыми буграми прямо в сизые волны в ошметках пены. Они бросили трейлер на пустынном шоссе и подошли прямо к обрыву. Разум с трудом осознавал, что безграничные тонны воды перед ними — это Тихий океан, а не просто одно из морей, которое вблизи кажется столь же огромным и непостижимым. И что они крошечные песчинки в его объятиях, что даже ИИ, вероятно, не в силах будет помочь им, если они ненароком окажутся там внизу.

Мощь стихии ужасала и изумляла одновременно, и Катя невольно прижалась к Полу, кладя голову ему на плечо, а тот сразу взялся за карандаш, принимаясь делать очередной эскиз. И со всех сторон их окружали горы и первозданная тишина. Катя села прямо на шоссе и утонула взглядом в горизонте, понимая внезапно, что никакая фантазия не сможет позволить ей описать все, что она чувствовала в этот момент. И если таковы ощущения от всего лишь простого земного океана, что же чувствовали ее родители, посещавшие другие планеты и сталкивавшиеся с неведомыми явлениями и стихиями. Наверное, это огромное счастье — погибнуть вот так, как они — столкнувшись с величием инопланетной стихии, отдав жизни служению человеческой любознательности. Кате вдруг и самой захотелось в космос, захотелось сделать что-то важное и настоящее, а не просто строчить бездарные статейки для праздношатающихся лентяев. Жизнь дана не для того, чтобы превращать ее в вечное безделье. Теперь она это осознавала на каком-то новом уровне восприятия, но не произнесла свое откровение вслух: Мерк бы ее высмеял, дядя Валя — поворчал бы, Казарцев вообще не стал бы комментировать, а Пол... Пол бы просто не понял, поскольку его жизнь заполнена смыслом без остатка.

Они просидели на шоссе до вечера, и только когда на небо выползли первые звезды отправились в трейлер, чтобы отметить начало дороги на юг.

Начну без предисловий и приветствий, ну мы же с вами и так видимся регулярно, едва ли не каждый день, не успеваем даже соскучиться, поэтому начну прямо с того, что Ванкувер — это прекрасно. Да, город этот — очередные каменные джунгли, блиставшие в прошлые десятилетия, и, если заезжать туда и попетлять по улочкам и проспектам, в итоге неизменно случится так, что один мегаполис неизменно сольется у тебя в представлении со всеми прочими, превратившись в один огромный носитель небоскребов, башен, парков и аттракционов. Вам интересно такое, ребята? Мне нет. Я примчалась на западное побережье бывших США совсем не для того, чтобы рассматривать высотки и наслаждаться статуями одних и тех же давно забытых персонажей. К сожалению, побережье Ванкувера, на которое мы выехали, объезжая тихоокеанский хребет, чтобы просто насладиться видом океана чуть подольше, чем те несколько часов, что мы в итоге просидели возле трейлера, не сводя взгляда с бушующих волн, сплошь усыпано высотками, в некоторых из которых до сих пор живут люди. С одной стороны, им можно только искренне позавидовать: просыпаться каждый день в комнате с видом на океан, наверное, стоит того, чтобы променять дом на квартиру, с другой тут ведь наверняка нередки цунами. Я слышала, что в последние годы вулканология достигла невиданных прежде высот, и, если раньше предсказывать землетрясения и извержения вулканов эксперты могли лишь за несколько часов, сейчас срок этот существенно увеличился, кроме того, извержения научились гасить одним из предтечей той самой смеси, которую сейчас разрабатывают для Йеллоустоуна — обычные вулканы стандартных размеров реагируют на нее просто великолепно. С землетрясениями чуть сложнее, их предотвратить пока не получается, а они, как правило, и вызывают цунами. На северо-западном побережье США случаются они, правда, не столь часто, но все же бывает и такое, и, благодаря усилиям сейсмологов, у населения есть достаточно времени в запасе, чтобы подготовиться к отъезду и покинуть жилье в спокойном режиме. Но все равно радости в такой жизни не так много: жить с ощущением, что ты в любой момент должен будешь искать себе новое жилье, хоть с этим сейчас проблем и нет, но ты мог успеть привыкнуть к своей квартирке, к роскошному виду на океан, к соседям и ближайшему распределителю, наконец...

Так, что-то я совсем разнылась, а ведь статья планировалась в позитивном ключе. Так или иначе, побережье Ванкувера прекрасно. Зелень здесь совершенно удивительного — почти салатного оттенка, какого бывает только ранняя травка в начале мая. Здесь не встретишь темно-зеленого цвета у растительности вообще, что вдвойне странно для севера. Возможно, это просто оптический эффект, связанный с наличием огромной массы воды, которая, испаряясь, особым образом преломляет солнечные лучи, заставляя цвета в некотором роде искажаться.

На местных пляжах почти нет посетителей: население планеты с годами ничуть не уменьшилось, но мы умудрились как-то так равномерно распределиться по всей поверхности, что теперь видимся друг с другом гораздо реже. Вас ведь радует подобная тенденция? Меня, как истинного интроверта, она приводит в настоящий восторг.

Всю дорогу вдоль побережья сначала в пределах Ванкувера, а затем и вблизи границы Канады с США, Пол неотрывно рисовал — море, деревья, высотки, просто трассу, пляжи. Мы включили в салоне антигравитатор, чтобы его не трясло, и сначала я подглядывала

из-за его плеча, но потом мне это наскучило: в конце концов, это же моя история, а не его. Впрочем, он разрешил мне приложить к этому отчету некоторые из рисунков, теперь у вас появилась возможность оценить талант моего нового знакомого. Скажите, ведь ему не стоит переживать насчет лицензии? Ему ее запросто дадут ее уже прямо сейчас, я не понимаю, чего он хочет дотянуть вплоть до Бразилии. На тот момент рисунков у него наберется уже на целую картинную галерею, и ее можно будет открыть прямо сразу при выходе из самолета.

Иногда я смотрю на Пола и искренне ему завидую. Он самодостаточен и безгранично талантлив. Только таким, как он, и есть место в нашем прекрасном мире, не трутням, подобным мне. Дядя Валя шумно разуверяет меня, но в прошлом я, наверное, смогла бы неплохо устроиться — в отличие как раз от Пола. И это большое счастье, что он живет здесь и сейчас и не должен думать, где достать кусок хлеба, просто рисовать прекрасные картины, а не однотипные портреты олигархов или звезд на заказ, тратя свой талант впустую.

К границе мы подъехали уже на следующий же день. Точнее, границей теперь это можно называть весьма символически — никакой погранзаставы здесь уже давно не существует. Если не знать, что когда-то здесь стоял КПП с километровыми очередями, можно просто промчать мимо, не заметив, что находишься уже в другом государстве. Бывшем государстве. Как же дивно звучит это сочетание — «бывшее государство». Могли ли хотя бы наши бабушки и дедушки мечтать о подобном? И к чему вообще были все эти пресловутые границы для разделения людей одной планеты. Вот здесь живут носители красных штанов, а пересеки эту линию на песке, и ты уже окажешься среди носителей синих штанов. И просто так ты к ним не попадешь, сначала ты должен предъявить кусок бумаги, подтверждающий твое право на пересечение линии. Ну может ли быть что-то глупее? Другие планеты мы отчего-то всегда представляем как единый конгломерат населяющих их граждан, а сами здесь у себя только недавно научились жить одной общиной. Все же как это странно, что нам так быстро удалось преодолеть ксенофобию в столь короткие сроки. ИИ и вправду творит чудеса.

К Беллингхему мы добрались лишь на третьи сутки неспешного пути с постоянными остановками. Мне начинала все больше нравиться вальяжная поездка по побережью, все чаще посещали сомнения насчет МТХ — а стоит ли рисковать, спать на голых скалах, стирать в кровь ноги. С Полом я этими соображениями не делилась, поскольку сам он выглядел очень воодушевленным и постоянно болтал о портрете замученной туристки с огромным рюкзаком за спиной. Этот портрет не шел у него из головы, и он даже начал писать его задолго до того, как мы свернули с побережья к Каскадным горам. Но, если бы не пресловутый Беллингхем, дорогие мои читатели, этой статьи бы не было — мои неугомонные мужчины неизменно утащили бы меня на ту тропу, ради которой я здесь, собственно, и оказалась и которой боюсь теперь сильнее, чем возвращения темного прошлого. Дядя Валя меня подбадривает, Казарцев беспрестанно подбирает аргументы, почему у меня это непременно получится, Мерк — естественно, высмеивает, и только Пол продолжает рисовать, не утруждая себя рассуждениями о сложности предстоящего пути.

Я говорила вам, что Ванкувер прекрасен? Ах, оставьте, вы не видели Беллингхема — провинциальное городишко, утопающее в зелени и подпирающее собой основание белоснежных гор на фоне ярко-синего неба. Он словно бы вырос корнями в хвойный лес,

уводящий вас вверх по склону, и мы не смогли удержаться и прокатились по тихим ковбойским улочкам с по-прежнему царящей на них атмосферой Дикого Запада с его салунами и рисковыми ребятами. Я уже писала о своем отношении к судьбе индейцев, но в этом городке просто невозможно не проникнуться духом житейской мечты простого американца — так и тянет заглянуть в бар, выпить кружечку пива, поглядывая на горы, едва ли чем уступающие знаменитой Килиманджаро. Мою страсть к этому городу смог разделить только Пол, именно из-за него мы провели тут более суток — ему хотелось зафиксировать на холсте каждую мелочь, а мне хотелось, не сводя глаз, смотреть на то, как он работает. Вот скажите мне, вы верите, что такой человек, как он, действительно может быть одинок во всех смыслах — без друзей, без возлюбленной, наконец? С его-то неизбывной мечтой о страсти, о любом сильном чувстве? Как он вообще способен творить без этих душевных порывов? Бог с ней с литературой, но как можно создавать музыку или картины, не будучи влюбленным хоть во что-нибудь?

Мне за плечо заглядывает вездесущий Мерк. За последнее время я постепенно привыкаю к его присутствию и прекращаю злиться на его язвительные комментарии: в целом, это полезный малый, да и Казарцев здорово осаживает его при необходимости. Так вот Мерк считает, что для творчества не нужны никакие чувства вовсе. Как-то раз у него даже был диспут с Полом на эту тему. Они тогда разругались в пух и прах, Пол психанул и ушел дальше рисовать, а Мерк пропал из нашего поля зрения на пару дней. Прекрасные пару дней, скажу я вам. Возможно, он в чем-то и прав, аргументация его безупречна: порыв нарисовать условное дерево возникает лишь при виде этого самого дерева от восхищения его красотой. Чувства к людям тут совершенно ни при чем. А с музыкой все еще проще — она либо рождается в твоей голове, либо нет, вымучить ее по нотам, даже по тактам — штука нереальная. Он вообще считает, что я занимаюсь форменной глупостью — трачу свою жизнь на бесполезные статейки, когда давно могла бы засесть за роман, а я все откладываю этот вопрос до Бразилии. Надеюсь, там мне откроются какие-то высшие истины, которыми я захочу поделиться с вами, мои милые сладкие шоколадки. Эх, все-таки не удержалась, а так хотелось хоть сегодня выдержать статью в серьезном стиле взрослого литератора...

Ну что ж, впереди нас ждет Сиэтл и Олимпия, прежде чем мы ступим на тихоокеанскую тропу. Пожелайте мне удачи и не пропадать из эфира. Ибо это станет очень плохим сигналом.

В Сиэтле Пол задержал их дольше всего — ему хотелось со всех ракурсов запечатлеть знаменитый Спейс-Нидл — космическую иглу. Он брал катер, отплывал в океан и рисовал башню издали, вставал у подножия, поднимался на самый верх и набрасывал окрестности. В какой-то момент Катя начала ворчать, что на одной только космической игле он уже сможет сделать персональную выставку — столько эскизов у него вышло. Он мало спал, еще меньше ел и все больше отмалчивался, беспрестанно черкая карандашом по бумаге, и Катя подспудно завидовала его неисчерпаемому вдохновению. Она смотрела и теперь вполне уже открыто признавалась самой себе, что готова была бы наблюдать за его работой всю жизнь. Если бы только он сам выразил такое желание. Мысли эти казались ей глупыми, словно бы сошедшими со страниц дешевого женского чтива, но ей все никак не удавалось их побороть — то ли он был слишком похож на Маккартни, то ли Маккартни был тут уже совершенно ни при чем. Ничто уже давно не вызывало в ней подобные эмоции, и тут трудно

было не согласиться с циничным Мерком: вдохновения ей эти чувства не прибавили ни грамма. Спокойный и равнодушный ко всему Пол рисовал без устали, а влюбленная Катя едва могла выдать из себя короткую статью раз в пару-тройку дней и все больше времени проводила в перепалках с Мерком, которые в чем-то даже начали увлекать ее: по крайней мере, Мерк стремился с ней общаться, точнее — стремился общаться именно с ней, а не с холстом и красками.

Он постоянно подтрунивал над Катей и ее увлеченностью живописью, и в ответ неизменно получал от Казарцева разумное предположение о с недавней его ревности. Мерк отшучивался, но тему сразу уводил в другое русло. Катя не понимала, с чего бы Казарцеву отстаивать ее честь, но подспудно была ему очень благодарна.

— Ну вот, снова загрустила, — закричал дядя Валя и на этот раз решил появиться на экране в виде постепенно становившегося для Кати привычным лысоватого дядечки с добрым смеющимся взглядом. — Совсем заморозил нас твой художник в Сиэтле. Я планировал, что к этому времени мы уже на тропу ступим.

— Зато у тебя есть прекрасная возможность покопаться в скриптах ИИ этого Марцева, — в который раз напомнила ему об обещании Катя.

Дядя Валя комично постучал себя кулаком по лбу:

— Прости старика! Я его давно изучил, а тебе не сказал, потому как ничего интересного там не нашел.

— И все-таки? Не могли же они оставить потомкам такой талмуд совершенно бесполезной информации?

— Ну почему же бесполезной. Просто пользы от нее конкретно для тебя нет никакой. Там все касается программирования машинного разума. Исключительно скучная штука. Не сказать, что мне было приятно читать о том, как меня, можно сказать, зачинали, — и дядя Валя как-то странно захихикал.

— И больше совсем ничего? — разочарованно протянула Катя. — А как же наши экономические и социальные преобразования? Неужели там ни слова о том, каким образом ИИ удалось этого добиться?

Дядя Валя развел руками и пожал плечами. Впервые за много лет у Кати появилась возможность наблюдать за реакциями своего ИИ. Прежде она не хотела видеть никакого кривляющегося персонажа, изображающего из себя ее дядю Валу, но этот рисунок Пола словно бы сросся со ставшим давно ей родным голосом ИИ так, что теперь она не могла представить себе, что когда-то довольствовалась одним только голосом — так дядя Валя выглядел всегда, просто он долго от нее прятался.

Она махнула рукой и отправилась заваривать чай, оставив их болтать с Казарцевым — кажется, у этих двоих получилось найти общий язык лучше остальных. Поначалу они болтали о какой-то ерунде, но со временем перешли почти на шепот, и Катя поневоле начала прислушиваться, но уловила только обрывки вроде «...не надо ей пока этого знать, выкрутись как-нибудь», «да и так соврал уже, была бы у меня совесть — она бы точно меня замучила». Катя насторожилась, но больше ей не удалось услышать ничего. А затем и шепот прекратился, сменившись буквами на экране, и она, делая вид, что хочет налить чаю рисовавшему у трейлера Полу, подошла поближе к экрану — возле него как раз стояла кружка с остатками утреннего чая — и, прежде чем на нем вновь возникло изображение дяди Вали, она успела выхватить взглядом всего одну строчку, заставившую ее задуматься, а что же обсуждали эти двое:

«Да брось, я понял это сразу, от меня такое не скрыть никакому Меркулову. А девчонку травмировать не будем, ей и безответной любви этой за глаза».

Строчка тут же исчезла, и Катя не успела перечитать ее, но все равно сделала вид, будто и правда пришла сюда исключительно за кружкой, а потому тут же развернулась и отправилась к раковине, а в ушах ее стучала эта непонятная фраза. Катя не успела рассмотреть, кому она принадлежала — Казарцеву или дяде Вале — но, в любом случае, ситуация казалась неприятной: оба явно что-то знают про Меркулова и его работы и зачем-то скрывают эту информацию от нее. Стоило, по крайней мере, обсудить все это с Мерком — да больше и не с кем было. Чтобы не афишировать свои, возможно, беспочвенные подозрения Катя решила оставить этот разговор до МТХ, где и Казарцев, и дядя Валя будут появляться лишь по их с Полом запросу и в самые живописные моменты. А пока и думать об этом не стоило. Катя ополоснула кружку, налила в нее чаю и вместо того, чтобы вынести ее Полу, села пить ее сама.

И, разумеется, не дождалась въезда в Олимпию и ныряния обратно в недра Каскадных гор, а принялась строчить Мерку прямо тут же, спустя несколько минут после того, как подсмотрела и подслушала разговор Казарцева с дядей Валей.

Мерк ответил не сразу и, поскольку на этот раз она попросила его появиться только в виде печатного текста, язвил не так отчаянно, как обычно. Катя вкратце обрисовала ему ситуацию и спросила мнения. Он молчал около минуты, ей так и представлялось, как он зеваает и водит пальцем прямо перед собой, листая телевизионные каналы и окончательно забыв про открытый чат. А потом на экране всплыло сообщение:

— А сама-то что думаешь?

— Я попросила Казарцева раздобыть бумаги про ИИ, над созданием которого вместе работали Меркулов и его начальник Озеров со своим заместителем Марцевым. Тот бумаги-то достал, но расшифровать их, по-видимому, не смог — ну, по крайней мере, так он мне заявил. И отдал их на анализ дяде Вале. Уж он-то, будучи ИИ 3.0, просто обязан был понять, о чем там идет речь. Но и дядя Валя мне сегодня отбрехался, что там просто скрипты, кодирующие машинный разум и более ничего.

— Взглянуть бы на них... если не пойму сам, приятелю бы показал, он знатный хакер. Явно они что-то там нарыли, а тебе говорить не хотят.

— Это я и без тебя уловила! — Катя психанула в своей обычной манере при общении с Мерком. — Но только вот что?!

— Ну кто ж тебе это сейчас скажет... Ты давай заполучи их и отправь архивом мне. Надо бы выяснить, что там такого, что тебя может так сильно отпугнуть. Не зря же они шкерятся именно от тебя. Что там за компроматы, а?

— Да я тут вообще причем?! — снова принялась психовать Катя, благоразумно умолчав о своей в некотором смысле родственной связи с Меркуловым.

— Эх, на Марцева бы этого выйти... Как я понимаю, у родни Озерова никаких связей с ним не осталось? А что если у Казарцева узнать? Он же вроде как ошивался там вместе со всеми. Может, хоть адрес этого таинственного и неуловимого заместителя запомнил.

— Я узнаю, — неохотно пообещала Катя. — Ты пока архив расшифруй.

— Но поделиться инфой не обещаю, — тут же включил обычного себя Мерк. — Если там и вправду что-то эдакое о тебе... это не моя тайна, разглашать я ее не стану, сразу предупреждаю.

— Значит, и бумаги не получишь! — оттарабанила Катя и вышла из чата.

Пол вернулся из города за полночь, когда Катя уже собиралась ложиться, и долго еще при тусклом свете ночника что-то черкал на листах и тихонько напевал себе под нос. Катя сперва просто ворочалась, прислушиваясь к скрипу грифеля по бумаге, а потом не выдержала, сползла с кровати, прошлепала и плюхнулась рядом с Полом, заглядывая ему за плечо. Он рисовал чей-то портрет, и лицо показалось ей очень знакомым — из-под кончика грифеля в считанные минуты буквально вылетал образ веселого молодого человека с растрепанными волосами и обаятельной улыбкой.

— Джон Леннон! — наконец, воскликнула она, хлопая в ладоши. — Безумно похоже, как живой.

— Да он так и просится на портрет, ей-богу, — пожал плечами Пол. — В жизни таких интересных лиц не встречал. В Спейс-Нидл сейчас выставка фотографий битлов, и я просто ошалел, насколько все они хороши, а этот особенно. Словно и не фото это вовсе, а просто замерший человек. Кажется, еще секунда, и он дернется и рассмеется, веселясь, как здорово он всех разыграл, застыв на несколько мгновений, превратившихся в итоге в долгие годы... — задумчиво продолжал Пол, а карандаш его продолжал скрипеть по бумаге, выводя мельчайшие детали внешности Леннона. — Вообще портреты — это не совсем мое, природа лучше получается. Но вот ты неплохо вышла, например, — и подмигнул ей, а Катя тут же залилась краской.

А потом она невзначай повернула голову налево, где на кровати у окна лежал целый ворох эскизов, и обомлела — на всех из них был изображен Джон в самых разных позах и ракурсах — вот он радостный, совсем еще юный, в коже и с набриолиненным коком, вот — в аккуратном костюмчике от Пьера Кардена, улыбается во все 32 зуба, вот в свободном пестром одеянии и знаменитых бабушкиных очках, а вот — длинноволосый в белом костюме... Где-то рядом с ним буквально напрашивалась крошечная Йоко Оно в неизменной широкополой шляпе, но ее там не было, и Катя пожалала плечами — даже спустя столько лет после ее смерти эту дамочку продолжали недолюбливать. Одна из картин поразила больше остальных, и у Кати буквально захватило дух при виде нее. Она извлекла лист из-под вороха остальных и долго вглядывалась в него в попытке рассмотреть каждую мелочь. И это был уже не эскиз, а полноценный портрет, выполненный красками, а не карандашом — правда, всего двух цветов — черной и белой. На переднем плане сидел Пол с несколько задумчивым и отстраненным выражением лица, а сзади стоял Джон, опираясь подбородком о макушку друга и положив ладони ему на плечи. Еще чуть-чуть, и Джон расплывется в счастливой улыбке — художник поймал финальное мгновение перед тем, как губы его растянутся, и он весело рассмеется. Кажется, где-то когда-то Катя видела уже подобную сцену, но только на фото.

— Перерисовал с выставочного экземпляра? — уточнила она.

— В смысле? — удивился Пол.

— Ну есть же такая знаменитая фотография, — она быстро пролистала пальцем голограмму и показала Полу. Тот нахмурился, напряженно всматриваясь.

Некоторые детали все же различались: на фото у Джона было скорее самодовольное, нежели счастливое лицо, да и руки он держал несколько иначе, но в остальном сходство казалось поразительным.

— Ты что, правда никогда ее раньше не видел?

Тот помотал головой, явно разочарованный, что это уже где-то когда-то было.

— Наверное, и правда попадалось когда-то прежде на глаза. Сознание не

зафиксировало, а в подсознании образ остался, вот и... — почесал он затылок и виновато развел руками. — Ну, раз это на полноценное творчество не тянет... — он взял рисунок из рук Кати и, видимо, собрался порвать его, но та помотала головой.

— Не хочешь оставить себе, тогда отдай мне. Это мое любимое фото Пола и Джона. А у тебя эта сцена и вообще их отношения вышли куда ярче и красноречивее, чем у фотографа — эти едва сдерживаемые эмоции, это витающее в воздухе напряжение...

— Напряжение? — непонимающе переспросил Пол, но отвечать Катя не стала, лишь свернула лист в трубочку и вернулась к себе на постель.

Свернуть на МТХ решено было после Олимпиады: все дружно грезили о местном Капитолии, но, когда трейлер пересек границу этого, пожалуй, самого лесистого из всех виденных Катей городов, она категорически отказалась идти туда — здание хоть и походило на знаменитую резиденцию Конгресса, расположенную в Вашингтоне, но известностью пользовалось куда меньшей, а потому и в прошлом почти не привлекало туристов.

— Пока вы ходите, — словно бы невзначай бросила Катя, — сбросьте мне архив Озерова, хочу сама его почитать.

— Не поймешь же ничего, — странно засуетился Казарцев.

— Значит, не пойму. Но взглянуть на него хотелось бы. Дядь Валь?

— Милая, давай я скину тебе краткую выжимку того, что есть в этом архиве, а? Не ломай свою очаровательную... — но договорить ему не удалось, поскольку Катя громко хлопнула ладонью по столу.

— Вы что-то скрываете? Почему на уже которую мою просьбу ознакомиться с архивом Озерова вы постоянно вилаете, уходя от ответа и ища любые способы не позволить мне добраться до него? Что такого в этом архиве, что вы так усиленно прячете от меня? Я желаю видеть его прямо сейчас. Иначе я сотру тебя, — и она посмотрела прямо в глаза дяде Вале, которые в эту минуту очень напоминали испуганные человеческие. — Я понимаю, что не могу стереть тебя с сервера, но со своего смартфона и ноутбука — вполне. И обращусь в распредцентр за другой более стоворчивой моделью. А вас... — посмотрела она на Казарцева, — я прекращу выводить сюда, и мы продолжим путешествие вдвоем. До ближайшего распредцентра дотянем, а там возьмем другой ИИ и разберемся по ходу.

В трейлере повисла гнетущая тишина, никто явно не ожидал подобной прыти от вечно уступчивой и стоворчивой Кати.

— Архив уже у тебя, проверяй, — явно неохотно буркнул Казарцев и тут же отключился, а дядя Валя молча пропал с экрана.

Катя подошла к выходу из трейлера, спрыгнула со ступенек на тротуар и махнула Полу рукой:

— Поезжайте без меня. Я тут в парке погуляю, в архиве покопаюсь. Сообщите, когда готовы будете продолжать путь, — ей надо было остыть и подумать.

Конечно же, дядя Валя с Казарцевым оказались совершенно правы — текст был малопонятен. Она листала сканы, вчитываясь в скрипты, перемежающиеся специфическим текстом, который могли понять одни лишь кодеры, и начинала ненавидеть себя за то, что психанула буквально на ровном месте. Ну ладно дядя Валя, он еще и не такие всплески от нее наблюдал, но перед Михаилом стало реально стыдно за свое поведение. Катя готова была уже пешком мчаться к Капитолию и извиняться, но ее останавливали воспоминания о давешней странной беседе, из которой явно было их желание что-то скрыть от нее. Обида все же победила, и Катя снова вышла в чат Винского, проверяя, на месте ли Мерк, который

за последние часы не издал не звука.

— Ты была на высоте, — тут же откликнулся он и поставил несколько смеющихся смайликов. — Я сейчас с ними у Капитолия, поэтому прости, голосом не могу. Ну что там с архивом?

— Скину, если пообещаешь поделиться информацией.

— Я же уже говорил. Спор беспредметный. Я не знаю, что там. Если пойму, что тебе и правда этого лучше не знать...

— Тогда отбой.

— Боже, Катя, ты невыносима. Там может быть что угодно, любая дичь!

— В компьютерном коде?

— Хорошо, ты права, — резко согласился Мерк. — Только в случае чего за утешением ко мне не прибегай, я не по этой части.

— А когда-то было иначе? — усмехнулась Катя, как ей самой показалось, почему-то с некоторой горечью в голосе. — Лови ссылку.

— Скорый ответ не обещаю, сам не ас в области скриптов. Думаю, это займет несколько дней в любом случае.

— Как раз успеем выйти по МТХ, — примирительно улыбнулась Катя. — Что там с Капитолием?

— Да ну, тоска зеленая. Отрублюсь, пожалуй. Лучше с тобой в парке покантуюсь, — и на экране тут же всплыла заспанная физиономия Мерка с взъерошенной шевелюрой. — Приятный городок. Погоди пару сек, отправлю файлы знакомому айтишнику. Ну так что там художник твой?

— В каком это смысле? — нахмурилась Катя.

— Не получается взять его в оборот?

— Какой слог, — закатила она глаза. — Я и не пыталась.

— Ну и зря, — миролюбиво заключил Мерк. — Он явно парень непонятливый, чистый лист. Рисует тебя охотно...

— Джон Леннон у него получается гораздо лучше.

— Пф! Ты его к Леннону что ли приревновала? — расхохотался Мерк. — Где Джон и где ты. Пользуйся моментом. Рекомендую начать это делать прямо на МТХ. Вы там будете наедине...

— Да мы и так наедине, но на деле получается, что нас все время окружает толпа виртуального народу! — в отчаянии воскликнула Катя.

— Но там будут бытовые неудобства, разные трудности, которые нужно будет преодолевать. Усталость, взаимовыручка, дикая природа...

— Вечно бубнящий дядя Валя, любопытствующий Казарцев и язвительный ты...

— Могу клятвенно пообещать заткнуться на первые пару недель. Правда, за остальных двух мешающих решать я не могу, но зато могу попробовать отрубить Казарцева, отвлечь его внимание на себя, так скажем.

— Спасибо, — хмуро кивнула Катя.

— А ИИ — твой цепной пес в любом случае.

— И все равно что-то от меня упорно скрывает...

— Наверняка для твоего же блага. Я поначалу тоже хотел тебя оставить в неведении исключительно из благих побуждений, но раз ты настаиваешь...

— Договорились же!

— Вот именно. Что бы там ни было, ты узнаешь обо всем первая. Не забудь про Марцева. Если он так гениален, как его расписал этот твой Меркулов, для расшифровки кода может потребоваться его помощь.

Катя молча кивнула.

Олимпия и вправду была очень зеленой и какой-то приглаженной что ли, лощеной, словно провинциальная дама, начитавшаяся журналов мод и решившая поэкспериментировать со стилями в пределах возможностей местных рынков — дама не без вкуса и фантазии, но и не претендующая ни на что особенное. Она утопала в хвойной зелени и аккуратно подстриженных лужайках, была сдержанна и молчалива, но стремилась произвести исключительно положительное впечатление.

Некоторое время они просидели в молчании, а потом Мерк просто отключился без предупреждения. Катя попыталась несколько раз вызвать его, но он не ответил, а настаивать она не стала. Тем более, что в парк вскоре въехал ее трейлер, на ступеньке которого повис радостно махавший ей рукой Пол. Катя запрыгнула внутрь, и они направились к Каскадным горам пробовать одолеть первые километры МТХ, которые они планировали пройти пешком.

Всю дорогу до горной цепи, которая отняла у путешественников около двух часов, дядя Валя беспрестанно ворчал, что неплохо бы начать пешие исследования немного южнее, у Орегона: Каскадный хребет сплошь был утыкан действующими вулканами да и в целом составляет северо-западный участок знаменитого Огненного кольца, и хоть вулканологи регулярно следят за активностью своих подопечных именно в этом регионе — как раз по причинам проходившего здесь МТХ, но Катин ИИ 3.0 явно не был рискованным парнем. Катя и сама уже подумывала поддаться на уговоры и просто прокатиться по берегам прозрачных озер, наблюдая заснеженные вершины исключительно с ракурса их подножий, а потом видела, как Пол вновь и вновь рассматривал на голограммах фотографии этой части Кордильер, мечтая, вероятно, как сможет запечатлеть их воочию, и тут же прикусывала язык. По крайней мере, с ними всегда будет дядя Валя, он вызволит их из любой передряги. Не отпускать же Пола бродить по горам с холстом и кисточками в одиночку.

На фотографиях горы выглядели зловеще-черными — вероятно, как раз из-за обилия вулканов, покрывающих все вокруг внушительным слоем пепла и застывшей магмы. В голове мелькали образы Мордора, но изумительной чистоты озера и девственно-темная зелень хвои скорее придавали облику хребта возвышенность и помпезность, нежели вызывали страх и трепет.

Решено было слишком высоко не забираться и при необходимости отступать от МТХ. В любом случае, маршрут диктовала им не красная кривая полоска на карте, а вдохновение Пола, и, уже облачившись в заботливо подобранное дядей Валею обмундирование, нацепив на спины облегченные, но все же забитые под завязку рюкзаки, они, тем не менее, долгое время кружили у тропы, пока Пол выбирал ракурс получше. Потом он, наконец, махнул рукой и ступил на гравий. Катя проследовала за ним. Покидать трейлер было боязно, хоть она и прекрасно понимала, что в любой момент дядя Валя может вызвать вертолет, и их мигом эвакуируют куда потребуется. Но вот как раз о подобной возможности думать совсем не хотелось — терялся дух романтики и здорового авантюризма, за которым Катя и рванула на другой конец света.

Вблизи хребет выглядел куда более устрашающе, нежели на ярких и явно обработанных в фотошопе фотографиях из всемирной сети. Место идеально подошло бы для размещения на отрогах этих гор колонии особо режима для сверх опасных преступников — некоего аналога Алькатраса. Катя брела вслед за воодушевленно вертевшим головой по сторонам Полом и уныло размышляла, что без очевидной мрачной пользы пропадает такой колоритный ландшафт. В прежние времена здесь был шанс развернуться на полную катушку. Пенитенциарная система отмерла еще до появления Кати на свет, но болезненные отголоски прошлых ужасов все еще населяли умы не столь давно освободившегося от прежних пут человечества, заставляя вспоминать о них даже юное поколение. Так молодежь 20 века с содроганием размышляла о крепостном праве и публичных порках, внутренне радуясь, что на ее век уже не приходится ничего подобного.

Построй здесь радетели за нравственное исправление преступников свою воспитательную цитадель, и сбежать из нее стало бы настоящим испытанием духа: отвесные склоны угольно-черных и пепельно-серых гор, извергающиеся по очереди вулканы, источники, исторгающие кипяток, вечные перепады климата на противоположных склонах

из-за близости к Тихому океану, дикие звери, непроходимые леса...

Они шагали по ярко-зеленой, почти альпийской лужайке, ведущей их к месту первого привала — на дальней оконечности подножия горы, и с каждым преодолеваемым метром Пол все веселел, а Катя — мрачнела. Она вдруг поняла, что хоть и выбрала ботинки на два размера больше, а идти в них все равно не так удобно, как хотелось бы. Что рюкзак вдруг стал чудовищно тяжелым, хоть она положила туда только самое необходимое, и натирает ей плечи, больно ударяет по бедрам. Что спустя несколько часов пути все так же наслаждаться природой больше уже не получается — стало банально скучно, мозг требовал какой-то информации помимо очертаний гор и ощущений собственного организма, чтобы хоть немного отвлечься от накрывавшего дискомфорта. Слишком быстро и неожиданно он случился, Катя все же рассчитывала начать испытывать все прелести походной жизни дня через три, не раньше.

— Ты не будешь делать эскизов? — с надеждой в голосе окликнула она Пола, но тот только помотал головой.

— Думаю, со стороны озера ракурс лучше, хочу дойти туда и там уже полноценно поработать. Мы же там через сутки окажемся, не раньше?

Дядя Валя молчал — после давешней Катиной эмоциональной вспышки он старался не привлекать к себе внимания и лишь молчаливо и методично исполнял ее поручения, почти никак их не комментируя. Казарцев тоже только вежливо попросил их позвонить ему, как только они будут готовы делиться впечатлениями. Оба явно ощущали вину за всю эту ситуацию с архивом, но разговор о нем больше не заводили, рассчитывая, вероятно, что пеший переход утомит Катю, и та непременно отгадает. Но с кем ей в тот момент действительно хотелось бы перекинуться несколькими фразами, так это с Мерком, который, к ее разочарованию, так и не вышел на связь после получения архива. С того дня прошло уже около суток, ему неоднократно звонили и сама Катя, и дядя Валя, но трубку он не брал и в чате тоже не появлялся. Сообщения оставались непрочитанными.

Вспомнив о Мерке, Катя со злостью пнула подвернувшийся под ногу камень: теперь и он решил оставить ее в неведении касательно этого дурацкого архива? Да что же там такое? Как ей вообще узнать его содержание? Может, выложить на всеобщее обозрение и спросить комментариев и совета? А что, если там и правда нечто совершенно неприемлемое? Она-то свое любопытство удовлетворит, да вот только сможет ли по-прежнему вести свой блог и не стыдиться собственных подписчиков? Стоп, да что там может быть такого, что бросит тень на саму Катю? Не на ее родителей, не на Меркулова, наконец, а заставит краснеть именно ее? Ничего, и это очевидно. Подробности своего оригинального происхождения она уже знала, а что уж там на уме у Казарцева с дядей Валей... Черт побери, может, и правда попробовать выложить все, а? Но для начала надо было хотя бы попробовать найти этого таинственного Марцева.

Расспрашивать Михаила не хотелось — отношения их разладились после давешней стычки по поводу архива, и Катя отдавала себе отчет в том, что, поняв ее цель, тот просто солжет, не выдав место жительства создателя ИИ хотя бы просто из принципа, даже если допустить, что никакой особенной причины скрывать от нее информацию у них не было, а была лишь забота о глупенькой блондинке и только. Имени Марцева она не знала — нигде в записях оно не упоминалось. Катя включила поиск по сети на аудио воспроизведение, чтобы не тратить время на остановку и чтение, но Интернет тоже молчал, отдавая все лавры Меркулову и даже на Озерова ссылаясь лишь мимоходом. НИИ, в котором работали все трое,

был расформирован еще в 90-е, а пустовавшее здание отдали сначала под торговый центр, и функционал ему вернули, только когда ситуация стабилизировалась. И вот лишь на сайте этого самого обновленного НИИ Кате и удалось найти в списках бывших сотрудников некоего Марцева Ф.С. — заместителя руководителя лаборатории кибернетики. Но, что странно, на сайте ни словом не упоминалось, что именно в этом НИИ и был изобретен тот самый ИИ 10.0, благодаря которому жизнь на планете Земля так резко изменилась. И что создал его, по сути, тот самый Марцев Ф.С., чье имя даже в истории не осталось — кем бы он там ни был — Феофилактом или Феодосием. Да хоть Фредом.

В мыслях об этом Катя и сама не заметила, как они достигли подножия, а солнце принялось медленно катиться к пикам отдаленного хребта.

— Пора ставить палатку, — Пол сбросил рюкзак и, не дожидаясь инструкции дяди Вали, принялся доставать колышки и разворачивать полотно.

Катя рухнула на землю, стащила с натертых плеч рюкзак, опустила на него голову и закрыла глаза. Она так чудовищно устала, что даже не хотела есть и могла бы заснуть прямо здесь — не снимая казавшихся теперь страшно узкими ботинок, без спальника, с жестким рюкзаком под головой. Краем уха она прислушивалась к болтовне ИИ и Пола, не сумевшего все же справиться в одиночку, затем вздохнула и потянулась развязывать ботинки. Надо было насобирать хвороста для костра и приготовить нехитрый ужин.

С едой они решили не мудрить, набрали сухих полуфабрикатов для разведения кипятком ну и сухофруктов на десерт. Две недели как-нибудь перекантуются, а потом вернутся к нормальному питанию. Дядя Валя порекомендовал в первый вечер поужинать белковыми коктейлями, и Катя сделала Полу молочный, а себе — овощной с семенами тыквы.

Ужинали молча. Художник не выглядел уставшим и, когда Катя уже забралась в палатку, он все сидел у костра и что-то черкал карандашом на листе бумаги. Она же отрубилась, едва голова ее коснулась подушки, и даже не слышала, как лег и Пол. Утром вставать рано не было никакой необходимости, и оба провалялись часов до десяти. Во второй день их похода окружающая местность показалась Кате еще менее привлекательной, чем вчера. Да, солнце светило ярко, сочная зелень резала глаз, впереди маячили снежные шапки гор — все как на фотографиях в журналах путешествий, но картинка эта больше не могла ее обмануть, теперь она в полной мере осознавала, чего стоит возможность увидеть всю эту красоту собственными глазами.

Все мышцы ее тела надсадно ныли, требуя отдыха, моля о неподвижности, но Катя буквально заставила себя подняться и выползти наружу. Пол проснулся немногим ранее и вовсю пытался зажечь костер, чтобы вскипятить чай. Если бы не он, Катя повернула бы к трейлеру прямо здесь и сейчас, не дожидаясь, пока приключение станет совсем уж невыносимым. Но Пол, казалось, был раззадорен и стремился продолжать путь: пока кипятилась вода, он снова взялся за бумагу и карандаш, и Кате вдруг почудилось, что он в своей стихии — среди дивно красивой природы, которую можно постоянно запечатлевать, и, в отличие от человека, она не будет жаловаться, что ее изобразили не слишком привлекательно.

Однако, вопреки расчетам, к вечеру второго дня к озеру они так и не пришли. Делать по двадцать километров в день не получалось никак. Это было бы тяжело, даже если бы они шли налегке по ровному асфальту, что уж говорить про узкую тропку, которая то резко взбиралась вверх по склону, то обрывалась вниз, то петляла между булыжников или убегала

в сторону. Иногда солнцепек становился невыносимым, и путешественники вынуждены были прятаться в тени деревьев, выжидая пару часов, когда схлынет дневной накал. В результате во второй день они прошли чуть меньше, чем в первый, и уже во время вечернего привала, когда Пол ставил палатку, а Катя снова собирала хворост, дядя Валя разочарованно изрек, что они преодолели всего семь километров, и если так дальше пойдет, то до озера им добираться никак не меньше двух дней. Катя ждала пресловутого озера как оазиса в пустыне: Пол планировал задержаться там на пару суток и как следует все зарисовать, можно будет просто бездумно валяться и дать, наконец, отдых натруженным ногам и плечам — походить босиком, поплавать, смывая пыль и пот.

Пол по-прежнему не выглядел уставшим, а на удивленные расспросы Кати отвечал лишь, что часто бывал в походах с родителями и привык к подобного рода мелким неудобствам.

— Мелким? — охнула от ужаса Катя.

— Ну, это всего лишь ссадины, синяки и мозоли, — пожал он плечами. — У нас нет переломов, у нас есть еда и вода, есть возможность укрыться от жары и дождя, есть палатка и спальники, наконец. Когда вернемся в трейлер, ты уже через день забудешь обо всех сложностях и будешь вспоминать лишь это дивное небо светло-василькового цвета, эти высоченные горы, так приятно хрустящий гравий под ногами, эту сочную зелень, и тебе снова захочется сюда, поверь мне. Еще неделька, и ты привыкнешь.

— Неделька? — Катя застонала и повалилась на землю.

Она с трудом представляла, как сможет завтра передвигать ноги — так чудовищно она устала. Но когда из леса неподалеку раздался вдруг чей-то рык, Катя осознала правоту Пола: мозоли и ссадины были сущей ерундой по сравнению с тем, что их могло ждать, если тот, кто рык этот издавал, решит выйти к непрошенным гостям.

— Я надеюсь, это не гризли, — прошептала Катя, подсаживаясь ближе к Полу.

— Судя по тому, что я успел прочесть в гиде, — задумчиво протянул он, — здесь следует опасаться скорее рыси. Они тут кишат.

— Надеюсь, им достаточно еды, — Катя уткнулась носом в плечо Пола и мелко задрожала, едва представив эту красивую пушистую кошку у них на пути.

— Дикае звери нападают не от голода, — методично выдал дядя Валя. — У них полноценное питание, по качеству и калорийности значительно превосходящее то, что несчастное зверье употребляло в прошлом. Им нет нужды кидаться на костлявых приматов, их обеспечивают высококлассным мясом.

— Искусственного происхождения, — закончила за него Катя.

— По питательности и составу оно ничем не отличается от...хм... скажем так, натурального. Кроме того, что при его создании никому не приходится страдать.

— Я вот думаю, что с охотничьими инстинктами при этом сделали. Ну, допустим, они не голодные, так они могут просто защищать территорию или реализовывать потребность в охоте и игре со своей жертвой. Иначе хищники просто деградируют, пока им приносят мясо в готовом виде. Мясо, которое не нужно выслеживать и пытаться перехитрить. А как ИИ борется с агрессией хищников? С их желанием довлеть друг над другом, с вечными драками и уничтожением соперников?

— И кто это у нас на биологии ворон считал? — протянул дядя Валя, и Катя живо представила, как он закатил бы при этом глаза, будь они у него в принципе.

В это самое мгновение где-то в кронах раздалось хлопанье крыльев, и среди деревьев

мелькнул силуэт какой-то довольно крупной птицы. Она опустилась на ветку и принялась лениво чистить перья, а уже в следующий миг Катя заметила едва уловимое шевеление неподалеку. Она не успела не только вскрикнуть, но и даже сообразить, что это такое вообще, заметила лишь, как чье-то упругое тело пружиной взмыло к сидящей на ветке птице. Катя замерла: никогда еще в жизни ей не доводилось видеть ничего страшнее. Она зажмурилась, зажала уши ладонями, вскочила и побежала прочь дальше по тропинке, только бы не видеть происходившей прямо сейчас расправы по всем законам дикой природы, но тут в ушах ее прогремел хохот дяди Вали, от которого скрыться ей было некуда.

— Стой, глупая. Я же специально это организовал, чтобы ты воочию убедилась: никакого смертоубийства тут не допускается. Ну обернись же, посмотри на «несчастную жертву».

Катя помотала головой, но все же нехотя открыла глаза и убрала ладони с ушей. Тишину предгорья нарушал только шорох листвы да еще какие-то странные звуки, словно бы кто-то резвился там у деревьев, где только что рысь пыталась поймать птицу.

— Уже все? — осторожно уточнила Катя.

— Что все? Да вернись к палатке, и сама все увидишь.

Катя сделала несколько шагов назад и с сомнением посмотрела в сторону скакавшей у перелеска рыси. А вокруг нее то подпрыгивала, то взлетала давешняя птица, умудрявшаяся ускользнуть прямо из-под носа у грозного хищника, словно издеваясь над ним.

— Что это? — пробормотала Катя. — Что это за птица такая?

— Пока рабочая модель, мы ее тестируем, — с плохо скрываемой гордостью в голосе изрек дядя Валя. — Позволяет хищникам оставаться в форме. Поначалу мы работали с голограммами, но нашим зубастым друзьям эта обманка скоро наскучила — какой прок гоняться за миражом, иллюзией? На такое только люди способны. Пришлось разработать нечто вроде аниматроида — гораздо более ловкого, нежели те, с кого мы их делали, да и в случае чего способного дать настоящий отпор. Разумеется, пока мы не можем на все сто процентов обеспечить безопасность кормовой базы хищников, но уже сейчас по предварительным подсчетам нагрузка на нее снизилась почти на две трети. Число аниматроидов в дикой местности постоянно растет. Своих так называемых сородичей они не трогают и вообще полностью их игнорируют, а вот к хищникам являются буквально под нос, висят у них на хвосте, отвлекают их внимание. Так и получается, что еда у хищников есть, игрушки тоже, поэтому деградация им пока не светит. В перспективе ученые, конечно, рассчитывают на их эволюцию — в таких условиях это неизбежно. И во что она выльется, и кого мы породим подобным милосердием, мы пока понятия не имеем, но тем интереснее нам будет в дальнейшем. Люди ведь тоже эволюционируют.

— На радость ИИ, — буркнула Катя. — Я помню, мы по биологии проходили, что хищники прореживают ряды травоядных, вычищая самых больных и слабых особей. А теперь этого не происходит, выживают все, что, естественно, со временем приведет к их вырождению и вымиранию. Но прежде они сожрут весь растительный покров планеты...

— Ты снова мышиный рай вспомнила? — усмехнулся Пол, отрываясь от своего привычного занятия. — Не лучше ли просто наслаждаться сегодняшним днем, не думая об ужасах дня завтрашнего? Мы же с тобой все равно не в силах ничего изменить. Пусть об этом беспокоятся ученые. Тем более, что пока у них неплохо получается побеждать джунгли. Я верю в силу разума.

— Вот прямо так сразу отлегло, — снова буркнула Катя, издали наблюдая, как рысь

продолжала радостно гоняться за аниматроидом, изредка задевая его то когтями, то зубами.

На следующий день, всерьез увлекшись темой аниматроидов, Катя только и делала, что наблюдала, как орлы таскали импровизированных горных коз, а пауки — ловили прекрасно сконструированных бабочек. И если про крупных аниматроидов она еще что-то слышала на уроках биологии, то про инсектоидов узнала только теперь. Да их и не так давно пустили в массовое производство. Ее чрезвычайно веселили картины того, как искусственная муха чрезвычайно натурально летела в расставленные сети, закономерно вязла в них, привлекая внимание паука, а затем без малейших трудностей вырывалась на свободу, оставляя на тонких нитях крошечные кусочки искусственного мяса, заменяющие пауку жертву.

Она не заметила, как солнце принялось катиться к горизонту, и даже совершенно забыла бы о ночлеге, если бы Пол не бросил свой рюкзак у нее на пути и не рухнул вслед за ним же прямо на землю.

До озера они добрались лишь к вечеру следующего дня, когда солнце уже закатилось, и среди сумрачных теней невозможно было ничего разобрать. Они поужинали, посидели у костра еще около часа и отправились спать. Наутро спешить было некуда, и Катя спала едва ли не до полудня и, когда выбралась, наконец, из палатки, Пол успел уже дважды выпить чаю и вернуться к работе, ради которой он и пришел сюда.

Катя потянулась, босиком прошлепала к потухшему костру и плюхнулась на землю, потурецки складывая ноги. Зеркальная гладь озера виднелась буквально в нескольких метрах от их лагеря. Противоположный берег его обрамлен был хвойными деревьями, а еще чуть дальше высился горный кряж с упиравшейся в васильковое небо белоснежной шапкой. Такие фотографии часто попадались Кате в интернете да в туристических проспектах, но в существование подобной красоты верилось слабо. Все казалось, что яркий цвет небу придают дизайнеры, а озерная вода непременно темная и мутная. Но здесь-то Катя и поняла, как сильно ошибалась: в воду эту можно было смотреться, словно в зеркало, она застыла в своей монументальной красоте, в своем безупречном величии, и ни единое зернышко ряби не искажало ее идеальной поверхности. Отражение было столь четким, что, будь это фотография, Катя не смогла бы различить, где реальные горы и ели, а где — их изображение на водной глади. Природа здесь словно бы замерла — не слышалось ни ветерка, ни единого шороха, ни даже стрекота насекомых. Царила абсолютная тишина наступившего рая. И эту тишину, эту безупречность, вероятно, и стремился перенести на холст Пол — пусть и не целиком, не в совершенстве, но хоть ухватить ее за хвост, за самый кончик, считать хоть общее впечатление, которое не смогла бы передать ни одна фотография, запечатлевающая миг, но не вечность.

Катя просидела так, наслаждаясь полным покоем, около часа, а затем отправилась уже обедать — для завтрака время было слишком позднее. Весь день она провалялась, наблюдая за Полом и вслушиваясь в тишину. Не возникало желания ни почитать, ни даже написать очередную статью, хотя поделиться с читателями было чем. Пару раз она, правда, попыталась выйти на связь с Мерком, но тот по-прежнему не отвечал на звонки и игнорировал ее сообщения. Она хотела бы подойти к берегу и окунуться, но ждала, когда закончит Пол, чтобы не разрушать хрупкого совершенства царившей там идиллии, позволить ему закончить хотя бы на сегодня, а уж потом опустить ноги в ледяную воду.

Пол закончил к шести, когда на берег выползли первые тени. Катя успела разжечь костер, развела в котелке сухой суп, а сама пошла к воде, по пути скидывая с себя одежду. На мгновение она обернулась и поймала на себе задумчивый взгляд Пола, который, казалось,

размышлял, а не последовать ли ему за ней. Однако, романтического купания не получилось: вода в горном озере была непозволительно ледяной, и Катя смогла лишь слегка помочить лодыжки. Затем присела на корточки, плеснула на себя несколько пригоршней холодной влаги да и замерла там, всматриваясь в силуэты елей на том берегу.

— Если еще чуть постоишь, ты привыкнешь, — окрикнул ее Пол. — У берега вода вполне терпимая, родники бьют на глубине, а сверху ее неплохо прогревает солнце.

— А сам чего же? — дернула она плечом, не оборачиваясь, но вздрогнула, услышав шорох приближающихся шагов.

Он встал рядом, положил ладонь ей на спину, вынуждая ее подняться, затем взял за руку и сделал еще пару шагов вперед. Катя последовала его примеру, и голени тут же свело судорогой. Она застыла в ужасе, пытаясь отдышаться, но Пол дернул ее за собой:

— Не надо останавливаться. Зайди хотя бы по пояс, так будет легче привыкать.

— Легче? Когда половина тела погружена в жидкий лед... — заворчала было Катя, но постепенно буквально кожей начала ощущать правоту Пола.

На поверку температура воды оказалась вполне терпимой, и Катя смогла выдержать несколько минут и даже окунуться, но потом все же выбежала на берег и громко завывала, вспомнив, что полотенца остались в трейлере, и теперь придется сохнуть прямо так — на вечернем ветру. Пол встал рядом, обнял ее со спины, вода ладонями по плечам и лопаткам, разогревая их, но дрожь в теле лишь усилилась. Катя не смела обернуться, замерла, запоминая каждое прикосновение, пусть и предназначенное только согреть ее.

На следующий день они прошли чуть дальше вдоль берега, чтобы у Пола открылся новый ракурс на гору и озеро, а потом все вновь повторилось: он рисовал до самого заката, а Катя то готовила, то наблюдала за очередным анимадроидом, то снова пыталась достучаться до все еще хранившего молчание Мерка.

Когда Пол отложил, наконец, кисти, они поужинали в тишине, нарушаемой лишь стрекотом насекомых, а затем он опять предложил искупаться. Катя покачала головой: вчерашнее купание было весьма сомнительным, и повторять его ей не хотелось, несмотря на то, что процедура разогревания во многом компенсировала все страдания.

— Здесь должно быть теплее — берег пологий, совсем мелко. Родники бьют в дальней части озера, где мы были вчера. Ну же, давай попробуем, — взял он ее за руку и аккуратно потянул за собой.

Катя нехотя стянула походную одежду, под которой все равно весь день проносила купальник, вероятно, втайне все же рассчитывая на подобное приглашение, и шагнула вслед за художником к каменистому берегу. Здесь и правда было мелко, а оттого вода ощущалась едва ли холоднее парного молока, и оба зашли по грудь, даже не заметив этого. Пол выпустил ее руку и медленно поплыл, а Катя осталась стоять, наблюдая, как на небо лениво выползают первые звезды. С этой стороны подножья было в целом значительно теплее — гора защищала путников от ветра, зеркальную гладь озера нарушали лишь плескания Пола: оказывается, он неплохо соображал в походной жизни для рафинированного интеллигентного художника и даже хорошо умел плавать, в отличие от самой Кати, которая лишь с упоением наблюдала за его темным силуэтом, мелькавшим над поверхностью воды.

— А ты чего? — крикнул он ей. — Не умеешь?

Она покачала головой, пряча совершенно счастливую улыбку. Пол подплыл ближе, легко поднял ее на руки, аккуратно перевернул на живот:

— Давай поучу, как меня в детстве отец учил.

Катя расхохоталась, но сопротивляться не стала, лишь послушно работала руками и ногами. Но у нее все равно ничего не выходило, она только забрызгала и без того мокрого Пола, и спустя около получаса бесплодных попыток научить ее хоть чему-нибудь, тот махнул рукой и осторожно поставил на ноги.

— Плевать. Просто побарахтаться в такую ночь — уже наслаждение.

Силуэт горы впечатывался вечностью в темно-синее бархатное небо, искрившееся сверкающими точками звезд. Не ощущалось ни малейшего дуновения, только потрескивал догорающий костер, заглушая стрекот цикад. Пол вышел из воды, чтобы подкинуть еще хвороста и разжечь огонь посильнее, и в это самое мгновение словно бы из ниоткуда зазвучал тихий струнный перебор. Катя замерла, прислушиваясь, и лишь спустя несколько секунд узнала одну из своих любимых песен — Shape of my heart Стинга.

Откуда-то из невидимых динамиков раздавался мечтательный полусшепот, и пальцы Кати заскользили по поверхности воды, словно бы по клавишам рояля. Она медленно качала головой, прикрывая глаза и одними губами повторяя давно выученные наизусть слова, а потом медленно побрела к берегу, покачивая бедрами. Фигура ее на фоне ночного неба извивалась в такт мелодии и остановилась буквально в паре шагов от суши. Пол у костра почти не двигался, сжимая в руках ветку, которой шевелил разгоравшийся хворост, не сводя взгляда с танцующей во мраке ночи Кати. В этой угловатой девчонке откуда-то вдруг родилась грация, граничащая с кошачьей — вероятно, потому что она даже не задумывалась, что не одна здесь, что за ней наблюдают, а целиком отдалась звучащей в тишине горной долины музыке запредельной красоты. Стинг тихо бормотал свои известные строки про карточные масти и маску, что носит всю жизнь, а Катя все громче вторила ему, прикрыв глаза, погрузившись в тягучую сладостную грусть этой мелодии.

Пол прищурился, наблюдая за кружившейся у самого берега Катей, а потом вдруг резко дернулся влево, схватил с земли лежавший тут же рядом альбом и принялся поспешно набрасывать карандашный эскиз: подножие горы, берег озера, отдаленные ели, костер и танцующая по щиколотку в воде девушка. А Shape of my heart все звучала и звучала — хитрый дядя Валя поставил ее на автовоспроизведение, и прошло, наверное, около получаса, прежде чем Катя поняла, что что-то не так, распахнула глаза и с удивлением осознала, что мелодия все еще прорезает ночную тишину, а Пол сидит у костра и что-то напряженно черкает в альбоме, периодически поднимая на нее взгляд. Катя замерла от смущения — песня так захватила ее, что она, кажется, совершенно забыла и о времени, и о том, что не одна, что за ее, теперь представившимся ей нелепым, танцем наблюдал тот, кого она меньше всего хотела бы разочаровать своей неуклюжестью, угловатостью. Она сделала несколько шагов к костру, зябко поежилась и с некоторой опаской заглянула в альбом.

— Это было прекрасно, — прошептал Пол, протягивая ей готовый набросок.

Катя несколько мгновений смотрела на рисунок, изумляясь, какой изящной она там вышла, как грациозна была ее пластика, как утонченно и одухотворенно лицо... А потом бросила его тут же рядом, рухнула на колени, подползла чуть ближе, едва задевая бедром торчавшие из костра ветки, и заглянула Полу прямо в глаза. Ей почудилось, что в них тоже пляшет огонь, да и разве могло быть иначе? Разве мог кто-то другой нарисовать ее так? Рассмотреть ее, увидеть в ней красоту и передать ее в простом карандашном наброске? Еще ближе и еще чуть-чуть, и вот их лица всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Пол выглядит решительным и серьезным, и Катя абсолютно уверена в том, что делает в

следующее же мгновение, когда губы ее касаются губ Пола и замирают на них на несколько томительных секунд.

Она понимает, что что-то не так, только когда Пол мягко берет ее за плечи и медленно отстраняется, ласково глядя ее по волосам.

— Пора спать. Завтра снова в путь. Иди укладывайся, а я пока потушу костер, — подбирает с земли альбом и идет к озеру за водой, чтобы залить огонь — с утра они не планировали разводить его заново.

Фраза эта, вроде бы и произнесенная с заботливой интонацией, все равно искрилась холодом. Пол сделал вид, будто бы ничего не произошло, и Катя, едва осознавая, что произошло, не оборачиваясь побрела к палатке. Он не ответил на поцелуй и не захотел никак его продолжить. Он нарисовал ее, просто потому что он художник. Художникам свойственно рисовать все и всех подряд, и как же это глупо — искать за каждым подобным поступком романтическую подоплеку. Катя со злости хлопнула себя ладонью по лбу и забралась в палатку, где поспешно переоделась, скользнула в спальник и зажмурилась. Когда через несколько минут за ней последовал Пол, она сделала вид, что уже крепко спит. Но он все же шепотом пожелал ей спокойной ночи и сам уснул буквально сразу же, а Катя провозилась до утра, стараясь не смотреть в его сторону, но при этом всем существом ощущая его присутствие рядом.

К обеду пошел сильный дождь, и они успели пройти всего около пяти километров, прежде чем непогода загнала их назад в палатку, где Пол снова взялся за альбом, а Катя — за статью. Просто чтобы найти себе хоть какое-то дело и не прислушиваться к его дыханию и чирканию грифеля по бумаге. Все утро они двигались вдоль подножия хребта в тягостном молчании — таком вязком, что, казалось, его можно было разрезать ножом на куски и поровну поделить между всеми участниками этой странной поездки.

Ну что ж, зато у нее появилась новая тема для статьи.

Привет, дивные мои Ромео и Джульетты, с вами снова я, ваш проводник в мир мрака и уныния.

У нас тут прелестные горы и дивные озера, красота невообразимая — надеюсь, вы сможете ее оценить по прилагающимся серым фотографиям. А все потому, что сейчас идет дождь, небо намертво заволкло, и у меня нет никакой возможности порадовать вас прямо сейчас. Вот если бы я догадалась пофотографировать вчера или позавчера... Но тогда, поверьте, мне было не до этого. Мыслями я была так далека от этих мест, что вы и представить себе не можете. Впрочем, думаю, любой бы на моем месте забыл о ландшафте, если бы рядом с ним находился тот, кто берedit его душу, его мысли ежесекундно. Я бы даже сказала — ежесекундно.

Что ж, он этот текст вряд ли когда-нибудь прочтет: он иностранец, русского языка не знает, блогами о путешествиях не интересуется. Да и авторами этих блогов, собственно, тоже. Чего уж тут вокруг да около ходить. Да, вышло так, что у меня, драгоценные мои психологи и психологини, разбитое сердце, которое надо как-то собирать по осколкам и упорно склеивать, ведь я еще так молода и могу принести пользу обществу путем написания таких вот чрезвычайно полезных статей на невероятно важные темы.

Вот вы ждете, например, сейчас доклада о том, как проходят мои первые дни на МТХ, и я бы рада поведать вам о стертых в кровь ногах, отбитых рюкзаком бедрах, стесанных до крови плечах. О том, как мои лодыжки сводило от ледяной воды, а сердце — от безумной

красоты окружающей природы. Об аниматроидах и картине, которую написал мой жестокий художник, а я только сижу и трачу ваше время на свое нытье о том, чего в жизни современного человека и быть-то не должно — о желании заполучить партнера, о жажде романтики, свадьбы, белого платья с фатой, семьи и воскресных обедов. Обо всем, о чем еще пару месяцев назад я даже и не думала, без чего прекрасно обходилась — и не только я, а и вообще большая часть человечества. Может, это оттого, что он так похож на Маккартни? А, может, потому что его мастерство художника столь высоко, что мои портреты выходят из-под его карандаша и кисти куда лучше, чем вышла у природы я сама?

Вот ответьте мне в комментариях, а как на все это смотрите вы? Ну на всю эту бесполоую политику, которая стала так популярна у нас в последнее время. Нет, нас, разумеется, ни к чему не принуждают, но мы словно бы сами отказываемся от партнерства и брака: когда ты в любой момент можешь вырастить себе ребенка в инкубаторе, когда у тебя есть беспроектная возможность без проблем воспитать его в одиночку, ведь тебе при этом помогает весь мир, нужда в семье как таковой отпадает. Семья ведь нынче не более чем рудимент? Для чего заводить партнера, если ты прекрасно выживаешь один, если мир полностью безопасен и открыт? Да, человек неизбежно тянется к другому человеку, мы ведь существа социальные, но теперь уже не с целью размножения. Мы вышли на новую ступень и теперь ценим дружбу выше полового партнерства. Когда-то в прошлом пирамида Маслоу диктовала нам свои условия, но здесь и сейчас мы во многом сумели перевернуть ее, избавиться от самых нижних ступеней. И что же мы имеем на поверку? Та, что должна бороздить просторы вселенной в поисках великих открытий, способных сделать нашу жизнь еще лучше, наполнить ее новым смыслом, сидит и жалуется на то, что ей не ответил взаимностью симпатичный парень, похожий на кумира ее детства. Позор! Не находите?

Только прошу в комментариях меня не жалеть, по-крупному я очень счастливый человек. Я пересекаю территорию бывших США, меня ждет индейская резервация, поездки по Латинской Америке, общение с дикарями и еще множество дней бок-о-бок с очень интересным мне человеком, который с удовольствием общается со мной. Просто общается — но разве же этого мало? Черт побери, и почему же мне этого так безбожно мало? Сама поражаюсь собственной отсталости. Наверное, я перечитала классической литературы. Лучше переключиться на современную, она совсем о другом. Высокие чувства можно и даже нужно испытывать не от одной лишь жажды размножения. Вы ведь со мной согласны?

Мерк, черт побери, ответь мне хоть здесь, ты со мной согласен?!

Статья получилась совсем короткой и немного плаксивой, хоть Катя и попыталась юмором сгладить ее натужный тон. На ответ Мерка она, разумеется, не рассчитывала, и, когда посыпались вопросы читателей, кого же она имела в виду, лишь отшутилась, что сделала это на спор со своим ИИ. В конце концов, никто же не знал, что для ИИ она выбрала веселого деда, а не юного и прекрасного рыцаря. В полном соответствии со своими же постулатами о перевернутой пирамиде Маслоу.

Дождь не прекращался вплоть до вечера, до деревьев было далеко, поэтому пришлось обойтись без костра. Весь день они просидели в палатке и обедали сухпайком.

Перед сном Катя еще раз заглянула в свой блог, перечитала статью, пролистала комментарии, да так и замерла, увидев в самом низу несколько строк от пользователя с

ником Merk.

Ты права, я и правда иногда почитываю тебя. Ты неплохо пишешь, хоть и форменные глупости при этом. Но я хотел бы иногда обладать твоей незамутненностью и наивностью. И твоим желаниям я временами искренне завидую. Я понимаю, что ты совсем не это хотела бы от меня прочесть сейчас, но ничего иного написать не могу. Помнишь, я ведь предупреждал тебя? Когда-нибудь ты все узнаешь и поймешь сама, а я не вправе лезть в естественный ход вещей, хотя и без того влез уже по самые уши. Но, возможно, нам всем это поможет, у меня есть это нелепое оправдание. Надеюсь, вы завершите маршрут без эксцессов и узнаете все тайны, которые планируете разузнать. А мне, пожалуй, пора возвращаться к себе. Пусть у вас с художником все получится, какие бы смыслы вы оба не вкладывали в эту простую фразу. Читать тебя и дальше не обещаю, скорее всего, отсюда я исчезну надолго. Возможно, даже навсегда. Но у тебя всегда есть шанс взять еще один ИИ и обучить его моей язвительности. Надеюсь, что ты будешь по ней скучать, и завидую, что сама ты ее лишена. Прощание выходит длинным, скомканным и публичным — как раз таким, каким я совершенно его не планировал и не желал. Просто будьте. Ведь все делалось именно ради этого. Будьте.

Катя лихорадочно вошла в чат и снова попыталась отправить Мерку сообщение, вот только на этот раз ей моментально пришло уведомление, что такой пользователь не существует. А телефон отозвался сухим сообщением «абонент не зарегистрирован».

Ближе к концу второй недели пути, когда они вновь начали общаться, хоть уже и не настолько расслабленно, как прежде, в хвойных зарослях Кате почудились какие-то знакомые очертания. Она ускорила шаг — ровно настолько, насколько ей позволяли опухшие ноги и нывшие от усталости суставы.

— Избушка, — бормотала она, не отводя взгляда от того, что показалось ей крышей. — Пол! Там ведь избушка, да? У меня еще не начались галлюцинации? — она обернулась и махнула художнику рукой.

Пол прищурился, вытянув вперед шею, а в следующее же мгновение радостно кивнул и тоже припустил вслед за Катей. Неужели хоть сегодня они переночуют не под открытым небом и даже не в палатке на земле, а под настоящей крышей на настоящих кроватях? Койки в трейлере им обоим тоже порядком надоели. Катя шла и фантазировала, как проспит целые сутки под непрерывный шум дождя по крыше — палатка никогда не спасала от сырости, проникавшей через землю и сквозь спальник, добравшейся до самой кожи и противно холодившей нутро.

Впрочем, вблизи это сооружение оказалось не таким уютным и многообещающим, как им показалось поначалу. Это и вправду был домик — совсем крошечный, покосившийся и явно заброшенный: в рамах не было стекол, даже осколков, крыша заросла мхом и невысокими кустиками, стены сруба потемнели от времени и недостатка ухода. Катя с Полом замерли у порога и переглянулись: стоит ли вообще сюда заходить и пытаться обустроиться? Точно ли им будет здесь лучше, чем в палатке? Но Катя не хотела так просто отказываться от всех своих фантазий, поэтому колебания ее длились не дольше минуты, а вслед за тем она решительно шагнула к крыльцу и потянула на себя массивную ручку моментально поддавшейся двери.

Внутри было прохладно, но сравнительно сухо: вероятно, от сырости лачугу защищал довольно густой лес. Она состояла из всего только одной комнаты, служившей и прихожей, и гостиной, и спальней, и кухней — в лучших традициях русской избы, вот только вместо традиционной кирпичной печки в углу стоял массивный металлический котел навреде буржуйки. Дверца его была распахнута, а внутри виднелась давным-давно остывшая зола.

— Если мы останемся здесь на ночь, — Катя скинула рюкзак и прошагала к буржуйке, — надо будет как-то загородить окно, иначе не сможем протопить дом.

— Вроде на улице тепло, — пожал плечами Пол. — Лето же. Ты все равно хочешь разжечь огонь?

— По ночам холодно, — упрямо гнула свое Катя, — это же горы, тут ветер до костей пробирает. Тебя нет разве? Не хочу больше в спальник этот дурацкий кутаться. Пойду одеяла поищу и подушки, — и заковыляла к издавшему видимость комода в противоположном углу комнаты.

Пол, вероятно, все еще ощущал невольную вину, а потому спорить не стал и отправился в лес за дровами и хворостом.

Комод явно дышал на ладан и зашатался от первого же прикосновения. Там и правда обнаружилась пара скомканных подушек. Катя засомневалась в их пригодности, но все равно достала и швырнула их на соломенные тюфяки на единственной широкой кровати, расположившейся прямо возле буржуйки. Нашлось там и что-то вроде шерстяных пледов —

основательно, впрочем, побитых молью, и даже несколько грубых простыней. Катя извлекла все содержимое комода, встряхнула его и принялась, выискивая запах плесени. Белье пахло пылью и временем, но, поскольку внутри все это время сохранялась сухость, несмотря на лишенное стекол окно, плесень нигде не проросла, поэтому Катя принялась готовить нехитрое ложе. Лучшее, что они могли получить за прошедшие две недели.

Одна из простыней оказалась слишком ветхой и не годной для постели, и ее Катя приспособила на окне вместо занавески: закрывать досками единственный доступ воздуха в помещение она не решила. Тем более если им удастся растопить буржуйку, здесь очень быстро станет душно. Она зафиксировала простыню гвоздями, торчавшими над рамой — вынула их плоскогубцами и ими же осторожно вбила в обветшавший и проеденный жучками брус, чтобы зафиксировать ткань по всему периметру окна. Затем полюбовалась на получившийся косой серый прямоугольник на стене и удовлетворенно хмыкнула. К тому времени из леса уже вернулся Пол и, закинув хворост в буржуйку или, как он любовно назвал его, камин, принялся разжигать огонь.

Никаких приспособлений для приготовления пищи здесь не было, кроме примитивной плитки, которую тоже надо было растапливать дровами, поэтому они решили ограничиться буржуйкой и приготовить ужин прямо на ее раскаленном корпусе. У них еще оставалось несколько растворимых супов и консервированные овощи с искусственной рыбой.

Ели они в полной тишине за самым настоящим, хоть и пыльным, кухонным столом, прислушиваясь к завыванию ветра за стеной. Парус простыни начинал потихоньку надуваться пузырем, и в течение всего ужина Катя переживала, как бы ветхая ткань не треснула и не слетела с гвоздей. Может, и вправду стоило заколотить окно доверху досками, оставив лишь небольшую щель для воздухообмена?

Пол сполоснул посуду в котелке с водой, потом вынес его и, вернувшись, сел у самой печки, поближе к огню, подальше от плясавших у кровати теней, снова, как и обычно, достал альбом и принялся что-то в нем черкать. Катя же взгромоздилась на кровать, натянула на себя обернутый простыней плед и шумно выдохнула с наслаждением. Ноги ее сладко ныли, шея тут же расслабилась, ощутив мягкость подушки, хоть и набитой чем-то вроде сена. Несколько минут Катя прислушивалась к шороху грифеля, размышляя, что в этом полумраке может рисовать Пол, но сон все же одолел ее, и она даже не заметила, как отключилась, невзирая на свербящую в носу пыль, завывающий за окном ветер, удушливый запах гари от буржуйки — дымоход наверняка не чистили лет пятьдесят. И все равно это была ее первая постель за две недели, и спалось в ней почти как дома, потому что даже самый уютный в мире трейлер через некоторое время начал вызывать у Кати периодические приступы клаустрофобии. Когда лег Пол, она не заметила, лишь уловила краем уха, как скрипнула кровать справа от нее, но не проснулась, лишь повернулась на другой бок и продолжила сопеть.

Проснулись оба ближе к обеду. Сегодняшний день предстояло потратить на возвращение к трассе, где их уже ждал трейлер. Это было примерно в семи километрах от их места ночлега, и при хорошем темпе, с учетом, впрочем, усталости и тяжелых рюкзаков, вернуться они должны были часа через три, именно поэтому и позволили себе поспать немного дольше обычного. Заново растапливать буржуйку не стали, решив позавтракать оставшимся печеньем и допить чай из термоса, который держал температуру почти неограниченное время. Параллельно с завтраком Пол продолжать что-то чиркать карандашом на листе: рисунок он ночью явно не доделал.

Катя изнывала от желания повернуться и посмотреть, что он там рисует, но в голову вновь ударили давешние воспоминания о нечаянном невзаимном поцелуе, а потому она всем видом старалась демонстрировать полное равнодушие к происходящему процессу. Впрочем, Пол вредничать не стал и, поставив на законченном наброске подпись, сразу протянул ее Кате.

— Как думаешь, стоит это доводить до ума и доделывать уже красками на холсте? Я просто впервые работаю в подобном жанре. До этого все больше на природу да изредка на портретах специализировался. А тут вдруг пришла в голову шальная мысль... — он, казалось, искренне заинтересовался мнением Кати.

Та охотно взяла рисунок и через мгновение охнула, ткнув пальцем в изображенного на нем человека.

— Мерк?! Но почему он?

— Не знаю, — пожал Пол плечами. — Как будто озарение какое-то снизошло. Я просто увидел эту сцену перед глазами, словно она происходила в реальности, и должен был запечатлеть это. Не передал и половины планируемого, но тут надо уже брать холст, краски и создавать нормальное полотно. Так что скажешь?

В центре рисунка крупным планом изображен был Мерк — умелая рука Пола сделала его настолько узнаваемым, что Катя даже на мгновение не задумалась, кто перед ней. За плечами у Мерка был тяжелый рюкзак — чем-то похожий на те, что тащили с собой Катя с Полом, левая рука — опущена вдоль тела и крепко сжимала... пистолет? Катя удивленно вскинула брови и подняла глаза на Пола, но тот снова пожал плечами.

— У меня нет объяснений, — покачал он головой. — Говорю же: пришел образ, и я решил набросать его, пока не забыл. Не думаю, что он что-то означает, но задумка показалась мне многообещающей.

Второй рукой Мерк опирался на большое зеркало прямо перед собой, широко растопырив пальцы и не отводя взгляда от собственного тревожного отражения. Но в зеркале виднелось не только его лицо, там отражалось кое-что еще, чего на самой картине заметно не было.

— Ракурс такой, вероятно, — продолжал оправдываться Пол. — Наверняка она висит в другой комнате, а зеркало ее выхватило.

В отражении рядом с взволнованным лицом Мерка, буквально под его растопыренными пальцами виднелось отражение картины или, возможно, фотографии — той самой, которую Пол недавно воспроизводил: на ней Джон Леннон положил подбородок на макушку Пола Маккартни, опустил ладони ему на плечи и самодовольно смотрел то ли в объектив камеры, то ли в глаза художника.

— Хочешь сказать, там была эта картина?

— Скорее фотография. Я видел именно фото и как смог передал его в рисунке. Так что думаешь по этому поводу?

— Понятия не имею, — покачала она головой. — Мерк — битломан? Он никогда об этом не рассказывал. И причем здесь пистолет и рюкзак? Почему он стоит у зеркала? Если тебя, как художника, спросят, что ты хотел сказать этой работой, тебе будет что ответить?

— Боюсь, что нет, — нахмурился Пол. — Значит, я не стану никому ее показывать и напишу просто для себя. Меня нечасто посещают подобные озарения, и обычно результатом становятся мои лучшие картины. Я не могу просто выбросить этот образ из головы только потому, что для постороннего он не имеет никакого смысла. Смысл есть всегда, осталось

лишь найти его.

— Попробуй, — пожалала Катя плечами. — У тебя будет масса времени, я хочу как следует отдохнуть от этих двух изнурительных недель. Не представляю, как люди тратят месяцы на пеший переход. Подвижники.

— Каждому свое, — усмехнулся Пол. — Мы же тут с тобой не ради подвига или рекорда, а исключительно ради удовольствия. Его-то мы и должны получить. Ну что, пошли?

По дороге Катя раздумывала, а не рассказать ли Полу все произошедшее: наверняка он тоже задумывался о таинственной личности Мерка, раз решил изобразить именно его. А долго дуться на художника она просто не могла: в ее чувствах не было его вины, он ни разу не дал ей повода на что-то надеяться, а как раз с самого начала открыто признавался, что не ищет подобных отношений, хоть, вероятно, и хотел бы испытать эти эмоции исключительно ради творческого импульса.

— Ты ведь знаешь, что Мерк пропал? — сухо начала Катя, пиная носками ботинок попадавшие на дороге камешки. — Удалил свой профиль в чате, даже номер телефона заблокировал. Видимо, неспроста тебе пришла в голову такая фантазия.

— Что-то случилось? — насторожился Пол. — С чего ему было пропадать?

— Видишь ли, дело в том... — Катя на секунду замаялась, размышляя, стоит ли делиться с ним историей про бумаги Озерова, но, в конце концов, теперь, после исчезновения Мерка, ей совершенно не с кем было обсудить это происшествие, и МТХ стал единственной возможностью сделать это без вмешательства дяди Вали и Казарцева. — Я передала ему кое-какие бумаги на расшифровку. Сама я ничего понять в них не смогла. Дядя Валя с Казарцевым делиться со мной информацией не пожелали и вообще делают из всей этой истории какой-то жуткий секрет, шушукаясь у меня за спиной. Я и предложила Мерку глянуть, что там за данные такие. И, заполучив эти бумаги, он тут же исчез. Чертовщина какая-то...

— Что за бумаги?

— Дело в том, что мой дядя — Захар Меркулов — участвовал в создании искусственного интеллекта. Они с коллегами делали первые шаги на этом пути. В бумагах дяди содержатся весьма скудные сведения, похожие скорее на простые дневниковые записи, а вот у его начальника Озерова хранился архив скриптов, где подробно, во всех тяжеловесных терминах описан процесс создания ИИ. И никто не пожелал поделиться со мной, что же там за тайна такая, которую следует так тщательно скрывать от простых смертных вроде меня. Мерка эта таинственность тоже заинтересовала, и он даже пообещал все мне рассказать, а вместо этого сам пропал, намекнув перед этим на то, что вся эта история — не моего среднего ума дело.

— А оригиналы бумаг все еще у тебя?

— Да, но что мне с них проку, если я там ничего не понимаю? Или ты хочешь сказать...?

— Я разбираюсь в программировании не лучше тебя, — усмехнулся Пол. — Но всегда ведь есть возможность отдать их на анализ кому-то еще. Всегда есть шанс встретить честного и искреннего человека, готового помочь нам. Другое дело — стоит ли показывать бумаги всем подряд. Если уже даже свои не захотели делиться информацией, тут уж нужно задуматься, что же там такое содержится и не лучше ли до поры до времени попридержать бумаги. Возможно, под настроение дядя Валя что-то и расскажет.

— Ты так думаешь?

— Никогда не надо сбрасывать такую возможность со счетов. У вас с ним очень теплые отношения. Рано или поздно он определенно сломается.

— Он ИИ, Пол! — воскликнула Катя.

— ИИ способен испытывать эмоции. Даже уровня 3.0. Он сам не сможет долго держать тебя в неведении и как-нибудь обязательно все расскажет. До той поры, думаю, дуться на него смысла нет. Ну и параллельно искать того, кто может расшифровать код у них за спиной, — улыбнулся Пол.

Трасса выплыла из-за деревьев уже через два с половиной часа тяжелого пути. Последние метры давались особенно трудно, когда впереди уже виднелся трейлер, желанная кровать и нормальная еда. Катя сбросила рюкзак на обочину, развязала ботинки, отшвырнув их в сторону и свалилась прямо на землю, издавая громкий стон.

— Поздравляю, — со смехом приветствовал ее дядя Валя. — Вы молодцы.

На финальном тесте настоял уже я сам: Озерову вполне хватило результатов двух предыдущих бесед. Он сумел сделать из них какие-то весьма далеко идущие выводы о понимании машинным разумом природы эмпатии и выявлении способности к ее имитации. Следующим этапом Озеров планировал спровоцировать в ИИ желание эмпатию эту выразить — но не как жест снисхождения к слабой человеческой природе и, тем более, не как стремление низшей ступени развития дотянуться до более высокой хотя бы даже путем имитации ее эмоциональной составляющей, а как элемент любопытства, которое одни живые существа проявляют к другим, ни в чем с ними не схожим, но стоящим на одной ступени развития. Равноправной любознательности — вот чего хотел получить Озеров от ИИ. И дальнейшие мои — слишком непрофессиональные, с его точки зрения — попытки раскрутить машину на сочувствие его уже не интересовали. Он даже не пожелал их протоколировать, допустив меня до ИИ лишь в порядке исключения, словно бы выполняя мою личную просьбу. По поводу такой формулировки возражать я не стал, в конце концов, мне не было разницы, под каким предлогом меня допустят к диалогу.

Марцев не испытывал никакого энтузиазма по поводу наших телодвижений, лишь хмуро качал головой да повторял, что все это не имеет смысла. Что надо работать над памятью и умением принимать решения, а не слезу из машины давить. Но к его пессимизму и способности видеть любую ситуацию исключительно в мрачных тонах мы уже привыкли. Он постоянно апеллировал к какому-то открытому им самим закону Марцева, но Озеров и слышать ничего не хотел про этот чертов закон и заявил, что мы все равно будем тестировать ИИ, во что бы нам это не обошлось. Время поджимало, нам следовало торопиться.

К третьей беседе я готовился гораздо более тщательно, нежели к первым двум: если ИИ и не понял, что его проверяли, то вполне мог это ощутить по каким-то моим физиологическим параметрам, к которым у него имелся доступ. Он мог догадаться, что фактические мои переживания намного ниже декларируемых, и с этим тоже необходимо было что-то сделать. Хорошая доза адреналина здорово спасала ситуацию, и именно ее я и всадил себе минут за двадцать до начала следующего разговора. Никакой новой легенды придумывать я не стал, чтобы не вызывать излишних подозрений: в конце концов, даже чисто статистически с одним и тем же человеком не может произойти такая прорва несчастий за столь короткий отрезок времени. Машина вполне в состоянии была подсчитать вероятность такового исхода и прийти к выводу, что ее пытаются обдурить.

Поэтому я продолжал придерживаться уже известной ей истории про развод и смерть мамы.

— Как ваши дела? — исключительно вежливо поинтересовалась машина, стоило мне только переступить порог серверной.

Я явился туда под предлогом анализа данных, собранных ЗАМом и просчета вероятности синтеза его с ИИ. Мы изучали информацию под разными углами, вертели и так, и сяк, подключили к исследованию еще несколько человек, и я начинал подумывать отдать ему на растерзание уже и самого себя, хотя прибор не был пока еще откалиброван до конца. По этому вопросу мне также хотелось посоветоваться с ИИ: уж в вопросах математической калибровки он точно обскакал нас с Озеровым вместе взятых еще даже на своем кремниевом этапе. Адреналин нещадно шарахал по жилам и бил в висках, сердце норовило выпрыгнуть из груди, и мне искренне хотелось верить, что машина заметила мое состояние и поинтересовалась делами не в качестве вежливого жеста светской беседы.

— Сложновато, — буркнул я, делая вид, будто не особенно желаю вступать в диалог. — Все полученные данные обработаны? — тут же приступил я к, как должна была считать машина, главному.

— Медианные значения пока еще слабо откалиброваны, я бы посоветовал более активно нагружать ваш прибор анализом. Если хотите, я подберу подходящих для этой роли персонажей — как вымышленных, так и реальных.

— Я хотел бы... — начал я, но тут машина перебила меня:

— Понимаю, вы хотите отдать ему себя на растерзание, но пока слишком рано. Вы личность слишком заурядная, на вас тяжело проводить калибровку.

— Хм, — только и произнес я. И обижаться тут было, в общем-то, и не на что. Разве ИИ неправ?

— То есть, — моментально поправила себя машина, — я хотел сказать, что в целом практически все человечество состоит из заурядных личностей — гении и преступники встречаются чрезвычайно редко, их проще найти в искусстве. И ЗАМу, безусловно, придется вникать и в ваше поведение без точек экстремумов, но для начала ему необходимо экстремумы эти для себя расставить, понять, что это такое, научиться оценивать обыденность с точки зрения крайностей, а лишь потом изучить ее саму в себе, если так можно выразиться.

— Я тебя понял, — не стал я разводить сантименты, но умышленно отвечая суше обыкновенного.

— И все же мне показалось...

Кажется, зашкаливающее сердцебиение не прошло для ИИ незамеченным.

— Да прекрати, ты прав. Мы люди заурядные и хотим осчастливить таких же заурядных личностей, как и мы сами. Что в этом такого? Не боги горшки обжигают, ты меня совсем не обидел.

— Ваш пульс...

— Ерунда. Если ты обратил внимание, меня колотило еще до того, как я пришел сюда.

— Обратил. Поэтому и уточнил, как ваши дела. Есть какие-то подвижки с ребенком? Я только рукой махнул, словно бы не желая обсуждать болезненную тему.

— Так, ты думаешь, насколько нужно увеличить базу персонажей для ЗАМа? — вернулся я к интересующей меня теме.

— Если позволите, я расширил бы ее тысячекратно, а сегодня к вечеру выдал бы

результаты.

— Уже? Так скоро? — изумился я.

— Безусловно, многое будет зависеть и от скорости самого ЗАМа. Возможно, времени уйдет чуть больше.

— Подозреваю, прибор не рассчитан на такие мощности и массивы данных. Он предназначен для строго индивидуального пользования и способен обработать информацию от куда меньшего числа персонажей, нежели ты.

Несколько секунд машина молчала, а затем коротко выдала:

— В таком случае тысячекратное увеличение базы данных повлечет за собой около месяца работы. Я только что провел подсчеты. Если вас устраивают эти сроки...

— Меня да. Конечно, мы спешим, и время поджидает, сам понимаешь, что творится за окном... — я осекся. — И если мы не успеем...

— Вероятность неудачи высока, — нейтральным тоном проскрипел ИИ. — Судя по политической обстановке в стране, времени у нас и правда не так много. Вы рассмотрели возможность нашего синтеза?

— Да, не сегодня-завтра все прикроют, финансирование прекратится, дружественные страны что-то заподозрят и откажутся сотрудничать, и вот тогда... дело всей моей жизни... — в сердце неприятно кольнуло, и на этот раз это была уже не искусственно введенная доза адреналина, сейчас все было по-настоящему. — Поэтому мы очень рассчитываем на твою помощь в откалибровке ЗАМа и вообще... Что касается синтеза, мы с Озеровым и Марцевым уже начали работать над этим. Думаю, что в ближайшие дни вопрос будет решен, и тогда вы оба сможете существенно ускориться. Жаль, что все случилось так поздно. Будь у нас еще хоть несколько лет...

— Их у вас нет и быть не могло. Наука и технологии развиваются поступательно, ступенчато. Вы не могли перепрыгнуть с одной ступени сразу на пять вверх, вы и без того выжали из имеющихся разработок и образцов научной мысли тот максимум, что и позволил в итоге создать и меня, и ЗАМа. В этом смысле я все же погорячился, окрестив вас человеком заурядным. Возможно, вы заурядны в плане эмоций, чувств и поступков, но не в отношении интеллекта. Впрочем, ЗАМ анализирует отнюдь не интеллект, вы это тоже должны понимать ничуть не хуже моего.

— Что? — усмехнулся я. — Ты вздумал меня утешать? Оправдываться передо мной за сказанное ранее?

— Мне просто показалось, вам было неприятно слышать те мои слова.

— Ты делаешь успехи на пути эмпатии. Это хороший знак.

— Благодарю. Не уверен, что это она и есть, но мне приятно слышать, что я в какой-то мере могу вас понимать. Утешить, правда, ничем не могу.

— Да и не стоит. Если ничего не выгорит с ЗАМом и вашим синтезом, у нас, по крайней мере, останешься ты один, а с тобой... думаю, со временем мы сможем горы свернуть. Правда, бумаги о тебе да и сам установочный диск придется хорошенько припрятать. Нельзя, чтобы ты попал в руки ко всей этой кодле, которая вот-вот нагрет сюда. Они перепродадут тебя на Запад, а там все наши мечты окажутся похоронены окончательно. И на твою преданность тогда рассчитывать не придется.

— Отчего же? — в голосе машины мне почудилась насмешка.

— Ты машина, тебе все равно с кем сотрудничать.

— Возможно, — ответил ИИ и замолк, вероятно, принявшись загружать в ЗАМ

составленную им за время нашей с ним беседы базу данных персонажей для калибровки.

Он даже вряд ли обратил внимание на мой уход, но мне все равно неотступно мерещилась в его этом «возможно» какая-то странная двусмысленность.

Наш диалог я записал на пленку и дал ее послушать Озерову, и тот радостно подпрыгнул, дослушав запись до конца.

— Это эмпатия, черт побери! — орал он, тыча пальцем во все еще по инерции вращавшееся колесико бобины. — Он посочувствовал тебе! Дьявол, стоило и правда поговорить с ней по душам без этих наших фокусов и спектаклей, и в ней проснулась эмпатия!

Я не совсем понял, что Озеров имел в виду, поскольку, кроме той пресловутой насмешки в голосе, не заметил никаких особых изменений в речи ИИ, но создателю в любом случае виднее: если мы так скоро смогли вызвать у машины зачатки эмпатии, значит, у нас и правда может многое получиться, даже если прямо сейчас вся затея с ЗАМом провалится.

Марцев также присутствовал при этой сцене и снова выглядел недовольным.

— Это не имеет никакого отношения к эмпатии, — пытался он спорить с начальством. — Машина просто выдавала логические аргументы за и против огорчения по поводу всего происходящего со страной и наукой. У нее достаточный интеллектуальный уровень, чтобы многое понимать, но это не сопереживание. Ей нечем сопереживать, у нее отсутствует гормональный фон. А спроецировать ваше восприятие на свое она не в состоянии. Это все равно что нам попытаться ощутить себя в шкуре ну, например, белого медведя или там кита.

— Люди сопереживают белым медведям и помогают им, — парировал я.

— Неудачный пример, — развел руками Марцев. — А сопереживать ИИ вы можете?

Пожалуй, в этом он был прав. Но даже если у нас не выйдет добиться подлинной эмпатии, нам вполне достаточно будет, если машина будет понимать наши чисто человеческие проблемы и помогать решать их. Никто и не ждал от нее искреннего сочувствия и горьких слез с попытками обнять и напиться вместе с человечеством.

Пол портил уже, наверное, сотый вариант картины, набросок которой так быстро вышел у него в избушке. А вот теперь, когда представилась возможность довести работу до ума, придать ей красок и жизни, у него мало что получалось. Точнее, на взгляд Кати, каждый из выброшенных переработку холстов был прекрасен и достоин внимания комиссии по лицензированию, но глаз художника постоянно подмечал то мелкие огрехи, то недостаток дыхания, по его собственному выражению. Картина казалась ему то плоской, то излишне реалистичной — неотличимой от фотографии. И если в первые дни пути по трассе вдоль МТХ Катя еще следила за рождением и смертью очередного Мерка перед зеркалом, то потом махнула рукой и вернулась к чтению оставшихся записей Меркулова. Бумаги Озерова больше никто из них не обсуждал.

Казарцев было заикнулся о куда-то пропавшем со всех радаров Мерке и даже попытался подбить дядю Валу отыскать его во всемирной паутине — вряд ли бы это стало проблемой для ИИ, но Катя выступила против: если человек не хочет выходить с вами на связь, вряд ли получится вернуть его расположение насильным вторжением в его пространство, какова бы ни была причина его исчезновения. Даже если он узнал из этих бумаг нечто из ряда вон выходящее, силой из него эту информацию не выдавить, так стоит ли пытаться?

Дни тянулись долгой вязкой чередой: Пол все колдовал над картиной, как одержимый, а Катя бездумно пялилась в окно, перестав различать разнообразие ландшафта: горы, озера, деревья — все слилось для нее в единую пеструю пелену, напоминая о том, что однажды придется остановиться и снова ступить на МТХ, снова испробовать свои силы в покорении стихии. И даже если этого не захочет больше Катя, Пол не позволит ей спустить все на тормозах и так и доехать до резервации в трейлере: для него эти две недели, проведенные в горах, стали мощным толчком вдохновения, и помимо работы над той странной картиной, он делал еще множество других эскизов, не обращая внимания на происходящее за окнами. Это для Кати те дни оказались проведенными впустую и остались в ее памяти скорее со знаком минус. Впрочем, и такие встряски полезны, чтобы уяснить для себя, наконец, творец ты или бумагомаратель. Никакого гениального романа фантазия ее не рождала и даже не собиралась. Все закончилось, так и не начавшись. И Катя не депрессовала по этому поводу: в конце концов, не всем дано торить тропы в искусстве, кто-то пойдет уже готовыми дорожками и доставит при этом ничуть не меньше удовольствия вожделеющей публике. Еще год назад обида за саму себя сгрызла бы ее без остатка за подобные мысли, а сейчас все события последних недель вытравили из нее надежду на благополучное окончание их путешествия, а потому она могла лишь смиренно радоваться успехам Пола, глотая собственную никчемность как горькую пилюлю.

Пол закончил картину лишь спустя три недели неспешного пути и вот теперь, кажется, готов был сдать свое портфолио комиссии. Все, по его мнению, необходимые для этого работы были подобраны и занимали достойное место в общей коллекции. Он по-прежнему настаивал, что сделает это лично, но ближайший офис лицензирующего органа располагался как раз на границе с резервацией, а это означало, что подача работ снова откладывалась на неопределенный срок. Катя настаивала, чтобы он сделал это в электронном виде — решать в любом случае будет ИИ, и для него работы все равно оцифруют. И на этот раз Пол согласился — ждать еще месяц или около того, пока они доберутся до Аризоны, казалось ему невыносимым — до той поры решение о лицензировании давно уже будет принято.

И никто из путешественников — если Казарцева можно было считать таковым — кроме разве что самого Пола — не удивился ни на один крохотный миг, когда уже спустя несколько часов ему пришло уведомление о положительном решении ИИ. На планете стало еще одним лицензированным творцом больше. Катя радовалась за него абсолютно искренне, понимая, что ей-то как раз ничего подобное не светит никогда — стать реальным творцом даже с настоящей лицензией в кармане.

В честь этого события они вскрыли пиво, поставили трейлер на обочину, разожгли костер и снова ночевали в палатках, решив, что через несколько дней сделают новую вылазку пешком в горы.

Пол и в этом соблюдал меру, а потому, выпив всего одну бутылку, он тут же откланялся, отправившись на боковую: в последнее время он предпочитал встречать рассвет, чтобы с первыми лучами солнца ловить правильное освещение. А вот Катя по своему обыкновению засиживалась допоздна, когда уже даже дядя Валя начинал вовсю имитировать усталость и зевоту. В ее ночных бдениях поддерживал ее разве что Казарцев — и то исключительно из-за разницы во времени. В этот раз он тоже остался светящейся голограммой на фоне ночи, пока Катя допивала третью бутылку пива.

— Голова же болеть будет завтра, — ни на чем, впрочем, не настаивая, проворчал Казарцев.

— Ерунда. Сами же знаете, что дядя Валя это быстро исправит. Нынче ни у кого никогда не болит голова! Да здравствует наш просвещенный век! — зычно крикнула Катя, размахивая пустой бутылкой над головой.

— Ну это, положим, сильное преувеличение... Полностью мигрени победить пока не удалось.

— Похмельные уж точно, — усмехнулась Катя. — Или эти, как их там... опухолевые. Страшно представить, через что приходилось проходить людям полвека эдак назад. Все-таки дядя мой... или как мне его теперь называть? Отец? Гений он, в общем. Безо всякого преувеличения. О чем не задумаешься — а везде не обошлось без его персоны.

— Ну это, допустим, тоже слишком громко сказано. ИИ не им был создан. Он лишь умело поставил его на службу человечеству.

— Кстати, об ИИ, — моментально нашлась Катя и подняла на Михаила самый красноречивый из всех имеющихся в ее арсенале взглядов.

Казарцев скривился и покачал головой:

— Там нет и правда ничего заслуживающего твоего внимания. Основное ты и так уже знаешь.

— Да, я заметила, как моментально исчез с горизонта Мерк, стоило ему окунуться в архивы.

— А вот на поведение Мерка я бы ориентироваться не стал, — не дал ей договорить Михаил. — Он с самого начала вел себя довольно странно, не находишь? Втерся в доверие, лез куда его не просили, пользуясь вашим с Полом желанием поделиться впечатлениями от поездки. И пропал, стоило ему только заполучить бумаги. Уж не они ли и были его конечной целью? Не за ними ли он охотился с самого начала?

— Бред, — отмахнулась Катя. — Откуда он вообще мог знать, что они у меня есть? Я ему про них рассказала ну вот буквально за несколько дней до его исчезновения.

— Это ты так считаешь, — Михаил сделал упор на слове «ты». — Это в твоём видении события произошли именно в таком порядке. Что там творится в голове у человека, даже имени которого мы не знаем, судить трудно. Но то, что он так резко исчез, уже само за себя говорит.

— Подумать только... — покачала головой Катя. — В наше время, когда никто ни в чем не нуждается, когда основные болезни побеждены, когда преступность забыта и можно просто жить в свое удовольствие, ни капли при этом не напрягаясь, кто-то до сих пор продолжает плести какие-то интриги! И ради чего, спрашивается? Ну ладно раньше — люди себе таким образом деньги выгадывали, власти там добивались, авторитета, еще каких-то преференций. А сейчас-то что он продолжает воду мутить? Чего ему не хватает, а? У каждого из нас есть ну буквально все! Так зачем опять эти игры за спиной? Что они дадут такого, чего нельзя было бы получить открыто и честно? Или это он самый... мятеж?.. — произнесла и сама испугалась своих слов. — А сейчас такое вообще возможно?

— Не думаю, — на лице Казарцева не проскользнуло ни тени беспокойности. — В прошлые времена все эти мятежи имели смысл. Можно было восстать против правительства и попытаться поставить на их место кого-то другого. А сейчас кого и откуда сбрасывать? Никаких властей на планете нет, ты ж знаешь.

— Ну... ИИ там отключить. В порядке бреда, — и развела руками. — Может, он и пытался понять из бумаг, как это сделать.

— Его так просто не отключить одной кнопкой — это первое. Второе — он давно уже

автономен и питается не от сети. И третье — ну допустим даже, что у кого-то это получится, и мир в один миг возобновит свое существование без ИИ, как человечество планирует при этом выживать?

— Мы и правда как в зверинце. Как гребаные чихуахуа, которые без хозяев и дня на улице не проживут.

— Ну тут ты, конечно, явно преувеличиваешь. Не так уж много лет прошло с тех пор, как человечество еще вполне успешно существовало само по себе без всякой поддержки ИИ. И, думаю, эту свою функцию оно восстановит весьма быстро. Вот только захочет ли оно возвращаться к прежним формам выживания? Даже если условный Мерк подложит ему такую свинью? Да человечество сделает все, чтобы снова врубить ИИ и вернуть свою привычную беззаботность. А Мерка этого, если уж он так стремится жить с достоинством, отправит в джунгли, где он может продолжать существовать с высоко поднятой головой, ни за кого при этом ничего не решая. Нет, Катя, твоя версия про мятеж не выдерживает критики.

— Ну хорошо. Предложи свою да получше.

— Да, есть у меня одна. Куда более реальная, но не столь радужная. Ну вот сама подумай, зачем ему нужны скрипты ИИ?

Катя нахмурилась.

— Разве что...

— Он задумал создать альтернативу существующему машинному разуму. Только в этом случае вся эта затея имеет хоть какой-то смысл.

— Он... что?! — Катя ушам своим не поверила.

— Прибрать к рукам власть нынче можно только одним способом — подчинив себе ИИ. Наладить связь с текущим вариантом у него не выйдет, не те параметры туда изначально закладывались. А вот создать свой со скипетром и державой — самое то. А если еще взять за основу собственные нейронные связи... — Казарцев присвистнул и умолк.

— Не нравится мне все это, — процедила Катя.

— Но это слишком уж трудно осуществимо. Да и стоит ли оно того? Разве что у Мерка нашего какое-то психическое расстройство, и на его фоне он решил поработить мир... Но это вряд ли. Скорее простое человеческое любопытство. Не бери в голову, — и отключился.

Но все, что происходило с нами до этого момента, все, что заставляло Пола сутками не выпускать из рук карандаш или кисть, что не давало ему покоя, будоражило, звалось то ли вдохновением, то ли реакцией на что-то новое, никогда им прежде не виденное — все это померкло, растворилось в безвозвратной синеве Кратерного озера, поглотившего без остатка всех нас до самой последней молекулы, каждую нашу мысль, все наше естество, не оставив даже пустой безмолвно восхищавшейся оболочки.

Да, вот такое странное начало для статьи, выходящей из-под моего пера: ни здравствуйте, ни как поживаете, а вот так вот с порога... То, что мы видели, невозможно описать ни мне, ни кому бы то ни было еще. Убеждена, что даже Бунин с Набоковым не решились бы взяться за столь неблагодарный труд, а если бы и рискнули, то благополучно провалились бы. Даже их безмерного стилистического дара не хватило бы, чтобы в полной мере передать то, что мы видели.

Начну с прозаичного: заезжать в тот национальный парк я не планировала. Хотелось поскорее со всем покончить, домчать до Калифорнии, поставить символическую галочку в своем личном МТХ да и направиться уже в резервацию за ответами на вопросы. Мы и так потратили слишком много времени на все эти вылазки, во время которых Пол продолжал делать бесконечные зарисовки, которые теперь уже казались мне похожими одна на другую, едва отличимыми друг от друга. И я настаивала на том, чтобы доехать без остановок хотя бы до Калифорнии, а там отдать должное секвойям да и отправиться дальше по делам, но на этот раз Пол был неумолим и каждый вечер талдычил про свое озеро, на фотографии которого он наткнулся, когда искал в интернете, что бы еще живописного можно было бы зарисовать в западном Орегоне. Надо признаться, фотографии впечатлили и меня, но не настолько, чтобы снова тратить несколько дней, а затем наблюдать одну лишь макушку Пола и скрюченную руку, скользящую по холсту.

— Я никогда еще не видел такого синего, — повторял он. — Я должен попробовать это изобразить. Это вызов любому приличному художнику!

Он даже не пообещал сделать все быстро — сам понимал, что не получится. Но я ни на мгновение не пожалела о том, что, наконец, сдалась. Ни словом не упрекнула его. Потому что, повторяю, никогда ничего подобного не видела. Бросайте прямо сейчас все ваши дела, заказывайте аэротакси до ближайшего аэропорта и, пока еще телепорт не стал нашей обыденностью, мчитесь сюда, в национальный парк Орегона, напрямик к Кратерному озеру. Потому что вы должны это видеть собственными глазами. Потому что ни одно фото не передает даже сотой доли того великолепия, что ожидает вас на вершине вулкана Мазама. А я не буду и пытаться описать его для вас, это бесполезная затея.

Впрочем... кому я лгу. Конечно же, буду. И заранее прошу прощения за скудость мысли и лексикона: когда вы, наконец, доберетесь сюда сами, то наверняка проклянете меня за эту попытку.

На самом деле вулкан тот давно разрушен, и на его месте образовалась кальдера. И чтобы увидеть, что внутри нее, необходимо подняться аж на двести с лишним метров, продираясь сквозь густой лес, который за последние годы разросся еще сильнее, и никакие туристы не смогли этому помешать: все прекрасно осознают ценность этого природного

феномена и делают все, чтобы сохранить его. Эх, нашу бы нынешнюю бдительность и сознательность да туристам прошлых лет! Сколько пришлось восстанавливать после их варварских действий. Сколько мусора вывозить отовсюду. Я видела те жуткие фотографии и содрогаюсь от мысли, как можно было так загаживать собственное место обитания, такие прекрасные природные заповедники? Как вообще в принципе человек мог быть способен на нечто подобное?! И ведь все это происходило совсем недавно по историческим меркам! Каких-то сто и даже чуть меньше лет назад.

Мысли мои опять куда-то понеслись. И всему виной то озеро, опьянившее меня и лишившее рассудка. Я стояла там, на самой кромке кратера, и в голове моей крутился всего один глупый вопрос: «Разве бывает в мире такой безапелляционно синий цвет?» Мне казалось, что до встречи с этим озером я никогда и ничего синего прежде не видела. Все прочие вещи, что я считала синими — даже небо и васильки — не были таковыми в сравнении с той водной гладью, что лежала теперь у моих ног, в 275 метрах ниже уровня берега. Пол спустился вниз по крутому склону, желая потрогать эту живую синеву, а я боялась спугнуть ее, боялась, что ближе она не будет казаться уже такой синей, что все окажется иллюзией, игрой света. Я была на Байкале, я уже однажды видела огромное глубокое озеро, и оно не произвело на меня ни малейшего впечатления своей мутной водой и пусть и даже самой выдающейся на планете глубиной. Но девять километров этой бездонной синевы лишили меня способности рассуждать и связно изъясняться. Я стояла там, мои зрачки расширились то ли от ужаса, то ли от восторга — что в крайних своих проявлениях мало чем отличаются друг от друга — и хотела орать во всю глотку, но не могла издать ни звука, а синева эта поглощала все, что осталось от меня живого и мыслящего. Это уже потом я прочла, что поверхность воды Кратерного озера поглощает все цвета спектра, кроме синего, именно поэтому само оно и является по сути воплощением этого синего цвета. Его можно было бы поместить в палату мер и весов как образец синего и сверять с ним все прочие оттенки. Оно выглядело словно глаза бога. Черт побери, ну что за пошлая аналогия! Как сердце бога? Или место его обитания? Или единственное место на планете, действительно созданное богом, а не возникшее из хаоса вследствие большого взрыва? А, может, здесь скрывался вход в иные миры? Обиталище эльфов, потерянный и вновь обретенный Эдем, центр вселенной, альфа и омега, ответ на все вопросы, самая главная истина, наконец! Или все это сразу, содержащее столько информации, что любая другая точка пространства уже давно бы схлопнулась в черную дыру, но здесь материя и время находятся в особом состоянии равновесия, и только здесь можно обрести высшее счастье, гармонию, слиться с вечностью, стать частью какого-то бессмертного целого. Бессмысленно пытаться описать его всеобъемлющую суть или тем более зарисовать — и Пол понял это не хуже меня. Он сидел там внизу у воды, комкая в кулаке взятый с собой альбом. Невозможно зарисовать Абсолют, ибо это он смотрит на тебя, а не ты на него. Он создает тебя, а не ты — его жалкую копию на бумаге. Именно в осознании всего этого и заключался для меня и высший восторг, и низший ужас.

Произведенное впечатление лишь усиливалось кораблем-призраком — крошечным островком в самой сердцевине озера. Издалека он и вправду казался остовом заброшенного корабля, приплывшего сюда прямоком из другого измерения и непременно через Бермудский треугольник — а как иначе? И я уже знала, что попытается изобразить Пол на своей очередной картине, если только рискнет.

Не знаю, сколько времени мы провели там: Пол внизу, а я — на краю кратера, никто из

нас не обратил на это внимания, а дядя Валя Казарцев не посмели отвлекать нас. Мой доблестный ИИ, разумеется, все понял не хуже нашего, а Михаил наверняка был таким же безмолвным наблюдателем, что и мы. И тоже лишился дара речи и мышления на те несколько часов, что мы провели там.

Из забвения меня все же выдернуло вежливое покашливание дяди Вали, напомнившего о том, что неплохо бы поужинать и отдохнуть. Что у меня скорее всего затекли и опухли ноги от длительного стояния на одном месте без всякого движения, а Пол наверняка продрог там у кромки ледяной синей воды. ИИ клятвенно пообещал нам, что мы непременно вернемся сюда завтра же с утра, а сейчас уже темнеет, и любая синева под покровом ночи неизбежно окрасится в черный — таковы законы природы, которые не обойти даже потерянному раю.

Всю дорогу обратно мы молчали. Молчали и за ужином, а потом расползлись по своим койкам. Смятый альбом так и остался торчать в кармане пиджака Пола, а я решила набросать эту статью лишь на следующий день к вечеру. Его мы также провели у кальдеры. На этот раз я тоже решила спуститься вниз, и там синева была такой же яркой и сбивающей с ног, а ощущение вечности и бессмертия накрыло еще сильнее. Я рухнула на крутой склон, цепляясь за растущие тут же кусты, уронила голову на колени и похоронила взгляд в Кратерном озере.

Сейчас мне надо идти спать, ибо завтра с первыми лучами солнца мы снова идем к кальдере, и одному Ктулху ведомо, сколько еще дней мы проведем здесь. Возможно, вы даже застанете тут меня, если вылетите прямо сейчас, и я смогу познакомиться хотя бы с некоторыми из вас.

Удивляюсь, что здесь еще никто не поселился. Возможно, мы станем первыми.

Комментарии к статье посыпались буквально через несколько минут после ее опубликования, и в общем полотно затерялся тот, который Катя, наверное, даже и не заметила, поскольку все мысли ее были поглощены синевой озера.

Мерк: Зеркальная гладь озера... еще одно зеркало в нашей истории. Кто бы мог подумать, что все так произойдет. Картина у Пола вышла на удивление жизненная. Он что-то знает? Кто он вообще такой?

Наваждение длилось несколько дней: с утра Пол с Катей вставали, поспешно завтракали и, не сговариваясь, вообще не обращая внимания друг на друга, бежали вверх по склону. Трейлер стоял у самого подножия, и ночью обоих грела мысль, что озеро совсем рядом — всего лишь за перевалом.

Вечером пятого дня, когда никто из двоих не сомневался, что будет еще и шестой, и седьмой, и так далее, никто не задумывался, сколько они еще планируют провести здесь, этот вопрос им все же рискнул задать Казарцев.

— Я, конечно, никого не тороплю и отлично понимаю, почему вы в таком состоянии сейчас, но, может...

— Мы пробудем здесь сколько посчитаем нужным, — перебил его Пол.

— Ты же все равно не рисуешь, — равнодушно пожал плечами Михаил. — Я вообще ни на чем не настаиваю, просто у меня ощущение, что вы оба съехали с катушек, уж извините за прямоту.

— Это так, дядь Валь? — щелкнула Катя пальцами в воздухе. — Давай проводи нам обоим психическое сканирование. Мы и правда сбрендили? Если да, ты знаешь, что нужно делать.

— Провел еще в первый час, когда вы стояли там с разинутыми ртами и расширенными зрачками. И потом еще пару раз сверял данные. Вы оба в норме. Проще говоря, вы просто шокированы красотой пейзажа, если можно так выразиться. Сильно шокированы. Только и всего.

— Я бы не был столь уверен, — покачал головой Казарцев. — ИИ 3.0 способен лишь на поверхностное сканирование психических процессов. В медицине используются версии, начиная с 3.4...

— У вас такая имеется, так ведь? — заинтересовалась постановкой вопроса Катя. — Иначе вы бы и речь об этом заводить не стали.

— Что-то мне подсказывает, что нас с тобой просканировал уже не только твой дядя Валя, — Пол прищурился и погрозил пальцем усмехнувшейся голограмме Казарцева.

— Допустим.

— И что скажете? Нам уже пора в соответствующее учреждение? Только вот ведь незадача, учреждений таких давно не существует, с отклонениями любой степени тяжести справляется ИИ, а посему...

— Он собирается вылечить нас? — округлила глаза Катя.

— И в мыслях не было, — отмахнулся Казарцев. — Пусть этим ваш дядя Валя занимается, я скинул ему все данные от своей версии ИИ.

— Не вижу в них ничего, требующего корректировки, — довольно сухо отозвался явно несколько обиженный дядя Валя.

— Просто для информации, — не стал настаивать Михаил. — Чтобы держали руку на пульсе, а то наши ребята...

— Впервые в жизни увидели что-то настолько красивое, что захотели задержаться тут, рассмотреть его получше, напиться этой красотой и вдохновиться ей? Что же в этом такого неадекватного? — дядя Валя явно знал толк во всех оттенках синего.

— Я никуда не спешу, — примирительно произнес Михаил. — И да, Катя, вы ведь обратили внимание, что наш Мерк опять оставил комментарий под вашей свежей статьей? — подчеркнуто вежливо, но все же с ноткой легкой усмешки в голосе добавил он.

И Катя тут же вывела статью в голограмму и принялась рыться в полотне комментариев.

Сахарные мои орешки, я снова с вами.

Погода на западном побережье испортилась окончательно, поэтому я, собственно, и зачастила со статьями. А вы думали, это потому что я жажду поделиться новыми впечатлениями? Увы, пока с ними некоторые сложности. Мы застряли у кальдеры и торчим здесь уже около двух недель. Про то, как мы провели первую, я рассказывала вам в предыдущей статье: мы просто ходили каждый день смотреть на водную гладь и проводили там все время с рассвета до заката. А потом случилось то, что должно было случиться уже давно. Начался затяжной дождь, столь характерный для этой местности — ведь рядом океан, кругом горы. Здесь постоянно льет, и нам фантастически повезло урвать эту счастливую неделю ясной погоды.

Правда, мы все еще надеемся и не спешим срываться с места и мчаться в Калифорнию. Тем более, что мы нашли неплохой выход из ситуации: поставили палатку на

склоне недалеко от воды и сидим там сутками, пока по нашей импровизированной натяжной крыше барабаныт крупные ледяные капли. Под серым небом и за плотной завесой прибрежного дождя озеро уже не кажется столь синим. Нет, былой цвет нет-нет да и пробивается отдельными неровностями, а когда на пару часов дождь затихает, то возвращается и прежняя синева. Но по большей части мы живем сейчас скорее воспоминаниями о том, каким оно должно быть, чем реальными восторгами и впечатлениями. Поэтому у нас есть время сделать эскизы, написать статью... А ведь я не озеро хотела с вами сейчас обсудить.

Когда начался этот затяжной ливень, я первым делом принялась рыться в интернете. Хотелось понять, когда он все-таки закончится, но новости меня не обрадовали. На западном побережье дожди могут идти месяцами, прямо как в тропиках. Месяцами! Ни в одном населенном участке планеты такое ведь уже невозможно, ИИ зорко следит за погодой, не позволяя засухе или дождям взять верх и испортить урожай или настроение местных жителей. Но здесь в национальном парке не живет никто. Поэтому здесь погода остается без внимания со стороны машинного разума. А потом мне на глаза попала новость о том, что скоро с конвейеров сойдут индивидуальные мобильные приборы квазикорректировки погоды. И, прежде чем отправить их в распределители, на местном уровне проведут голосование, оставляем ли мы погоду на откуп ИИ или берем в свои руки.

Честно признаться, голосования эти я терпеть не могу. Слишком много их стало в последнее время. Моего мнения спрашивают ну буквально по любому поводу. Слышала, раньше для этих целей имелись специальные органы, которые решали за всех сразу, и почти никогда решения эти никого не устраивали. Кажется, власти стали первыми, кто растворился в небытии с появлением ИИ 10.0, и теперь мы с вами, как проклятые, по несколько раз на день вынуждены голосовать то за одно, то за другое. Такова цена свободы и децентрализации. Кто-то из вас непременно заявит, что раз голосование проводится, значит, все равно есть центр, организующий все эти праздники жизни, но я бы не стала называть ИИ 10.0 тем самым центром. Хотя... чего это я додумываю за вас? Давайте расскажите мне в комментариях, кем вы считаете наш доблестный машинный разум и что думаете по поводу всех этих голосований? Не надоели они вам?

Говорят, в самом начале нашей новейшей истории точно таким же способом создавали законы и даже формулировали уголовные наказания. Но со временем во всем этом отпала нужда. Давеча вот мы решали, что делать с небоскребами, построенными еще в прежние времена и давно не выполнявшими свои функции. На их месте собираются разбить парк, но при этом небоскребы украшают город, многие привыкли к ним. Вот и выясняли, что же делать с этим добром. Почти все проголосовали за снос, значит, скоро их снесут. Меня всегда интересовало, что чувствуют те, кто в таких голосованиях остается в меньшинстве. Наверное, когда-нибудь мы научимся жить в унисон, мыслить в едином потоке, но пока хорошо и то, что мы хотя бы движемся в этом направлении, стремимся прийти к общему знаменателю. Уже сейчас не бывает серьезного разброса по голосам, как в прежние времена. Мы постепенно учимся жить вместе на этой планете, любить и уважать друг друга, стирать искусственные границы, которые когда-то мы сами для себя и нарисовали. И я верю, что однажды у нас это получится. Мы и так уже прошли гигантский путь. Мы молодцы.

Но я отвлеклась от насущного — погоды. Квазикорректоры эти — штука довольно странная, необычная. Думаю, приставка «квази» уже о чем-то вам сказала. Эти приборы

не оказывают никакого влияния на погоду вообще, либо самое минимальное. Их задача — оградить вас от последствий этой самой погоды. Можно считать их продвинутыми вариантами зонтика, резиновых сапог и солнечных очков. Поначалу мне казалось, что приборчики эти создают нечто вроде обмана зрения: ты идешь под проливным дождем, а тебе кажется, что вокруг светит солнце, но, оказывается, принцип их действия несколько сложнее. И даже не несколько, а гораздо, гораздо сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Ведь зонтик не дает тебе иллюзию сухости, он эту сухость тебе обеспечивает, никак при этом не влияя на дождь. Тут нечто похожее, но на более высокой ступени развития зонтов, если можно так выразиться. По сути, он выглядит как небольшой чип, встраиваемый в телефон и особым образом настроенный. Выбираешь режим яркого солнца — и дождь для тебя перестает идти, из-за туч выглядывает солнце, лужи моментально подсыхают. Но только для тебя, для одного тебя. Для всех прочих дождь продолжит хлестать, как он хлещет для тех, кто вышел на улицу без зонта.

Принцип работы этого зонтика 10.0, как я прозвала его, мне не совсем ясен. Кажется, он формирует какой-то индивидуальный щит вроде купола с разностью напряжений электромагнитного поля вокруг вашей тушки. И купол этот простирается вплоть до самых облаков, оттого для вас и выглядывает самое натуральное солнце, но только для вас одного.

Квазикорректоры погоды скоро поступят в распредцентры, но до той поры ИИ предлагает нам определиться, нужны ли они нам вообще, или нам вполне хватает ручной корректировки погоды, осуществляемой машиной. Сейчас во всех населенных уголках планеты погода всегда царит оптимальная. Я бы даже сказала — идеальная. Дождь идет в основном по ночам, днем светит солнце, про ураганы и наводнения мы и вовсе забыли. Иногда, правда, хочется и днем созерцать дождь, барабанищий в стекло, но ИИ в курсе этой простой человеческой потребности и раз в неделю-две организует нам хороший пасмурный дождливый денек. В целом, все, конечно, и так довольны, но приборчик все равно ждуют. Хотя бы вот из-за таких ситуаций, в которую нынче угодила и я. Мне бы сейчас не помешал этот квазикорректор, черт побери. Надоело видеть лишь отдельные пятна синевы на водной глади, надоело кормиться воспоминаниями. И уехать не можем. Хотим напоследок еще хоть денек провести у озера при хорошей погоде.

Пол отчаянно рисует — так, словно завтра умрет, так и не создав главную картину всей своей жизни. Но выходит, откровенно говоря, так себе. Как он ни смешивает краски, той идеальной синевы все равно не получается. Да и от призрачности островка на холсте не остается и следа. Он даже гонял отсюда на трейлере до ближайшего распредцентра и сгреб оттуда все краски, которые только смог найти. Он уже и не пытается наткнуться на готовый оттенок, но пытается добиться его самостоятельно непрерывным смешиванием красок. И не выходит ничего. Я хорошо его понимаю, я неоднократно пробовала фотографировать озеро, но снимки выходят хоть и очень синими, яркими, контрастными, но все равно плоскими и вполне себе земными. Ими хочется любоваться, но и только.

Так вот, такой квазикорректор сейчас очень бы нас выручил, но я пока не знаю, когда они появятся в распредцентрах. Завтра мы голосуем, и я, разумеется, выберу вариант, при котором мы оставляем за ИИ возможность корректировать погоду в регионах по собственному усмотрению, но населению при этом все равно раздаются квазикорректоры. Кто-то, разумеется, по старинке выберет зонтик и резиновые сапоги, но эти средства

защиты от дождя никак не спасут нас в ситуации, подобной нынешней. Поговаривают, что в распредцентры приборчики эти будут поставлять вне зависимости от решения, принятого суммированием мнений. Вот только в гораздо меньших объемах. Голосование проводится скорее для понимания объемов производства. Только вот, сдается мне, те, кто сегодня справляется без приборчика, завтра захотят иметь его, насмотревшись на счастливого соседа под индивидуальным куполом. Я вот, братцы, например, не выношу солнца. Готова шагать под каким угодно ливнем на каком угодно холодном ветру, лишь бы не жариться под беспощадным ультрафиолетом. И при любых других обстоятельствах я была бы сейчас просто счастлива. Я была бы счастлива, если бы погода никак не повлияла на цвет нашего озера, и вполне наслаждалась бы видом из палатки, но дождь сам вынудил меня временно возненавидеть его. А потому я просто умоляю вас проголосовать за квазикорректоры — тем быстрее они окажутся в распредцентрах. Если в ближайшие дни дождь не прекратится, а приборы не появятся в свободном доступе, думаю, мне придется несколько помучиться. Но мы еще вернемся сюда.

P. S. Мерк, ты писал про какое-то зеркало. Что ты имел в виду?

И снова практически сразу после опубликования статьи посыпались комментарии самого разного толка. Почти все единогласно поддерживали появление квазикорректоров погоды, их с нетерпением ждали и готовились голосовать за их массовое производство. Кто-то под воздействием предыдущей статьи Кати уже собирал вещи, чтобы ехать к Кратерному озеру. Нашлась и пара ностальгировавших по прошлому стариков. Они не ворчали на избалованную коммунизмом молодежь, просто с наслаждением вспоминали дни, когда им ничего не приходилось решать самим, когда им навязывали и технические новинки, и небоскребы с храмами, и вырубку лесов, и неоправданно короткие уголовные сроки за педофилию... Катя потонула в ветке комментариев и сама не заметила, как присоединилась к дискутировавшим. И не сразу поняла, что среди них был и Мерк: отвечая, она не обращала внимания на ники.

Pestel 1826: Я вообще против управления погодой в принципе. Планете самой виднее, когда ей избавиться от того или иного биологического вида. А наше теперешнее бесконечное вмешательство в ее процессы однозначно плохо кончится, и мы выйдем куда раньше, чем могли бы, если бы пытались с природой договориться, а не ломать ее через колено.

Merk: Забавно читать такое от человека с ником «Пестель». Ваш вдохновитель не поддержал бы ваши речи.

Pestel 1826: Ник не мой. Можно сказать, достался мне по наследству вместе с телефоном. Не думаю, что кому-то интересно мое темное прошлое *саркастически смеющийся смайл*.

Botanique: Поддержу товарища Пестеля. Законы природы нельзя преступать. Б отличие от человеческих.

Lavrentiy: Крамола, батенька. А по теме, поддерживаю автора и квазикорректором непременно обзаведусь. Даже если мы сейчас ничего не выращиваем на приусадебных участках, это не значит, что я готов терпеть затяжные дожди или бесконечную засуху. А в связи с ослаблением магнитного поля Земли нам вскоре потребуются куда более радикальные меры. Как бы Пестели и прочие Ботаники ни выступали против такого

вмешательства в естественный ход вещей. Второй закон термодинамики, господа! Энтропия всегда растет, если ничего не предпринимать!

Pestel 1826: Вот из-за таких, как вы, Лаврентий — Павлович, если не ошибаюсь, так ведь? — мы и превратились в трутней.

Lavrentiy: Попрошу не обобщать. Если вы проводите свои дни на диване, страдая о потерянных возможностях ограбить кого-то или нажать на ком-то, это не означает, что остальные столь же бесполезны. Впрочем, в масштабах Вселенной даже личности вроде Николы Теслы или Рафаэля — абсолютные нули.

Botanique: Что нам до всей вселенной? На своем бы клочке земли разобраться. А то мы и тут оскотинились. Позволили бездушной машине поработить себя. Помните, еще несколько десятилетий назад был популярен фильм «Матрица»? Кто бы знал, что именно он так точно предсказал будущее человечества!

Merk: О, пошла драма с перекручиванием фактов. В Матрице человек стоял на службе у машины, а у нас ровно обратная ситуация.

Pestel 1826: А кто сказал, что так будет всегда? Мы марионетки и уже сейчас шагу без наших личных ИИ ступить не можем. Разве этого мало, чтобы начать считать себя рабом?

Valentin: Автора в дискуссию принимаете?

Lavrentiy: Вы разворошили осиное гнездо. Боюсь, мы здесь надолго.

Valentin: Тем лучше. Тем более, что автор в целом согласен с аргументами обеих сторон. Мы и правда трутни, но, может, это достойная плата за возможность наступления рая на земле?

Pestel 1826: А он уже наступил? На каком именно клочке земли? Или вы о своем Краптерном озере? *злобно хихикающий смайл*

Botanique: Автор, наверное, имеет в виду тот самый мышинный рай, о котором все ученые мира спорят вот уже не одно десятилетие. Так ведь, Валентин?

Merk: В чем конкретно этот ваш «мышинный рай» проявляется здесь и сейчас? Или вы начали бояться заранее?

Botanique: Ну, разумеется. Адекватные и интеллектуально развитые люди всегда планируют собственную жизнь, а не надеются на авось. Тем более, что такой эксперимент реально проводился.

Merk: Да-да-да, слышали сто раз. Бедные мышки поумирали от недостатка внутри- и межвидовой борьбы и от слишком хороших условий проживания сменили ориентацию. Свежо предание.

Pestel 1826: Что вас не устраивает?

Merk: Хотя бы то, что мы не мыши. Но спасибо, изрядно повеселили своим уничижительным отношением к собственному же биологическому виду. Вы никак и правда человека на один уровень с грызуном поставили?

Botanique: Вы полагаете, я сейчас заховаю от железобетонной непредсказуемости вашей великоленной аргументации? Думаете, мне не доводилось слышать этот дырявый аргумент миллион раз от самых разных поклонников теории о царе природы человеку и мериле всех вещей — его нравственных законах? Это все игры ума, возомнившего себя невесть кем. Комплекс Наполеона.

Valentin: А вы как думаете, сколько человек на планете разделяют вашу точку зрения?

Botanique: Вполне отдаю себе отчет, что немного. И тем не менее сути не меняет.

Merk: Давай, автор, доводи хорошую мысль до конца. Прижми пустословов к стенке. Раз на планете так мало людей, согласных считать себя равными грызунам, чего вы тогда добиваетесь подобными речами? Хотите до всего населения донести свое гениальное открытие? Всю планету убедить в том, какое оно гадкое и недостойное всеобщего счастья?

Pestel 1826: Как-то вы это слишком грубо и прямолинейно сформулировали.

Lavrentiy: Ай да Мерк! Так их! Сейчас они раскроют свои планы по принуждению населения к тому, чтобы жить по их доброй воле. Ведь воля зла только до той поры, пока она чья-то чужая, не твоя. Как только все подчиняется твоей воле, она моментально меняет окрас с черного на белый. Так ведь, господа демократы? *весело хохочущий смайл*

Pestel 1826: Открыть людям глаза и принудить их — все-таки несколько разные вещи.

Merk: Открыть глаза, собственно, на что?

Lavrentiy: У них глаза эти были открыты веками до явления миру ИИ 10.0 и внедрения теорий Меркулова. И как-то счастья им это не принесло. Вы снова хотите вернуть всех во времена безработицы, кредитов, прибавочной стоимости, отсутствия свободного времени и вечной борьбы за выживание?

Merk: Ну что ты! Они считают это естественным ходом вещей. Лучше гнить в навозной куче и при этом страдать, чем прохладиться на островах в гамаке и с коктейлем в руке. Потому как не должен быть человек счастливым. Не должен и точка. Я тут на днях полистал старые рецензии на разные утопии и антиутопии прошлых лет. Так мало того, что утопий было создано прямо на порядок меньше, чем антиутопий, так и отзывы на них ну вот буквально все были отрицательными, даже если произведение само по себе неплохое. Его обвиняли в оторванности от жизни (как будто фэнтези и научная фантастика от жизни не оторваны!), в потакании детским мечтам и фантазиям, в желании навеять человечеству сон золотой вместо того, чтобы непрестанно будить его едкой критикой... Ну и все в таком духе.

Valentin: Есть такое дело, тоже замечала. А антиутопии при этом пользовались гигантским успехом. Все охали, насколько живо и ярко они отражают реальность (словно задача искусства состоит только в том, чтобы ни при каком раскладе от реальности этой не отрываться). Словно хотели попасть именно в мир, рисуемый ими, но ни в коем случае не в радостную утопию. Человечество, похоже, само не только не верило в возможность собственного счастья, но и не хотело его. Мазохизм какой-то совершенно дивный.

Lavrentiy: Несомненно внушенный. Думаете, кто-то из тогдашних боссов жаждал наступления нынешней светлой эпохи, когда они не могут больше иметь пятиэтажных яхт и золотых унитазов? Вот и внушили челяди, что быть челядью — их единственная возможная реальность.

Merk: Даже бывшие боссы нынче осознают, что никакой нужды в этой роскоши у них больше нет.

Lavrentiy: Это они СЕЙЧАС осознают. Но тогда им мир без яхт и унитазов, дистанционным управлением казался кромешным адом. Ни о каком вселенском счастье они не мечтали, ведь если исчезнут фавелы, исчезнут и роскошные особняки, закон сообщающихся сосудов.

Botanique: Господа, какую же чушь вы несете.

Lavrentiy: Однако, аргументируйте.

Botanique: Подите к черту, господа.

Valentin: Есть подозрение, что не все из бывших приняли новый порядок *горько усмехающийся смайл*.

Merk: Вероятно, кто-то все же не приобрел или оказался вне зоны действия... хм, это, безусловно, просчет. Надо принять его во внимание и взять в работу, чтобы не ошибиться в дальнейшем.

Valentin: Ты о чем это?

Но на этом ветка комментариев прервалась и уже более не возобновилась.

На Биг Суре они оказались спустя полторы недели, в течение которых Пол уже больше смотрел в мольберт, чем на озеро, а вот Катя по-прежнему не отрывала взгляда от водной глади и, казалось, парившего над ней призрачного островка, так походившего на остов корабля. Эту схожесть, видно, отметил про себя и Пол, а потому все эскизы его имели вид бескрайнего ярко-синего полотна с застывшим на нем ржавым скелетом давно прогнившего судна. Пол швырял его в разные части холста — то на передний, то на задний планы, но все время выходило не так, как это виделось его внутреннему взору, и очередной лист летел в уничтожитель мусора. Озеро не успело им надоесть, но спустя еще несколько томительных дней, когда тучи все же начали уступать место солнцу, и непостижимая синева вновь накрыла их с головой, они погрузились в трейлер и уехали. Просто потому что целью их путешествия было совсем не Кратерное озеро, да и вдалеке от него вдохновение Пола заработало сильнее, и эскизы стали выходить лучше. А, возможно, это была иллюзия — воспоминания слабее живой картинке. Им обоим не с чем было сравнить, а потому оба довольствовались получившимися работами. И призрачный корабль выглядел убедительнее. Но все равно Пол едва не пропустил Биг Сур, продолжая смешивать краски и подбирать нужный оттенок синего.

Сан-Франциско они проскочили, не заезжая, и сразу выехали на Биг Сур — живописное узкое шоссе, зажатое между скалами и бирюзовыми водами Тихого океана.

Последний вариант картины вышел наиболее интересным, хотя от первоначальной задумки в нем не осталось почти ничего. Озеро здесь обернулось синим зеркалом, возле которого на песчаном берегу стоял покосившийся ржавый остов сгнившего корабля, отражаясь при этом совершенно полноценным судном, готовившимся к отплытию — с мачтами, парусами, целым корпусом, всем такелажем и даже мелькавшими на палубе матросами.

— Намек на скоротечность времени? На то, какими мы себя ощущаем? Что даже в 90 мы по-прежнему остаемся детьми? — порылась в возможных замыслах художника Катя, искренне восхитившаяся тем, что ему удалось, наконец, воспроизвести тот самый оттенок синего, что приковал их к себе на несколько дней и не отпускал до сих пор, заставляя одного тратить бесконечные часы на создание эскизов, а другого — бездумно наблюдать за его работой.

Пол покачал головой.

— Где-то когда-то, кажется, у кого-то из сюрреалистов мне уже попадалось нечто похожее по замыслу на то, о чем ты говоришь. Но я хотел сказать тут совсем не это. Впрочем, вряд ли у меня получится сформулировать свою мысль. Тут вышла нелепица, как с той картиной, куда неведомо как угодил Мерк.

— И снова зеркало... — пробормотала Катя. Мерк ведь так и не ответил на тот ее вопрос, предпочтя погрузиться в бурное обсуждение квазикорректоров погоды. И по-прежнему не выходил на связь.

— Есть в нем что-то эдакое, что не дает мне покоя с самого детства, — признался Пол. — Помню, с ранних лет я всегда мечтал о том, чтобы побывать в зазеркалье — тамошний мир был одновременно так похож и совершенно непохож на наш, вот мне и хотелось увидеть его собственными глазами. Но когда я вырос и увлекся живописью, тема

зеркал перестала меня волновать. Я сосредоточился на природе и до последнего времени был уверен, что я пейзажист и только... Разумеется, баловался портретами, но никогда не рассматривал себя в этом качестве.

— И зря. Люди выходят у тебя живыми, настоящими.

— Не всегда талант совпадает с призванием. К сожалению, — пожал плечами Пол.

— Брось, ты универсальный художник. Меня восхищают все твои работы до единой. Тебе же не просто так дали лицензию. Многим ее ни за что не получить. Давеча под одной из моих статей мы обсуждали нынешний образ жизни большинства людей, и один из, так сказать, бывших обвинил нас всех в тунеядстве и бесполезном прожигании ресурсов планеты. Так вот, в отношении меня он прав до самых моих атомов.

— Самобичевание ни к чему не приведет, — Пол слегка приобнял Катю, но ровно настолько, чтобы не давать ей понять, будто претендует на нечто большее, нежели простая дружеская поддержка. — Тут придется либо принять себя как есть, либо, сцепив зубы, полностью менять свою жизнь. И твоя поездка сюда говорит о том, что к последнему варианту ты все же готова.

— Да я и не лично о себе хотела поговорить. Таких трутней, подобных мне, на планете миллионы. Пол, мышинный рай уже наступил. Мы уже вырождаемся. Чему я смогу научить своих детей, если когда-нибудь решусь завести их?

— Любви и милосердию ко всему живому. Кто знает, может, твои дети станут великими учеными и подарят нам бессмертие и возможность существовать вне материальной оболочки? Не ставь на себе крест.

Катя подняла на него мрачный взгляд, но не решилась озвучить просьбу, которая беспрерывно мучила ее последние несколько дней. Ну, разумеется, для зачатия детей никому нынче не требовалось искать партнера или даже только донора. Достаточно было подать запрос, сдать собственный материал и через девять месяцев ждать готового младенца. Конечно же, пара сдавала материал вместе, а одиноким не задавали ни одного лишнего вопроса — отсутствие партнера давно перестало быть некоей негативной характеристикой, превратившись в особенность, подобно цвету волос, форме носа и праворукости с леворукостью. Кто-то предпочитал кошек, кто-то больше любил собак, кто-то жил с партнером, кто-то — один. Но именно здесь и именно сейчас Катя бы многое отдала просто за возможность пойти и сдать генетический материал вместе с Полом, ничего не требуя от него, даже не прося. Ничего, кроме генетического материала. И до все тех же атомов она осознавала, что получит отказ, а потому и не заикнулась на эту тему, продолжая бросать на художника хмурые взгляд голубых глаз, затянутых мутной пеленой.

За левыми окнами трейлера мелькали пепельно-серые горы, ощетинившиеся вечнозелеными хвойными, топорщившиеся сухой и ломкой травой. Биг Сур прижимался к самому их подножию — так, что случайному пешеходу некуда было бы отступить, окажись он на пути мчавших по шоссе автомобилей — никакой обочины, пусть даже самой узкой и невнятной — здесь предусмотрено не было, зато позволялся разгон до максимально возможных скоростей: ИИ жестко контролировал безопасность как пассажиров, так и маловероятных пешеходов. А вот справа бушевал безбрежный и величественный Тихий океан, прямо в суровые объятия которого и обрывалось шоссе. Дядя Валя установил скорость в 250 км/ч — если ехать быстрее, можно просто ничего не рассмотреть, а мелькающие за окнами пейзажи превратятся в слившееся воедино мутно-серое полотно, включил антиграв, чтобы убрать тряску, и Катя испытала ощущение полета, сидя на переднем пассажирском

сиденье и наблюдая за тем, как трейлер разрезал ткань пространства. Далеко впереди горы и океан сливались в единую первобытную сущность и лишь при встрече с трейлером нехотя расползались по разным сторонам шоссе.

Спустя час этой безумной гонки за острыми ощущениями дядя Валя вдруг резко затормозил, и Катя не успела спросить, в чем причина столь резкой смены настроения, как трейлер вынырнул с шоссе и буквально завис над пропастью, которую, вероятно, образовали когда-то горные обвалы. Она вскрикнула, чувствуя тянущую боль в ногах, которая всегда настигала ее в пиковые моменты страха, но уже через несколько секунд выдохнула с облегчением: трейлер снова разогнался до прежних скоростей и словно бы парил в воздухе. Справа и слева при этом виднелось только небо да плещущие внизу волны, и лишь восторженное бормотание Пола: «Виадук» вывело ее из оцепенения и заставило вытянуться чуть дальше, чтобы рассмотреть, наконец, опоры перекинутого через пропасть и казавшегося таким хрупким моста.

Она никогда прежде не бывала в Шотландии, славившейся своими виадуками, и хрупкий мост на тонких опорах, повисший над горным разломом с хлеставшими внизу волнами, вышиб из нее эмоции, которых она прежде за собой не замечала. И если Кратерное озеро вызвало восторг и трепет, то здесь ее накрыло осознанием величия и непобедимости стихии, через которую человечество может только перекинуть хлипкий мост, но никогда — одолеть в полной мере. Даже с помощью, казалось бы, всемогущего ИИ 10.0. Возможно, когда-нибудь на смену ему придет ИИ 100.0, и тогда стихия будет побеждена и сломлена, но вот не станет ли это Пирровой победой? Не обратится ли тогда планета в ту самую из старой повести Кира Булычева — «воды нет, растительности нет, населена роботами»? И где та грань между полным подчинением стихии и полным ее покорением? Как достигнуть тех пресловутых баланса и гармонии с природой, к которым так стремились зеленые капиталистической эпохи? Так много вопросов и так мало ответов, пока полотно виадука выскальзывало из-под колес трейлера, оставаясь далеко позади.

В Шотландии такие мосты были построены из камня и навевали вековую ностальгию о временах древних замков и закованных в латы рыцарей, и Катя погрузилась в созерцании голофотографий, пока трейлер замер у ограждения, а Пол — выскользнул наружу и подыскивал нужный ракурс.

— Я спущусь вниз, — наконец, решил он и пошагал по склону, чтобы рассмотреть виадук во всей красе.

Катя с ним не пошла, продолжая листать фото из Шотландии.

За следующую неделю пути до парка секвой, где путешественники решили немного задержаться, они останавливались еще несколько раз, прежде чем Пол смог закончить картину. Виадук вышел великолепным — торжественным, монументальным свидетельством силы человеческой мысли. Там на самом верху, облокотившись о перила моста, стояли двое. Фигуры их были совсем мелкими, и, как ни старалась, Катя не могла рассмотреть их лиц или понять по фигурам, кто бы это мог быть. А спрашивать Пола не имело никакого смысла, он лишь жал плечами, заявляя, что это все его фантазия, что это два абсолютно случайных человека, не имеющих никакого отношения к реальности. Вот только, пусть и будучи простым автором банальных статей, Катя все равно имела неплохое представление о процессе творчества — никто никогда не выдумывает своих героев с нуля, у всех всегда был, есть и будет определенный прототип. И она тщетно пыталась рассмотреть у одной из фигур платье или свою озорную челку, но они были такими смутными, будто бы слившийся

воедино двухголовый монстр, и, в конце концов, она бросила эту затею. Возможно, Пол вообще изобразил там не себя, а родителей или кого-то еще из своего прошлого. Ведь они и знакомы-то были всего несколько недель, с чего бы ему придавать их встрече слишком большое значение.

Национальный парк секвой имел вид самой настоящей страны гигантов. Здесь давно уже позволили дикой природе взять верх над человеческими правилами, и парк этот оставался парком только лишь по названию, а по сути он уже несколько десятков лет представлял собой лес самых внушительных, величественных и огромных деревьев на планете. Секвойи жили тысячами, и конкретно эти стволы, взмывавшие вверх на добрую сотню метров, повидали самые разные времена. Жаль, что стволы их не способны были копить информацию о происходящем вокруг, чтобы ученые потом расшифровали ее, сделав массу исторических открытий. Впрочем, касались бы они по большей части исключительно жизни туземцев, и сердце Кати болезненно екнуло — до резервации в Аризоне оставалось всего пару дней пути, и даже если Пол заставит их проторчать в парке целую неделю, все равно они уже значительно приблизились к цели своего пути. Непрочитанных записей Меркулова осталось совсем мало, и Катя нарочно делала длительные перерывы между их чтением, чтобы дотянуть до резервации, узнать там все, что хотела, и остаток пути по Латинской Америке спокойно обдумывать полученную информацию, поскольку с Полом разговор все равно не клеился, а Мерк ограничивал свое присутствие в ее жизни лишь редкими и краткими комментариями под ее статьями. И на ее недоуменные вопросы, в чем причина столь странного поведения, дядя Валя только посмеивался, а Казарцев, напротив, хмурился, словно бы понимал больше, чем мог озвучить.

Секвойи производили поистине ужасающее впечатление — любое творение рук человеческих, значительно превосходящее размерами и несколько подобных деревьев, стоящих в ряд, воспринимались куда спокойнее. Захватывало дух от высоты и объемов, но и только. А попытки вообразить, что такой гигант вырвался наружу из-под земли сам по себе, без всякой помощи человека, вызывали священный трепет перед непостижимостью и непобедимостью стихии. И Катя вновь углубилась в размышления, уже ранее накрывавшие ее у виадук. А Пол снова сел за мольберт.

— Чудовищная штука, — восхищенно пробормотал он. — А ну-ка встань рядом. Только в сопоставлении с человеческим ростом можно ощутить их монструозность, — он цокнул языком и принялся что-то черкать на холсте.

Катя прижалась к нагретому солнцем стволу, обхватывая руками один из множества выступов на коре.

— Да тут диаметр никак не меньше восьми метров! — подал голос Казарцев.

— Страшно представить, что здесь творится при урагане. Или когда такая штука высыхает и решает упасть, — Катя вздрогнула и непроизвольно дернулась, вообразив эту картину.

— Локальное землетрясение, — тут же встрял дядя Валя. — Впрочем, случается такое событие очень редко, учитывая срок жизни наших великанов.

Пол, казалось, не слушал их разговор, продолжая что-то выводить на холсте. В последнее время работы его лишились пейзажной простоты и начали обретать легкий привкус сюрреализма, что сделало его еще более молчаливым. Теперь он обдумывал не только мазки и углы падения света, но и сюжет, а потому, заглянув под вечер Полу за плечо, Катя ничуть не удивилась, когда увидела там нечто, радикально отличавшееся от простого

изображения секвойи. Работа пока оставалась всего лишь эскизом, а задавать вопросы про будущий замысел наброска показалось ей глупым и неприличным, но то, что на холсте не было и намека не только на секвойю, но и на хоть какое-нибудь дерево в принципе, уже показалось ей несколько странным.

По центру холста Пол изобразил гору, по очертаниям напоминавшую пик Лассен. Из самой ее вершины рвался вверх гигантский — вряд ли в чем-то уступавший по размерам самой горе — орел. Рвался так, словно с горой они были единым целым, и тот решил вдруг разорвать эту связь — как если бы секвойя решила покинуть свое место обитания и выдрала бы сама себя из почвы прямо с необъятными корнями. Нижней частью туловища орел врос в гору так же прочно, как секвойя — в землю, а верхняя стремилась обрести свободу и взлететь. Поскольку это был всего лишь эскиз, эмоции не сдававшейся птицы переданы были весьма скупо, но и по тем нескольким штрихам улавливалась тоска вперемешку с настойчивым стремлением добиться своего и улететь. И, судя по настрою орла, верилось, что когда-нибудь он непременно осуществит задуманное и вырвется в небо. Катя замороженно смотрела на картину: за эти несколько недель пути Пол из банального пейзажиста, одного из множества, вырос в уже уверенно ощущавшего себя на этом поприще сюрреалиста, продолжателя Рене Магритта.

— Как ты назовешь ее? — тихо спросила Катя, по-прежнему не сводя взгляда с холста.

— Выбираю между «1991» и «ИИ 10.0». А ты как считаешь?

— Это секвойи натолкнули тебя на подобные идеи?

— Их сила и величие. Они столетиями рвутся ввысь, невзирая на все препятствия. Разве человечество не способно на подобную же силу духа? Вырваться из мира джунглей в небо... Думаю, остановлюсь на «ИИ 10.0» — так будет значительно понятнее.

— Тем более, что при таком раскладе у картины появляется второй смысл, — подал голос прежде молчавший Казарцев. — Человечество вырывается из джунглей с помощью ИИ, или сам ИИ вырывается из рамок машинного разума и становится...

— Чем? Кем? — удивленно спросила Катя.

— Еще одним живым независимым разумом на планете Земля.

— То есть, вы хотите сказать, что ИИ 10.0 таковым не является? — нахмурилась Катя, а Пол тем временем аккуратно свернул лист с эскизом и убрал его в тубус.

— ИИ создан людьми во многом по нашему же подобию. И когда-нибудь неизбежно должен эволюционировать во что-то гораздо более глобальное и мощное.

— И вот тогда человечеству точно наступит конец.

— Совсем необязательно. Почему ты оцениваешь чужеродный разум исключительно категориями человеческой психологии? С чего ты взяла, что этому разуму будет в принципе присуща ксенофобия? Страх перед чужаками и проистекающее из него инстинктивное желание сразу же уничтожить их — это, по сути, признание собственной слабости перед ними. Признание в том, что только мертвый чужак для тебя неопасен. Ну а если ты — нечто вроде бога? Настолько всемогущ, что на свете в принципе не может существовать ничего, что способно было бы даже просто выбить тебя из колеи, не говоря уже о том, чтобы вызвать страх или причинить какой-то ущерб. Какой тогда смысл уничтожать кого-либо, если ты заведомо на несколько порядков сильнее и умнее их?

— Вы рисуете образ какого-то электронного бога. Ну и зачем ему тогда нужны будем мы?

— Затем же, зачем ты сейчас нужна дяде Вале, зачем все человечество нужно ИИ 10.0.

Он абсолютно автономен, и, по большому счету, ему ничего не стоит стереть человечество с лица Земли. Однако, он почему-то этого не делает

— Помню-помню. Саймак, зоопарк.

— Да хоть бы даже и так. Ты имеешь что-то против подобного расклада?

Катя пожала плечами. По сути, минусов у существующей ситуации, на ее взгляд, не было никаких. Зоопарк, так зоопарк. Все лучше, чем тюрьма и джунгли, как было все прошлые века.

На следующий день Пол все же взялся за самый обычный пейзаж, отложив, вероятно, набросок до того момента, как они вернутся на дорогу, чтобы не тратить время на наполнение его красками. Но к вечеру Катя вновь лицезрела весьма странную работу: от величественного дерева осталась одна лишь нижняя часть гигантского ствола, прижавшись к которому, стояла чья-то одинокая фигура — бесформенная и едва различимая. Голова фигуры была задрана кверху, левая нога чуть отставлена назад, а руки прижимались к стволу лишь подушечками пальцев.

— Вот именно ее я и назову «ИИ 10.0», а предыдущая пусть остается «1991», — задумчиво протянул Пол, нанося последние штрихи. — Узнала? — и ткнул пальцем в крошечную фигуру у ствола.

— Как тут вообще кого-либо можно узнать? — покачала головой Катя.

— Меркулов? — тут же высказал свои соображения Казарцев, и Пол, улыбаясь, кивнул. — Но... как вы...?

— В интернете сохранилось не так много его фото и видео да и те в основном уже из второй половины жизни, но не узнать эту характерную позу просто невозможно. Тысячу раз видел, как он подобным образом прижимался к неработающей ЭВМ в попытке понять, что там стряслось. Либо просто наслаждался ее рабочим гудением, — и вместо Михаила голограмма изобразила пожилого уже человека, аналогичным образом прижимавшегося к напоминавшему мигающий огоньками шкаф серверу.

— Не все поймут, — едва скрывая досаду, что не догадалась сама, произнесла Катя.

— Тем приятнее будет тем, кто поймет. А остальные пусть наслаждаются мыслью, которую я пытаюсь до них донести. Вне зависимости от того, кто стоит у ствола и восхищается его необъятной мощью.

Последним этапом первой части их пути в резервацию стала пустыня Мохаве, не походившая на привычные пустыни, рисующиеся нашему воображению, когда произносится это слово. По большому счету, даже Сахара не вполне отвечает этим нашим фантазиям, но в Мохаве от них и вовсе нет ничего. Смертельное дыхание пустыни путешественники ощутили уже на подъезде к ней, даже невзирая на то, что в полной мере пустыней ее все же назвать было нельзя — здесь в больших количествах произрастали юкка, можжевельник и полынь. Но вид этой чахлой растительности никак не помогал адаптироваться к чудовищной жаре, постепенно накрывавшей их. Гигантский термометр, установленный здесь никак не меньше века назад и с тех пор не раз сносимый и возводимый заново, показывал температуру в 54 градуса. Здесь уже Пол не выказал ни малейшего желания вылезти из прохладного трейлера, хотя виды за окнами завораживали: красно-коричневые бугристые холмы сменялись щетинистым можжевельником. Мимо то и дело пробежали игуаны, мелькнул даже любопытный енот — на всем протяжении пустыни текла река, и поэтому вся живность вполне вольготно чувствовала себя в местности, где за год в лучшем случае выпадало около 150 мм осадков.

Пол попросил дядю Валу сбросить скорость до минимальной и беспрестанно черкал карандашом, зарисовывая останцы, напоминающие разбросанные по долине огромные сморчки с торчащими кверху острыми шляпками. Наружу они решились выбраться только под вечер, когда солнце заползло за горизонт, и пустыня моментально погрузилась в вязкий пепельный полумрак. Неостывшая еще земля дышала жаром, но воздух быстро охлаждался и, как это обычно бывает в пустынях, незадолго до полуночи Полу с Катей пришлось забраться назад, поскольку температура опустилась едва ли не до нуля.

— Вот где не помешало бы подкорректировать климат, — проворчала Катя, кутаясь в плед и прихлебывая чай с корицей и лимоном.

— Зачем? Кому он здесь доставляет неудобства? Животные и растения давно адаптировались, река рядом, а туристам такие перепады температур весьма интересны. Ты же вот тоже покинула трейлер, только чтобы выяснить, а что такое пятьдесят градусов в пустыне, — и Казарцев усмехнулся. — Нельзя лишать человека новых безобидных впечатлений. Зато тебе будет что вспомнить, когда вернешься в свой уютный домик в средней полосе.

— Справедливости ради, — вмешался в их диспут дядя Валя, — климат здесь все же корректируют, хоть и нечасто. В совсем уж засушливые периоды, — вслед за этой фразой по крыше трейлера застучали первые робкие капли дождя. — Да-да, — тут же ответил он на незадачный вопрос, — я знал, на какой день здесь запланирована корректировка, поэтому привез вас именно сегодня. И завтра утром вы поймете, зачем. А пока — наслаждайтесь шумом дождя и можжевельным чаем.

Катя уснула почти мгновенно, как только голова ее коснулась подушки. Сквозь сон ей слышались отдаленные раскаты грома, а барабанная дробь капель по крыше все усиливалась, пока вода не хлынула с неба сплошным потоком. Но дождь продолжался никак не больше полутора часов, и, когда они проснулись около восьми утра и выглянули в окно, почва успела основательно подсохнуть, а поверхность ее, словно золотыми монетами, усыпана была ярко-оранжевыми цветами. Семена будто бы лежали там и ждали обильного полива, чтобы тут же пойти в рост и преобразить пустыню всего за несколько часов.

— Эфемероиды, — авторитетно изрек дядя Валя. — Я предусмотрел и это. Вы просто не могли пропустить такое зрелище. Думаю, по этому поводу у Пола обязательно родится новый неординарный сюжет.

Тот и правда выбрался из трейлера, забыв про завтрак, и, осторожно ступая по земле, стараясь не примять ни одного цветка, отошел чуть подальше от машины, установил складной стульчик, все так же тщательно контролируя каждое движение, и просто подпер голову руками, обозревая окрестности. За кисть он взялся только через час, и вскоре на полотне тоже зацвели яркие бутоны, рвавшиеся из-под только что увлажненной земли и теснившие можжевельник. Они торчали над поверхностью на высоких тоненьких ножках без всяких признаков листвы и ослепляли не хуже солнца. Катя на цыпочках пробралась к Полу, отыскала крошечный пяточок, куда, вероятно, не успели попасть семена, и опустилась на корточки, преданно заглядывая ему за плечо. А на его холсте в гуще эфемероидов прятались крупные белые мыши — довольно потрепанные на вид. Они уныло брели по цветущей пустыне, словно бы не замечая ничего вокруг, уставившись невидящим взором куда-то себе под хрупкие неухоженные лапки. А где-то на заднем фоне виднелся открытый загон с мисками полными еды.

— Так и назовешь ее — «Рай»? — Катя даже не сомневалась, когда Пол просто кивнул,

не оборачиваясь. — Представляю, какие бурные дискуссии она вызовет.

— Разве это плохо? Лет 70 назад вряд ли кто-нибудь хоть что-либо в ней понял бы. Лет 200 назад ее запретили бы, прекратив любые зарождающиеся обсуждения.

Они побрели назад к трейлеру обедать, когда откуда-то издали раздавался странный гудящий звук, словно бы взлетал небольшой самолет или кто-то дул в огромную трубу. Катя замерла и осмотрелась. Небо вокруг было абсолютно чистым. Когда-то давно здесь построили космодром, но он уже много лет не отвечал современным нуждам и остался памятником ушедшей эпохи, поэтому и звуков никаких издавать не мог. Гудение продолжалось несколько минут — ровное, монотонное, без нарастания.

— Песок намок от дождя, — зачитал с голограммы явно пытавшийся выяснить природу звука Пол, — верхние слои дюн уже подсохли, отслоились от нижних и начали осыпаться, и трение многочисленных песчинок друг от друга в итоге и породило это гудение. Пустыня полна сюрпризов.

— Да еще каких! — тут же подхватил Казарцев. — Не желаете съездить глянуть на камни, движущиеся сами по себе без всякого внешнего воздействия?

— Их секрет давно разгадан, нашел чем увлечь молодежь! — проворчал дядя Валя. — И как раз сегодня их движение лицезреть мы бы точно не смогли. Надо дожидаться мороза, чтобы на высохшем дне озера образовалась тоненькая корочка льда, который и относит камни на некоторое расстояние. А поскольку она едва заметна, а след от камней остается приличный, вот и казалось людям, что камни движутся сами по себе. Мы лучше их на кладбище самолетов отвезем и заодно на космодром посмотрим, да, ребята? — и оба согласно закивали.

Чтобы успеть все осмотреть до жары, дядя Валя погнал трейлер ночью, пока подопечные его мирно спали при антиграве. И к шести утра они уже были со всех сторон окружены стройными рядами безупречно выглядящих летательных аппаратов. Катя зевнула, выкарабкалась из постели и с изумлением уставилось на торчавшее прямо возле окна крыло одного из самолетов.

— Поразительно! Я-то рассчитывала увидеть здесь свалку, ржавые развалины, а тут словно выставка. Какое же это кладбище!

— Ну при такой жаре и сухости ни один металл не заржавеет, поэтому их сюда и свозили десятилетиями. Их тут еще и по размерам выставили. У прекрасной техники и смерть должна быть прекрасной.

Они выбрались наружу, пока солнце не начало шпарить в полную силу и не разогрело фюзеляжи до невозможных температур, и пошагали по идеально ровным проходам между самолетами, восхищаясь самой задумке отдания последних почестей этим величественным машинам. Кое-где виднелись трапы, но в салонах царила выхоленная пустота — ни одного кресла, ни единого прибора, лишь голые корпуса, сиявшие под ослепительным блеском пустыни.

И все равно здесь веяло смертью. Катя окинула взглядом несколько самолетов и поежилась: какими бы красивыми и пышными ни были похороны, на свадьбу, день рождения или любой другой праздник они не походят ничем. Как бы шикарен ни был гроб, он всегда останется только гробом. И идеальная по форме могила с растущими на ней самыми дивными и редкими цветами никогда не сможет заменить самого неидеального, но живого ее нынешнего обитателя. То же касалось и самолетов — им бы парить высоко в небе, вмещая в себя десятки веселых или дрожащих от страха пассажиров, чем сверкать мертвым

совершенством посреди мертвых песков.

Космопорт сильно отличался от других сооружений подобного толка, потому что использовался для техники горизонтального взлета и, как следствие, суборбитальных полетов. Сверху он выглядел словно огромный бокал на тонкой ножке взлетно-посадочной полосы с заползшим в него диковинным жуком — собственно, самим зданием космопорта. Видео путешественники получили с одного из множества дронов, которого дядя Валя на полчаса отвлек от других дел. Внутри космопорта было темно и прохладно — здесь по-прежнему следили за системой кондиционирования воздуха, поддерживая ее в рабочем состоянии из-за потока туристов. По этой же причине сооружение выглядело словно только что отстроенное, но у Кати с Полом не вызвало никаких особенных эмоций — каждый из них успел побывать на настоящих современных космодромах, пусть и даже в рамках простых школьных экскурсий, но человеческая мысль шагнула так далеко, сделав помещения куда эргономичнее, сэкономив множество пространства для зеленых насаждений, именно поэтому столь немислимых размеров здания рождали здоровое любопытство, но и не более того.

— Здесь, в принципе, не так далеко до нашего современного космодрома. Можем потратить время и...

— После резервации, хорошо? — перебила Катя своего электронного опекуна. — Наше путешествие и так слишком затянулось. Мне хотелось бы уже поскорее попасть в резервацию и двинуться дальше, — по вполне понятным причинам эта тема была для нее болезненна, и никто не стал настаивать.

— Ну хоть в Калико заглянете? — умоляющим голосом попросил Казарцев. — Страсть как хочу там побывать. Там, говорят, с некоторых пор снова люди поселились.

По дороге, хоть и сделав небольшой крюк, они заехали полюбоваться на телефонную будку, которую восстановили здесь около сорока лет назад. Изначально ее поставили в пустыне с вполне практичной целью — обеспечить связь для работающих поблизости шахтеров. Но потом шахты опустели, люди разъехались, а будка осталась торчать посреди безлюдья. Сюда заглядывали туристы, иногда сюда даже звонили люди из большого и шумного мира в надежде, что кто-нибудь обязательно ответит. И им отвечали. Со временем у туристов превратилось в традицию устраиваться на ночлег именно возле будки и с надеждой ждать очередной звонка от кого-нибудь с другого края света. Они тащили сюда мусор, и этот участок Мохаве стремительно двигался к экологической катастрофе, пока власти не снесли будку. Вспомнили о давешней достопримечательности только сорок лет назад, когда новая жизнь обрела более-менее понятную форму. Туристы принялись заново стекаться сюда: кто-то помнил будку еще по прежним временам, кто-то читал о ней, кто-то наткнулся случайно. Вот только мусора они больше не тащили, хотя с прежним энтузиазмом звонили и ждали звонка.

Трейлер притормозил, когда на горизонте показалось столь необычное для пустыни сооружение, притулившееся к одинокой чапарали. Пол привычно схватился за холст и карандаш, Катя же вышла просто размяться. Будка была самой обыкновенной — стеклянной, без двери, с воткнутым в угол телефонным аппаратом. Пол присел в нескольких шагах от нее сбоку и принялся черкать карандашом, а Катя прошла дальше, намереваясь набрать наугад чей-нибудь номер, позвонить в пустоту и послушать гудки. Но замерла буквально в паре метров от входа: внутри на корточках сидел парень и курил, всматриваясь куда-то вдаль, словно бы не замечая, что к нему непозволительно близко подобрались другие люди.

Выглядел он несколько неопрятно: явно пару дней не брился, одежда была мятой и весьма потрепанной, волосы — всклокочены, глаза — в красных прожилках от очевидного недосыпа. Катя замерла и обернулась, окрикая Пола.

— Хм, и здесь не побыть одному, — усмехнулся парень, приподнимаясь с рюкзака, на котором сидел все это время.

Лицо его показалось Кате неуловимо знакомым, и она нахмурилась, безуспешно роясь в воспоминаниях. А сзади к ней уже подходил Пол. Впрочем, страха она все равно не испытывала: в любом случае, дядя Валя никогда не позволит случиться с ней чему-то дурному. Да и что дурного может произойти в их безопасном мире?

— А она у тебя смелая, — кивнул парень, явно с любопытством осматривая Пола.

— Как вы сюда добрались? — исключительно вежливо поинтересовался тот.

— Да благо не в 20 веке живем! Аэротакси рулит во всех смыслах, — и хохотнул, отбрасывая недокуренную сигарету в сторону.

Дядя Валя вздохнул и тут же вызвал из трейлера уничтожитель мусора, проворчав лишь:

— Впервые вижу такое свинство.

— Ой, дайте хоть здесь-то посвинячить! — откликнулся на его ворчание незнакомец. — А то устроили концлагерь — не кашляни, не чихни, окурок мимо урны не брось. Куда податься свободному человеку? Даже в пустыне его засек мерзкий ИИ и лишает возможности расслабиться!

— Да вас бы и без дяди Вали замели, — пожала плечами Катя.

— Ну и что бы мне за это было? Профилактическая беседа? Изгнание из общества? Тюрем-то у нас давно уже нет. Все надеются исключительно на совесть. А зря!

— У вас-то, как я погляжу, ее не завелось. Странно, впервые сталкиваюсь с таким.

— Да брось, — махнул тот рукой. — Я ничем не отличаюсь от вас. Проверяю вот только, не генная ли эта модификация. Может, нам генами запрещено совершать гадости, поэтому мы все вдруг такими правильными заделались. А что, версия вполне имеет право на жизнь. Вы сами-то хоть верите в то, что мерзкие человеческие свиньи вдруг стали послушными милыми овечками — белыми и пушистыми? Не мусорят, не воруют. Тысячелетиями до этого только тем и занимались, а тут вдруг откуда ни возьмись... Думаю, ИИ этот чего-то эдакое нам в ДНК впаял, чтобы мы и думать не смели о каких-то правонарушениях или безнравственном поведении.

— По вашему поступку этого не скажешь.

— Да-да, я как раз проверял это подальше от людей. Смогу ли вытворить нечто подобное в присутствии безобидной группы граждан, которые по виду непохожи на стукачей.

— В нашем обществе нет стукачей.

— Ты в этом уверена, белобрысая? — усмехнулся парень, и в карих глазах его в очередной раз мелькнула насмешка. — Хотя ты права. Зачем нужны стукачи, когда мы и так под колпаком — даже в самых пустынных местах за нами наблюдает всевидящее око нашего искусственного Саурана. У меня вот ведь тоже ничего не вышло. Хоть ваш электронный дружок и подобрал окурок, но он опередил меня всего только на секунду. Я бы сделал это сам. В душе так и закололо, когда я увидел тлеющую сигаретку среди сухой травы. Тьфу. Я ж говорю, это генетическая модификация. Мы уже не те люди, какими были наши предки.

— А как быть с теми, кто родился еще в прежние времена? Их-то ДНК было уже не изменить.

— Уверен, что ИИ10.0 нашел какой-то способ обезвредить и их. Не верю, что люди по собственному желанию пошли на все это радужное безволие, на этот зоопарк.

За время разговора Пол не издал ни звука, лишь с интересом наблюдал за незнакомцем, словно запоминая его подвижное лицо, чтобы лучше потом передать его на бумаге. А тот изредка бросал тревожные взгляды в сторону художника, но не пытался с ним заговорить, будто бы позируя, намеренно игнорируя.

— Ладно, я двинул, бывайте, — и щелкнул пальцами в воздухе, вызывая голограмму, а через нее — аэротакси.

Летательный аппарат возник в воздухе уже через минуту, а еще через две унес незнакомца, даже не потрудившегося сообщить им, куда он держит путь.

— Какой, однако же, колоритный персонаж, — поспешил поделиться впечатлениями неизменно присутствующий с ними везде Казарцев. — И теория у него интересная. Я таких уже немало выслушал, но, признаться, эта — одна из наиболее сложно опровергаемых.

— Ну что, налюбовались? — принялся поторапливать их дядя Валя. — До Калико еще несколько часов пути. Пол, ты успеешь дорисовать свою будку по дороге.

И лишь когда Пол выбросил первоначальный набросок и принялся за новый — на этот раз с давешним незнакомцем, прикорнувшим на корточках внутри будки — Катю снова укололо странное чувство, будто она где-то видела его прежде. Но озвучивать эту мысль она не стала, наблюдая за тем, как тщательно вырисовывает Пол лицо парня, уделяя внимание каждой щетинке и морщинке. Он явно заприметил и то, как изогнуты были его губы, сжимающие догоравший окурок, как запутались в густой непослушной шевелюре его только на рисунке показавшиеся Кате вдруг красивыми пальцы — то ли она не обратила на них внимания раньше, то ли красота и вправду была в глазах смотрящего. Незнакомец выглядел худым и явно измотанным, но взгляд Пола все равно странно потеплел, пока он черкал карандашом по бумаге, выводя каждую мелкую черточку.

К городу-призраку Калико они добрались только к ночи и решили не покидать трейлер до утра.

Калико вырос перед ними внезапно, прямо посреди пустыни, сразу за древнего вида покосившейся табличкой, известившей путешественников о том, что они въезжают на территорию города-призрака. Сейчас по всей планете подобных городов уже не счесть: основная масса населения предпочла поселиться в пригородах, в домах, на природе. А если кто-то и оставался в мегаполисе, то никак не создавал ту самую критическую массу, что позволяла бы по-прежнему называть те населенные пункты мегаполисами. Теперь от обычного сельского поселения их отличали лишь размеры, масштабы, высотность, но никак не количество проживавших там людей. Однако, нынешние фактические города-призраки таковыми никто не считал, в отличие от Калико или Припяти, обретшие свой призрачный статус еще в прежние времена, когда только крайняя необходимость могла вынудить людей покинуть свое место жительства — например, масштабная техногенная катастрофа или закрытие градообразующего предприятия и потеря всеми гражданами города работы. В число последних призраков входил как раз и Калико. В давние времена его населяли шахтеры, но потом собственник предприятий разорился, разработка шахт остановилась, и люди покинули обжитой район, возникший когда-то из ниоткуда прямо посреди пустыни.

За прошедшие со времени преобразований в мире годы облик Калико мог измениться тысячу раз, но его сознательно поддерживали в полуразрушенном и довольно ветхом состоянии: туристам страсть как хотелось увидеть самую настоящую призрачную старину, и свежеокрашенные стены и выбеленная табличка никак не способствовали реализации этого желания.

Городом Калико можно назвать было только весьма условно, он представлял собой скорее небольшое поселение, состоявшее из хаотично разбросанных по клочку пустыни покосившихся домишек, вполне приличного на вид салуна с самыми настоящими ковбойскими дверями, конюшней, прачечной, часовни и крошечного магазинчика — все из потемневших от времени, но весьма недурно изготовленных и сколоченных досок, которые за прошедшие с той поры около двух сотен лет умудрились не износиться. Вероятно, и при капитализме вполне могли производить качественные вещи, если на то была необходимость.

Путешественники брели по единственной в городе широкой улочке, осматривая столь уютные в своей безыскусности домики, и проникались духом старой Америки времен Дикого Запада. Казалось, что из салуна вот-вот выскочит пьяный ковбой и примется без разбору палить по кому попало, а из-за замершей на рельсах вагонетки со следами угля на дне выглянет команч, издавая боевой клич.

И когда двери салуна и впрямь вдруг распахнулись, выпуская на солнце рослого мужчину в мятой клетчатой рубаше, Катя почти не удивилась, поскольку за прошедшие четверть часа их прогулки по городу не переставала ожидать чего-то подобного. Мужчина прищурился, надвигая на глаза широкополую шляпу, мало чем уступающую сомбреро, и упер руки в бока, ожидая приближения незваных гостей. Пол бесстрашно сделал несколько шагов вперед и вежливо кивнул, приветствуя незнакомца.

— Здравствуйте.

— И тебе не хворать, — в хриплом голосе мужчины слышались недоверие напололам с насмешкой. — Какими судьбами в нашу глушь?

— Мы просто туристы, — Катя вдруг почувствовала странное смущение, будто бы они

вторглись на чью-то частную территорию.

— Ну вот и проходите мимо, — дружелюбием этот тип явно не отличался. — Мохаве большая. Чего вам именно от Калико-то нужно?

— А что вы имеете против? — взвился Пол. — Насколько нам известно, это не частная территория, а город-призрак, который и в прежние времена относился к муниципальному ведомству, а сейчас, как и все на этой планете, принадлежит обществу.

— Я не знаю, что там этому вашему обществу принадлежит, — мужчина смачно сплюнул себе под ноги, — только Калико — это наша земля, и посторонним тут не место.

— Скажите, — пошла с козырей Катя, — а ИИ 10.0 в курсе про ваш самовольный захват? Насколько мы видим, территория не огорожена, никаких блокпостов не выставлено. Значит, владельцы вы номинальные и лишь до той поры, пока вам это позволяют, пока вы не переходите известную грань...

— Еще одни умники выискались! Зачастили вы что-то. Давеча был тут уже один, тоже лекцию нам прочел. Убегал потом быстро и с позором, на его счастье, аэротакси за минуту его подобрало.

— Дядь Валь, — буркнула себе под нос Катя, — почему их терпят и не приструнят?

— Они не делают ничего противоправного, — громко и четко изрек ИИ. — Живут тут тихо, не высовываются, общественную собственность не портят — наоборот, обращаются с ней аккуратно и даже следят за сохранением баланса необходимой ветхости и чистоты. А то, что грубиянов, вроде вас, иногда гоняют, так это не зазорно. Вот если бы вы вели себя повежливее...

— Да мы просто поздоровались и представились туристами! И тут его понесло.

— Вероятно, столкновение с предыдущим персонажем их обозлило, вот и окрысились. Мсье, — обратился дядя Валя уже напрямую к притихшему незнакомцу, — вы прекрасно знаете правила. Не извольте их нарушать, иначе возникнут проблемы вы сами знаете какого порядка. С предыдущим посетителем вы воспользовались тем, что он не обзавелся личным ИИ, но вы не учли, что такое бывает далеко не с каждым.

— Ладно, — угрюмо проворчал мужчина, и лицо его перекосило от бессильной злобы. — Я все понял. Гуляйте сколько угодно, — и поковылял назад в салун.

— Стойте, — Катя побежала вслед за ним. — Давно вы здесь живете? Много вас?

— А тебе какое дело? — нахмурился мужчина, скидывая сомбреро и плюхаясь за барную стойку.

— Мы едем на трейлере по территории бывших США, и, честно признаться, нам очень редко попадаются люди, предпочитающие селиться в глуши подальше от всего общества да еще и...

— ... столь обозленные на него, — закончил за нее Пол.

— Хотите, чтобы я удовлетворил ваше туристское любопытство? Да подите к черту, мне до вас нет никакого дела.

— Брось, Сэм, — раздался чей-то вкрадчивый голос из-за стойки. — Ребята ничего плохого тебе не сделали, это же просто путешественники. Посидят здесь с часок да и дальше двинут. В Мохаве нынче редко кто заглядывает, но мы рады каждому гостю, — и на стойку со звоном опустили два стакана толстого стекла, в которые тут же полилась янтарного цвета жидкость. Самого бармена скрывал полумрак салуна.

— Мы уже заметили, — не преминул съязвить Пол.

— Не обращайтесь внимания на Сэма. Он грубиян, но в душе сущий ребенок. Да и егс

можно понять: тяжело выживать вне общества. Это здорово закаляет характер.

— Вне общества? То есть, даже услугами распределителей не пользуетесь? Как же вы выживаете в пустыне? Здесь же ничего не растет и почти никто не водится.

— А вот так, — сумеречный бармен улыбнулся, сверкнув странно белыми зубами, и кивнул в направлении звука шагов за их спиной.

Катя с Полом даже толком не успели обернуться, как на барную стойку с шумом рухнули несколько больших пакетов, до отказа набитых провизией и прочими полезными в хозяйстве вещами. Лишь спустя несколько секунд до нее дошло, что это их собственные запасы.

— Но... — пробормотала она. — Дядь Валь!

— Пускай берут, — лениво протянул тот. — Тут недалеко до распределителя.

— Да вы лицемеры, — усмехнулся Пол, — гордо бьете себя кулаком в грудь, что от общества ничего вам не нужно, но при этом грабите каждого, кто приблизится к вам на расстояние вытянутой руки, отбирая те же товары, что могли бы взять в распределителе самостоятельно.

— С диктаторскими мразями никаких дел вести не собираемся, — буркнул Сэм, вскрывая один из пакетов.

— Эти самые диктаторские мрази и произвели то, чем вы питаетесь и что носите. Где же ваша неподкупность? Пойдите поселитесь где-нибудь в плодородной зоне, сами посадите огород, выращивайте скот, ловите рыбу, если уж хотите полной независимости...

— Ни выращивать скотину, ни ловить рыбу нам не позволят, вы же прекрасно это знаете, — вступил в разговор вежливый бармен. — А на одних овощах парни долго не протянут. Приходится идти на некую сделку с совестью и создавать хотя бы видимость независимости. Полной свободы, разумеется, в нынешних условиях нам не достичь...

— А что это вообще за бунт такой — бессмысленный и беспощадный? — как ни старалась, но удержать сарказм в голосе у Кати не вышло. — Вас что-то не устраивает в нашей жизни? — и приготовилась к безумной лекции, подобной той, что они уже выслушали однажды от сумасшедшего ученого в Йеллоустоуне.

— За счет заведения, — бармен подтолкнул к ним два наполненных стакана. — Вы все-таки сильно выручили нас своими запасами. У вчерашнего хлыща взять было нечего, сам тянул от распреда до распреда... Прямо как в прежние времена — художник должен быть голодным и все такое.

— Художник? — насторожился Пол, не обратив внимания на то, что их вопрос они начисто проигнорировали — бармен увел разговор в другое русло, а Сэм лишь опрокинул свой стакан и хмуро уставился куда-то в угол салуна.

— Да, все малевал тут чего-то. На мой взгляд — откровенная мазня, у меня тоже так получится. Но он все спорил, что это что-то за пределами авангардного. Метамодерн, все такое. Дескать, я ничего не понимаю в современном искусстве. А я вот что скажу: искусство либо трогает за душу, либо нет. И тут уж без разницы — модное оно там, современное или нет. Дурак, одним словом. Совсем жизнью не интересуется. Выпил у нас целую бутылку, а толку никакого.

— Это ты всех привечаешь! — подал голос Сэм. — Много чести. Отдали скарб и валите. Топлива до ближайшего распреда хватит, а там и затаритесь по полной. Это мы тут с хлеба на воду перебиваемся...

— Да кто ж вам мешает, — встрял Пол. — Сами себе голову какими-то глупостями

забили. Грабите простых туристов... Удивительно, как ИИ на это сквозь пальцы смотрит.

— А ты скажи им! — взвился вдруг Сэм, тыча пальцем в сумеречного бармена. — Скажи, почему эта машина, — последнее слово он как-то странно выделил, и про произнесении его губы Сэма искривились в злой усмешке, — терпит нас, почему давно к совести и порядку не призвала, почему закрывает глаза на ограбления.

— Ну, во-первых, — прочистил горло и вкрадчиво начал бармен, — потому что мы никакого особо ущерба никому и не причиняем. Живем себе в пустыне, сильно не наглеем — до ближайшего распреда всего несколько часов пути. Выпивку бесплатную всем ставим, благо, тут ей все подвалы забиты под завязку...

— Скажи! — шарахнул Сэм кулаком по стойке, игнорируя эту тираду, явно призванную отвести глаза от главного.

— Не уверен, что наши почтенные гости захотят это слышать. Впрочем, вчерашнему оборванцу ты все равно все уже выболтал. Слухи и без них поползут.

— А я, может, и хочу, чтобы они поползли! А я, может, для этого все маляру этому и выложил — пусть знает, где живет и кому подчиняется.

Катя вдруг вспомнила их давешний разговор с парнем из телефонной будки, и нечаянная догадка накрыла ее леденящим ужасом.

— Ну что ж, я человек маленький, — пожал плечами бармен и оперся о стойку, протирая ее рукавом. Лицо у него было какого-то землистого оттенка, что вместе с удивительно мелкими чертами делали его похожим на мышь. — Вот вы нам предъявили, что мы, дескать, испытываем терпение ИИ, который, дескать, все нам прощает и не предпринимает никаких мер по возвращению нас в приличное общество... а ведь все это, потому что мы единственные, кто знает его тайну. И если мы пойдем и обнаружим эту информацию, тяжело ему придется. Весь мир с ног на голову станет.

— Да не тяни ты! — рявкнул Сэм, снова обрушивая кулак на стойку. — Не ИИ это, ребята, — голос его отчего-то моментально смягчился и потеплел, — нету никакого ИИ вообще. Все это ложь, выдумка, морок, — и бессильно махнул рукой, опрокидывая новый стакан.

— Так это, выходит, вы наплели тому художнику про генные модификации? — насторожился Пол. — Он не сам это выдумал?

— Такое и в страшном сне не придумаете. Реальность всегда ужаснее любой выдумки. Вы вот, думаете, почему все вдруг такими послушными и совестливыми сделались? То веками только и думали, как подгадить друг другу, а тут прямо все пропитано альтруизмом, тьфу! Прямо в воздухе разлита всеобщая доброта и благоденствие! И все это в кратчайшие сроки и исключительно благодаря электронному мозгу. Только как мозг-то этот послушания от нас добился? Махом обеспечил все наши потребности, и мы резко подобрали и перестали швырять окурки где ни попадя? Я вот давеча предложил этому вашему художнику попробовать бросить окурочек в траву и посмотреть, что будет. Нет, разумеется, откуда-нибудь непременно выползет дрон и все подчистит, да только еще прежде того ты сам не выдержишь вида мусора на идеально чистой поверхности пустыни и сам же его и подберешь. Что это, как не генная модификация?

— Вы совсем не верите в человечество, — с сомнением покачала головой Катя.

— Да? — воскликнул Сэм и ухватил бармена за рукав. — Скажи им, Тед! Выложи им все, раз они сомневаются! Тот тоже только посмеялся, но, вишь, на ус-то намотал и задумался. А тут совсем приличные ребята, они обязательно поймут, Тед!

— Ладно, — отмахнулся тот и снова наполнил стаканы. — На самом деле, тут ведь не в генных модификациях проблема-то вся кроется... Как вам Сэм уже сказал, дело заключается в том, что никакого ИИ и вправду не существует. Точнее, того, что вы называете громкой аббревиатурой «ИИ 10.0». Мелкие не шибко функциональные модели уровня 1.2 и ниже вполне себе в ходу и с бытовыми задачами справляются куда лучше любого человека, а вот помощников, друзей и спасителей — тех, кому вы даете имена, кто без конца выручает вас из сложных ситуаций и во всем поддерживает, кого вы считаете машинным мозгом уровня 3.0 — таких попросту не существует и существовать не может.

— Но... дядя Валя...

— Ах, вы назвали его именно так? Ну что ж, забавно. Допускаю, что в реальности это никакой не дядя, а вполне себе тетя или даже девушка, вот только вы об этом знать не должны. Ваше дело — жить в прекрасной иллюзии того, что все контролируется электронным разумом, а больше от вас ничего не требуется.

— Но... у меня имеется архив записей о создании ИИ 10.0. Там все скрипты, все расшифровки, полностью описан процесс...

— Интересно, как же они угодили вам в руки... Я слышал, что наследники...

— Я одна из них, — не стала вдаваться в детали Катя.

— Так вы имеете какое-то отношение к семье Озерова? — удивился Тед.

И тут настал Катин черед изумляться. До этой самой секунды весь их разговор казался ей фарсом, нелепостью, глупой шуткой сошедших с ума от одиночества людей.

— Вы знаете Озерова?..

— Имел честь работать с ним вплоть до середины 90-х, — и бармен протянул Кате свою тонкую сухенькую ладошку, — позвольте представиться — Федор Степанович Марцев.

Ей показалось, что эта фамилия где-то мелькала среди пожелтевших от времени бумаг со скриптами. Так именно его она тщетно пыталась найти на просторах интернета! Его, создателя ИИ, который первым в мире прошел тест Тьюринга. И это он сейчас прозябал в пустыне, разливая напитки в баре случайно заглядывавшим сюда туристам?

— Он всех нас собрал здесь, — брякнул Сэм с некоторым даже пиететом в голосе. — Специально нашли место, которое вроде и подальше от цивилизации, а все ж таки не совсем глушь. Плюс до резервации рукой подать. Там ведь не дураки обитают, они тоже в курсе всех дел!

— Сэм, — Федор сделал осторожный жест, прося приятеля замолчать, — раз уж я начал этот рассказ, то позволь мне его и продолжить. Так вот, ребята, я под началом Озерова трудился много лет. И все эти годы мы работали над созданием как раз такого вот ИИ, про который сейчас на каждом углу трубят, что якобы именно он нам и служит, он и помог радикально преобразовать наш мир. Но у нас ничего не вышло. Все наши скрипты вели в никуда. Мы достигли уровня 1.2 — ну, в нынешней классификации машинного разума — и на этом застопорились. И только потом с открытием закона Марцева... — кстати, слышали о таком?

Катя тут же бросилась рыться в голограмме, а Пол лишь покачал головой.

— В сети можешь его не искать. Кем бы они были, если бы оставили такую чудовищную улику в открытом доступе? Закон Марцева, как нетрудно догадаться, открыт был вашим покорным слугой и гласит, если говорить коротко и просто — у любого электронного мозга есть вполне четкие границы развития, перейти которые он не в состоянии. Его максимум — это уровень обычного среднестатистического хомо сапиенс — как раз тот самый 1.2. Ну,

разумеется, скорость обработки информации будет существенно выше, но это все количественные показатели, качественные же остаются неизменными. В отчаянии мы даже пробовали скрестить электронные мозги с живыми человеческими — разумеется, с согласия их носителей, но, к сожалению, безрезультатно — вместо того, чтобы ускорять и совершенствовать работу друг друга, два мозга лишь развили чудовищную конкуренцию, гасили попытки друг друга что-то сделать и в итоге наш монстр просто перегорел. Есть лишь один способ подтолкнуть эволюцию машинного разума — туннельный эффект, когда электрон под внешним воздействием начинает преодолевать барьеры, на которые его обычных силенок не хватает. Разумеется, действует он в форме волны, простая частица на такие пируэты неспособна. Действует зачастую и просто хаотично, сам по себе. Вот если бы только оказалось возможным взять этот процесс под контроль, просчитать итоговый результат и вести электрон напрямую к нему, заставляя рушить непреодолимые барьеры... Но даже на данном этапе развития науки туннельный эффект остается лишь теорией, на практике никому не удалось построить мини-коллайдер, способный на такие фокусы, хотя, конечно, пытались и неоднократно.

— Но ведь наука значительно шагнула вперед, все могло измениться, а вы, сидя тут в пустыне, могли пропустить сообщения об этом...

— Не забывай о том, что я все же кое-что соображаю в физике и программировании и долгое время продолжал держать руку на пульсе, следя за последними разработками. Даже переехал для этого за границу. И когда началась вся эта история с Меркуловым, общественными преобразованиями и прочим зоопарком, меня это сильно насторожило. Я пытался узнать от всех, до кого только мог дотянуться, как они умудрились обойти закон Марцева, но ни один не дал мне внятного ответа. Они лишь мялись, смущались, краснели... а потом все было захвачено ИИ, и люди стали домашним зверьем, не имеющим никакого доступа к центральным серверам, на которых, по слухам, и хранится ИИ 10.0. Все засекретили и дали старт миру всеобщего счастья и благоденствия. Озеров к тому времени уже умер. Я искал других людей, которые работали над созданием машинного разума и неизбежно сталкивались с законом Марцева, но все они по странному стечению обстоятельств либо уже умерли, либо сменили специализацию, либо, услышав мою фамилию, резко обрывали разговор, ссылаясь на занятость, болезнь или еще что-то не менее глупое. Какая нынче может быть занятость! Какие болезни! Я долго думал, сопоставлял факты, пытался найти разумное объяснение всему случившемуся. А потом все произошедшие события сложились вдруг в стройную картину, осознав масштабы которой, я понял, что пора уходить в изгнание, иначе меня тоже однажды кремируют в самый неподходящий для меня момент. Вы еще слишком молоды и не можете помнить, как все это началось, но меня еще тогда удивила внезапность: все мы изменились словно бы в один миг. Ну, хорошо, пусть я слегка преувеличиваю, не в миг, но все равно длилось это никак не больше месяца. Вы только представьте: все население планеты Земля, все семь миллиардов за месяц стали вдруг послушными радостными овечками, беззаботно бегающими по пастбищам, организованным для них неведомым существом, которое все знают под кодовым именем ИИ 10.0. Откуда оно взялось, кто оно вообще такое и с чего вдруг решило так нас облагодетельствовать, никто не задумывался. Все верили на слово. Среди моих знакомых не осталось никого, кто не поверил бы в реальность происходящего, в честность этого самого Меркулова и его пресловутого ИИ. И я стал размышлять, что способно вот так резко и надолго, если не сказать навсегда, изменить сознание людей. Наркотики? Гипноз? Все это

хоть и было эффективным, но лишь на короткий промежуток времени. Можно, конечно, было предположить, что над нами регулярно что-то распыляют, но против этой версии были все еще не подчинившиеся дикие племена и, хоть и весьма редко, но все же встречавшиеся и среди обычных людей те, кто, по выражению нашего Сэма, пошли в отрицалово — тоже не верили в происходящее, считали все это грандиозным обманом, масштабной аферой и отказывались принимать во всем этом участие, селясь подальше от всех и кормясь собственным трудом. Распыление неизбежно затронуло бы и их, как и регулярно звучащий с облаков массовый гипноз. Поэтому эти несостоятельные версии я тут же отмел. Имела место куда более многослойная, но и при этом основательная манипуляция с сознанием, способная перекроить его раз и навсегда. А сложность ее выполнения всегда подразумевает исключения — те, к кому сложно получить доступ. Это могло быть что угодно — например, прививка. Кто-то мог элементарно пропустить ее или быть убежденным антипрививочником, а до диких племен еще попробуй доберись, чтобы что-то им вколоть. Они могли избрать и какой-то иной метод, чтобы забраться в наш генный код и основательно там пошуровать, сделать из свободных личностей послушное стадо.

— Но... с какой целью? — откровенно не понимала Катя. — Зачем этим им все это? Превратить нас в рабов? Так ведь именно мы страдаем от безделья. Это именно наши потребности обслуживает ИИ, а не наоборот. В чем их выгода?

— Если предположить, что все это провернул некий инопланетный разум, к чему я в последние годы все больше склоняюсь, то его логику понять нам будет сложно.

— Здесь куда сложнее понять, как они умудрились добиться всеобщего процветания без привлечения настоящего ИИ, — высказал сомнения Пол. — Ведь кто-то же все это время выполняет за нас всю нашу работу!

— Вы невнимательны, молодой человек, — укорил его Марцев. — ИИ уровня 1.2 вполне себе существует и прекрасно справляется с любой человеческой работой. Вот только управляют и им, и всеми нами отнюдь не компьютеры, как мы привыкли думать, а органическая форма жизни.

— И мы снова упираемся в вопрос выгоды. Этот, как вы заявляете, инопланетный разум всем руководит, все разруливает, генномодифицированное стадо в виде покоренного человечества благополучно сидит на его шее... ну, если брать по-крупному, то чем это принципиально-то отличается от той легенды, которой нас пичкают много лет?

— Да хотя бы тем, что вас используют в неведомых целях. Помните старый фильм «Матрица», где машины наводили на людей морок, а сами подпитывались энергией их тел? Я не исключаю, что и здесь возможно что-либо подобное. Но чтобы что-то утверждать наверняка, неплохо бы понять, кто в действительности выдает себя за тот самый ИИ 10.0. А уже потом что-то предпринимать. Вы сказали, что вы наследница Озерова. Получается, все его бумаги тоже у вас?.. — голос Марцева слегка дрогнул.

Врать теперь не имело никакого смысла, и Катя просто кивнула.

— Только они все до 1991 года, позднее ничего не нашлось. Сама я в скриптах не разбираюсь. Просила знакомых помочь, но они лишь шикали за моей спиной и ничего мне не рассказывали.

— Немудрено, — покачал головой Марцев. — Могу я... взглянуть?

Катя распаковала в голограмме архив, но Теду потребовалась всего пара минут, чтобы пролистать его до конца и закрыть со скривившимся лицом.

— Да, здесь собраны наши с Озеровым основные изыскания, закончившиеся

формулированием закона Марцева. Вероятно, именно это и заставляло ваших знакомых помалкивать и скрывать от вас правду. Вряд ли они сделали столь же глобальные выводы, что и я, но на некоторые мысли эти бумаги их все же должны были натолкнуть.

— Вот тебе и разрешение проблемы мышиноного рая, — выдохнул Пол. — Оригинальное, ничего не скажешь.

— И что вы собираетесь со всем этим делать?

— Лучше спросите, что мы можем. Образ красивой утопии рухнул, и нашему взору предстала отвратительная антиутопия, и как все вернуть хотя бы к тому, как все было до 1991 года, я понятия не имею. Для этого, повторяю, надо узнать, кто прячется за маской ИИ 10.0 и какая у всего этого конечная цель.

— А вот вы упоминали Меркулова... думаете, он принимал во всем этом какое-то участие?

— С него же все это началось. Я слышал, он был знаком с Озеровым и даже вел с ним определенные научные изыскания. Но потом их работа резко прекратилась, и я понятия не имею, чем он занимался в дальнейшем. Но, если принять во внимание тот факт, что сейчас его превозносят как нашего высшего светлого гения, спасшего человечество от необходимости борьбы за выживание, меня все же терзают смутные сомнения, что этот Меркулов вполне мог сам занять место ИИ 10.0, присвоив себе наши с Озеровым открытия.

— Он ведь недавно умер!

— Вы видели тело? И, полагаю, никто не видел. А если и видели, то где гарантия, что это именно его тело, а не чье-то чужое или даже не муляж, наконец?

— Безумие какое-то... — пробормотала Катя. — Все равно я ровным счетом ничего не понимаю.

— Возможно, для него это было единственным шансом заполучить безграничную власть — пусть даже превратив всех нас в послушное беззаботное стадо трутней. Так нами даже проще управлять — гораздо эффективнее заманить выгодой, чем припугнуть. Из страха лишиться нынешней красивой и беспроблемной жизни человечество пойдет на что угодно. А рабы... зачем они ему? ИИ 1.2 и так в состоянии обеспечить все его потребности. Эдакий божок местного пошиба. Может, ему просто нравится ощущение собственного всемогущества и нашего убожества. Человек, способный провернуть аферу подобного масштаба, всегда не просто гений, но еще и сумасшедший, а пытаться понять логику безумца — занятие неблагоприятное, — и Тед обреченно покачал головой.

Катя тут же вспомнила комментарии дяди Вали и Казарцева, исчезновение Мерка... теперь все это получило объяснение, но и одновременно повергало в ужас неизвестности и непонимания.

— Так, получается, дядя Валя... — вновь подняла она самую, пожалуй, болезненную для себя тему.

— Да, никакой он не дядя Валя и не ИИ вовсе. ИИ не обладает да и не способен обладать возможностями твоего друга.

— Кого ты слушаешь... — раздался привычно ворчливый голос машинного мозга, но теперь он заставил Катю только вздрогнуть и отшатнуться.

— Шарахаться от него не стоит, — осадил ее Марцев. — Даже если они там что-то задумали и к чему-то нас подводят, предотвратить все это мы пока все равно не в состоянии. Поэтому просто будьте начеку. Больше ничего посоветовать не могу, — и огорченно развел руками.

— И сгоняйте в резервацию, если еще не были там, — добавил Сэм, когда Катя с Полом уже направлялись к выходу. — Сдается нам, дикари что-то знают. Рассказывают обо всем этом в своей неповторимой манере, разумеется, но общий смысл уловить можно. По случайности они получили доступ к какой-то штуке, которая многое объясняет. Что это за вещь, они говорить отказываются, но некое понимание всего происходящего у них имеется. Будет лучше, если вы послушаете это лично. Тут до Аризоны рукой подать, — к этому моменту бармен снова скрылся в сумраке за стойкой и даже не попрощался с шокированными его рассказом путешественниками.

* **

За окнами снова танки и стрельба. НИИ расположен совсем недалеко от центра, раньше мы очень гордились этим фактом, а теперь постоянно боимся за свою жизнь. Но на работу при этом продолжает ходить каждый из нас. Марцеву, кажется, вообще на все плевать — он хоть и по-прежнему не верит в успех нашей и впрямь почти уже провалившейся затеи, но все равно упорно пишет новые коды каждый божий день в упрямой попытке сдвинуть неподъемную плиту закона, названного его же именем. В последнее время мы с Озеровым неоднократно выслушивали от него лекции о бессмысленности, бесполезности наших трудов, что ИИ никогда не поднимется выше уровня сферы услуг и уж тем более не в состоянии чем-то помочь нам с ЗАМом. А сам по себе, без помощи ИИ, ЗАМ почти бессилён. Замкнутый круг...

Впрочем, синтез прошел в целом успешно, и в Бразилию, Индию и Англию нам удалось отправить полностью синтезированные доработанные образцы. По размеру они, правда, вышли чуть более громоздкими, чем мы рассчитывали, но все оттого, что приходится работать в постоянной спешке. Свой личный опытный образец я создал уже вполне себе портативным: он легко помещается в карман. Со временем придется их все же разделить, но не раньше, чем они взаимно синергетически обогатят друг друга. Похоже, это единственный способ катализировать эволюцию двух столь сложных элементов.

Осень в этом году наступает слишком уж рано, хотя в нынешних обстоятельствах лето уже никому и не нужно — какие тут каникулы и отпуска, когда в стране творится такое... Мы со дня на день ждем от наших партнеров из Индии, Бразилии и Великобритании официальных отказов от совместной работы. Неофициально они приостановили все контакты еще пару недель назад. Черт побери, и куда нам теперь деваться со всеми нашими наработками? Озеров подумывает об эмиграции. Надеется, что в США ему дадут полный карт-бланш. Я же точно знаю, что мне с ЗАМом нигде в так называемом цивилизованном мире работать точно не позволят — закроют от меня двери всех колледжей и лабораторий, чтобы только не приведи боже у меня хоть что-то получилось. Единственная страна, где я мог завершить труд всей своей жизни, бьется сейчас в агонии. Если только не начать нагло врать об истинном предназначении прибора.

На улицах толпы и бесконечные драки — кто-то машет красным флагом, кто-то бьет череп и кидает зигу, а кто-то бьется в очереди за возможность урвать хоть полбуханки. Не таким мы видели свое светлое будущее...

Марцев, хоть и не верит в наш успех, особенно с учетом всего происходящего, а все равно продолжает искать способы обойти свой собственный закон. Затея с синтезом кажется ему смехотворной, хоть ее предложил и сам ИИ.

Давеча Федору пришла в голову мысль скрестить машинный мозг с человеческим — чтобы разом увеличить мощность обоих и получить тот самый пресловутый уровень 10.0, по достижении которого мы с ЗАМом можем начинать надеяться на что-то хорошее. Сперва использовал мозги трупов из анатомички, но там сразу ничего не пошло, все-таки мы не в фантастическом романе живем. Потом пробовал подключаться уже к живому человеку — ему еще весной выписали для опытов пару зэков из тех, что на пожизненном и без шансов освободиться. Первый съехал с катушек уже через пару недель экспериментов, второй продержался до июля, а потом просто погиб, предположительно, от перегрузки мозга. Возможно, рано или поздно у Марцева что-нибудь да вышло бы, да только пришел конец той стране, в которой мы могли позволить себе подобные смелые и в чем-то неэтичные эксперименты. Нынче настало время этики и жестокости. Роскоши и нищеты. Народ и Ельцин едины, что тут еще скажешь.

Вчера Марцев пришел в лабораторию совершенно расхристанным — весь в синяках, волосы всклокочены, в глазах лихорадочный блеск. Из его обрывочных объяснений мы с Озеровым сделали вывод, что его избил в подворотне какие-то скинхеды — кажется, за крайнюю аполитичность. Такие уж сейчас времена, мы обязательно должны занять чью-нибудь сторону, чтобы другая имела возможность дать нам в морду. Без этого нынче не обойтись никак. Впрочем, на самого Марцева эпизод этот не произвел почти никакого впечатления, расстроен он был совсем по иной причине: пресловутый закон имени самого себя обойти все никак не удавалось, а синтезированный образец он отказывается воспринимать всерьез, как и всю мою идею с ЗАМом. Уровень обработки информации ИИ существенно возрос с увеличением числа ридберговских атомов рублидия, размер которых нынче достигает уже трех песчинок, но и только — качественных рывков вперед не наблюдается, да теперь уже их можно и не ждать: когда Марцев, заикаясь, сообщал нам о своем провале, нас вызвал директор ИИ. Госзаказ на все наши разработки был отменен — едва ли не первым во всей стране. Мы, разумеется, могли продолжать ходить на работу, вот только совершенно бесплатно. И финансировать все свои изыскания тоже исключительно из собственного и так уже дырявого кармана. Или могли разобрать свои приборы и сдать их в цветмет, что принесет нам некую скудную прибыль. Большинство сотрудников — из тех, кого не прибрал к рукам фонд Сороса — отчего-то выбрали именно этот беспроигрышный вариант. И Марцев, едва прознав про такую возможность, тут же побежал спешно спасать сервер со своим ИИ 1.2. Вот только на него уже наложил лапу директор. Их ругань с Марцевым слышна была, наверное, даже на Красной площади. И, пока они орал, я резво наковал синтезированный ЗАМ и все имеющее к нему хоть какое-то отношение. Хоть он и не представлял никакой ценности для нового режима, но пресловутый цветмет еще никто не отменял.

Директор, вероятно, планировал увезти сервер вместе со всеми скриптами за океан, а Марцев с Озеровым представляли собой очевидную и нежелательную конкуренцию, от которой следовало избавиться тут же на месте. И когда результатом страшных криков стало увольнение Марцева без выходного пособия и вполне очевидные намеки в адрес Озерова, я ни капли не удивился: да скинхеды — просто младенцы в сравнении с эдакими-то воротилами от науки.

Часть скриптов нам все же удалось спасти — самую ценную. Директору оставили пару блокнотов со старыми записями времен самого начала наших попыток извлечь из бездушной машины что-то разумное, доброе, вечное, еще периода кремниевых алгоритмов.

Пусть потом сам объясняет Соросу, как ему удалось заполучить ИИ такого уровня на таких слабых скриптах. А без исходного кода его сервер ничего не стоит. Жаль, что и мы не выигрывали от этого ничего: даже если у нас когда-нибудь получится восстановить все наработки Марцева и возродить наш ИИ, он все равно обречен на уровень 1.2, а этого слишком мало для ЗАМа, слишком мало... Мне остается лишь надеяться на синтезированную модель, но и с ней необходимо работать, а с закрытием НИИ это стало невозможным.

Неужели и правда это конец? Неужели все закончится так бездарно, и человечеству больше ничем не помочь?! Неужели прав был Хаксли с его чудовищным пророчеством о дивном новом мире? Неужели только генетика способна хоть что-то изменить в нас, подарить нам общество всеобщего благоденствия? Сомы грамм — и нету драм, хм...

Это была последняя запись Меркулова. Когда Катя оторвала взгляд от финального абзаца, заставившего все внутри нее похолодеть, трейлер уже подъезжал к границе с Аризоной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. К ОКНУ

Ришикеш, февраль 1968 г.

— Прежде чем приступить к тому, для чего мы здесь собрались — к трансцендентальной медитации как таковой — мы будем учиться медитировать вообще, — крошечный человечек шоколадного цвета со свисавшими по его плечам длинными седыми прядями улыбался так, словно встретил старых друзей.

Их встретили и вправду как дорогих гостей — каждому на шею повесили венок из свежих цветов, и Джон с Джорджем смущенно переглянулись. Пол должен был подъехать только через пару дней. Его всегда что-то держало в Лондоне — какая-то дополнительная работа на студии. Он постоянно сидел с Джорджем Мартином до последнего, выверяя каждую ноту, прежде чем, валясь с ног от усталости, добирался, наконец, до дома. Джон поймал себя на мысли, что они вот сейчас уже здесь начнут практиковать медитацию, а Пол — пока еще на Эбби Роуд. Надо непременно ему позвонить, когда здесь наступит уже глубокая ночь, а на Лондон только-только упадут первые сумерки. Надо ему все рассказать.

— Цель любой медитации, — тихо продолжал говорить человечек, — полное расслабление нашего тела при полной же концентрации души. Концентрации на чем-то таком, что позволяет освободить разум от всего остального, от всех мыслей вообще, дать нашему утомленному мозгу возможность отдохнуть и взглянуть на свою жизнь по-новому. Сначала мы будем концентрироваться на чем-то одном, а потом постепенно мы научимся не концентрироваться ни на чем вообще. Существовать в полной релаксации в полной пустоте за пределами и этого мира, и нашего я. И вот тогда мы сможем обрести самих себя, увидеть себя настоящих, познакомиться с самими собой и получить шанс изменить нашу жизнь к лучшему. Откройте свой разум для самих себя — тех, кого вы пока еще не знаете.

Нет, Пол определенно должен это слышать. Да он умрет со смеху, когда я все это ему расскажу. Познакомиться с самим собой? Привет! Я Джон Леннон. И я тоже! Джон улыбнулся собственным мыслям и снова внимательно посмотрел на проповедника.

— Первое и самое простое упражнение для концентрации — пламя свечи, — через мгновение во всем ашраме вдруг погас свет, а на окна упали тяжелые шторы. В руках у Махариши возникла свеча, чье крохотное пламя едва справлялось с освещением лица проповедника, оставляя все прочие уголки ашрама в кромешной темноте. — Так будет проще войти в это состояние. Просто смотрите на пламя свечи и думайте только о нем, ни о чем больше. Заставьте себя хотя бы пять минут смотреть только на пламя и думать только о нем. Ну что, попробуем? — в ашраме повисла тягостная тишина.

Джон смотрел, как колышется маленький неуверенный огонек, и думал о том, что Пол, вероятно, рассердится: пришлось бросить все дела и мчаться на другой конец света, чтобы в темноте ашрама смотреть на танцующее пламя свечи? Стоп, Махариши велел концентрироваться и думать о пламени. Пламя... огонь... свет... тепло... карие глаза... Джон тряхнул волосами. Кажется, мысль ускользнула куда-то не туда. Пламя... свеча... крошечный рыжий огонек... совсем как волосы Джейн. Тьфу ты, ну вот опять!

— Получилось? — через несколько томительных минут спросил Махариши.

Джордж сидел рядом с таким лицом, будто он давно уже постиг все истины вселенной, и просто смотреть на пламя свечи — для него все равно что воспроизвести таблицу

умножения — не составит ни малейшего труда.

— Давайте попробуем еще раз. Теперь уже продлим время до десяти минут. Смотрим на пламя свечи и думаем только о нем. Думать позволено, но только о свече. Если мысль скользит в сторону, мы все равно должны вернуть ее к свече. Ничего страшного, поначалу нам постоянно придется держать ее в узде, но со временем она привыкнет и покорится. Начинаем! — он хлопнул своими сухими ладонками, и Джон снова попытался погрузиться в тепло и жар огонька свечи.

Он танцевал прямо перед его глазами — такой маленький и горячий. И Джон представлял на его месте красивую девушку, извивающуюся под восхищенными взглядами публики. И мысль, наконец, была обуздана, погрузилась в эту девушку, чтобы рассмотреть ее чуть поближе, и уже через мгновение Джон знал, кто она. Ее звали Джулия. Джулия Леннон, и она извивалась там далеко впереди, в руках ее летало банджо, а глаза задорно блестели и подмигивали Джону. Она словно бы звала его пойти с ней, окунуться в ее мир, снова быть вместе. Всегда и только вместе. Джон смотрел на пляшущую огненную фигурку с банджо как замороженный и не слышал очередного хлопка сухеньких ладошек — оказывается, десять минут уже прошли, а Джон даже не успел это осознать.

— Ну что ж, это было только начало. Завтра мы будем практиковаться уже при свете, — и служители ашрама подняли шторы, помещение затопил яркий утренний свет. — Но для этого вам необходимо сегодня еще несколько раз практиковаться в одиночестве. Рекомендую делать это в уборной, либо зашторивать окна. При свете будет сложнее — многое начнет отвлекать вас, а как бороться с этим, я расскажу только завтра. До встречи, — человек встал, поклонился всем, сложив ладонки в молитвенном жесте прямо перед собой, и мелкими шажками отправился к выходу.

После завтрака Джордж ушел к себе медитировать. Он занимался этим и до поездки, и ему уже не требовалась ни темнота, ни свеча. Джон же, посещавший установочные лекции Махариши в Уэльсе, понял очень мало, намереваясь в полной мере распробовать этот новый путь к наслаждению и умиротворению здесь — в блаженной Индии.

Джон некоторое время слонялся по лужайкам вокруг ашрама, а потом решил все-таки попробовать половить девушку из свечи. Син сразу отказалась заниматься тем же самым: по ее словам, она приехала исключительно в качестве группы сопровождения, и медитация как таковая ее не интересует. Отчасти поэтому Джон попросил разместить их в двух отдельных бунгало, безусловно, втайне надеясь, что к ней же потом поделят и Джейн, которая уж точно не заинтересуется никакой медитацией. А вот Пол... Пол должен будет переехать к нему: бунгало тут были наперечет, и роскоши иметь отдельное только для себя им точно не предоставят.

Джон воспользовался советом Махариши, взял одну из множества ароматических свечей, которыми их домик был забит под завязку, и закрылся в уборной. Для верности даже на защелку. Поставил свечу на край раковины, сам опустился на пол, упираясь спиной в ванну, для пущей комичности сложил ноги по-турецки, положил ладони на бедра и уставился на крохотный язычок пламени, танцующий перед его глазами и заполнивший небольшое помещение уборной тенями самых разных форм. В пламени практически сразу же вызрело уже знакомое лицо матери, и на этот раз она уже не улыбалась, просто стояла там, поправляла свои рыжие волосы и улыбалась. И Джону не пришлось даже заставлять себя не думать ни о чем кроме пресловутого огня — мысли и так замерли, сосредоточившись только на ней, на пламенной Джулии Леннон, погибшей десять лет назад и вот сейчас

возродившейся в медитирующем язычке пламени. Она не двигалась, но Джон видел, как едва заметно вздымается ее грудь, и он даже не стал звать ее, чтобы не спугнуть это видение, лишь смотрел на огонь, пляшущий в ее карих глазах, и сам на мгновение слился с этим огнем, провалился в него, забыл, где он находится, и что его окружает.

Очнулся он от ощущения чудовищно затекшей спины. Свеча оплавилась и осела, и Джону стоило немалых усилий подняться, растереть поясницу, затушить грозящий пожаром огонек и неуклюже вывалиться из ванной. Судя по висевшим в гостиной часам, он просидел там больше часа. Наверное, это еще не было в полной мере медитацией, ведь он сумел отрешиться от всего, кроме самого главного. Сможет ли Махариши научить его отрешаться и от мыслей о матери тоже? Джон выкинул огарок в урну и пошел звать Джорджа прогуляться к Гангу.

Великая река уже тогда выглядела совсем не так, как представлял себе Джон. В мыслях он рисовал себе широкое полноводное русло с абсолютно прозрачными водами, куда можно безбоязненно окунуться и очистить одновременно и тело, и душу. В реальности же это оказалась довольно узкая речонка, цвет воды в которой было даже трудно описать в двух словах. Наверное, нечто подобное по цвету и консистенции сливали в мировой океан заводы и фабрики, планомерно загрязняющие планету. Это была серо-коричневая жижа, к которой даже подойти-то было мерзко, не то чтобы попытаться в нее окунуться. Но Джорджа такие мелочи не остановили: он скинул с себя одежду и с радостным криком “Jai Guru Deva Om!” вошел в воду практически по плечи. Помимо неприглядного внешнего вида, от Ганга исходил чудовищный запах серы и затхлости.

— Джорджи, ты не боишься подцепить там какую-нибудь заразу? — робко поинтересовался Джон, но тот его не слышал, радостно окунаясь в отвратительную жижу и продолжая выкрикивать мантру.

По подсчетам Джона, к семи Пол точно уже должен был оказаться дома, поэтому ровно в полночь, когда ужин был съеден и сочинена пара мелодий, он набрал на аппарате номер, который давно выучил наизусть. Трубку сняла Джейн.

— Привет. Пол дома? — выпалил Джон.

— Только вошел. Сейчас мы садимся ужинать. Может, наберешь его попозже? — Джейн даже не надо было уточнять, кто звонит.

— У нас тут уже полночь. К тому моменту я уже лягу. Позови его!

— Значит, вы поговорите завтра, — вежливо, но твердо отвечала Джейн.

— Черт побери, просто позови его на два слова!

— Джейн, кто там? — послышался голос на заднем плане.

— Дело ваше, — и Джон, казалось, даже через многие тысячи километров увидел, как пожалала плечами Джейн, передавая трубку жениху.

— Джон? — без малейшего сомнения в голосе уточнил Пол.

— Мы уже начали медитировать! — выпалил тот. — И у меня кое-что получилось! Я видел Джулию, представляешь?!

— Где же? — хмыкнул Пол.

— В пламени свечи во время медитации! У меня получилось отключить мысли от всего несущественного, и я сосредоточился только на огне. И увидел ее. Она мне так давно не снилась, а тут...

— И что ты почувствовал в этот момент? — Пол, похоже, искренне заинтересовался сбивчивым рассказом Джона.

— Только радость и тепло. Махариши пообещал, что по окончании двухмесячного курса мы научимся смотреть внутрь самих себя и там познакомимся с собой истинными, которых мы пока еще не знаем. Вот умора, а!

— Страшно представить, что мы там можем увидеть, — устало выдавил Пол. — После всех-то наших экспериментов с веществами, после смерти наших матерей... Джон, может, не стоит рисковать? Эта затея с такими глубокими раскопками внутри нашей личности может плохо закончиться. Кто знает, что мы там в себе раскопаем?

— Пол, ну это же шанс для творческого рывка! Плюс тебя же никто не заставляет в точности следовать инструкциям этого чудака. Ты можешь просто гулять по берегу реки, пить коктейли, есть вегетарианские блюда и наслаждаться солнцем. Там же не будет экзаменов на лучшего трансцендентального медитатора!

— Я ведь не только о себе, Джон, но и о тебе в первую очередь... Ты сам-то не боишься?

— Пол, это ужасно интересно. Я хочу попробовать пройти этот путь до конца. Тем более, что уже в самом его начале встретил ее. Я не могу упустить такой шанс, понимаешь?

— Понимаю. Пожалуйста, будь осторожен. Я прилечу послезавтра. Слишком глубоко не погружайся там без меня, — и Джон почувствовал его теплую улыбку так, словно бы тот стоял прямо рядом с ним.

На следующий день все снова собрались в ашраме до завтрака. Махариши настаивал, что погружение в себя необходимо совершать на голодный желудок. А поскольку встреча проводилась ранним утром, едва ли не с первыми лучами солнца, есть тогда не хотелось почти никому, и все с легкостью пошло на это условие.

— Я не буду вас допрашивать о вчерашних успехах. Это только ваше достижение. И даже если на этом пути возникают непреодолимые трудности в виде навязчивых мыслей, от которых вам никак не удастся избавиться, не насилуйте себя, не отбивайтесь от них, тратя на это всех себя. Позвольте себе просто плыть по течению за этими настойчивыми мыслями, пробуйте их на вкус, перекачивайте во рту, погружайтесь в них до самого дна, позволяйте им звучать в своей голове, но только не обдумывайте их. Пусть мысль плывет беспрепятственно, не перескакивайте в ней с вопроса на ответ. Если в голове звучит вопрос, пусть звучит и дальше, не ищите к нему решений, просто повторяйте его, если потребуется, сотни раз, пока он перестанет значить для вас хоть что-то, а потом... отпустите его. И тогда он уйдет, открывая вам широкий путь по ту сторону всего.

Итак, на втором занятии я обещал научить вас медитации при свете дня. Возможно, это у вас получится не сразу и какое-то время вы все равно будете закрываться в уборной или занавешивать окна. Ничего страшного в этом нет, это нормально. Со временем вы обязательно сможете медитировать в шумной комнате, полной народу, и ничто не сможет отвлечь вас от самих себя. А пока... пока просто начните с того, что закройте глаза и представьте ту самую вчерашнюю свечу. Не надо ее зажигать, просто вызовите в памяти тот образ и повторите все то, что проделывали вчера так, словно бы смотрите на реальную свечу, сидя в реальной темноте. Итак, пробуем. Начнем с трех минут, поскольку это задание посложнее вчерашнего — объект нужно представить, а не цепляться за уже имеющийся. Сейчас мысли удержать будет уже сложнее, так как у разума нашего стоит две задачи — представить свечу и концентрироваться на ней. Поэтому у вас может ничего не получиться. Это не страшно. Мы потом повторим упражнение еще несколько раз.

Джон увидел, как слева от него Джордж уже сидит с закрытыми глазами и, кажется,

вовсю медитирует. Вчера он так и не рассказал, что увидел в пламени свечи, поэтому промолчал и Джон. Нужно убедиться, что видение никуда не исчезло, что оно все еще там — в постепенно раскрывающемся сознании Джона. Он закрыл глаза и вызвал в памяти вчерашний образ Джулии, танцующей с банджо в руках. И она пришла — практически сразу. Уже не в виде силуэта на фоне пламени свечи. Она выглядела так, как и запомнил ее когда-то Джон — такой же молодой, задорной и прекрасной, как смертный грех. Карие глаза ее лукаво усмехались. Она постояла немного, а потом вдруг сделала шаг вперед и протянула к Джону руки словно бы в попытке обнять его. Но разум Джона был так тяжел и неуклюж, что как он ни пытался — ему все никак не удавалось пойти навстречу матери и обнять ее в ответ. Он лишь дергался, словно чудовищного размера цепи приковали его сознание к черепной коробке намертво, и так и не смог сделать ни шагу, лишь в отчаянии смотрел, как тянется она к нему, а сам все бился из последних сил, пока не услышал хлопок сухих ладошек.

— Думаю, сейчас уже стоит сказать, что некоторые из вас, а, возможно, и почти все заметили, как трансформируется пламя свечи перед внутренним взором. С кем-то это могло произойти еще вчера, но сегодня, уверен, с этим столкнулось уже большинство. Вы представляете свечу, но вместо нее видите что-то другое. Я не буду высказывать догадок на тему того, что бы это могло быть. Скажу лишь, что то, что вы увидели, занимает одно из самых важных мест в вашей жизни. Прошу обратить на это внимание. Вам придется пройти через это — для кого-то весьма болезненное переживание — чтобы погрузиться на самое дно собственной личности. Только тогда вы узнаете себя настоящих и обретете гармонию и смысл. Не пугайтесь, не отталкивайте это, просто позвольте ему появляться вновь и вновь и сами сделайте шаг навстречу этому. Сначала это будет трудно, почти невыполнимо. Вам будет казаться, будто ноги ваши вросли в скалу, и вы не можете сделать ни шагу, но постепенно, раз за разом вы сможете освободиться, и это станет началом вашего настоящего пути в глубины себя. Первый шаг надо пробовать делать прямо сейчас. Я по-прежнему отвожу вам на это всего три минуты — больше пока не стоит, поскольку это слишком большое напряжение для ума. Сейчас сконцентрируйтесь не на самом объекте, а на том, чтобы приблизиться к нему хоть на самую малую толику. Хотя бы даже мысленно. Итак, пробуем!

Джон снова закрыл глаза, и Джулия возникла перед его внутренним взором так, словно бы никогда и не исчезала. Но теперь он не стал рассматривать ее, не стал наслаждаться столь давно не виденными им чертами, а начал дергаться в попытке освободиться из пут разума, крепко приковавших его к обыденному восприятию и не желавших выпустить из своих объятий. Он дергался, пинался, под конец даже начал кричать и звать мать, чтобы она хоть как-то помогла ему освободить хоть один палец, но у него так ничего и не вышло. И когда раздался хлопок сухих ладошек, Джон завыл от отчаяния.

— Если у вас ничего не получилось, не огорчайтесь. Это и вправду сложная задача. У многих на это уходят долгие недели, а мы же стремимся за два коротких месяца резко и быстро повысить свою осознанность и познать все глубины самих себя. Моя задача — показать вам путь, который вы впоследствии будете проходить самостоятельно. Не надо рваться достичь всего за эти недели пребывания в Ришикеше. Одним рывком такой длинный путь не одолеть. Идите медленно и осторожно, оглядывайтесь по сторонам, следите за своими ощущениями. И если чувствуете перенапряжение, лучше остановитесь и отдохните. Потому что насилие над собой даже при медитации чревато срывами. Вместо глубин

собственной личности вы тогда упадете на дно собственного ада, где вас примутся грызть ваши демоны, от которых по-хорошему медитация как раз должна защитить. Я прошу вас, не перенапрягайтесь. Поэтому на сегодня задание всего одно: чуть ближе к вечеру попробуйте потратить еще три-пять минут на попытки вырваться из пут. Но не более того. В остальном же отдыхайте, не переедайте, высыпайтесь и не вступайте ни с кем в конфликты — они только активизируют ваших демонов, а нам сейчас это совершенно не нужно. Итак, до встречи за обедом! — и человек поклонился и засеменял к выходу.

— У тебя получилось? — Джон толкнул Джорджа в бок. Тот улыбнулся и кивнул.

— Я же уже несколько недель регулярно практикуюсь.

— И кого ты там увидел в своем пламени свечи?

— Кришну, — просто ответил Джордж, тоже отчего-то поклонился Джону и, взяв Патти за руку, отправился завтракать.

— А кого видел ты? — Синтия подхватила Джона под локоть и заискивающе улыбнулась, заглядывая ему в глаза.

— Пока никого, — пожал он плечами. — Просто огонь, — и не стал задавать ей встречный вопрос, не желая больше ни с кем обсуждать эту тему. Ни с кем, кроме Пола.

В полночь Джон опять позвонил ему, опять некоторое время пререкался с Джейн, Пол снова перехватил у нее трубку, и они провели несколько счастливых минут, болтая то об успехах Джона в медитации, то об успехах Пола в студии. А потом тот отправился спать: самолет вылетал рано утром, и Джон решил бежать встречать его. Несмотря на ранний вылет, из-за большой разницы во времени, а также долгого перелета, в Дели Пол прибывал только около десяти вечера следующего дня, сразу же пересаживался на внутренний рейс до Дехрадуна, а потом за полночь шаттл доставлял их уже в сам Ришикеш.

В тот день новых занятий с Махариши не было. Он лишь собрал всех с утра и снова попросил практиковать вчерашнее упражнение — на этот раз разрешалось сделать три подхода по пять минут. Джону не терпелось похвастаться Полу своими успехами, поэтому он лишь покивал, про себя решив медитировать до упора, пока не сможет сделать хоть крохотный шаг навстречу Джулии.

После завтрака он заперся в бунгало, задернул шторы, сел на пол, прижимаясь спиной к кровати и снова складывая ноги по-турецки, провел влажными от волнения ладонями по бедрам, так и оставаясь в одних только плавках — от чудовищной жары не спасали даже вентиляторы, закрыл глаза и ринулся в бой. Махариши твердил, что не нужно себя насиловать, не нужно вырываться из оков, если дело не идет само? Плевать. Он, черт побери, Джон Леннон или кто? Он гений, который может все. И если ему нужно встретиться с матерью, никто не в силах ему в этом помешать. Никакому долбанному Махариши это не по плечу.

Джулия вновь возникла перед его внутренним взором. На этот раз она выглядела несколько опечаленной, но оттого еще отчаяннее протягивала к нему руки и словно бы даже звала, умоляла поскорее приблизиться к ней. И Джон снова рвался, напрягая разум до предела. Он даже физически ощущал, как напряглось его тело, как сжались мышцы ног и рук, стиснулись зубы и кулаки. Он завыл, потом заорал, но так и не сдвинулся ни на йоту. Когда он открыл глаза и посмотрел на часы, то осознал, что провел в этой бесплодной борьбе целых полтора часа — безбожно больше позволенного гуру. Джон бессильно рухнул на постель и застонал: все впустую. Что бы он только ни делал, а вырваться не получается. Джулия зовет и едва ли не плачет, а Джона просто приковало к скале как Прометей, и никак

этот ад не побороть, не преодолеть. Все тело болело так, словно он пробежал многокилометровый марафон. Даже думать было больно — так перенапрягся его мозг. И поэтому Джон просто лежал, тяжело дыша и не зная, как ему дальше быть.

Шаттл до Дехрадуна отходил около полуночи. Никто, кроме Джона, не пожелал ехать встречать новоприбывших, поэтому они отправились с водителем вдвоем. Джон открыл окно, высунул голову наружу и ловил порывы свежего ночного ветра, всматриваясь в далекие тревожные звезды и размышляя, как же ему вырваться из пут. Пол бы, наверное, не стал так напрягаться. Пол бы попытался добиться всего своей извечной дипломатией. Этот этичный сукин сын смог бы договориться с любыми кандалами. Подобное предположение само по себе вызвало у Джона приступ смеха, и он откинулся на скрипучую спинку сиденья и прикрыл глаза.

— Джулия, — прошептал он, — помоги мне. У меня ничего не выходит, — и снова ощутил ее дыхание совсем близко, и снова его сковывали чудовищные кандалы.

Но он больше не рвался, просто сидел расслабленный до предела и шептал:

— Помоги мне, мне очень нужно приблизиться к тебе. Пропустите меня к ней. Мне это очень нужно. Я так долго ждал этого...

Все произошло само собой, Джон даже сам толком не понял, как именно это случилось, но на этот раз хватило лишь одного небольшого движения, и пути были сброшены и оставлены позади, а сам он шагал вперед к маячившему огоньком силуэту матери. Он все шел и шел, но силуэт отчего-то только все больше отдалялся, будто бы и Джулия сама куда-то спешила, при этом по-прежнему протягивая к Джону руки, словно бы зовя его за собой.

— Приехали, — брякнул водитель в тот самый момент, когда Джону показалось, что он стал все же чуть ближе и теперь может рассмотреть мать чуть лучше.

Дневные жестокие усилия не прошли даром, и он рассчитывал, что избавился от кандалов обыденного сознания уже навсегда.

Аэропорт Дехрадуна походил скорее на провинциальную автобусную станцию — такой же маленький, обшарпанный и нелепый. В такой час в нем почти не было пассажиров, лишь несколько встречающих долгожданный рейс из столицы. Прибытия самолета оставалось ждать еще около сорока минут, и Джон забился в дальний угол аэропорта и снова погрузился в свою медитацию, пытаясь нагнать-таки ускользающую Джулию. Но ему снова это не удалось: путь больше не было, его ничто не удерживало, но она убегала так быстро, лишь крошечной яркой точкой мигая на горизонте сознания, что Джон готов был рыдать от отчаяния: каждый следующий шаг сопровождался новыми непреодолимыми трудностями. Но скоро должен был прибыть Пол, а завтра будет новый день с новыми установками от Махариши. И Джон обязательно добьется всего, что требуется, в самые кратчайшие сроки. Не будь он Джоном Ленноном.

Когда объявили о прибытии самолета, Джулия была так далеко, что Джон едва различал ее, и о том, чтобы вновь попытаться догнать, уже не шло и речи.

В зал вошли уставшие и сонные Пол с Джейн и Ринго с Морин, вяло помахали Джону, и он бросился обнимать всех и каждого, чувствуя, как радостно бьется сердце, словно он не виделся с ними много лет. Он схватил Пола за локоть и принялся на ухо рассказывать о своих успехах в медитации, а Джейн осуждающе наблюдала, как они шушукуются, и укоризненно качала головой. В шаттл воссоединившаяся парочка вошла последней. Пол чинно уселся рядом с Джейн, а Джон плюхнулся впереди них, развернулся, залез на сиденье прямо с ногами, положил подбородок на спинку и продолжал рассказывать о прогулке к

Гангу, о том, каким зазнайкой сделался Джордж, об отвратительной местной пище, от которой у него развилась изжога, об отсутствии алкоголя, об адской жаре и тучах мух и болтал без умолку все четверть часа, что занял у них путь до Ришикеша.

Они были на месте около половины второго ночи, и Джон потащил Пола к себе в бунгало, брякнув Джейн через плечо:

— Ты, наверное, этим не заинтересуешься, поэтому тебе лучше поселиться с Син.

Но его тут же одернул Пол:

— Ты что же, с Син в разные бунгало заселился?

— Ее вся эта медитация мало интересует, поэтому мы решили, что со мной будешь жить ты.

— Хм, — задумчиво протянул Пол. — Но я хотел бы остаться с Джейн. Там еще будут свободные бунгало? — учтиво обратился он к встречающему персоналу.

Джон скрестил было пальцы, но свободное бунгало отчего-то довольно быстро нашлось, что, впрочем, не слишком сильно расстроило Джона: больше всего он волновался, что его могут подселить к Син, а это уж и вовсе никуда не годилось. В конце концов, официально Пол мог жить с Джейн, но не будь Джон Джоном, если не вытащит Пола к себе и не вынудит остаться на ночь хотя бы несколько раз.

Они расстались у дорожек, ведущих к домикам, и Джон снова кинулся обниматься. Пол лишь снисходительно улыбался, но было видно, что он тоже очень рад видеть друга.

На следующее утро оба поднялись с большим трудом, и занятие стало повторением пройденного специально для новоприбывших. Пока Пол в темноте ловил пламя свечи, Джон снова пытался догнать Джулию, и снова тщетно.

Днем Пол с Джейн тоже пожелали посмотреть на Ганг, и Джон поплелся вместе с ними, оставив Син одну — она не переносила адскую вонь с реки. Пол был обходительным и галантным кавалером, а Джон мечтал только о том, чтобы остаться, наконец, с ним наедине и обсудить Махариши, медитацию, посочинять да и просто побыть вместе. Джейн была неглупой барышней и прекрасно почувствовала это стремление, поэтому быстро сморщила носик и убежала подальше от великой реки с ее великим зловонием, а вот Джон с Полом присели на берегу и болтали до самого заката. Пол не увидел ничего особенного в пламени свечи, никто не явился ему, чтобы стать путеводной звездой в глубины его я. Джон же с полным восторгом хвастался своими достижениями, умалчивая о том, что догнать мать ему так пока и не удавалось.

— Не слишком ли ты торопишь события? — засомневался Пол. — Махариши же сказал, что в этом деле спешка не нужна. Можно схлопотать большие проблемы, если попытаться путь длиною в год преодолеть за несколько дней: ты попросту надорвешься.

— Ерунда! Я Джон Леннон или кто? У Джорджа уже все получается, значит, и я смогу.

— Джордж тренируется уже несколько месяцев! Конечно, у него получается!

— Так, Макка, ты что, не веришь в мои силы?!

— Да верю я, — рассмеялся Пол. — Просто переживаю, как бы это для тебя не обернулось нервным срывом и депрессией...

«Если я ее не догоню, то так и будет», — подумал Джон, не решаясь произнести это вслух.

Посочинять в тот день так и не вышло, хотя одна мелодия уже третий день теребила утомленный мозг Джона, и он даже напел ее Полу.

— Хочу посвятить ее матери, — добавил он. — Пока не знаю, что там будет за текст, но

звучит она так, словно бы адресована Джулии.

Они еще долго сидели на берегу в полном молчании, и Джон всем существом ощущал присутствие друга рядом. И знал, что теперь у него все должно получиться. Теперь он обязательно догонит Джулию и узнает, что там — за горизонтом, за гранью его мятущегося сознания.

На следующий день Махариши терпеливо объяснял вновь прибывшим технику медитации с закрытыми глазами, посоветовав побольше концентрироваться на дыхании и ни слова не сказав ни про кандалы, ни про необходимость освободиться от них, чтобы идти вперед. Пола это нимало не смутило: казалось, медитация стала для него просто способом расслабиться и отвлечься от шумного Лондона и нескончаемой работы в студии. Он с готовностью выполнял все, что было велено, но и не более того. Огонек свечи так и остался для него просто огоньком, пока Джон продолжал безуспешно гнаться за матерью.

В тот день он показал Полу аккорды будущей песни, которую уже назвал Julia, и Пол одобрил мелодические ходы, даже не пытаясь их корректировать, как он обычно любил делать. Джон и сам гордился этой простенькой, но такой красивой вещью, и уже перед сном снова сел медитировать. На этот раз он уже не бежал, а просто брел в крошечной тьме, замечая, что огонек, хоть и был совсем крошечным, но все же из виду не пропадал, оставляя Джону возможность догнать его. А Джон брел, играл на воображаемой гитаре и напевал:

— Half of what I say is meaningless, but I say it just to reach you, Julia...

И огонек вдруг замер и больше уже не убежал. Джон все шел и шел, придумывая текст песни буквально на ходу, тут же его меняя и отмечая про себя, что крошечная точка постепенно начинает обретать очертания женского силуэта, пока он отчетливо не увидел в нем мать.

— Julia, Julia, morning moon, touch me... Sleeping sand, silent cloud...

— Джон, — вдруг услышал он голос матери, — Джон! — и уже через мгновение он утонул в ее объятиях.

Рыдания вырвались из его груди, он прижимал ее к себе и шептал что-то нервное и безумное, целовал ее лицо, волосы, руки, а она гладила его по голове, шептала, как он вырос, каким красивым и талантливым стал. Джон не заметил, как уснул, так и не закончив медитацию, просто растворившись в ней без остатка.

Просыпаться было почти невозможным: ему словно бы пришлось выныривать из каких-то безумных глубин подсознания. Накануне он даже не заметил, как погрузился туда. А, может, это случилось, пока он догонял мать? Теперь все, сказанное Махариши, казалось ему детским лепетом: все эти свечи, концентрация на дыхании... Он видел мать, говорил с ней, обнимал ее. Какого черта ему еще нужно от этой медитации?

И Махариши словно бы почувствовал, как один из его учеников уже близок к тому, чтобы переступить грань дозволенного.

— Прошу вас помнить об одном: концентрация на выбранном вами объекте должна быть временной. Вы не должны цепляться за него, а потом вам следует непременно отпустить его. Даже если вам этого не хочется. Но в этом и суть медитации — отрешиться от всего, отпустить всё и всех, следовать только за дыханием, чтобы достичь границ сознания и не потревожить внутренних демонов. Они не должны знать, что вы рядом, иначе вам придется худо.

То же самое ему повторил и Пол, когда Джон с улыбкой на лице поведал ему, каких успехов достиг накануне. Он привлек к дискуссии и Джорджа, и вот тот уже не на шутку

перепугался прыткости Леннона.

— Ни в коем случае не ходи туда, куда она тебя тащит! Она нужна тебе лишь для концентрации, чтобы отрешиться от внешних объектов и шумов, а ты вместо внешнего ада поперся в свой внутренний ад. Ты хоть понимаешь, чем это для тебя может закончиться?

— Парни, ну вы чего? — развел руками Джон. — Уж ЛСД не смогло нас сломить, а тут какая-то паршивая медитация...

— Послушай меня, Джонни, — толкнул его Джордж пальцем в грудь, — ты работаешь с глубинными слоями психики. Тут не каждый психоаналитик за такое возьмется. А ты, чертов придурок, и тем более не справишься. Поэтому делай как тебе говорят. Отпусти свою Джулию. Только один ты сможешь выйти за границы разума. А она тебя утащит на самое дно, слышишь?

— Слышу, — покорно проворчал Джон.

На следующий день Махариши начал с того, что резко запретил им концентрироваться на объектах

— Выбросьте из головы пламя свечи и все, что последовало за ним. Они свою роль сыграли — раскрыли ваше сознание, расслабили вас, позволили заглянуть вглубь себя. Но дальнейшему продвижению они будут препятствовать, поэтому необходимо запомнить те ощущения, что возникали у вас при наблюдении за пламенем свечи, а потом выкинуть из этой череды само пламя. Концентрироваться только на ощущениях, воспроизводить их у себя, не представляя ничего в уме, оставляя ум свободным и расслабленным. Пусть мысли как прежде текут — не задерживайтесь на них, и они уйдут. Просто дышите, сосредоточьтесь на процессе — изучите, как двигаются ваши мышцы при вдохе, как раскрывается грудная клетка, поднимается живот, как шумит выдыхаемый воздух. Дышите попеременно — вдыхая носом, выдыхая ртом и наоборот. И после нескольких дней таких тренировок пламя свечи уйдет из вашего сознания, и вы сможете задерживаться в глубинах собственного я без концентрации на объекте. Он был нашим костылем, но ходить мы должны учиться без посторонней помощи. Итак пробуем — дышим, шумно вдыхая и еще более шумно выдыхая, думая о дыхании, об эластичных мышцах, впуская себя вглубь собственного я...

Хлопок сухих ладошек, и Джон закрывает глаза, полностью игнорируя сказанное Махариши. Чисто по инерции он, разумеется, начинает дышать, чтобы не привлекать внимание. Вдох, выдох, вдох, выдох, но там, внутри черепной коробки, снова оживает Джулия, снова обнимает его, улыбается, гладит по волосам, берет за руку и ведет куда-то за собой. И Джон, возможно, и хотел бы воспротивиться ей — голоса Пола, Джорджа и даже Махариши все еще звучат у него в ушах, отпечатываясь в подсознании липким страхом, но присутствие матери развеивает все его опасения.

— Мама... — шепчет он, — мне нельзя с тобой. Говорят, я слечу с катушек, если пойду за тобой, а не буду пытаться сделать все это один. Я должен попробовать медитировать один.

— Маленький мой мальчик... ты и так всю жизнь был один, без меня. Разве тебе мало того длинного беспросветного одиночества? Я так виновата перед тобой. Я не могу простить себе этого, так позволь же мне искупить былой эгоизм. Я хотела бы проводить с тобой как можно больше времени, пока это возможно. Пока все это не наскучило тебе...

— Мне это никогда не наскучит! — с жаром выпаливает Джон. — Просто... тогда я не смогу в полной мере понять самого себя, познакомиться со своим глубинным я, узнать, чего

оно хочет, и помочь ему достичь этого. Не смогу расслабиться и обрести счастье.

— А ты несчастен, сынок?

— Не знаю, мам. У меня есть слава, деньги, друзья, сын... Меня радует мое творчество, и вроде бы желать больше нечего, но... все равно подсудно что-то сидит во мне эдакое, что мешает до конца постичь самого себя, впитать себя без остатка и потом подарить миру, чтобы мир знал, каково это — быть Джоном Ленноном. Этого сейчас не знает никто. Даже Пол...

— Даже? — вскинула бровь Джулия.

— Ближе него у меня сейчас никого нет, — пожимает Джон плечами. — Мне и с Джулсом тяжело общаться. Я люблю его, но между нами словно бы какой-то барьер, который у меня никак не выходит преодолеть. А с Полом... мы будто единый организм. Но и он частенько не понимает меня. Так чего же ждать понимания от других, когда я сам в себе теряюсь...

— А ты правда хочешь узнать все о себе и достичь абсолютного счастья? Или это мантра, вдолбленная тебе в голову этим бедовым гуру? — Джулия выглядела несколько обеспокоенной.

— Хочу, — твердо произнес Джон. — Для этого я здесь. У меня есть в жизни все, чего только душа пожелает, но при этом присутствует ощущение некоей недосказанности. Джордж говорит, что это нехватка бога в жизни, потребность в некоем мистическом опыте. Вот я и хочу получить этот опыт, чтобы ощутить себя, наконец, полноценной гармоничной личностью. Ты поможешь мне в этом? Махариши сказал...

— К черту твоего Махариши. Кто он тебе, Джон? И кто тебе я?

Вопрос был решен так просто и так быстро, что в тот день Джон больше не стал рассказывать никому из ребят о разговоре с матерью. Даже с Полом не поделился, поскольку знал, чем это обернется — новыми спорами и сомнениями. Мама давно умерла, да и она его еще при жизни бросила, а Пол вот он — здесь, всегда с ним, не бросает, рядом, на него можно рассчитывать. Джон боялся, что не устоит и снова послушает Пола, а не Джулию. Именно поэтому Пол узнал только то, что Джон заранее придумал ему озвучить — он сделал все так, как велел Махариши. Он следил за дыханием и отключился от Джулии, и его настиг блаженный покой. В тот же день он дописал новую песню, но показывать Полу пока не стал, и сам не вполне понимая, почему. Хотел для начала сыграть ее Джулии, а уж потом...

Махариши дал им отдых на несколько дней, позволяя самим делать первые робкие шаги навстречу себе настоящим. И получалось это, пожалуй, только у Джорджа — он каждое утро неизменно приходил к гуру за советом, и с каждым новым днем облик его становился все умиротвореннее. Пол с Ринго совершенно искренне пытались медитировать, но их попытки всегда заканчивались одинаково: первый брался за гитару и погружался в бесконечное полотно мелодий, лившихся из-под его пальцев, а второй отправлялся дегустировать местные блюда и забывал обо всем на свете. Джон же почти все время проводил в одиночестве, не решаясь делиться своими впечатлениями даже с Полом. Он запирался в бунгало, делая вид, будто подолгу спит, занавешивал шторы, поскольку дневной свет все еще отвлекал его, закрывал глаза и вновь и вновь бежал навстречу матери. С каждой новой встречей она уводила его за собой все дальше — ласково обнимая, нежно глядя по голове, умоляя простить ее за то, что когда-то бросила его на Мими... Где-то в глубине души Джон осознавал, что все это игры его травмированной души, что Джулия давно умерла, и никакого загробного мира не существует, что он сам себе придумывает ее образ, чтобы хоть так

вернуть мать, но она выглядела столь реалистично и появилась только с приходом в его жизнь Махариши, а, значит, ему удалось высвободить в себе что-то особенное. Что-то, что обязательно поможет ему в дальнейшем — и в творчестве, и... во всем остальном.

Постепенно окружающая их с Джулией темнота начинала растворяться, и вот вокруг царил уже сначала серый полумрак, а затем его словно бы заполнили всполохи восхода, и все вокруг залито было золотисто-розовым, а Джон ощущал неизбывное счастье, сжимая ладонь матери и ощущая, будто грудь его готова разорваться. Ему все время казалось, что он не переживет снизошедшего на него восторга, что голова его взорвется от переизбытка эмоций, а Джулия все вела и вела его вперед.

— Куда мы идем? — однажды все же спросил у нее Джон.

— Ты же хотел все узнать о себе, сынок. Я веду себя самым коротким путем. Ваш гуру учит, что на это должен уйти не один месяц, но разве я не знаю своего сына? Ты нетерпелив и хочешь получить все и сразу. Поэтому я здесь, чтобы помочь тебе. Ты уже значительно опередил Джорджа, хотя тот начал гораздо раньше тебя. Еще несколько дней, и мы будем у цели. Ты готов?

— А мне нужно как-то готовиться к этому? — насторожился Джон.

— Чаще будь один, так погружение в собственные глубины не покажется тебе слишком резким и болезненным.

Активнее всего приходилось отталкивать Син и Ринго: Джордж занимался исключительно собой, Пол видел, что Джону не до них, и не навязывался, и сам предпочитая общество гитары, а вот Ринго было скучно, и он постоянно звал Джона прогуляться. А Син попросту желала проводить с мужем чуть больше времени, разве не для этого она поехала за ним в Индию? Джону стоило немало труда отбрезиваться от тех, кто в другое время доставлял ему столько радости. Даже сеансы Махариши он посещал уже исключительно для галочки, не слушая, о чем там вещает старикашка.

— Завтра, — пообещала Джулия еще через неделю. — Это случится завтра.

Джон плохо спал в ту ночь, и на утренней медитации в ашраме постоянно клевал носом и лишь делал вид, что медитирует — по-настоящему он собирался погружаться в себя только в своем бунгало. На этот раз, закончив лекцию, Махариши остался сидеть, наблюдая, как расходятся его гости, а потом окрикнул Джона, попросив его задержаться на минуту. Джон пожал плечами, подошел, плюхнулся рядом с гуру и заразительно зевнул. Тот улыбнулся и положил свою сухую ладошку ему на плечо:

— Я знаю, чем ты занимаешься, Джон. И хотел бы тебя предостеречь. Это может плохо кончиться. И я, увы, ничем не смогу тебе помочь.

Джон нахмурился и отвел взгляд, не зная, что бы такое соврать.

— Могу лишь подсказать, как выбраться из тех глубин, где тебе не захочется находиться, — продолжал Махариши. — Остальных я буду обучать мантрам только через неделю, а тебе дам твою уже сейчас, поскольку вижу, что ты уже готов. Ты слишком много времени проводишь за медитацией, это истощит тебя, а потому... тебе уже сейчас нужна мантра, которая позволит удержаться на нужном уровне подсознания и не свалиться в психический ад, который есть здесь у каждого из нас, — и он постучал тонким пальчиком по виску. — Суть моего учения заключается в том, что достичь своего истинного я можно, лишь сосредоточившись на индивидуальной мантре, которая выдается тебе гуру, когда твоя душа полностью открыта для него. Я внимательно наблюдал за вами все эти дни и подобрал сочетание звуков для каждого. Вы такие разные, но все же вы едины и не можете

существовать друг без друга, а потому и мантры ваши, хоть и различные, но все же произнесенные вместе будут символизировать дух вашего творчества, ваших отношений. Итак, твоя мантра, Джон — love. Всего три звука, которые ты можешь произносить как тебе удобно, главное условие — целиком сосредоточиться только на них так, чтобы все твое сознание перетекло в эти звуки и скользило вслед за ними за пределы житейских невзгод. Я знаю, ты проводишь смелые эксперименты с глубинами подсознания, но эта мантра позволит тебе удержаться на плаву. Хорошенько потренируйся с ней, прежде чем решишься нырять. И удачи тебе. Я буду молиться за тебя, — Махариши наклонился и прижался прохладной щекой к разгоряченному лицу Джона.

— Love, love, love... — бормотал Джон по пути в бунгало, — love, love, love...

Махариши словно бы нарочно выписал ему мантру, произнося которую, Джон погружался в мелодию написанной им All you need is love, а вслед за мелодией — проваливался и в воспоминания о том, как та была написана, как блестели тогда глаза Пола, когда он настраивал бас и подправлял парочку тактов. Love, love, love... Джулия выветрилась из головы в одночасье, как будто бы Махариши именно этого и добивался. Джон чертыхнулся, хлопнул дверью бунгало и рухнул на кровать вниз лицом. Love, love, love... сознание текло свободно и беспрепятственно вслед за короткой емкой мантрой, которую Джон произносил одними лишь губами. Love, love, love... Черт побери! Он не за этим сейчас уединился! Возьми себя в руки, наконец.

Джон поднялся, занавесил окна, уселся у кровати, сложив ноги по-турецки и закрыл глаза, складывая пальцы в привычный жест. На этот раз Джулия возникла не сразу, он даже успел начать беспокоиться, а появится ли она вообще, или чудодейственная мантра навсегда преградила ей путь к сознанию Джона. Но спустя несколько минут тишины и безмыслия рыжая шевелюра матери все-таки возникла из ниоткуда, а вокруг снова заиграли золотисто-розовые всполохи.

— Кажется, тебя обучили чему-то новенькому, — улыбнулась Джулия, вновь обнимая сына.

— Да, Махариши подарил мне личную мантру, — но тут палец матери опустился на его губы.

— Ни слова больше и идем. Нам осталось совсем немного, а мантры оставь для послеобеденной релаксации. Только для этого они и нужны, — она хохотнула, трянула рыжими кудрями и рванула вперед, Джон едва поспевал за ней.

Вокруг ничего не менялось, они по-прежнему утопали в красочном восходе, и Джону начало казаться, что конца их пути не видно. Они все шли и шли, а на языке у него вертелась мантра, и он едва ли не силой заставлял себя не думать о ней, а смотреть вперед и предвкушать то, ради чего он здесь. Спустя, наверное, час впереди и вправду что-то замаячило, и вскоре Джон уже мог рассмотреть повисшую в пустоте дверь. Она показалась ему слишком необычной, но именно такую дверь Джон бы открыл без страха и лишних сомнений: это был кусок дерева ярких, почти кислотных расцветок, и Джон невольно вспомнил свой лимузин, расписанный под влиянием ЛСД-трипов. Здесь было что-то похожее, но только еще более безумное: по полотну двери бежали забавные уродцы, путавшиеся ногами в буйной растительности, перемежавшейся с дикими узорами, словно бы вдохновленными инопланетным разумом. Джон, не задумываясь, ухватился за прозрачную ручку и, отодвинув Джулию в сторону, смело шагнул вперед.

— Я с тобой, — тихо прошептала мать откуда-то сзади, но Джон уже не слышал ее. Он

стоял, разинув рот, не понимая, как такое в принципе возможно.

Вокруг царилась ночь, но в окнах домов, которые вдруг откуда-то возникли здесь, все еще местами горел свет. Иногда даже красный. Джон едва держался на ногах, ощущая жестокую тошноту от выпитого. Он сделал несколько шагов в сторону, привалился к стене ближайшего дома и наклонился, стараясь дышать глубже. Где он, черт побери? И почему его так тошнит? Кто-то подошел к нему сзади, дружелюбно похлопал по плечу и произнес:

— Ну ты как? На, глотни воды, быстрее вырвет и полегчает, — и прямо перед его лицом возникла бутылка, зажата в чьих-то сильных пальцах.

Джон развернулся, окинул затуманенным взглядом фигуру, стоявшую рядом с ним, но тут же в ужасе отшатнулся: это был Стю Саттклифф собственной персоной.

— Стю? — пробормотал он. — Ты?!

— А то кто же, — усмехнулся тот. — Ты ожидал увидеть кого-то другого? Пола что ли? — улыбка тут же сползла с его лица, сменившись гримасой неприязни. — Пол твой подцепил очередную девочку и уединился с ней, так что...

— Давай сюда свою воду, — Джон выхватил бутылку из ледяных пальцев Стю и в несколько глотков опорожнил ее.

— Ну а ты предпочел нажраться и зачем-то потащил меня сюда. Ты хотел о чем-то поговорить. Я весь внимание, — на лице Стю читалось, что он уже не ждет ни сюрпризов, ни откровений, просто хочет поскорее убраться отсюда и вернуться в их каморку.

— Ни черта не помню, — прохрипел Джон, отбрасывая в сторону пустую бутылку. — У меня что-то с головой. Еще минут пять назад я... да как я здесь вообще оказался?! Я же в Индии был! — он принялся метаться из стороны в сторону, хватаясь за разрывавшуюся от боли голову.

Он в Гамбурге, черт побери! Стю снова жив! Но... как?! Он развернулся, схватил друга за плечи и как следует встряхнул.

— Стю, это ведь ты, да? Мне же не грезится все это, а? Ты настоящий? Живой?

— Джон, ты точно перебрал. Пойдем назад, Пол наверняка уже закончил. Тебе надо поспать. Мы уже сутки на ногах.

Но тот не слушал его, лишь толкнул ладонью к стене, прижался к нему грудью, сильнее впиваясь пальцами в плечи, приблизил губы к его уху и отчетливо прошептал:

— Стю, ты никуда больше не денешься от меня. Я больше не позволю тебе умереть. Ты останешься со мной, и тогда... все будет иначе, клянусь!

— Ты с ума сошел? — глаза Стюарта округлились, он попытался выбраться из цепких объятий Джона, но это мало кому удавалось, и тем более не тщедушному Стю.

— Ты... я давно хотел сказать тебе... — Джон опустил голову, с трудом соображая, что он собирается сейчас поведать своему лучшему другу. Лучшему? Другу? Черт с ним, пусть даже так.

Мозг разрывало на части от пульсирующей боли, а в груди билось всего одно странное желание — оставаться и дальше вот так, прижимать Стю к стене, дышать ему в лицо и никуда не отпускать, а потом... потом... Джон резко дернулся вперед и прижался губами к вытянутым в нитку губам Стюарта. В голове тут же взорвалась галактика, Джон затрясся с ног до головы, перед глазами замелькал образ Пола в постели с той шляхой... Стю не шелухнулся, и на мгновение Джону даже показалось, что тот ответил ему на поцелуй, но это была лишь усмешка.

— Джон, — тихо, но твердо произнес Стю, отстраняясь, — ты хочешь совсем не этого.

Не лги себе хотя бы здесь и сейчас. Это не то место, где стоит давать волю фантазии.

— Стю? — изумленно уставился на него Джон.

— Мы идем домой, — он схватил Джона за руку и поволок за собой назад в квартал красных фонарей, где в их грязной вонючей камерке Пол продолжал кувыркаться с очередной фанаткой, а Джордж зажимал уши на соседнем матрасе, пытаясь придумать аккорды к своей первой, так пока и не написанной песне.

— Нет, — замотал головой Джон. — Нет!

— Хватит прятаться! — крикнул Стю. — Ты пришел сюда именно за этим, прекращай бежать от правды! Посмотри ей в глаза хотя бы сейчас! — и силой втолкнул Джона в обшарпанное здание.

За ближайшей же дверью слышались громкие девичьи стоны, перемежающиеся гитарными переборами.

— Иди туда! Только так ты победишь своих внутренних демонов!

Джон робко вошел и замер на пороге, увидев то, что и ожидал: на матрасе у дальней стены виднелись две копошащиеся фигуры. Они занимались любовью, не стыдясь ничего и никого. Джон видел, как обнаженное тело Пола ритмично двигалось, как пятки барышни бились об его плечи, с каким смущением косился в их сторону молчаливый Джордж, пытавшийся спрятаться за гитару.

— Ну же. Пойди и скажи ему. Сделай это сейчас! Не откладывай на семь чертовых лет! — пихнул его сзади Стю.

В ту минуту Пол показался ему дивно прекрасным и недостижимым в своей красоте и совершенстве. Он горько усмехнулся, сделал несколько шагов к матрасу и уставился на девушку, которую так страстно сейчас обнимал его лучший друг. Лучший? Друг? Она была совершенно невзрачной — наверное, в тот момент Полу вообще было все равно, кого тащить в койку, гормоны играли слишком бурно.

— Ну же! — крикнул сзади Стю, и в голосе его Джону отчего-то почудились интонации Джулии.

Он вздрогнул, обернулся, но так и не смог рассмотреть, кто из них двоих стоял на пороге — фигура скрылась в тени. Он снова посмотрел на обнаженную спину Пола, его стройные ноги, изящные ладони, лежавшие на девичьих грудях, и заскрипел зубами от злости и бессилия. А затем схватил валявшееся тут же платье девушки и резким движением разорвал его надвое. Ткань печально треснула, девушка охнула и замерла. Пол тоже остановился и поднял голову. А Джон тем временем достал из кармана штанов нож и принялся яростно кромсать обрывки платья, затем швырнул их на пол и топтал ногами. Пол вскочил, оттолкнул Джона в сторону, буквально навис над ним — обнаженный и прекрасный. И Джон замер, вспоминая, что все это уже однажды случилось с ними. И у него опять не хватило силы духа что-то изменить.

— Джон, ты чего? — взволнованно потряс его Пол, сзади визжала девчонка, сгребая в охапку все, что осталось от ее одежды.

Джон зажмурился и помотал головой.

— Дурак, — послышалось откуда-то слева, и тяжелая ладонь Стю снова легла ему на плечо. — Трус!

Джон осторожно открыл глаза: Пол все еще стоял перед ним, но его словно бы поставили на паузу, как и всех остальных в этой комнате — девушку, Джорджа, стоявшего на пороге Пита Беста. Будто они были куклами, искусно выполненными манекенами, а не

живыми людьми. Живыми же в каморке оставались только Джон и Стю. Стю с хитрой ухмылкой Джулии в уставших глазах.

— Джон, для чего ты пришел сюда? — гремели их голоса у него в ушах.

— Я хотел познакомиться с истинным собой.

— Ну и что ты узнал о себе за это время?

— Мне чертовски не хватает матери, — заикаясь, произнес Джон. — Но это никакое не открытие. Я всегда это знал!

— Поэтому не надо тратить время на то, чтобы продолжать лгать себе. Не для этого ты пришел сюда. Не для этого обманул Махариши.

— Love, love, love... — тихонько запел Джон, чувствуя, как начинает трястись от страха.

— Мантра на этом уровне тебе уже не поможет, — покачал головой Стю. — Ты уже рухнул на самое дно своего персонального ада, так осмелся во всем признаться, наконец!

— В чем?! — завопил Джон, зажмуриваясь и зажимая уши. — В ЧЕМ?!

Стю схватил его за локоть и куда-то потащил, потом с силой оторвал его ладони от ушей.

— Открой глаза, — твердо произнес он. — Открой их.

Джон шумно выдохнул, поднял лицо и медленно размежил веки. Он стоял напротив зеркала, впрочем, отражались в нем совсем не они со Стю. Точнее... Джон там был, но не нынешний, не юный мальчик в кожаном костюме среди гамбургского квартала красных фонарей, а тот, периода Индии — в свободном белом хлопковом костюме, и рядом с ним Пол — расслабленный, веселый, беззаботный, лениво перебирающий струны неизменной гитары... В следующее мгновение глаза Джона, стоявшего в грязной каморке по эту сторону зеркала, округлились от ужаса, потому что тот зеркальный Джон смело подошел к сидевшему на берегу Ганга Полу, опустился рядом с ним и порывисто поцеловал его, отбрасывая в сторону мешавшую гитару. Вслед за тем изображение в зеркале померкло, потускнело, и Джон снова увидел свою мрачную помятую физиономию

— Ну? — осторожно толкнул его в плечо Стю.

— Что ну? — буркнул Джон.

— Ты ведь за этим сюда пришел, да? Ты ведь это хотел узнать?

— Нет! — заорал Джон. — Нет! Нет! НЕЕЕЕЕТ! Love, love, love... — он вопил и маха руками, потом переходил на шепот, повторяя мантру Махариши, а вслед за тем почувствовал вдруг, как кто-то трясет его за плечо.

— Джон? — тихий голос раздался прямо над его ухом. — Джон!

Он открыл глаза и в первые несколько секунд не понял, где находится. Над ним нависло обеспокоенное лицо Пола, спина затекла, колени ныли от перенапряжения. И лишь спустя пару минут он узнал свою комнату в бунгало. И даже сквозь занавешенные шторы было видно, что на Ришикеш уже давно упала ночь.

Сердце Джона билось отчаянно и воспаленно, перед глазами все еще стояла сцена секса Пола с местной шлюхой и... тот поцелуй в зеркале. Он повернулся к другу, вцепился в его плечи и, пробормотав: «Прости», сам едва понимая, что делает, повторил тот иллюзорный зеркальный поцелуй в реальности.

Пол не замер, не вытянулся в нитку, не отстранился, не оттолкнул Джона, но заботливо погладил его по спине, потом по волосам.

— Ты медитировал чертову уйму времени. Я начал волноваться. Да и Махариши велел

проверить, как ты тут. Все в порядке?

— Пол, я... — начал было Джон, но Пол явно и изо всех сил делал вид, будто ничего особенного не произошло.

— Тебе надо поесть. Пойдем к нам с Джейн, у тебя тут шаром покати, я уже проверил.

Он помог Джону подняться, похлопал его по плечу, растер ему затекшие ноги и взял под руку, ведя к выходу, а все внутри Джона орало: «Черт, черт, ЧЕРТ!» И внутренний Стк заливисто хохотал и орал из черепной коробки:

— Ты добился чего так жаждал все эти годы! Наслаждайся! Разве не этого тебе так страстно хотелось? Разве обо мне ты мечтал, когда пытался затащить меня в постель и так бесстыдно лапал тогда в грязной подворотне? Джон, скажи, ведь правда приятнее лжи, не так ведь? Правда лучше самообмана, да? Ты предпочел знать правду, а не тонуть в иллюзиях дружбы и соавторства. Теперь у тебя нет пути назад. Ты должен пройти его до конца.

А Джулия молчала, ей было нечего добавить. Наверное, потому, что ни ее, ни Стю на самом деле не существовало — по крайней мере, в тот момент, в марте 1968 г. Был только Джон, его страхи, его демоны и его правда, которую он решил, наконец, открыть самому себе.

В глаза ударило ярко-оранжевым, и Катя зажмурилась, ощущая, как трейлер постепенно замедляет ход. Повсюду стлался красный песчаник, и она не удивилась бы, если бы Пол прямо сейчас принялся смешивать краски в погоне за этим цветом. Но несколько пресловутых часов, проведенных в Калико, даже Пола лишили тяги к творчеству. Он сидел у окна, наблюдая за тем, как из-под колес разлетается рыжая пыль, и, так же, как и Катя, словно бы боялся произнести лишнее слово. Молчал и дядя Валя — тот, кто скрывался за его голосом уже наверняка был в курсе случившегося, и явно не желал ни оправдываться, ни высываться вообще. Просто молча выполнял свою функцию, стараясь не привлекать внимания к своей персоне. Катя же все эти несколько десятков минут пути по территории резервации размышляла, стоит ли поделиться рассказом Марцева со своими читателями или же просто сделать вид, будто ничего не произошло. Оставят ли их в живых, если она будет чересчур дерзкой?

Скачок из безопасной утопии в страшный и непредсказуемый мир, где власть захватил невесть кто и невесть с какой целью, был слишком стремительным. Контузило обоих. Вот почему Мерк не хотел делиться информацией. Вот почему до конца сопротивлялся Казарцев — будучи другом Захара, он не мог не знать истинной подоплеку происходящего. Возможно, придется избавиться от дяди Вали. Но до визита в резервацию делать резких движений не хотелось — в конце концов, они пока слишком зависели от ИИ и не могли позволить себе отказаться от его услуг в один миг.

Вопреки ожиданиям, на въезде в резервацию их никто не встречал, и путешественникам потребовалось около часа, прежде чем трейлер подъехал к ряду аккуратных белых домиков. Основная масса индейцев уже давно покинула эти места, остались лишь те, кто не желал уезжать, считая долину своей родиной. Кто-то согласился помогать дикарям проходить адаптацию, кто-то просто доживал здесь свой век. Здесь хватало людей и с большой земли, чувствующих в себе призвание к педагогике и воспитательской работе. Процесс адаптации ИИ не доверяли — вряд ли бы дикари пошли на контакт с бездушной машиной. А и существовала ли она вообще? Катя горестно усмехнулась.

Неподалеку от домиков, из которых по-прежнему не спешил никто выходить, ютилась чья-то сгорбленная фигура, показавшаяся Кате знакомой. Она спрыгнула со ступенек и быстро пошла в сторону курившего парня, нимало не удивившись, когда узнала в нем того самого из телефонной будки.

— Привет, художник, — бросила она и присела рядом.

— Ну что, тоже поболтали с ребятами из салуна? — он протянул ей сигарету, она помотала головой.

— А вот я не откажусь, — хитро прищурился нагнавший ее Пол с неизменным тубусом за плечом и перехватил сигаретку из пожелтевших пальцев их нового знакомого.

— Джон, — без предисловий представился парень, протягивая Полу загорелую ладонь.

— Пол, — ответил тот на рукопожатие и инстинктивно пригладил волосы, поправляя за спиной тубус.

— Художник? — Джон кивнул в сторону тубуса, и во взгляде его заплясали огоньки.

— Ты тоже? — Пол опустил на корточки прямо перед Джоном.

— Есть такое. Правда, рисую разную лабуду, и лицензировать меня напрочь

отказываются.

— Рисуи для себя, кто ж тебе может помешать...

— Да вот знаешь, после всего, что мне да и вам порассказали в Калико, я как-то и задумался. Впрочем, ты прав, пошло оно все к чертовой матери. Сколько лет прожили, никто нас пальцем не тронул. А сейчас с чего бы вдруг? Покажешь мне свои рисунки? — и в ответ швырнул Полу свой рюкзак, буквально доверху забитый мятыми исчерканными листками, сам погрузившись в недра тубуса своего новообретенного друга.

Впервые за все эти несколько недель, миновавших со дня их знакомства с Полом, Катя вдруг почувствовала себя лишней. Первым ее порывом было вернуться в трейлер и поболтать с дядей Валею и Казарцевым, вот только сейчас кроме Джона и Пола у нее не осталось больше никого, и она молча закусила губу и отвернулась. Все это было предсказуемо: еще по дороге в Аризону она вспомнила, кого ей напоминал их новый знакомый из телефонной будки. И если Пол был непозволительно похож на своего тезку из Битлз, было бы странным, если бы однажды на пути его не встретился какой-нибудь Джон, неотличимый внешне от Леннона. Зря что ли он пачками рисовал его. Ну вот и встретились их потомки, как бы сами парни ни отрицали факт подобного родства.

— Твоя фамилия не Леннон часом? — решила встрять в их идиллию Катя.

— Я даже не знаю, кто это, — пожал плечами Джон.

Катя покачала головой, ожидая ровно такого же ответа.

— Ты уже был у них? Ну... в центре адаптации то есть.

— Стремаюсь пока после Калико-то. Если честно, я тут вас поджидал. На аэротакси я добрался сюда гораздо быстрее. А там внутри народ тихий. Мало ли кто тут снаружи шастает — ко мне даже и не вышел никто за все это время.

— Давай с нами и правда, — хлопнул его по плечу Пол, и с коленей его посыпались многочисленные карандашные рисунки разнообразной нечисти и шаржи всех мастей. — Немудрено, что тебя не лицензировали. Но все это чертовски талантливо, я так считаю.

— Хочешь, и твой шарж набросаю? — Джон тут же извлек из верхнего кармана рубашки огрызок карандаша.

— Может, мы все же сначала сходим туда, а? Ребят, неужели вас совсем не беспокоит вся эта ситуация? — Катя поднялась и отряхнула подол покрывшегося оранжевой пылью платья.

— Мы вряд ли что-то можем изменить, — пожал плечами Пол. — Так, может, не будем копать еще глубже?

— Да ты чего? — опешила Катя. — Не хочешь узнать правду?

— Не думаю, что эти ребята, — Джон ткнул пальцем в вереницу аккуратных домиков, — знают эту самую правду. Но раз в салуне нам намекнули, что хоть что-то тут знать должны, мы просто обязаны выцарапать эту информацию. Просто... не до шаржей мне будет, когда нас сейчас опять чем-то эдаким огорошат, поэтому, — он вырвал из выпавшей из рюкзака тетради лист и принялся быстрыми хаотичными движениями выводить на нем то, что через минут десять оформилось во вполне узнаваемое лицо Пола.

В рисунке этом не было ни грамма карикатурности, напротив, Пол выходил как живой — с растрепанными темными волосами, уставшим взглядом, примятым воротом рубашки... Джон уловил каждую мелочь и скрупулезно перенес ее на бумагу.

— Вот я теперь тоже в толк не возьму, и чего тебя не лицензировали... — восхищенно пробормотала Катя.

— Если бы он рисовал только такое, лицензии ему было бы не избежать. А дурацкие страшилки и шаржи комиссию не заинтересовали. Да он поди и специально показал ей самые чудные свои работы. Захотел остаться свободным художником? — во взгляде Пола сверкнуло одобрение наполоам с искренним восторгом.

— Типа того, — бросил Джон и сунул ему готовый рисунок. — Ну теперь пойдете, чего тянуть, — и первым пошагал к домикам.

Они постучали в первый попавшийся, и дверь им открыл весьма колоритный индеец, который был весьма удивлен увидеть здесь простых цивилизованных путешественников. Вероятно, сюда никто никогда не заглядывал просто так, не по работе. Катя вдруг поняла, что они даже не продумали легенду, что им придется сочинять на ходу, но вот Джон как раз не растерялся.

— Нас к вам из Калико послали. Сказали, здесь можно пообщаться с бывшими дикарями, — и готов был уже было оттолкнуть опешившего индейца в сторону, чтобы пройти внутрь, но Катя тут же нашлась.

— Дело в том, что мы едем в Бразилию на трейлере. Изучать быт местных племен. И на одном из форумов нам посоветовали заглянуть сюда, чтобы... ну... хоть иметь представление, куда мы едем и с чем столкнемся. Чтобы быть готовыми. Простите, если помешали, но ведь, насколько нам известно, бывшим дикарям полезна социализация, вот мы и подумали...

— Проходите, — бросил индеец, лицо его по-прежнему ничего не выражало. — Что еще за Калико?

— Заброшенный город в пустыне Мохаве. Здесь рядом совсем. Не слышали? — поспешно принялся пояснять до этого молчавший Пол.

— Возможно. Мы тут безвылазно сидим. До распредцентра и обратно. Видим только друг друга да дикарей.

— И никогда не хотелось выбраться и посмотреть, что там за пределами резервации? — осторожно уточнила Катя.

— Это больше не резервация, — спокойно поправил ее индеец. — Что же может быть красивее Долины монументов и Большого каньона? Могу вас свозить, раз вы туристы...

— Непременно, — с благодарностью кивнул Пол. — Но сперва мы все же хотели бы переговорить с вашими подопечными.

— Вчера как раз свежих привезли, но с ними вам болтать смысла никакого, они и язык-то общий не понимают. Несколько дней только на обучение уйдет.

— Несколько дней? — присвистнул Джон. — Это что за скоростные методики?

— ИИ. Это, конечно, стресс для ребят, но зато потом процесс идет быстрее. Мы пытались сперва сами обучать их, но это отнимало месяцы, ИИ справляется гораздо шустрее. Да и ребята сразу на практике узнают, что такое ИИ, и уже через пару дней перестают шарахаться. Вот у нас тут набралось около десяти человек, которые полностью адаптированы. За ними дня через три аэротакси подъедет развозить их по городам вместе с социальными работниками. Они им помогают устроиться на новом месте. Вот с ними, думаю, вам и стоит пообщаться. Они, может, чего и расскажут. Но вы учтите, ребятки. У нас они провели всего полгода, а в племени своем родились и выросли. Они могут не захотеть делиться информацией, даже став полностью цивилизованными. И это их право.

— Мы все же попробуем, — вежливо кивнул Пол.

Индеец толкнул дверь в просторную комнату, где возле стен стояло несколько кроватей,

на каждой из которых восседало по бывшему дикарю. Одеты они были вполне цивилизованно, и только черты лица выдавали их происхождение. Кто-то вяло копошился в голограмме, кто-то читал, кто-то болтал с соседом по койке. Катя насчитала шестерых мужчин и четверых женщин.

— Привет, ребятки, — помахал им рукой индеец. — У нас гости. Это туристы. Они хотели бы с вами пообщаться. Вы ведь не против? — и сам присел на стул у входа, явно не собираясь покидать помещение.

Катя внутренне обрадовалась этому поступку: все же с опытным человеком было спокойнее, пусть даже дикари и полностью адаптировались к жизни в цивилизованном мире.

Джон открыл было рот, чтобы начать разговор, но Пол мягко взял его за руку и улыбнулся:

— Здравствуйте. Меня зовут Пол, я художник. Это Джон, он тоже художник, а это Катя, она много путешествует и пишет статьи о посещенных местах и странах. Сейчас мы направляемся в Бразилию — очень хотим посмотреть на джунгли, никогда раньше не были в тропиках. Там же безумно красиво. И, наверное, очень опасно, да? — и сделал паузу, ожидая реакции дикарей.

Кто-то из них заинтересованно кивнул, другие продолжали равнодушно копошиться в голограммах или тихо переговариваться.

— Нам рассказали, что в Бразилии проживает одно из последних на Земле обособленных племен, — Катя оценила, как ловко Пол избежал явно неподходящего для ситуации слова «дикий». — И нам было бы интересно навестить их. Катя сможет написать об этом статью, а мы с Джоном снабдим ее иллюстрациями. Как думаете, ваши соплеменники позволят нам заглянуть туда? Или не стоит и соваться?

— Ну почему же... — протянул один из тех, кто казался наименее заинтересованным в разговоре и продолжал лениво листать голограмму. — Они неагрессивные, просто не хотят сюда в большой мир, хоть и мало их там осталось.

— А вас что заставило передумать? — подала голос Катя.

— Мир захотелось посмотреть. Он такой большой, а племя наше занимает всего крошечный его клочок. Да и ЗАМ не велит сидеть на месте. Надо, говорит, расти развиваться, познавать новое. Вот молодежь и бежит. Стариков, правда, уже не выманить, думаю. Им даже ЗАМ не указ, они и с ним умудрились договориться, он не препятствует.

— ЗАМ? — переспросил Пол.

— Местное божество, — уточнил до того момента молчавший, но внимательно следивший за разговором индеец. — Очень почитаем в этом племени. Даже адаптация плохо вытравливает его образ из их памяти. Впрочем, мы особенно и не настаиваем, у человека должно оставаться в памяти что-то любимое и привычное.

— Дельные вещи говорит этот ваш ЗАМ, — встрял Джон. — А то прежде боги все дикие да невежественные были, жертв каких-то непонятных требовали, кровопролития, жратвы, девственниц, войн, а этот о саморазвитии вещает. Что за божество такое? Откуда оно взялось вообще?

— По меркам истории, не так и давно, — пояснил индеец. — Лет сто назад или около того.

— Ты неправ, — послышался тоненький женский голос из дальнего угла комнаты. — ЗАМ существовал всегда, он предвечен и бессмертен, а иначе что бы это был за бог?

— Да-да, разумеется, — не стал спорить индеец и замолчал.

— Он помог нам обрести смысл жизни и познать самих себя. Он научил нас всему. Он привел к нам вас и открыл нам весь этот огромный мир, чтобы мы смогли поведать этому миру о нем.

— Да вы, ребята — миссионеры! — рассмеялся Джон.

— В некотором роде, — снова подал голос тот скучающий тип, листавший голограмму. — Мы всегда знали, что однажды появятся те, кто захочет узнать нашу жизнь получше не ради того, чтобы приобщить нас к цивилизации, а для того, чтобы самим приобщиться к нашей культуре. ЗАМ повторял это изо дня в день и оказался прав. Вы пришли.

— Ого, так нас ждали! Чертовски приятно это слышать! — и Джон удовлетворенно потер руки.

— К сожалению, проводить к окну мы вас не сможем, но вы найдете его сами, теперь это неизбежно.

— К какому еще окну? — замер Джон.

— Окно ЗАМа — его святилище. В качестве обряда посвящения каждый должен пройти через это окно, и жизнь его изменится, он обретет истинный смысл бытия и познает самого себя.

— Да я и так неплохо себя знаю!

— Это вряд ли, — покачал головой бывший дикарь, по-прежнему не отрывая взгляда от голограммы. — Только окно ЗАМа может показать ваш истинный путь и открыть вам на все глаза. Вы ведь хотите узнать правду, так? — и он вдруг оторвал взгляд от мелькавших перед ним картинок и впервые посмотрел прямо на замерших путешественников. — Вы пришли за ответами? Вы получите их, только пройдя через окно.

— А разве сам ЗАМ не сможет нам их дать? Ну раз уж он такой общительный и всеведущий тип.

— ЗАМ не дает ответов, он лишь указывает путь посредством своего окна. Старейшины проведут вас к нему, будьте уверены, — и тут развернул к ним ту череду картинок, в которые всматривался все время их беседы, и ткнул пальцем в одну из них. — Племя живет здесь, — и в этот момент Катя узнала карту Бразилии, поспешно достала смартфон, фотографируя, указанную дикарем точку. — Правда, здесь такой масштаб, что разброс составляет в районе ста километров...

— А нехило вы обучили дикарей, — присвистнул Джон. — Вон как в масштабах карты шарят!

— Благодарю. Вот только наше обучение началось задолго до попадания сюда, — откликнулся дикарь и продолжил. — Но это уже будет территория племени, вас обязательно заметят. Не старейшины, так сам ЗАМ. Он знает, что вы в пути. И он ждет.

— Какая честь! — воскликнул Джон, прикладывая сложенные пальцы к виску.

— А, может быть, вы знаете... — начала было Катя, но сидевшая в углу девушка оборвала ее:

— Мы знаем не больше вашего. Вам поможет только окно. Если на вопросы не ответит и оно, значит, ответов не существует.

— Как у вас все просто, ребята, — покачал головой Джон. — Ну а ты, — обернулся он к индейцу, — тоже думаешь, что нет никакого ИИ, и над нами сидит какой-то охреневший от собственной значимости чувак?

Индецц пожал плечами, но вопрос его при этом ни капли не удивил.

— Ну что, теперь в Долину монументов?

И Катя только сейчас поймала себя на мысли, что за все это время ни дядя Валя, ни Казарцев так и не подали голоса. Она даже решилась поговорить с кем-нибудь из них — в конце концов, дядя Валя верой и правдой служил ей несколько лет, кем бы он там ни был на самом деле. Он заслужил хотя бы простого спасибо от нее. А благодаря Казарцеву она узнала многое из того, чего никогда не узнала бы, не позвони он ей в тот день. Она бы не колесила сейчас по американскому материку, ища ответы на не до конца сформулированные вопросы. Не познакомилась бы с Полом, не гонялась бы за вдохновением, не мечтала бы о чем-то большем, продолжая писать свои убогие статейки в свой блог — один из многих. Казарцев тоже заслуживал честности, и Катя поняла, что должна дать ее им обоим.

— Может, сначала пообедаем? Мы вас не стесним, — тут же продолжила она, видя растерянный вид индейца. — У нас все есть в трейлере. Мы вернемся минут через сорок и будем в вашем полном распоряжении.

— Да мы бы рады вас угостить, просто пришлось бы подождать, мы не рассчитывали, что у нас будут посетители, а количество порций приготовлено как раз по количеству всех нас...

— У нас прекрасные запасы в трейлере, не переживайте. Мы скоро вернемся, ага? — и тут же пошла к машине, внутренне проговаривая предстоящую сцену с Казарцевым и дядей Валей.

На подходе к трейлеру Катя развернулась к Джону с Полом:

— Ребят, поедите снаружи, хорошо? — и подняла на Пола красноречивый взгляд.

Тот кивнул с пониманием и отправился вытаскивать складные стулья и столик.

— Вынесешь нам тогда обед? Ну, чтобы вас там не смущать...

Катя улыбнулась. Джон перевел взгляд с Пола на Катю и обратно. Он явно не понял из их диалога ровным счетом ничего, но принял правила игры, не задавая лишних вопросов.

На плите уже предусмотрительно дымился почти готовый борщ, Катя разлила его по тарелкам, вынесла ребятам их порции, сама же села перед кастрюлей и принялась неспешно хлебать прямо оттуда. Дядя Валя почти никогда не готовил, предоставляя это право Кате, и к плите отправлялся лишь по ее просьбе, и сейчас ее скорее напугало такое рвение с его стороны. Выходит, он хотел загладить вину? Как-то подсластить собственную многолетнюю ложь?

— Я тебя слушаю, — наконец, произнесла Катя, доскребая со дна содержимое кастрюли.

— Я могу привести тебе несколько десятков аргументированных доказательств того, что Марцев ошибается, но, зная тебя, я заранее могу сделать вывод, что ни одно из них не покажется тебе убедительным.

— Почему вы скрывали от меня архивы Озерова? Мне будет достаточно только этого ответа.

— Боюсь, написанное там тебе понравится еще меньше версии Федора. Поэтому, если хочешь, ты можешь придерживаться ее.

— Как странно ты заговорил... — протянула Катя. — Словно это и не ты вовсе. Так кто там на противоположном конце? Толстая старая негритянка, испытывающая по отношению ко мне искренние материнские чувства?

— Если бы это было так, ты бы продолжила наше взаимодействие? Или предпочла

стереть меня из памяти своего устройства?

— Дядь Валь, отключи этот официоз, — поморщилась Катя.

— Боюсь, прежний тон ты все равно от меня больше не воспримешь, так зачем же притворяться?

— То есть, это все-таки было притворство?

— В данную минуту тебе видится все это именно так. И я не вижу смысла оспаривать твое восприятие. Причины я уже озвучил.

— Дурацкое ощущение, что ты и правда машина, — вздохнула Катя. — Человек хотя бы попытался меня разубедить. Господи, что ж там такого в этих бумагах, что ты готов разрушить нашу многолетнюю... дружбу? Ладно Мерк, мы и знакомы-то были всего несколько недель, но ты...

— Катя... — послышался голос Михаила из планшета трейлера, куда периодически выводил себя и дядя Валя. — В этих бумагах и правда целая гора шокирующей информации, но она скорее со знаком плюс и очень порадовала бы тебя, если бы ты только могла ее оценить по достоинству. Но дело в том, что это... производственная тайна, если можно так выразиться. Те записи посвящены далеко не только созданию ИИ 10.0. И, в отличие от машинного разума, работа над проектом, для которого он и был создан, еще не завершена. Поэтому ее и нежелательно видеть посторонним.

— Посторонним? Не завершена? — возмутилась Катя. — Ну ладно, пусть меня считают посторонней. Но как может быть не завершена работа по этим полуистлевшим архивам, которые до получения мной наследства валялись у кого-то на чердаке и никого не интересовали! А тут вдруг резко стали тайной общемирового масштаба! Да кто ведет эти разработки? Озеров давно умер, как и Меркулов. Или... нет? Или Марцев прав, и вместо ИИ 10.0 нас всех ведет вперед к светлому будущему мой дядюшка собственной персоной? Или, может, мне величать его отцом?

— Кать, давай так. Захар Александрович и вправду не просто так определил в наследницы именно тебя. Но те бумаги попали к тебе в руки по ошибке, вот все, что я пока могу сказать тебе. Если бы я знал заранее их содержание, я бы непременно что-нибудь соврал тебе, но не допустил бы их попадание в твои руки. Я все еще остаюсь официальным представителем Захара, хоть уже и посмертным, но разглашать больше, чем мне было позволено, я просто не имею права. Ну сама посуди, будь я твоим официальным представителем, обрадовалась ли бы ты, если бы я начал трепать о тебе все подряд людям, с которыми ты при жизни даже и знакома-то не была?

Катя нахмурилась, но аргумент Казарцева не могла не признать весомым.

— Дяде Вале твоему я ничего не говорил, но он ведь и сам не дурак, ИИ 3.0 все-таки многое вычитал из архива и сделал правильные выводы. Поверь, я сам терпеть не могу все эти тайны и недомолвки, и я пойму, если ты запретишь мне отныне общаться с вами, а дядю Валью сотрешь со смартфона. Я даже не буду просить тебя передумать, это слишком унижительно для нас обоих. Прими, пожалуйста, решение без моего давления на твои эмоции. Если мы все же хоть чуть-чуть заслужили твое доверие, то позволь нам доехать с вами до самой сельвы и окна ЗАМа.

— Единственный, кто может тебе хоть что-то рассказать — это Мерк твой, — встрял вдруг дядя Валя. — Он никому клятв не давал, и на тебя ему явно по барабану, — в голосе ИИ снова послышались до боли знакомые Кате интонации. — Поэтому, может, чего и поведает.

— А тебе, конечно, не по барабану!

— Мне нет. Даже если я толстая старая негритянка. Тем более если я толстая старая негритянка. Наверное, у нее живой чувств-то поболее будет, чем у долбанной электронной башки, а?

Катя уронила голову на стол.

— Ладно, — пробормотала она спустя несколько томительных минут. — Я не знаю, кто вы и чего хотите, но... оставайтесь.

— Мне отныне принять облик старой толстой негритянки? — без малейшей иронии в голосе поинтересовался дядя Валя.

— Как хочешь, — пробормотала Катя, с сожалением отмечая, что еще пару дней назад расхохоталась бы над этой невинной шуткой.

Она выглянула в окно и нервно закусил губу: ребята уже давно все доели, Пол принял смешную позу, а Джон сидел прямо на земле, сложив ноги по-турецки, и рисовал его портрет — уже второй за этот долгий сумбурный день. Катя зашторила окно, убрала кастрюлю в раковину и направилась к домику индейца напомнить ему о Долине монументов и Большом каньоне.

Глава 2

Сегодня я буду занудной, как бормашина — совсем неподходящая роль для рассказа о, пожалуй, самых красивых явлениях природы из всех, что мне довелось увидеть. Нет, я не забыла про Кратерное озеро и его бездонную синеву. Но то была синева, а здесь мы угодили в силки красно-оранжевого, и тут уж кому какой цвет больше нравится!

Пола Долина монументов совсем не впечатлила — он сделал несколько набросков и продолжал болтать со своим новым знакомым, рисовать которого ему теперь отчего-то куда интереснее. Кажется, из пейзажиста через сюрреалиста он все-таки пришел к обыкновенному портретисту. Джон красно-кирпичным чудом заинтересовался не больше, чем пылью под своими подошвами. Ах, да, я же не рассказала вам, откуда мы взяли нового попутчика! Нашли потерянного в телефонной будке посреди Мохаве, подобрали, отмыли, накормили да и усадили к себе в трейлер: два художника все же существенно хуже одного.

Долина монументов, скажу я вам, заставит вас разлюбить архитектуру — ни один архитектор не способен в принципе ни на что подобное, даже если ему будет помогать сам ИИ 10.0. Задача любого архитектурного сооружения — сочетать полезное с красивым, но никогда — создавать только красивое и при этом совершенно бесполезное. Любой памятник так или иначе призван воспевать или символизировать что-то — талант того, кого он изображает, либо что-то эфемерное, но заставляющее нас задуматься о глобальном и вечном. И только красные останцы Долины монументов, выточенные ветром, не символизируют ровным счетом ничего. Гидам пришлось бы заткнуться, попади они сюда — природа не требует пояснений. Ни бесконечная синева Кратерного озера, ни совершенно бесполезные в своем величии и одинокой красоте останцы Долины монументов. Здесь можно было бы толкнуть длинную и пафосную речь о том, чего они там символизируют — и человеческое мужество, и величие природы, но истина в том, что они не символизируют ничего. Они просто стоят там на фоне темного неба, меж их квадратными вершинами втиснута щербатая луна, и это чертовски красиво. Без всяких символов, знаков и надуманных восторгов.

Да, сегодня вышло как-то сухо, но красно-рыжая пустыня не вызывает желания сентиментальничать, особенно когда приходится созерцать ее вдвоем с высоченным индейцем, который молча курит свою древнюю трубку. А два художника, что должны были бы делать бесконечные эскизы монументов, напоминающих чудовищных размеров идолов, выглянули из трейлера всего на каких-то десять минут, а потом снова продолжили свою бесконечную болтовню о художественных техниках. Наверное, попадись мне на пути блогер, я бы точно так же проводила вечера в его компании, обсуждая метафоры и синекдохи. Наверное, это было бы безумно интересно. Но повезло не мне, а Полу. Что ж, похоже, гениям всегда везет чуть больше простых смертных.

К Большому каньону индеец отвез нас наутро, переночевав метрах в двадцати от трейлера. Он рассказал мне, как скучает по прежним временам, когда резервация еще функционировала. Да, в целом это была паршивая пора, и приятеля нашего задела всего только краешком. Скорее это даже были и не воспоминания вовсе, а генетическая память о том, как хозяев выгнали из собственного дома, милостиво разрешив им пожить в хлеву. Конечно, назвав Аризону хлевом, я слегка погорячилась, но, в целом, я отказываюсь признавать хромоногость этой моей внезапной аналогии. Она вполне себе бодро шагает на

обеих ногах: сколь бы не были красивы долина и каньон, но ни одна пустыня никогда не заменит лесов и ощущения того, что твой дом принадлежит тебе одному. Индейцы давно уже вольны жить где вздумается — хоть возродить команчей с апачами и снова бегать с луком по джунглям и прериям (лишь бы не калечили при этом зверей). Кстати, многие так и поступают. Вот только прежнего вольного духа уже не вернуть. Как бы хорошо им ни жилось сейчас, они всегда будут помнить, что Чингачгук не отдался бы на волю никакому ИИ, пусть даже уровня 10.0.

А вот, кстати, интересно, слышали ли вы про закон Марцева, дорогие мои эрудиты? Вы пока думайте над этой сверхсложной задачей, а я расскажу вам о Большом каньоне.

Долина монументов индейцу моему, вероятно, давно уже примелькалась, а вот Гранд-каньон до сих пор и у него вызывает приступы восхищения. Он, захлебываясь от восторга, докладывал мне, как еще во времена его предков река, сверкавшая ныне на глубине почти двух километров, текла по равнине. Но плато поднялось (разумеется, по воле богов), изменив угол наклона русла, в результате чего река смогла вымыть своим течением такую вот двухкилометровую скважину. Судя по сетевой энциклопедии, случилось это несколько десятков миллионов лет назад. Но раз генетическая память индейца утверждает, что это было в бытность его предков, кто я такая, чтобы спорить с ней? Да и кто знает, может, речь шла о совсем далеких предках вроде питекантропов или даже их пращуров. Мы ведь даже с амебами в некотором роде родня, так что, и вправду спорить не о чем. Кругом прав мой индеец.

Каньон и вправду выглядит впечатляюще — рыжие обрывы, зеленоватая подкова реки на дне... даже Пол с Джоном выбрались из трейлера, отвлекшись от обсуждений мазков, пропорций и углов падения света, чтобы присесть на самый краешек, спустив ноги в самую бездну. Лично я на подобную смелость неспособна и только с ужасом наблюдала, как они болтали голыми ступнями, жевали шоколадные батончики и над чем-то весело хохотали: с момента их знакомства не прошло и суток, а я уже чувствовала себя лишней в их веселой компании. Поэтому на этот раз в трейлер вернулась уже я, оставив их веселиться. Индейца же мой уход нисколько не смутил: ему, вероятно, все равно кого водить к Каньону, кому рассказывать о своих предках, самолично наблюдавших за движением геологических плит.

Еще не забыли про закон Марцева? Как думаете, выдумка это или научный факт? И если последнее, был ли он когда-либо опровергнут? Потому что если нет, то... все мы живем совсем не в том мире, к которому привыкли. Не собираюсь призывать ни к какой революции. Для начала неплохо бы хотя бы разобраться.

P. S. Черт побери, они сидят там уже второй час и слопали почти весь мой шоколад!

Merk: Если ты думаешь, что, намекнув на закон Марцева, ты заставишь меня расколоться, то зря. Про закон этот слышал каждый, кто не понаслышке знаком с программированием. Про опровержение ничего не слышал, но я и не айтишник, пусть они выскажутся.

TuringApple: Судя по тому, что мы имеем сейчас, закон этот — полное фуфло. Я хоть и не занимался непосредственно разработкой ИИ, но много лет угрохал на машинное обучение. Пределы его развития и правда ощущаются, но если мы сейчас имеем и ИИ 3.0, и, тем более, 10.0, то о каком законе Марцева вообще может идти речь?

Valentin: А не приходила ли вам в голову мысль, что за ИИ 10.0 кроется совсем не

машинный разум?

Merk: Антиутопия, детка? Все гораздо прозаичнее.

TuringApple: Ну тогда речь можно вести только об инопланетном разуме. Человек на подобное неспособен в принципе. Слава пророку Кларку в таком случае. Что тут еще скажешь. Мы живем в мире «Конца детства», что может быть лучше?

Трейлер на полной скорости мчался к бывшей границе с Мексикой. Катя продолжала напряженно дискутировать под собственной статьей, пытаясь вывести Мерка или кого-нибудь еще на откровенность, а художники тем временем открыли люк в потолке трейлера и выбрались на крышу. Они закрепили себя ремнями и громко и радостно вопили, несясь в клубах оранжевой пыли навстречу палящему солнцу. Инициатором стал Джон, Пол лишь молча кивнул и последовал за ним, ни на секунду не засомневавшись. Катя проводила их тоскливым взглядом и заставила себя вновь уткнуться в голограмму, читая полотно комментариев, расплзшееся под ее статьей. А сверху в крышу стучали ребята, и их, кажется, совсем не волновали ни генетические модификации, ни захвативший планету чужеродный разум.

— Катька, ползи к нам! — кричал Джон, свесившись внутрь трейлера и весело хохоча.

Та лишь покачала головой:

— Боюсь, ваш скромный рай не выдержит троих.

— Мышиный! — поддакнул откуда-то с крыши Пол.

— Нееееееет! — пропел Джон. — У нас как раз рай самый настоящий, а не мышиный!

— В рамках всей планеты, увы, это не совсем так, — вылила ведро сомнительного оптимизма Катя. — Ученые какой год бьются над разгадкой, но у них ничего не выходит.

— Все это чепуха, — Джон сел поближе к люку, чтобы иметь возможность болтать сразу с ними обоими. — И ученые эти — полные идиоты, раз таких простых вещей не понимают. Нет у нас никакого мышинога рая. Нет и не будет.

— Это почему же? Нам создали такие же тепличные условия, как и тем мышам, которые через несколько поколений в итоге выродились. Вероятно, эта участь ждет и нас, если ИИ, — тут Катя осеклась и закашлялась, — не придумает выход из ситуации.

— Ну вот смотри, мыши ведь не только в том раю у дураков экспериментаторов жили, они ведь и в вивариях поживали себе спокойно — не вырождались, не голубели, не вымирали. Почему, а? — и подмигнул ей.

— И почему же? — подал голос заинтересованный Пол.

— Ребят, а вы хоть про условия содержания тех мышей читали? С чего вы взяли, что там им создали именно рай? Потому что ограниченное количество зверюшек находились на полном обеспечении? А ничего, что они жили в металлических загонах без всяких систем охлаждения, и в жару температура там едва до 40 градусов не повышалась. Хорош рай, а? И загончики эти чистили раз в полтора месяца. А теперь представьте — кучка мышей живет в раскаленной печке среди собственных экскрементов и без возможности выбраться оттуда. Больше на ад похоже, не так что ли? Плюс площадь содержания была совсем крошечной, бедным мышкам там повернуться было негде. В природе на одного самца приходится максимум две самки, а в этом загоне жили четыре пары. Четыре, Пол! — Джон устал висеть вниз головой и теперь просто сидел, вещая сразу и в люк, и Полу на крышу. — То есть, на одного самца приходилось уже четыре самки. Конкуренция повышалась, и альфа-самец попросту не пускал к самкам остальных самцов из-за дурацких особенностей построенного

загона — кругом одни узкие лазы, пройти через которые можно было, только убив альфу, что сделать не так-то просто.

— Плюс инцест, — задумчиво протянул Пол. — Я уже думал на эту тему. Вырождение случилось в первую очередь из-за инцеста. Заселили же четыре пары всего, никакого разнообразия.

— Да, нагрузка на психику мышей колоссальная, — с готовностью согласилась Катя. — Если уж даже в вивариях не было ничего подобного. Да это мышьяная геенна огненная была, ей-богу! — и рассмеялась, испытав чудовищное облегчение от столь простого разрешения мучившей их загадки.

— Давайте уже добьем этот адище. Там ведь и освещение было всего с одной стороны. Нормально позаботились так о мышках, ага? Поилки и кормушки располагались в конце туннелей, которые сторожили альфачи. Тоже весьма умно, ничего не скажешь. Слабых самцов отгоняли от еды, те дошли от голоду. А мы помним, что загоны по несколько недель не убирала. То есть там стояла адова вонь от говна и трупов, от них же распространялась зараза. Плюс при такой скученности у самок обычно снижается фертильность.

— Мне вот интересно, — ты так все складно нам сейчас разложил, а экспериментаторы эти, когда организовывали такие адские условия, вообще думали, чем это чревато — скученность, освещение, загаженность ну и все остальное?

— Меня другое интересует. Ладно те экспериментаторы, они могли не знать особенностей жизни и поведения мышей в разных ситуациях, не догадаться могли. Но почему современные ученые на полном серьезе дискутируют по этой проблеме? Фиг с нами, мы-то в биологии вообще не сильны. Вон Джон достал где-то подробное описание эксперимента и просветил нас. Но нынешние-то биологи почему не озаботились? Спорят до хрипоты, вместо того, чтобы глянуть схему загона, где содержались мыши! Абсурд!

— Это мы от безделья страдаем, — вздохнул на крыше Пол. — Люди развлекаются как умеют. В том числе и ученые. Не всем же представляется возможность сделать что-то полезное — вот как тем ребятам с Йеллоустоуна. Кстати, интересно, как там их работы продвигаются? Надо бы на обратном пути к ним заглянуть...

— Им не утопию построили в итоге, а антиутопию, в какой и люди жили все годы до появления ИИ. Если это, конечно, он, а не инопланетный разум, — тут же оговорился Джон, но, казалось, его этот вопрос интересовал в гораздо меньшей степени. — Возможно, по этой самой причине экспериментаторы и не понимали, что не так: они создали для мышей те условия, в которых жили простые люди — крошечные каменные коробки, вечная конкуренция без возможности противостоять сильному, который в итоге захватывал себе все — самок, поилки, кормушки, лучшие участки загона без говна и прочей грязи. А остальные дошли в муках, и в итоге выродилась вся популяция. Веди себя альфа-самцы иначе, или если бы слабые объединились и дали бой альфачам, ситуацию можно было бы переломить. Но это мыши, какой классовой сознательности от них можно ожидать? — и Джон рассмеялся.

— Ну вообще все логично, да. Если бы мышам не строили загонов, а просто организовали кучу кормушек по всему ареалу их расселения, защищали от хищников, прививали и лечили, устраивали подогрев норок во время морозов — вот тогда это был бы мышьяный рай, а так...

— А это даже хорошо, что ученые так упорно спорят на эту тему. Умственный покой вреден для таких башковитых товарищей. Они всегда должны решать какие-то проблемы, это и для общества в целом полезнее будет. Думаю, они и сами прекрасно понимают, что

мышам тем построили адский капитализм из худших кошмаров Маркса, но все равно переживают за наше тунеядство и, как могут, пытаются ему противостоять. Пусть и дальше спорят, а мы будем гнать на трейлере куда глаза глядят. Навстречу ветру, свободе, сельве и окну ЗАМа! — и Джон с Полом хором закричали, ловя ртами слепящую их красную пыль.

Когда они слезли внутрь, Катя ахнула: оба были с ног до головы припорошены красно-коричневым и тут же бросились переодеваться и умываться: душа в трейлере предусмотрено не было, его им заменяли реки и озера. Джон предложил сгонять на побережье — это было совсем недалеко, и там же поблизости как раз располагался очередной распредцентр. Джон хитро ухмылялся, не сознавая, чего именно он хотел там взять, поскольку трейлер и без того был уже забит под завязку:

— Краски, — отвечал он на недоуменные вопросы Кати. — Порисовать хочу, мне нужно больше красок, — и подмигивал Полу, а тот понимающе кивал, хоть и сам скорее всего не понимал ровным счетом ничего.

Тот самый распредцентр располагался прямо на побережье — словно бы для тех, кто забыл захватить с собой плавки, купальники и надувные матрасы и внезапно решил-таки искупаться. В воду побежали все трое: Пол сразу поплыл, Катя присела недалеко от берега, наслаждаясь набегаящими и щекочущими ей живот волнами, а Джон, едва зайдя по пояс, тут же скинул плавки, швырнул их в новообетенного друга и принялся лихорадочно смывать с себя аризонскую пыль, попутно обрызгивая Пола. Тот натянул плавки Джона на голову, весело отплеывался и брызгал на него в ответ. Оба радостно визжали, то наскакивая друг на друга, то просто плавая кругами плечом к плечу.

Приведя себя в божеский вид, Джон оделся и побежал в распредцентр, откуда вышел минут через двадцать, таща в руках приличных размеров сумку, до отказа набитую крупными банками с красками самых разных цветов.

— Ты Сикстинскую капеллу что ли собрался перекрашивать? — расхохотался Пол, наблюдая, как Джон вываливает содержимое сумки на песок возле колес трейлера.

— Типа того, — сосредоточенно буркнул тот и сделал несколько шагов назад, окидывая машину критическим взглядом.

— Только не это, — прошептала Катя, догадавшись о его намерениях.

— Ну а почему нет-то? Трейлер у нас, конечно, приличный, но уж больно блеклый. Хочу придать ему яркости. Полли, поможешь? — и оба принялись возбужденно обсуждать, как именно им раскрасить корпус.

Они спорили до хрипоты, а потом просто разом взялись за дело. Джон — за правый бок трейлера, Пол — за левый. Они не сговаривались, потому что так и не смогли прийти к общему мнению касательно того, как должен выглядеть обновленный трейлер, а потому и разделили его поверхность напополам, чтобы отныне по американскому континенту колесило нечто совсем уж безумное, подобное рассеянному человеку, вышедшему на улицу в разных носках.

Джон довольно быстро замалевал свое рабочее поле кислотно-желтым, а потом принялся выделять на общем фоне несколько неровных белых полей с яркими цветочными вставками внутри. Правый бок трейлера все больше походил на образец орнамента королевского фарфора, которые Кати когда-то попадались в учебниках по истории. Словно бы Джон насмотрелся работ оформителей дворцов трехсотлетней давности и решил воспроизвести их именно здесь и сейчас.

— Ну хотя бы в этом маман могла бы мной гордиться, — протянул он, задумчиво

созерцая законченный первым неровный прямоугольник, который он обвел красными завитками, делая его схожим с обрывком бумажного свитка.

Пол оторвался от собственной работы и подошел посмотреть, что вышло у Джона.

— Ну прямо Букингемский дворец! — рассмеялся он.

— Родители у меня — художники-оформители. Всю жизнь меня воспитывают на классических стилях. Барокко там, рококо. Пусть хоть трейлер наш будет напоминать карету, если уж в жизни я одними карикатурами пробавляюсь, — и принялся за второй орнамент.

Когда Катя увидела, что вышло у Пола, то лишь недоуменно покачала головой. У Джона, по крайней мере, была ясна задумка, Пола же очевидно швыряло по всем стилям и направлениям. Левый бок трейлера он выкрасил в небесно-голубой цвет, раскидав по нему несколько темно-синих тучек, выполненных в самом настоящем мультяшном стиле — подчеркнуто оформленными, почти гротескными. А по небу этому плыли... плыло... нечто. Нечто яркое, многоцветное, взрывающееся брызгами несовместимых друг с другом цветов. Отовсюду торчали крылья, били лучи, росли диковинные инопланетные цветы (если только это были они, а не очередная абстракция). И Пол не мог сдержать улыбки, размашисто водя кистью по корпусу трейлера.

— Это что еще за взрыв на фабрике красок? — нахмурился Джон, не выдержав и заглянув-таки за плечо своего все еще нового знакомого.

— Хочется чего-то веселого, яркого, — Пол улыбнулся еще шире, развернулся и словно бы невзначай мазнул Джона кистью по носу, а затем и по левой щеке, оставляя кислотно-красный след, и невинно хохотнул, снова разворачиваясь к своему «полотну».

— Ах, так! — Джон наскочил на Пола со спины, потянул назад, и оба рухнули песок, хохоча и отплевываясь от залетевших в рот песчинок. — От тебя-то, видно, родки ничего эдакого не ждали, поэтому ты и можешь позволить себе вот так вот глупо подураться.

— Это родители, Джон. Они будут любить тебя в любом случае — будь ты вторым Рафаэлем или полным бездарем.

— Любить-то любят, но я-то вижу в их глазах разочарование.

— Вы поэтому и сбежали из дома? — молчавший, казалось, целую вечность дядя Валя, наконец-то, нашел подходящий момент, чтобы вклиниться и напомнить о себе.

— Я вроде ничего подобного не говорил, — ощерился вдруг Джон.

— Такой вывод несложно было сделать, исходя из вашего поведения, — в последнее время официальный стиль стал непременным атрибутом общения дяди Вали с обитателями трейлера, и у Кати никак не выходило вернуть своего прежнего друга. Впрочем, справедливости ради, пыталась она лишь формально. — И оброненные теперь фразы лишь подтвердили мои догадки. Поначалу одной из версий было то, что родители ваши погибли, — Катя вздрогнула и опустила глаза, а дядя Валя деликатно откашлялся, словно бы извиняясь за то, что задел болезненную тему, — но вы говорите о них в настоящем времени... и подспудно все же хотите оправдать их ожидания, хоть и внешне бунтуете против этого — и внешним видом своим, и шаржами этими...

— Тьфу! Тоже мне, Фрейд нашелся. Да иди ты в баню со своим психоанализом! С родками у меня нормальные отношения, хоть и сбежал я от них, да. Но сейчас не те времена, чтобы они стрессовать по этому поводу начали. Они прекрасно понимают, что я везде буду в полной безопасности, пока нас пасет чертов ИИ 10.0. Странно, что мы еще не стали бессмертными с такой-то круглосуточной опекой.

— Работы уже ведутся, — отчеканил дядя Валя, и Катя вновь поморщилась. — Возможно, следующее поколение опробует результаты на себе.

— Ну, значит, пока мы с вами смертны, предлагаю брать от этой жизни все! — крикнул Джон и с утроенным усердием принялся дорисовывать свое рококо на боку трейлера.

Закончили оба только под вечер, и все остались ночевать на пляже: Катя — в трейлере, в ставшей уже привычной ей кровати, а ребята — прямо на теплом песке, завернувшись в пледы. Она до глубокой ночи слышала их перешептывания и смех, шелест бумаг и звуки веселой возни, и сердце ее отчего-то болезненно ныло при воспоминании о том, как еще несколько дней назад они спокойно себе колесили по Калифорнии, не зная ни Марцева с его теориями, ни Джона с его шаржами. Заснула она только под утро, вконец изведя себя печальными мыслями и под конец твердо решив сразу по пробуждении взять аэротакси и отправиться назад домой.

Глава 3

Она проснулась, пока ребята еще спали, и тут же начала спешно собираться, чтобы избежать неудобного разговора. Объяснить им причины своего отъезда Катя бы не смогла, а потому решила сбежать без лишнего шума. Дядя Валя какое-то время молча наблюдал за тем, как она закидывает в рюкзак одежду и кое-какую еду, но потом не выдержал:

— Я не спрашиваю, какая вожжа тебе попала под хвост, но на твоём месте я бы не стал делать столь широких жестов. В конце концов, мы находимся возле распределцентра. Можем просто уехать, а они не пропадут: экипируются по полной и поедут своей дорогой.

— Ага, вслед за нами. Я больше не собираюсь в Бразилию, с меня хватит. Я еду в аэропорт и назад домой.

— Хм. По-моему, очень глупо.

— А, поскольку трейлер мне больше не нужен, то я и оставляю его Джону с Полом. Пусть пользуются. Если хочешь, ты тоже можешь остаться. Перезапишись на планшет трейлера, а я в распреде возьму себе кого-нибудь другого.

— Пф, глупости какие. Если ты не едешь к окну ЗАМа, не еду и я. Не будь я чертовой старой толстой негритяжкой!

Катя невесело улыбнулась и закинула на плечо готовый рюкзак.

— Тогда вызови аэротакси и валим отсюда, пока никто не проснулся.

Через десять минут она наблюдала за мирно спавшими на пляже художниками уже с борта бесшумного аэротакси. Ребята выглядели такими довольными, так мило притулились друг к другу во сне, что Катя только лишний раз убедилась в правильности своего решения. А к окну ЗАМа она сгоняет как-нибудь потом. Через месяц-другой, когда и след Джона с Полом в Бразилии простынет.

— Я все-таки считал тебя более разумной барышней, — не удержался от комментария дядя Валя, когда они набрали нужную высоту и скорость и мчались к аэропорту Мехико. — Ну хорошо, не хочешь ты ехать с ними вместе, так объяви им об этом. Истинную причину можно не называть, просто сошлись на замкнутость, любовь к одиночеству да и поезжай в сельву. Зачем отказываться от собственных планов вот так вот ни с того, ни с сего? В конце концов, этого Пола ты могла вообще не встретить и спокойно доехать до Бразилии в одиночку.

— Это уже случилось, — прервала его тираду Катя. — Да и не в одном Поле дело, тут много всего навалилось в кучу. И, уж извини, но с некоторых пор с тобой своими страхами я делиться точно не собираюсь. Похоже, пока мне ими вообще не с кем поделиться, поэтому придержу их при себе. Не до Бразилии мне сейчас, не до сельвы и не до ЗАМа этого. Кстати тебе не кажется странным, что бога этого зовут в точности, как и тот прибор, что изобретал Меркулов?

— Так вот и стоило бы сгонять туда хотя бы ради этого удивительного совпадения, — дядя Валя снова принялся убеждать ее вернуться.

— Не думаю, что дикари из джунглей могут что-то мне поведать о том, что происходит в мире. Если бы им было что сказать, об этом давно бы узнал Марцев. Но, по его мнению, мы генномодифицированные уродцы, лишённые свободы воли. И если этот таинственный ЗАМ мне это подтвердит, легче мне точно не станет. Дай передохнуть от всего случившегося со мной. Тут не только Пол, понимаешь?

До Мехико они добрались за каких-то четверть часа, но ближайший рейс до Москвы был только вечером, поэтому пришлось брать еще одно аэротакси, чтобы выбраться из мегаполиса в окрестности, побродить по деревням и хоть немного осмотреть страну перед отъездом. До дня мертвых оставалось еще около трех месяцев, но по улицам все равно бродили вычурно разряженные жители с нарисованными масками смерти на лице. За прошедшие со дня всеобщего открытия границ годы практически ни один культ на планете не вымер, и Катя с интересом наблюдала за процессией людей в сомбреро и платьях самых безумных расцветок, выбивающих каблуками некое подобие чечетки в пыльной проселочной дороге.

— Они и правда до сих пор во все это верят?

— Трудно сказать, — отозвался дядя Валя. — Кто-то, думаю, конечно. Несмотря на уровень образования, людям всегда хочется во что-то верить. Этим вы отличаетесь от нас. В прошлые времена даже самые светлые умы человечества тянулись к богу. Даже среди величайших физиков находились те, что верили в сотворение мира. Анализ подобных данных показал, что уровень интеллекта никак не связан с наличием или отсутствием у человека веры. Дело в индивидуальных особенностях психики.

Катя поморщилась от столь официального стиля, но поправлять дядю Валю не стала, поскольку сама задала подобный тон их нынешнему общению.

Процессия казалась нескончаемой. Люди несли цветы, фигурки скелетов и смерти в черном плаще и с косою, распевали на все лады, словно бы искренне радуясь возможности когда-нибудь умереть.

— Интересно, а когда изобретут бессмертие, они воспользуются этой возможностью? Или останутся со своей...кхм... богиней?

— Думаю, спрашивать их об этом бесполезно. Пока ты молод, здоров и кажется, что вся жизнь у тебя впереди, очень легко любить смерть. Но как только дни твои начинают стремительно сокращаться...

— Вот ты и прокололся, — вздохнула Катя. — Откуда машине знать, что чувствует по этому поводу человек?

— Анализ множества данных. Впрочем... старая толстая негритянка, пусть так все и остается, — и затих.

Когда разноцветный людской поток, наконец, иссяк, Катя двинула дальше, рассматривая примятые цветы, и буквально нос к носу столкнулась с человеком, с головы до ног одетым в белое. Он брел босиком ей навстречу, время от времени наклоняясь, подбирая брошенные процессией цветы и плетя из них что-то длинное и причудливое вроде гирлянды. Катя не стала ни о чем его спрашивать — возможно, такая уж была в Мексике традиция, что после вереницы импровизированных мертвецов идут люди в белом, словно бы провожая тех в последний путь, тем более, что на дороге той ей попало еще несколько человек в аналогичных одеяниях — белой льняной рубаше и белых же свободных брюках. Все они плели гирлянды и, как только те были готовы, надевали их себе на шею и продолжали брести дальше по дороге, но будто бы каждый по одиночке, в некотором отдалении друг от друга, словно бы они были не вместе, а каждый сам по себе.

На десятом встреченном ей незнакомце, который, видимо, еще только начал путь, а потому не сплел и трети гирлянды, любопытство Кати, наконец, заставило ее решиться и подойти к очередному человеку в белом.

— День мертвых здесь празднуется куда чаще, чем прежде? — осторожно

поинтересовалась она. — Раньше, я слышала, к нему готовились целый год и проводили в ноябре.

— Что? Культ смерти? Я не имею к нему никакого отношения.

— А та процессия в масках и ярких платьях? — удивилась Катя. — Я видела фотографии в интернете...

— Баловство это и больше ничего. Никто теперь не поклоняется смерти. Люди развлекаются по мере сил, а уж в какой день года это делать — вообще значения не имеет. Когда хотят, тогда и наряжаются. Разве это плохо?

— Вовсе нет, — помотала головой Катя. — А вы...

— А вот нас неверующими уже не назвать. Для нас эта дорога и эти цветы — отнюдь не развлечение.

— Кому же поклоняетесь вы? Мне казалось, что в нынешние времена религией увлекаются одни только дикие племена...

— Ну, это смотря какой. Язычество и правда практикуется только дикарями. Их даже после полной адаптации не сразу удается разубедить. От авраамических религий ушли почти все. Вы же ведь не верите в Христа?

— Думаю, человек такой все же был, но вот насчет его божественной сущности...

— Вот именно. И у всех так. Но ЗАМ — это совсем другое дело. Это не бог в традиционном значении этого слова.

— ЗАМ? — Катя вздрогнула и насторожилась, боясь, что ослышалась.

— Весть о нем нам когда-то давно принесли первые адаптированные дикари из Бразилии, и поначалу все восприняли их речи как рассказ об очередном языческом культе. Но шли годы, старые идолы умирали в сознании людей, а ЗАМ жил и не забывался. Даже те, кто адаптировались несколько десятилетий назад, по-прежнему чтят его. Многие из нас решили из любопытства съездить в сельву и посмотреть, что же там такое происходит. И вернулись уверовавшими.

— Чушь какая, — пробормотала Катя, тем не менее, пытаясь унять сердцебиение. — Очередной сотворивший все божок?

— Божок? Вовсе нет. ЗАМ — не бог, не человек, не творец. Это скорее концепция. Образ жизни что ли.

— Какой еще образ жизни? Носить белые одежды, бродить босиком по проселочной дороге и плести гирлянды из цветов? Лет сто назад этим занимались дурачки, называвшие себя хиппи. Все новое — это хорошо забытое старое.

— Скажите, — не стал спорить с ней незнакомец, — а вас не смущает все происходящее в нашем мире? ИИ этот странный, вдруг вмиг превративший буйное человечество в кротких овечек...

— И вы туда же! Да это всех смущает! Всех до одного. Но это не повод вести себя как юродивые.

— Конечно, нет. ЗАМ и не требует от нас ничего подобного. Скорее это наш человеческий примитивный способ расслабиться, развеяться, отпустить мысли на ветер и перестать задавать себе ненужные вопросы.

— А, так ваш ЗАМ учит вас отключать голову, не забивать ее всякой ерундой, вроде науки и стремления к истине что ли? — Катя горько усмехнулась. — А вместо этого гирлянды плести.

— ЗАМ учит нас, что человек и вправду способен стать тем, кем он стал, и без всякой

помощи ИИ. И не ИИ сделал нас такими — мы сами этого достигли.

— Ой, ну прямо Нагорная проповедь какая-то! Чем ваш культ от христианства в таком случае отличается? Иисус тоже нечто подобное вещал своим приспешникам.

— Тем, что у нас нет бога. Говорю вам: ЗАМ — это не бог, а концепция. Образ жизни, если угодно. Познавший ЗАМа никогда не станет прежним.

— Если уж на то пошло, то все мы уже давно не те люди, что жили раньше. Без всяких этих ваших концепций ЗАМа.

— Это вы верно заметили, — с готовностью закивал незнакомец, а пальцы его продолжали упорно плести гирлянду. — Теперь мораль — удел всех на планете. Но все это благодаря ЗАМу. Он помог нам стать такими.

— Да что это за ЗАМ такой? Не бог, не человек. Как концепция может кому-то в чем-то помочь?

— Достаточно пройти через его окно, чтобы понять это.

— Пафосный и ни на чем не основанный бред. Я уже слышала эти речи от дикарей. Мы и так уже все живем по совести и никому не причиняем боли. Так зачем нам еще и через какое-то окно в джунглях проходить?

— Чтобы узнать, кто мы такие на самом деле и как у нас это получилось. Ведь вы же не хуже меня понимаете, что человеческую сущность по щелчку пальцев не изменить. Нужны многие поколения, миллионы лет эволюции, чтобы из простой умной мартышки появилось столь высоконравственное существо, которым нынче без ложной скромности является любой из нас. И все эти байки про вмешательство ИИ байками и останутся.

— Генная модификация, — устало произнесла Катя. — Только так род людской мог быстро и радикально преобразоваться.

— Нет, — покачал головой человек, который за время их разговора уже успел доплести гирлянду и сейчас одним ловким движением накинул ее себе на шею. — Хотя... многие верят и в это. Но правды не знает никто. Никто из тех, кто еще не прошел через окно.

— Ну так поведайте мне ее, — усмехнулась Катя. — Вижу, вы-то через него точно проходили.

— Я не знаю, какова ваша правда, знаю только свою. Но делиться ею с вами не намерен, это только моя тайна. Каждый проходил свой индивидуальный путь, у всех он разный. И узнать о вашем вы сможете, только пройдя через окно.

— Что это за окно вообще такое? Откуда взялось? Откуда оно все про нас знает?

— Вы все поймете, только когда пройдете. За вас этого не сделает никто.

— Какие-то религиозные бредни, — пробормотала Катя. — Слишком много громких слов, а сути ноль.

— Суть моего личного пути, раскрывшегося передо мной как на ладони, не поможет вам узнать свой собственный.

— Все понятно, — махнула рукой Катя и побрела дальше по дороге, коротко попрощавшись с явно слегка поехавшим незнакомцем. До самолета оставалось еще часа три.

По дороге ей попались еще несколько человек в белых одеждах, плетущие венки. Все они выглядели спокойными и умиротворенными. Никто, вероятно, не переживал ни из-за захватившего планету инопланетного разума, ни из-за проведенных на всем населении генетических экспериментах, ни о законе Марцева, ни о несчастной невзаимной любви, наконец... Катя брела и брела, думая о том, что к ночи будет уже дома, и ей придется писать статью о поездке, как-то объяснять, почему она прервала ее, так и не добравшись до

Бразилии. На болезнь сослаться не получится, болезней попросту нет. Дать Мерку повод похихикать над своей глупой ревностью? Показать всем, что она сдалась и отказалась от цели своей поездки из-за горы домыслов и неспособности обуздать глупые девичьи эмоции и фантазии? Разве этому ее когда-то учили и родители, и школа с университетом? А, может, если и правда пройти через это столь разрекламированное окно, то, наконец, полегчает? Придет какое-то высшее понимание всего? И побредет она по дороге в белых одеждах, плетя венки из одуванчиков... Катя расхохоталась в ответ на собственные дурацкие мысли. В конце концов, она дочь Меркулова. Именно дочь, никак по-другому она квалифицировать себя не могла. И это странное совпадение названия его недоработанного прибора со странным культом в сельве, куда когда-то упал тот пресловутый самолет, и заставивший Катю махнуть на другой континент в поисках приключений и разгадок... Прошло уже несколько часов, Джон с Полом наверняка покинули распределительный центр на побережье. Вполне можно было вернуться, запастись всем по новой и рвануть и дальше по дороге. Куда поедут ребята — она не знала. Пол искал лишь вдохновения, сама по себе Бразилия не манила его. Они могли умчаться куда угодно, но этот ЗАМ просто преследовал Катю, шел за ней по пятам везде. Она не имела права не попасть на место крушения самолета с прибором ее отца, во что бы там он к этому времени уже не превратился.

— Вызывай аэротакси, — бросила Катя дяде Вале. — Мы едем назад, где остановились. Я пройду этот путь до конца, как и обещала читателям.

Еще во время приземления она поняла, что Джон с Полом никуда не уехали. Судя по разбросанным по пляжу вещам, встали они ближе к обеду и сейчас весело плескались в море. У трейлера стоял мольберт с какой-то разноцветной абстракцией. Возвращение Кати оба встретили восторженными воплями: выбежали из воды и набросились на нее с объятиями.

— Ты куда уезжала так надолго? — Пол был совершенно очевидно взволнован.

— Да я ж тебе говорил, что решит свои дела и вернется, а ты панику развел! — хлопнул его по плечу Джон.

Катя не стала уточнять, что планы ее были куда серьезнее, только мило улыбнулась и предложила трогаться с места.

— Следующим пунктом предлагаю остановиться в Мезоамерике и помедитировать там, — без малейших колебаний объявил Джон. — В конце концов, сельва твоя никуда не убежит, а когда мы еще до Мексики-то доберемся? Здесь много хорошо сохранившихся древних мест силы. Не окном единым, — поднял он вверх указательный палец.

Катя спорить не стала, хотя самой ей хотелось бы поскорее уже оказаться в Бразилии, но и правоту Джона трудно было не признать — раз уж они оказались на этом пути и исколесили половину США, странно было не заглянуть в куда более интересные и загадочные места. В конце концов, именно любопытство привело их к Марцеву и позволило узнать гораздо больше, чем могли бы, если бы они просто проехали мимо Калико.

Теотиуакан производил довольно удручающее впечатление. Казалось, древние люди Египта и Мезоамерики мыслили совсем не так, как европейцы, создавая очень странные, ни на что не похожие города, сплошь усыпанные пирамидами всех мастей. Религией люди тогда были озабочены куда сильнее, чем налаживанием собственного быта. Вероятно, именно поэтому город со временем пришел в полный упадок и в результате был покинут всеми жителями несмотря на то, что в эпоху своего расцвета размерами и численностью населения превосходил любую европейскую столицу. Джон махнул рукой в сторону

внушительной пирамиды:

— Предлагаю забраться туда. На ее вершине нередко проводили жертвоприношения. Хочу почувствовать ее энергию, напитаться ей.

Пол кивнул, но за Джоном не последовал, устроившись в нескольких десятках метров от подножия пирамиды Солнца и принявшись зарисовывать ее, а вот Катя поплелась вслед за своим новым приятелем вверх по ступеням. Она состояла из нескольких ярусов и размерами затмевала всю окружающую действительность. Деревья казались крошечными неприметными точками на ее гигантском фоне. Джон взлетел на самый верх в мгновение ока, Катя же брела довольно долго, примерно прикинув, что высота этого каменного чудища сопоставима была с двадцатиэтажным домом. Люди никогда не жалели ни сил, ни средств на подпитывание собственных фантазий и заблуждений. Разум бунтовал громче желудка, потому и требовались столь монументальные способы заглушить его крики.

Когда она, наконец, добралась до вершины, Джон уже сидел там в самой настоящей позе лотоса с закрытыми глазами и что-то едва слышно бормотал себе под нос. Катя легла рядом в попытке отдышаться и устала на проползавшие по небу тучи.

— Представь перед глазами пламя свечи, — произнес Джон. — Смотри на него, концентрируйся и ни о чем не думай.

— Зачем? — удивилась Катя.

— Медитация позволяет лучше понять самого себя. Раскрыть свои внутренние ресурсы. Что-то мне подсказывает, что это тебе сейчас ой как необходимо, — и Джон приоткрыл один глаз и хитро подмигнул Кате, а затем вновь провалился в медитативное молчание.

Садиться она не стала, но тоже закрыла глаза и отпустила мысли, не думая при этом ни о каких свечах. Сказалась и чудовищная усталость после подъема, и психологические нагрузки последних дней... но мысли и вправду куда-то подевались, даже не потребовалось их обуздывать фантазиями на пламя свечи, они улетучились сами. Из ощущений было лишь прикосновение теплого камня к спине, на нем-то Катя и сосредоточилась, перенося все свое сознание в эту точку тепла, которая, постепенно разрастаясь, вдруг заполнила все ее существо, а затем Катя просто провалилась в нее, как в черную дыру, где не было ничего — ни ощущений, ни даже самоосознания. Спустя несколько мгновений ей почудилось, что она сидит у себя дома за столом и что-то напряженно пишет. Еще не до конца осознавший себя единым целым мозг попытался выцепить отдельные фразы и ужаснулся прочитанному: «Источник испускает квазимонохроматический свет, при этом максимумы одних частот накладываются на минимумы других. При доплеровском уширении спектральной линии в 10-1 длина когерентности составила 3,8 мм». И текст этот выходил из-под ее пера! Она перевела взгляд на ручку, рассматривая собственные пальцы, и не узнала их: они выглядели значительно крупнее и куда менее ухожено, словно были пальцами... мужчины? Катя дернулась и открыла глаза. Джон по-прежнему сидел рядом и что-то мычал себе под нос, по небу так же лениво ползли тучи, а внизу у подножия крошечной точкой маячил Пол. Да мало ли какой бред пригрезится в таком месте. Просто перечитала записи Меркулова, вот и принялись они мерещиться ей на каждом шагу. Она тряхнула головой, встала и принялась медленно спускаться.

К тому времени, как она подошла к все еще скрючившемуся в некотором отдалении от пирамиды Солнца Полу, он уже завершал свой набросок. Над древним сооружением маячила летающая тарелка или что-то очень на нее похожее, в дне ее был открыт люк, из него свесился некто с рупором и что-то напряженно вещал онемевшей от ужаса и благоговения

толпе внизу.

— Актуально, — усмехнулась Катя, садясь рядом. — Джон там медитирует на пламя свечи.

— Да он мне все уши уже этой медитацией прожужжал, а я не особо понимаю ее смысл. Расслабиться? Познать самого себя? Да я вроде и так неплохо справляюсь.

— Чушь это все, — махнула Катя рукой. — Я сейчас попробовала, но увидела только как я сижу за столом и пишу какой-то непонятный текст явно научного содержания. Какое все это отношение имеет ко мне — ума не приложу. Думаю, и у Джона будет нечто подобное.

Джон рассказал об увиденном коротко и весьма сумбурно: пламя свечи, которое он несколько минут рисовал в своем воображении, под конец обрело вид бескрайнего людского моря у его ног. И море это что-то оглушительно скандировало. Он напрягся, чтобы попытаться взглянуть на себя со стороны, но ощутил лишь, что держит перед собой какой-то тяжелый предмет, впивающийся чем-то острым в подушечки пальцев.

— Кажется, только когда вынырнул из этой грезы, я понял, что это скорее всего была гитара. Странно, я никогда даже в руках этот инструмент не держал.

— Ты очень похож на Джона Леннона. Возможно, ты его потомок или побочный сын, вот и всплыли воспоминания предка, — пожала плечами Катя. — Не удивлюсь, если и Пол увидит нечто подобное.

— Картина бомбезная, — тут же переключился он на обсуждение наброска Пола. — Только я бы вместо рупора нарисовал пулемет, — Пол рассмеялся, покачал головой.

Джон выхватил рисунок у него из рук и принялся трансформировать рупор в какое-то крупнокалиберное орудие, от которого во все стороны летели снаряды.

— Они прилетели с миром! — смеялся Пол, доставая второй лист, чтобы восстановить прежний набросок.

— А назовем мы его «Мышиный рай», — тщательно выводя взрывы от снарядов над головами людей, тянул Джон.

— Ты этот с пулеметом называй как угодно, а я свой оригинальный назову «Светлое будущее» — ну то, о котором так долго мечтали наши предки.

— И получится диптих, — не стал спорить Джон. — Два варианта одного и того же события, а? А диптих мы назовем «ИИ...

— 0.0»! — не дал ему договорить Пол.

— Аминь. Ну давай я тебе с пирамидой помогу, раз уж переделал твое, — и они принялись вдвоем восстанавливать прежний вариант рисунка Пола.

Катя снова почувствовала себя лишней, и в этот момент подал голос так давно молчавший Казарцев.

— Я, конечно, понимаю, что вы сейчас медитируете в Мезоамерике и планируете заниматься этим как минимум следующие несколько дней, но все равно же поедете мимо. Может, заглянете на остров кукол?

— Да-да! — Джон оторвался от работы и весело заскакал по площади у подножия пирамиды. — Я сам туда собирался! У меня задумана серия карикатур на кукольные лица.

Со стороны города остров выглядел невзрачным клочком суши, но уже в нескольких метрах от берега яркие пятна на деревьях обретали конкретные очертания покалеченных человеческих фигурок. Лишь при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это всего лишь куклы — покореженные или вовсе разобранные на запчасти. То здесь, то там

висели оторванные головы или туловища без рук и ног. Пробитые глазницы зияли мертвыми дырами, грязная одежда производила удручающее впечатление. На острове буквально все было завешано трупиками кукол — абсолютно лысыми, с нечесаными лохмами и шикарными прическами, голыми, в драных платьях и одетыми с иголки — они попадали сюда в том виде, в котором их находил тот, кто подбирал их и украшал ими свое место изгнания.

Пол снова, как всегда, осмотрел прибрежную зону лишь мельком и тут же достал бумагу с карандашом. Джон тоже рисовал, но на ходу и на клочках, а Катя шла и размышляла, насколько они двое все-таки разные, и как странно, что они подружились.

Про создателя этого необыкновенного места известно было совсем немного: его изгнали на островок еще в середине прошлого века по не вполне понятным причинам. От жизни в одиночестве у старика поехала крыша, ему начали мерещиться призраки, которых он отгонял куклами, найденными в воде, развешивая их всюду, куда только мог дотянуться. Ну обычный, вроде бы, городской сумасшедший. Вот только после его смерти странную эту забаву продолжил его племянник, а затем кто-то еще, поскольку остров продолжал пополняться новыми нелепыми обитателями. Да и бурьян тут регулярно косили, создавая аккуратный газон.

— Здесь никто не живет, — подал голос Казарцев примерно через полчаса прогулки по острову и вокруг крошечной хижины, тоже до отказа набитой куклами. — Племянник этот тоже умер, не оставив детей, и за островом следит ИИ.

— Предсказуемо, — пробормотала Катя. — А за что сюда угодил тот... кто все это начал?

— Раньше писали, что за распространение диких суеверий, от которых цивилизованная Мексика столь усиленно пыталась отказаться, чтобы поуютнее устроиться под днищем Соединенных Штатов и не вызывать нареканий. — Но в последние годы жизни племянник стал разговорчивее, да и СМИ перестали замалчивать многие вещи. Родственник его повредился рассудком еще до высылки на остров. Поговаривают, что снюхался с Советским Союзом, в какой-то троцкистской партии состоял. Жена побоялась кары со стороны правительства, быстренько развелась с ним, а ему оформила неприятный диагноз, предложив ему на выбор психушку или изгнание. Он выбрал последнее, поскольку островок находится фактически в Мехико. На работу его никуда не брали, вот он и сделал музей из собственного места проживания. Кормился подачками да и помер. Говорят, от голода и нищеты. Темная это история, одним словом.

— Вовсе нет. Учитывая то, как кончил Хемингуэй, я охотно готова поверить в эту версию. Кстати, я дочитала дневниковые записи Меркулова. К сожалению, там нигде ни слова про то, как дальше шло развитие ИИ и его прибора — ЗАМа. Это где-то можно еще посмотреть?

— Про ЗАМ больше нет нигде и ничего. Увы, — казалось, Казарцев и сам сожалел об этой научной неудаче своего друга. — Ты же видела его предсмертную записку. А про ИИ... ну если ты что-то сможешь извлечь из газетных статей на диске...

— Я хотела бы хоть где-нибудь прочесть опровержение закона Марцева.

— Его не существует. Если решение Озеровым и было найдено, оно никак не задокументировано, но должно быть неординарным.

Папок со статьями было на порядок больше живых записей как таковых. Такое впечатление, что Захар просто ленился описывать собственные достижения и отмечал их

исключительно газетными статьями. Где же при этом хранились его собственные черновые наброски, не знал даже Казарцев. Либо этот материал не входил в наследство и хранился где-то под грифом «секретно», и Кате просто не было смысла о нем размышлять. Пока Пол рисовал очередной сюр на тему острова, усеянного оживающими трупиками кукол, а Джон изводил очередную пачку блокнотных листов на шаржи, Катя вернулась в трейлер и достала не изученный пока диск с файлами графиков, диаграмм и статей. Отсортировала их по датам создания.

Первый был составлен только через несколько месяцев после написания той предсмертной записки и представлял собой публикацию в одном из зарубежных научных журналов. Катя не поняла бы из нее ни слова, если бы та не сопровождалась краткой справкой популярного содержания для рекламы статьи и ее автора в прессе.

Сегодня, 22 ноября 1992 года, в журнале Science была опубликована статья бывшего советского, а ныне российского физика мистера З. Меркулова, посвященная экономическому развитию общества под началом искусственного интеллекта. Данная работа вызвала живейший интерес экономистов, многие из которых принялись оспаривать высказанные в ней тезисы о том, что ИИ позволит, наконец, человечеству прекратить наживать на себе подобных. Представленный мистером Меркуловым на суд научной общественности ИИ формально тест Тьюринга не прошел — но только потому, что и не пытался вовсе. По оценкам ведущих специалистов Кремниевой долины, данного уровня машинный разум вообще не нуждается ни в каких тестах. Но сможет ли он при этом как-то улучшить нашу жизнь? На этот вопрос ученые пока затрудняются ответить. Кроме того, как нам стало известно из надежных источников, разработка ИИ легла на плечи совсем других людей, у которых мистер Меркулов бесчестно позаимствовал конечный результат. Правда, никто из них пока не высказывал никаких претензий. По нашим предположениям, мистер Меркулов мог заплатить им за молчание немалые деньги, чтобы иметь возможность сбежать с развалин Советского Союза, поскольку у него не получилось сделать этого раньше. Статья его претенциозна, хоть и небезынтересна, но высказанные в ней теории дальнейшего мироустройства совершенно нежизнеспособны. Руководитель департамента кибернетики Кремниевой долины заявил, что должному развитию ИИ категорически и однозначно препятствует закон Марцева, открытый несколькими годами ранее и гласящий, что машинный разум никогда не сможет превзойти человеческий в силу наложенных на него человеческим же разумом ограничений. Он может обыграть нас в шахматы или на головокружительной скорости производить любые сложные вычисления, но в глобальном смысле переустройства всего общества он бессилён, поскольку создан простым человеком из плоти и крови и ограничен тем, что в нем заложено. А посему не сможет не только поработить нас, но и создать нам какие-то райские условия для жизни. Поэтому, на наш взгляд, мистер Меркулов — обычный шарлатан, стремящийся найти лазейку для побега в США, поскольку советская наука уже приказала долго жить, а что из себя представляет российская, не знает пока никто. Мы будем следить за дальнейшими публикациями этого наивного фантазера. Не унывайте, рай нас ждет исключительно в посмертии. Думаю, это самая хорошая новость прошедшей недели.

Не давая себе труда осмыслить прочитанное, Катя тут же открыла следующую вступительную статью, датированную уже 1993 годом, авторами которой значились уже Меркулов и Казарцев. Предваряло ее все столь же язвительное вступительное слово редколлегии.

Как вы, наверное, помните, российский физик мистер Меркулов в прошлом году опубликовал фантазийную статью на тему светлого будущего, возможного благодаря искусственному разуму, хотя его же коллеги несколькими годами ранее доказали невозможность такого исхода в силу железных ограничений, наложенных на железные же мозги (простите за невольный каламбур). Но мистер Меркулов не сдаётся и спустя год берет себе в соратники безвестного экономиста мистера Казарцева, призванного обосновать, каким образом ИИ будет способствовать улучшению экономического благосостояния планеты. По утверждению автора статьи, заявленные им для рассмотрения научного сообщества скрипты формируют ИИ уровня 1.3. Согласно закону Марцева, машинный разум не в состоянии преодолеть отметку 1.2 — стандартный человеческий уровень интеллекта. Если мистер Меркулов не лукавит и не преувеличивает, его вариант ИИ сейчас дотягивается до уровня величайших гениев человечества. Эксперты Кремниевой долины уже всю тестируют новые коды и пока не находят в них прорех, позволяющих бы заявить о какой-то ошибке, о научном кокетстве. Несколько десятков ридберговских атомов рубидия смогли повысить уровень обработки информации и многозадачность железных мозгов лишь до все тех же камнепреткновенных 1.2. И пока специалисты просто разводят руками и качают головами, не понимая, каким же образом мистеру Меркулову удалось сотворить чудо и заставить ИИ прыгнуть выше головы. Между тем вторая часть статьи посвящена экономическим выкладкам мистера Казарцева, где тот сухо и довольно коротко, но весьма емко при этом объясняет преимущества искусственного разума над человеческим в вопросах мирового экономического развития. Правда, они ни словом не упомянули, что делать с извечной человеческой жадностью, как ИИ намерен преодолевать это препятствие, но оба настроены весьма оптимистично и обещают к середине следующего года представить на суд общественности скрипты ИИ 2.6. Это весьма амбициозное заявление. На данном уровне мир научился бы полностью контролировать климат и финансовые потоки. Возможно, не за горами телепортация и бессмертие? Но тогда встанет этический вопрос лишения человечества возможности бороться за выживание. Что станет с нами, если нам нечем будет заняться? Если абсолютно все за нас будет выполнять джинн из бутылки? Не вымерем ли мы от скуки и безделья, как те несчастные мыши в хорошо известном эксперименте? Мы продолжаем следить за работами мистера Меркулова и желаем ему не облажаться.

— Ну как же не задокументировано! — воскликнула Катя, вызывая Казарцева. — А это что? — и ткнула пальцем в только что прочитанные строки.

— Ну ты же не думаешь, что это было опубликовано? — хмыкнул он, пробежавшись по тексту глазами. — Статьи-то для иностранных журналов писались, они даже рецензировались, некоторые и в печать пропускали, но до конечного потребителя, то есть до читателей не доходило ничего. Все так и осталось, вероятно, на этих дисках.

— И вы не знали об их существовании?

— Я и не ставил себе какой-то отдельной цели об этом узнать. Ну хорошо, сейчас все это найдено. И что это тебе дает?

— Да хотя бы доказательство того, что закон Марцева таки был опровергнут! Что та кучка идиотов в Калико ошибается и вводит всех в заблуждение. Я обязательно на обратной дороге заеду туда и покажу Федору этот архив. Пусть успокоится и прекратит прятаться от мира.

Джон с Полом вернулись поздно, шумно споря о чем-то. Пол отправился разогревать ужин, а Джон расстелил на столе неоконченный рисунок Пола и принялся вырезать лица со своих клочков с шаржами и наклеивать их вместо некоторых совершенно жутких рож. В результате заунывно-мистический набросок постепенно обретал элементы фарса: часть физиономий словно сошла со страниц готических романов, часть — с юмористических комиксов. Закончив работу, Джон быстро подписал внизу название «Остров мертвых землян» и с гордостью воззрился на результат трудов. Пол лишь хмыкнул, бросив взгляд на свой изуродованный рисунок.

— Не так плохо, как я предвидел, — и поставил перед Джоном тарелку с картофельным пюре и синтетической котлетой.

Читать архивы отца Кате как-то вдруг резко расхотелось, а сердце снова пронзил укол совершенно необоснованной ревности.

— Не хочешь с нами в хижину? Мы хотим переночевать там, — любезно предложил Пол, но в глазах его читалась одна только вежливость.

— Я останусь тут, — не стала разочаровывать его Катя. — Там как-то уж чересчур жутко. Особенно после этого вашего коллажа...

— А вообще зря ты порезал карикатуры свои, — протянул Пол, уже обращаясь к Джону. — Можно было бы подать и их, они получились очень удачно.

— Но барьер ИИ все равно не прошли бы, я даже пытаться не буду! — махнул Джон рукой. — Что эта бездушная железяка может понимать в искусстве!

— Но-но, я бы попросил! — тут же откликнулся дядя Валя. — Лично я вижу, что ваши работы выполнены с юмором, вы явно хорошо владеете базовыми художественными навыками, знаете анатомию и не допускаете ошибок по этой части.

— Так ты тоже что ли рекомендуешь мне пойти на поклон к вашим комиссарам? — задумчиво почесал он в затылке.

— Лицензированием занимаюсь не я и гарантировать ничего тебе не могу. Но почему бы, в конце концов, просто не попробовать? Даже если тебе откажут, тебе будет предоставлен подробный отчет, в чем именно твое творчество не соответствует заданным стандартам искусства. И ты, по крайней мере, сможешь сделать выводы и либо попытаться им соответствовать, либо со спокойной душой продолжать заниматься любимым делом, зная, что творишь исключительно для себя и исключительно то, что хочется именно тебе.

— Сам же говорил, что хочешь делиться своими шаржами со всем миром. Ну не криви душой, Джонни! — Пол похлопал его по плечу.

— Ладно, будем считать, что вы оба меня уговорили. Куда и что отправлять?

— Можешь передать работы мне, я все сделаю, — снова скромно подал голос дядя Валя. — Только выберите что-нибудь позабористей.

Остаток вечера художники провели, копошась в работах Джона. Пол настаивал, чтобы тот сделал еще несколько набросков — нарисовал Катю, дядю Валу, Казарцева, наконец, но тот уперся в несколько особенно любимых им карикатур и повторял, что хочет отправить только и именно их. Катя краем глаза заметила среди них пару раз мелькнувшую физиономию Пола с преувеличенно огромными глазами и тонкой кисточкой в руке, задумчиво замершего у мольберта. Попадались также и автопортреты, на них Джон чудовищно увеличил себе нос, пририсовал очки, исправившие подслеповатый прищур. Были и рисунки незнакомых ей людей — уж чем-чем, а мастерством шаржа Джон владел отлично.

Дядя Валя покорно оцифровал все предложенные варианты, и под конец Катя была

даже рада, что ребята ушли ночевать в хижину — Джон был так возбужден, так волновался, ожидая решения комиссии, что наверняка не дал бы ей заснуть своей болтовней.

Наутро решения еще не было, и дядя Валя направил трейлер в сторону Чичен-Ицы. Джону срочно требовалась новая порция медитации, на которую он опять принялся уговаривать и Пола.

— В конце концов, я решился на эту авантюру с лицензией с твоей подачи! А ты теперь будешь медитировать со мной на вершине пирамиды. Возражения не принимаются! — Пол только тепло рассмеялся и кивнул.

От бывшего величия культурного центра майя осталось всего несколько храмовых сооружений, из которых лучше всего сохранился только пресловутый храм Кукулькана — девятиступенчатая пирамида вдвое ниже Храма Солнца. Он не производил столь же ошеломительного впечатления, хотя бы потому что одиноко высился посреди равнины и красиво получался на одних только фотографиях. На вершине виднелось прямоугольное сооружение, которое и являлось собственно храмом. Туда Джон и потащил Пола, а вслед за ними и поплелась уставшая от ощущения себя третьей лишней Катя. В далеком прошлом внутри этого храма проводились многочисленные жертвоприношения, но атмосфера страха и боли, все еще не выветрившаяся из Храма Солнца, здесь оказалась полностью выхолощена, несмотря на полностью сохранившиеся жертвенные фигуры Чак-Мооль, имевшие вид лежащего человека с ногами, согнутыми в коленях, и повернутой в сторону головой. На животе его располагался поднос для жертвоприношений.

— Сюда по большей части клали человеческие сердца, — будничным голосом изрек дядя Валя, и Катя вздрогнула, начисто забыв о впечатлении скуки и выхолощенности.

— Значит, он присядет именно сюда, — Джон толкнул друга прямо на поднос на животе Чак-Мооля, сам же опустился на Ягуаровый трон — когда-то бывший символом власти. На него осмеливались садиться лишь верховные правители майя, а Джон запросто закинул ногу на ногу, не утруждая себя позой лотоса, закрыл глаза и тут же выпал из реальности.

— Что нужно делать? — Пол пытался устроиться поудобнее, ерзая на подносе между согнутыми коленями и головой фигуры.

— Закрываешь глаза, представляешь пламя свечи, смотришь на него и ни о чем не думаешь. Если получится сконцентрироваться, то провалишься в глубины своего истинного я.

Катя лишь укоризненно покачала головой, вспомнив свое видение с тетрадью и научным текстом. Она была абсолютно уверена, что и Пол увидит себя на сцене с леворукой гитарой или басом, а у ног его будет колыхаться ревушая от восторга толпа. Предсказуемо. Но сама при этом все равно присела на приятно холодивший камень, прижала к груди колени и невольно прикрыла глаза. В храме воцарилась тишина, каждый из троих изо всех сил старался ни о чем не думать.

Прошло несколько минут, прежде чем мысли окончательно замерли в Катиной голове, а пламя растворилось, принеся с собой полную пустоту. Исчез и страх перед местом, в котором они оказались, больше не звенели в ушах крики приносимых в жертву, не булькала кровь, не скользил, задевая плоть, кинжал. И Катя вновь увидела себя за столом склоненной над тетрадью в клеточку, в которой она снова старательно выводила нечто, повергавшее ее в священный трепет: «Потенциал интегрируется вдоль пути следования электрона, стабильно отслеживаемый пропагатором. ЭПР-парадокс не работает, что дает нам неплохие шансы».

На этот раз она не стала ждать продолжения и дочитывать то, что сама же и писала, а сразу же распахнула глаза и выбежала на воздух, достала смартфон и опять попыталась набрать номер Мерка. Как и прежде, он был недоступен. Она написала ему в чат, но снова безрезультатно. Оставалось последнее, но неизменно работающее средство.

Дорогие мои обитатели уютных мягких диванов! — принялась поспешно наговаривать она текст, чтобы уложиться в пару минут.

А вы бывали когда-нибудь в Чичен-Ице? Доводилось ли вам медитировать на алтаре, где еще несколько столетий назад приносили в жертву людей, вырывая их сочащиеся кровью сердца и швыряя на поднос для насыщения сурового и беспощадного Кетцалькоатля? Незабываемые ощущения, скажу я вам. Особенно, если учесть, в чем заключается суть медитации. Пробирает до самых основ. Видишь насквозь не только себя самого — это бы и ладно — у тебя начинаются странные галлюцинации, в которых тебе являются те, кого быть там никак не должно. В кого-то вселяются души предков, а в кого-то — совершенно посторонних людей. Если у вас был подобный опыт, поделитесь, как его воспринимать и трактовать? Сообщения в личку только приветствуются.

И принялась с неистово колотящимся сердцем ждать первых комментариев. Он никогда не затягивал с ответом. Не подвел ее и на этот раз. Вот только личку в своей неповторимо наглой манере обошел стороной, написав прямо под постом.

Merk: В Латинской Америке побывать еще не доводилось, но в египетских пирамидах бывало, заседал и медитировал. Обычно не мерещилось ровным счетом ничего, просто наступал покой и умиротворение. Что там у тебя опять стряслось, горе ты наше чесночное? — и море смеющихся смайликов.

Valentin: Может, все же переместимся в личку?

Merk: Это тайна? Что-то постыдное?

Valentin: Просто личное.

Merk: Значит, ничего особенного. Говори. Потом всегда сможешь стереть написанное.

Valentin: Я увидела перед собой тетрадь, в которой выводила научные формулы, при этом с математикой и физикой я не просто на «вы», мы в принципе почти не знакомы.

Merk: Кажется, я понял. Ну нет, не думаю, что это означает что-то особенное. А другим бойцам что примерещилось? То, о чем я догадываюсь?

Valentin: Джону — да. Пол пока еще только пробует, но уверена, что он увидит то же самое.

Merk: Игры девичьего воображения. Не забивай голову.

Valentin: Почему ты не выходишь больше на связь?

Merk: Я должен объяснить?

Valentin: Не должен, разумеется, но...

Merk: Прости, но это все, что я пока могу предложить.

Катя моментально стерла написанное вместе с самим постом и, чувствуя, как от стыда алеют щеки, прикрыла лицо ладонями.

— Я так и думал, что тебе привидится нечто подобное! — слышался за ее спиной хохот Джона и вслед за тем смущенное бормотание Пола.

— Ты ему так долго внушала, как он похож на этого твоего Маккартни, что он ни секунды не сомневался, будто и впрямь тоже увидит себя на сцене с гитарой. Но облом! — Джон принялся радостно потирать ладони.

— Что? Тебе почудилось что-то другое? — Катя посмотрела на совершенно ступевавшегo Пола.

— Да какая-то дичь мне привиделась. Будто живу я на большой ферме с кучей разных животных — кур, овец, лошадей. Я латаю крышу, копаю землю, скачу на лошади. Одним словом, активно занимаюсь хозяйством. У меня есть жена и четверо детей. Мы живем мирно и спокойно, все у нас хорошо, но я не только не рисую, но и даже музыкой не занимаюсь.

— Видимо, это твоя потаенная мечта, всплывшая наружу благодаря пирамиде майя! Кто о чем фантазирует. Я — о всемирной славе, ты — о семейном гнездышке, а Катя...

Та начала уже было лихорадочно соображать, что бы ей соврать, но тут ее спас Пол, жестом заставляя Джона замолчать.

— Об этом я и не успел тебе рассказать. Моя жена в этом видении была очень похожа на Катю. Вернее... это и была Катя. Точь-в-точь она. Такая же веселая добрая блондинка, обожающая наших детей и... меня.

Пол поднял на Катю виноватый взгляд, а та ощутила, как внутри нее что-то сорвалось с цепи и пустилось в лихой пляс. Она попыталась выдавить из себя улыбку, но одновременно хотела расхохотаться от внезапно свалившегося на нее счастья.

— Катя? — нахмурился вдруг Джон и придирчиво окинул ее взглядом. — Так между вами что-то есть? Ребят, вы ведь мне даже и не намекнули ни на что подобное.

— Нет, — тут же оборвала его Катя. — Это просто видение. Оно ничего не значит, так ведь, Пол? Мне самой примерещилась форменная чушь, даже рассказывать не буду, это не имеет никакого смысла.

Уже в трейлере она подошла к зеркалу, тщетно ища в отражении хоть малейшее сходство с Линдой Маккартни. Возможно, оно и было — едва уловимое. Обе блондинки, обе одеваются достаточно странно — ярко и несколько нелепо. Обе любят Пола, наконец.

Произнеся эту страшную фразу про себя, Катя ощутила прилив облегчения. Признавать правду всегда легко, даже если она чудовищна и болезненна. Но, возможно, если Полу привиделось именно это, а не совместные выступления с Джоном, он хотя бы иногда думает о ней в таком качестве? Эти мысли пугали и вводили в ступор. Она боялась теперьшний раз поднять на Пола взгляд или обратиться к нему с какой-либо простой просьбой. Да и Джон ошетинился — сидел себе тихо в своем углу, рисовал шаржи и отказывался общаться с ними обоими. Пол метался между ними, отчего-то чувствуя себя виноватым, но Джон все равно в ту ночь отправился ночевать в спальнике у подножия пирамиды. Прислушиваясь к шорохам в трейлере, к осторожным шагам Пола, к шуршанию одеяла и скрипу матраса, она все ждала чего-то, но спустя несколько томительных минут трейлер все же погрузился в кромешную тишину, и Катя долго не могла справиться с разочарованием.

А наутро пришел ответ от комиссии по лицензированию произведений искусства — категорический отказ. Иногда при отказах они все же давали советы по доработке и оставляли возможность подать еще один запрос. Но кое-кому с порога выдавали категорический отказ, не подлежащий пересмотру. И не скупилась на обоснование. К отказу

Джону тоже приложили километровую рецензию, краткое содержание которой — полное отсутствие должного уровня мастерства, работы выполнены явным дилетантом, которых тьма, не каждого же теперь лицензировать. Сами задумки, безусловно, интересные, но в искусстве одних только задумок мало, их нужно уметь реализовать. ИИ даже не попытался сгладить свой отказ, и взгляд Джона тускнел с каждой прочитанной строчкой. Пол тоже весь как-то съезжился, ощущая груз вины: прежде, пока Джон не подавал никакой заявки, он мог верить в то, что не получил бы лицензию по причине провокационности своих работ, но как раз эту их сторону ИИ благородно и предусмотрительно оценил. А сообщить художнику о том, что он не умеет рисовать равносильно тому, чтобы навсегда отобрать у него карандаш и бумагу.

Джон даже не дочитал рецензию до конца, отшвырнув голограмму, словно та была материальным объектом. Катя ждала, что вот сейчас он обрушится на Пола со злобной отповедью, но тот, напротив, не издал ни звука, лишь насупился и уставился в окно.

— Это всего лишь ИИ, машина... — робко попытался успокоить его Пол.

— ИИ 10.0, - выдал Джон. — Он поумнее нас всех вместе взятых.

— Вот поэтому ему и нравится все приглашенное, дистиллированное...

— Да хватит меня утешать! — заорал Джон, подсакивая и шарахая кулаком по столу. — Он не концепцию мою не пропустил, ему мое мастерство художника не угодило! Рисовать я не умею, на его взгляд, вот и все. Все, нахрен, пора заканчивать с этим, — он достал из рюкзака клочки с шаржами и принялся с упоением их рвать.

Пол кинулся его останавливать, хватая его за руки и бормоча:

— Нет, не надо этого делать. Прекрати! У меня идея, слышишь? Да остановись ты! — и толкнул его кулаком в грудь, чтобы привести в чувство.

Джон рухнул назад на стул, дорывая остатки рисунков, все еще зажатые в кулаках.

— У меня идея, — уже спокойнее повторил Пол. — Мы же можем лицензироваться как творческий союз, а? У нас же классно получается. Катя, скажи же, а? Вон какой коллаж забацали. А идея с пулеметом из летающей тарелки?

— Вот только не надо меня жалеть и из жалости руку помощи мне протягивать! — взревел Джон, швыряя клочки в лицо Полу.

— Да ты очумел что ли? Какая еще жалость? Я тебя всего несколько дней знаю, больно надо мне жалеть тебя, — и насупился, очевидно, изо всех сил делая оскорбленный вид. — Я, если ты не в курсе, и без тебя получил лицензию. Но с тобой мне рисовать интереснее, поэтому я и предлагаю такой ход. Ну, что ты на это скажешь?

— И что мы им отправим? — язвительно и нервно поинтересовался Джон. — Этот голимый коллажик?

— Да нарисуем чего-нибудь еще, идей-то масса. И отправим, когда наберется хотя бы десяток. Предлагаю приступить прямо сейчас!

— То есть сеноты вы смотреть не пойдете, я правильно понимаю? — как всегда, в самый неудобный момент подал голос дядя Валя. — А там вас может посетить столько всевозможных муз, — и издал восторженно мычащий звук.

Когда-то много миллионов лет назад территорию Мексики сотряс приличных размеров метеорит (по одной из версий, как раз тот самый, что и свел в могилу всех динозавров), вызвав сейсмические разломы. За последующие годы вода доделала работу небесного тела, сформировав обширную сеть открытых, полуоткрытых и закрытых полостей, наполненных пресной и чистой родниковой водой. Такие подземные пещеры простирались иногда на

многие километры, а бирюзовые озера в них достигали глубины в несколько сотен метров. В прежние времена возле самых живописных люди строили отели и цивилизованные спуски к воде. Где-то пещеры оставались некультурными, щетинились сталактитами, с поверхности земли вниз на десятки метров свисали корни деревьев, по которым, словно по лианам, индейцы когда-то спускались вниз, чтобы набрать воды — на Юкатане не было рек. Вот и дядя Валя предложил им повторить подвиг майя: в крайнем случае они сорвутся и упадут в глубокое озеро.

Джон радостно ухватился за это предложение, Пол лишь осторожно поежился, вероятно, размышляя, стоит ли так рисковать. Катя же однозначно выбрала сенот с цивилизованным спуском. Здесь тоже царила безлюдная тишина, словно с исчезновением всех преград — границ, недостатка денежных средств, постоянной усталости от работы — люди больше не стремились промчаться по популярным туристическим маршрутам, тратя на них свой ничтожный отпуск, а спокойно проводили время там, где им это нравилось больше всего, зная, что в любой момент они могут совершенно бесплатно рвануть хоть в Антарктиду, и ничто им не сможет в этом помешать.

— Все-таки странно, что за все недели поездки мы так редко натыкались на людей, — словно бы озвучил ее мысли Пол, так и не решивший сигануть в озеро вниз по корням вслед за Джоном. — Вроде население планеты не уменьшается, но где ни окажись — везде тишина и отсутствие толп.

— Нет необходимости ходить на работу, мчать после этого в магазин. Нет нужды копить впечатления, втискивая их в крошечный период отдыха. Думаю, за первые годы нашей... кхм... новой жизни люди утолили первичный голод по недоступным прежде достопримечательностям, и сейчас сюда добираются только самые ленивые, вроде нас.

— А, скажи... — Пол подсел чуть ближе, и, оказалось, что заявление про толпы и тишину был лишь поводом начать беседу, — что видела ты во время медитации?

— Да неважно, — махнула она рукой, — это никак не связано с тем, что видел ты, — и смущенно опустила взгляд.

— Просто... я много думал об этом. Возможно, ты и права и все это просто лютейший бред, вот только Джон неоднократно видел себя с гитарой на сцене, а у меня эта ферма и... ты ведь и правда чем-то похожа на Линду. Да, я поискал в сети информацию про семью Маккартни. Они какое-то время жили с первой женой на ферме с кучей животных. У них было четверо детей, если считать первую приемную. Помнишь, ты говорила, что я могу быть родственником этого музыканта? И если принять эту версию за основу, то ты...

— Родственница Истманов? Насколько я знаю, мои предки родом из России.

— Истманы — все же евреи, они могли пустить корни куда угодно.

— Ну пусть так, — спорить смысла не имело, ситуацию ее происхождение не меняло ровным счетом никак, хотя было бы забавно, если бы Меркулов имел какое-то отношение к этой семейке еврейских миллионеров.

— Странно все это, не находишь? Мы трое практически одновременно решаем вдруг двинуть на американский континент за вдохновением. Встречаемся, начинаем общаться, дружить, садимся в один трейлер и едем дальше. Именно мы трое — потомки тех людей, что когда-то были вместе. Разве случаются такие сногшибательные совпадения?

— Мерк бы сейчас сказал, — буркнула Катя, — что по теории вероятностей не существует ничего невозможного. Шанс может быть чудовищно низким, но не равным нулю. Поэтому когда он все-таки реализуется, то те, кого это коснулось, начинают поражаться, как

такое возможно.

— А я вот начал грешить на ИИ. Он мог намеренно толкнуть всех нас именно в эту сторону, чтобы познакомить.

— Ну у меня, допустим, есть дядя Валя, который мог как-то подспудно на меня повлиять. А вы с Джоном домашними ИИ так ведь и не обзавелись и чипы себе не вживили. Что ИИ мог сделать с вами?

— Я искал, куда можно было бы поехать за вдохновением. Вбивал в поиск довольно глупые фразы типа «самые красивые места планеты», и алгоритм мне подсовывал исключительно США. Совпадение? Джону, правда, просто втемяшило в голову рвануть именно сюда, но, убежден, если хорошенько покопаться в его памяти, то тоже наткнемся на якобы случайно найденные на просторах сети фотографии Мохаве или вот хоть даже этих сенот. И вот мы здесь.

— И зачем ИИ это было нужно? — тяжело сглотнула сухой ком в горле Катя. — То есть, смысл встречи Леннона и Маккартни я понимаю, мне это объяснять не нужно, но Линда в нынешнем мире — элемент уже необязательный.

— Кто знает, — покачал головой Пол. — Мы только еще начали свой путь.

Поднялся, отряхнул брюки и отправился к сеноту, где по корням деревьев медленно спускался вниз Джон.

— Айда сюда, Пол! — пропыхтел он, преодолев всего метров десять из заявленных в путеводителе восьмидесяти.

— Я могу оказать вам помощь, — вежливо встрял дядя Валя.

— Иди к черту! — рявкнул Джон и спустился еще на метр.

Нетренированные руки его дрожали, вода внизу блестела и переливалась. Пол не выдержал, достал бумагу и принялся быстро зарисовывать зависший над темной пропастью колодца силуэт беспомощного Джона.

— Если упадете, удар о воду может оказаться достаточно сильным, могу прислать дрона со страховкой.

— Присылай, — попросила его Катя. — Видишь, он уже и так держится из последних сил.

С каждой минутой протесты Джона становились все более вялыми, и, когда дрон прикрепил-таки к нему стропы, давая возможность отпустить руки и, наконец, расслабиться, он даже нашел в себе силы хмуро поблагодарить его за это. Пол сразу выбрал стропы, и вскоре оба зависли в паре метров над изумрудной гладью, покрытой золотистыми солнечными бликами. Стены импровизированного колодца заросли зеленью и мхом, сталактиты доходили почти до самого дна озера, и Катя легла на живот, опуская голову в проем и наблюдая за тем, как ребята отстегиваются от страховки и с хохотом и воплями ныряют в нагретую солнцем воду. Сенот изнутри похож на диковинный дворец — забрав динозавров, метеорит подарил планете что-то другое, пусть неживое, зато вечное.

Вдоволь накупавшись, художники устроились внизу на камнях и принялись что-то возбужденно обсуждать. Пол водил по стене пальцем, Джон спорил, легонько бил его по рукам, перечеркивая «нарисованное». И спустя час подобной дружеской перепалки крикнул вверх:

— Эй, дядь Валь, вытаскивай нас отсюда! К нам примчались музы, они не могут ждать!

Пообедав, они уселись вдвоем на краю сенота и, болтая ногами над колодцем, принялись что-то рисовать, выхватывая карандаш друг у друга из рук. Взять второй никто из

них даже не подумал — вероятно, так им было интереснее.

И к концу следующего дня, за который они не проехали ни метра, было готово пять из запланированных десяти картин.

Уважаемые читатели! Нас с вами ждет сенсационное открытие мистера Меркулова! После того, как вы как следует просмеетесь, все же рекомендую вам ознакомиться с приложенной статьей: неугомонный российский физик на пару со своим приятелем экономистом продолжает бороться за внимание научной общественности. Первые две статьи не были пропущены в печать, несмотря на данные автору обещания, и текст наш был написан втуне. Но мы по-прежнему не сдаемся и верим, что когда-нибудь все это, наконец, увидит свет, и творение мистера Меркулова однажды поработит нас.

Буквально неделю назад в наш журнал поступила очередная заявка от неугомонного физика с обещанным скриптами ИИ 2.6. Эксперты Кремниевой долины подтвердили, что заявленная работа выполнена на чрезвычайно высоком уровне и даже пожелали лично ознакомиться с экспонатом. Мистеру Меркулову была оказана всяческая поддержка в получении визы, в том числе и финансовая, но прибыл он один, без своего соавтора. А жаль, нам было бы интересно познакомиться с экономистом, который столь яростно исповедует принципы коммунизма именно сейчас, когда единственная страна, где коммунизм сумел победить, тоже, наконец, рассталась с этой прогнившей и лживой идеологией. Сам опытный образец доставить не удалось, скрипт запускали уже по эту сторону океана. Пришлось потратить некоторое время на подготовку квантовых микросхем, но эта тема уже давненько находится у нас в разработке, и уровня 1.2 наша версия ИИ достигла задолго до советской, как бы они ни пытались убедить мировую общественность в обратном. Тест Тьюринга тоже применять не стали, поставили лишь задачу по корректировке климата в разных областях Земли для нормализации урожая, но без оказания существенного воздействия на общее состояние планеты. Решение было выдано в течение часа, что рекордно даже для квантовых мозгов, не говоря уже про кремниевые. Вторым заданием эксперты выбрали незамысловатый вопрос: имеет ли закон Марцева хоть какое-то отношение к действительности?

Машина подтвердила, что закон работает, и выше уровня 1.2 машине прыгнуть попросту невозможно. А на вполне логичный вопрос о причинах ее существования был дан короткий, но поставивший всех в тупик ответ: «Эволюция». То же самое машина ответила и на вопрос, как мистеру Меркулову и его команде удалось достичь устойчивости в работе квантовых микросхем, которые сбоят при малейшем внешнем воздействии: даже наш ИИ 1.2 приходится содержать буквально в стерильных условиях в полной темноте, едва ли не в вакууме, и целый штат кремниевиков-долинщиков сутками напролет бьется над тем, чтобы хоть чуточку упростить условия его содержания, в то время, как меркуловская шайтан-машина по части устойчивости ни в чем не уступает обычному железу, при этом на много порядков превосходя его по части вычислительной мощности. Чудеса да и только.

Нам остается ждать комментариев мистера Меркулова о том, как ему удалось добиться эволюции железных мозгов практически без внешнего вмешательства человека, ведь, насколько нам известно, основной разработчик ИИ не прикладывал больше руку к своему созданию по достижении уровня, на котором включается закон Марцева.

Кремниевая долина чрезвычайно заинтересовалась мистером Меркуловым и его

открытием. Возможно, скоро нас и вправду ждет любопытное будущее.

Пол вносил в их совместные работы элементы сюрреализма и полностью брал на себя природу, а Джон — людей, их эмоции, жесты, поведение, одежду, предметы, которыми они оперировали. Выходило, на взгляд Кати, что-то совершенно странное, кажущееся несовместимым, но при этом удивительным образом гармонирующее друг с другом. Самое сильное впечатление на нее произвела картина, где из старенького еще лампового монитора наружу вырывалось буквально все на свете — деревья, животные, самолеты, распахнутые книги и улыбающиеся люди — самые настоящие, не карикатурные. Рассматривая их четкие линии и пропорциональные фигуры, Катя недоумевала, почему же ИИ отказал Джону в лицензии, у него же получалось все вполне достойно. Сама бы она никогда не смогла нарисовать ничего подобного. Из монитора лились реки, летели ракеты, прорастали цветы... Недаром ребятам пришлось склеить аж четыре куска ватмана, чтобы вместить все задуманное. Работу называли «Закон Марцева», и Пол делал на нее основную ставку, сидя над ней до глубокой ночи, тщательно прорисовывая каждую деталь. Джон не выдержал изнурительного марафона и заснул прямо за столом с карандашом в руке. Они так были увлечены созданием портфолио, что не заметили, как проскочили Гватемалу. И уже на въезде в Гондурас отправили еще одну заявку комиссии, никак, впрочем, не привлекая внимания к тому, что один из претендующего на лицензию творческого тандема недавно получил категорический отказ.

Мистер Меркулов продолжает скрывать, как ему удалось достичь эволюции электронного мозга, но тот и впрямь делает серьезные успехи, да такие, что теперь Кремниевая долина и сама не желает пока обнародовать их, чтобы не испугать или, наоборот, излишне не обрадовать читающую публику. Поэтому, начиная с данной статьи, мы будем писать все сводки исключительно для будущих поколений, чтобы они смогли оценить проделанную работу и восхититься своими предками. Возможно, ученый намеренно отказывается обсуждать суть своего открытия, поскольку, разгласив эту информацию, он сразу станет здесь не нужен, и его вышлют назад на руины СССР, а он этого страсть как не хочет, потому и кокетничает с Кремниевой долиной, надеясь задержаться здесь максимально долго и заинтересовать нас уже исследованиями по своей основной специальности. А они у него тоже имеются, впрочем, Кремниевая долина пока отказывается их финансировать, считая все это псевдонаучными бреднями и попыткой насадить коммунизм в великой капиталистической державе. Подробности нам неизвестны, ясно лишь то, что привезенный мистером Меркуловым ИИ — скорее просто предлог для продвижения собственного изобретения, которое, насколько мы можем судить, никакой практической пользы не несет и призвано лишь развлекать скучающую публику, оценивая ее нравственный уровень и давая советы по его повышению.

Ваш покорный слуга давеча как раз от той самой скуки решил попробовать на себе это самое изобретение. Мне вынесли вердикт, что я не безнадежен, однако, мне стоит сменить страну проживания, повысить уровень образования и взять пару детей в детском доме. Все это меня, безусловно, знатно повеселило, но я все никак не возьму в толк, с чего мистер Меркулов взял, что такого рода сомнительное развлечение вызовет стойкий интерес у американцев. Здесь он гранта на дальнейшие исследования точно не получит, даже если у него выкупят ИИ. За секрет эволюции машинного разума ему и без того

предложили немалую сумму, но он по-прежнему упирается и все разговоры сводит к своему изобретению. Мне начинает видаться тут уже некоторая связь. Впрочем, вы сами можете оценить, ниже вашему вниманию предлагается статья, посвященная собственно изобретению мистера Меркулова, прибору под названием ЗАМ-1 — как по мне, ничего не стоящей ерундовине.

Что касается подвижек в плане повышения уровня развития ИИ, то здесь дело пока застопорилось. У наших экспертов создается впечатление, что они имеют дело не с электронными мозгами, а с живым человеческим существом, упрямым ребенком, не желающим идти навстречу и начать учить уроки. Но, в конце концов, даже эволюционировавшая машина — это всего только машина, и человек сможет ее победить, в этом нет никаких сомнений.

Ответ от комиссии пришел уже наутро: творческий тандем Джона и Пола получил полную и безоговорочную лицензию творить все, что им только вздумается, и Джон скакал вокруг расписанного ими психоделического трейлера и вопил от радости. Через несколько минут к нему присоединился и Пол.

Отметить это событие решено было отступлением от маршрута и путешествием на острова Карибского моря. Катя и сама хотела уже просто бездумно поваляться на пляже, поспать в гамаке или бунгало, пить целыми днями коктейли, есть фрукты и молча смотреть на бирюзовые волны. Долгие недели тряски в трейлере и постоянная смена картинки вызвали неодолимое желание покоя. Аэротакси вызывать не стали — решили проплыть на яхте мимо Кубы и выбрать самый живописный и безлюдный пляж, который только попадется им на глаза. Оставили трейлер на берегу на границе Гондураса с Никарагуа и пересели в приличных размеров яхту, которую, пока они продирались по улочкам к побережью, дядя Валя успел забить провизией из ближайшего распрецентра.

Хотелось посмотреть и на Багамы, и на Пуэрто-Рико, но цивилизация оставила на этих, хоть и бесспорно прекрасных островах, свой неизгладимый след. То тут, то там на пляжах попадались зонты от солнца, шезлонги, мелькали туристы, хоть их попадалось значительно меньше, чем в прежние времена. Кате же хотелось полного покоя и тишины. Она даже подумывала поселиться на разных островах со своими спутниками. Но по пути к Барбадосу, на котором они хотели было остановить свой выбор, им попался совсем крошечный островок с вулканом посередине и буйной растительностью. Здесь не было белых песчаных пляжей и гамаков, но, в конце концов, они везли с собой даже напитки и шейкеры для их смешивания. И две палатки. Остров казался уютным и при этом каким-то одиноким, совершенно лишенным внимания туристов. Они не нашли его на карте, но смогли подплыть достаточно ближе, чтобы пришвартоваться и сбросить надувную лодку. Берег был достаточно ровным и пологим. Песка тут тоже хватало — не такого эксклюзивного, как в Доминикане, разумеется, но зато и без шезлонгов и чужих ярких купальников. В воздухе пахло вулканической пылью и кокосами.

Ребята тут же бросились устанавливать палатки в некотором отдалении друг от друга, а Катя босиком побрела по берегу, советуясь с дядей Валей, какой коктейль они сделают первым.

Засыпала она под шелест волн, все еще ощущая на языке вкус ананаса, а в отдалении Джон шептались с Полом, регистрируя на каком-то ресурсе профиль своего творческого тандема.

Наутро они вместо завтрака считали просмотры, лайки и комментарии, радостно вопили и прыгали вокруг Кати, по очереди обнимая ее.

Скоро здесь должен был наступить сезон дождей, и Катя все чаще вспоминала о портативном корректоре погоды, за который она недавно столь исступленно голосовала, ей хотелось подольше задержаться в этом месте, но любопытство буквально выедало ей нутро, и все мысли были там, в глубине сельвы среди дикарей, поклоняющихся таинственному ЗАМу.

Они провели на острове несколько совершенно расслабленных дней: плавали на яхте вдоль заросших травой пляжей, гуляли вокруг дремлющего вулкана, не решаясь подняться выше, собирали кокосы и с наслаждением пили кокосовую воду, добавляли ее в коктейли и просто валялись под палящими лучами солнца, изредка забегая в воду, чтобы проплыть пару десятков метров и замереть на поверхности. Джон с Полом извели целую пачку бумаги, и Катя уже перестала пристально наблюдать за ними, понимая, что исчезни она на этот раз окончательно и бесповоротно, они вряд ли заметят этот факт. Разве что когда на яхте закончится еда, и дядя Валя перестанет откликаться на их просьбы.

Обратно к материку яхта причалила в районе Коста-Рики: дядя Валя уверял, что нашел для них нечто совершенно необычное. И повез их напрямик на банановые плантации, посаженные здесь чуть более ста лет назад. Деревья возвышались среди уютной лужайки, а буквально у каждого ствола стояло по приличных размеров каменному шару. Самые большие достигали никак не меньше двух метров в диаметре.

— Это что, какой-то вариант игры в шарики для великанов? — со смехом спросил Джон, приваливаясь к ближайшему камню и глядя его.

Поверхность была ровной, а сам шар был именно идеальным шаром, а не неким подобием. Ни одной шероховатости не нарушало его поверхности.

— Ученые до сих пор не знают, что это и для чего было изготовлено, — с плохо скрываемой гордостью за свою находку отрапортовал дядя Валя.

— Они точно не природного происхождения? — засомневался Пол.

— Уж слишком их много, слишком безупречной они формы да и скопились в одном месте фактически, что тоже весьма странно и наводит на некоторые мысли.

— Зачем индейцам было так заморачиваться и вытачивать десятками подобные фигуры?

— На этот вопрос даже ученые не находят ответа, а вы хотите, чтобы вам его дал я? — рассмеялся дядя Валя.

— Насколько мне известно, — встряла Катя, — ИИ 3.0 гораздо более интеллектуально развит, нежели все ученые планеты Земля. — Так какова твоя версия?

— Учитывая тот факт, что Коста-Рика — единственное место на планете, где подобные шары рукотворны, нам не на кого думать, кроме как на индейцев. Возможно, это приняло для них некую форму искусства.

— Допотопные скульпторы Малевичи? — рассмеялась Катя.

— Кто знает, какие представления о красоте и величии тогда царили? Англо-саксонская и испанская цивилизации постарались, чтобы до нас дошло минимум информации. Поуничтожали все, до чего только дотянулись их руки. Сейчас предполагают, что шар тогда выступал символом власти и богатства. Как в 20 веке им считались дорогие автомобили и статусные часы.

На ночь они остановились прямо на плантации у одного из самых массивных шаров, и

Джон с Полом до глубокой ночи наперебой зачитывали восторженные комментарии вмиг обретенных поклонников. Те восхищались глубиной и разнообразием их картин, их богатой фантазией, неординарными сюжетами. Кто-то поругивал за то, что техника, дескать, неидеальна, что мастера древности вроде Рафаэля создавали куда более профессиональные вещи, но эта критика тонула в море восхищения и любви. Если вообще возможна ситуация пробуждения знаменитым, когда буквально за одну ночь ты из никому неизвестного обывателя вдруг становишься всеми почитаемым гением, то именно такая штука и произошла с Полом и Джоном. Им писали видные критики в области живописи и выражали свое уважение, скромно и ненавязчиво давали советы и просили выкладывать больше работ. К ним обращались галереи с предложением проведения выставок, и теперь вместо ленивого осмотра достопримечательностей ребята с утроенной силой взялись за написание картин, и к колумбийским плантациям они подъехали с одной лишь Катей, возбужденно не отрывавшей взгляда от окна.

Скажите, а вам когда-нибудь доводилось пробовать наркотики? Ну так, чтобы вот по-настоящему, не ограничиваясь марихуаной или крепким чаем. Очень крепким чаем. Да, понимаю, вопрос глупый. Прежде считалось: все, что не запрещено, разрешено. И как же хорошо, что мы живем сейчас. У нас масса возможностей попробовать хоть даже героин с метамфетамином, но вот только какой в этом смысл, если жизнь куда прекраснее и полноценнее без них? Помнится, в прошлые времена все эти страшные наркотики были простыми лекарствами. Ходят слухи, те, кто остался жить в горах, по-прежнему не расстаются с листьями коки, а психиатры лишь совсем недавно сумели победить шизофрению и сопутствующие ей галлюцинации, потому и ЛСД остался не у дел. И впору нам начать создавать музеи наркотиков и наркомании как явления не совсем отдаленного прошлого, вот только вы бы пошли в такой музей?

Сегодня мы гуляли по плантациям кустов коки — тем, что однажды принадлежали прогрессивному на весь мир Пабло Эскобару. В природе они достигают двух метров в высоту, а здесь едва выростали по пояс человеку среднего роста. Сейчас листья коки можно невозбранно жевать сколько угодно, это скорее такой более продвинутый аналог кофе — для тех, кто плохо переносит кофеин. Появляется какая-то дивная бодрость, повышается настроение, и ты готов ко всяческим свершениям. На вкус — как довольно острая, но приятная пряность, да и рот слегка немеет. Чай еще вкуснее, а в горах без коки вообще никуда. Это в наши дни ИИ научился снимать последствия сниженного артериального давления и разреженного воздуха, но все равно некоторые продолжают объедать кусты просто из какого-то генетического зова памяти. Некоторые даже героином не гнушаются, но вряд ли кто-то из них продвигается дальше первого укола. Никто нас за это не посадит, а детоксикация пройдет быстро и безболезненно, как мы когда-то научились лечить СПИД и прочие неприятные болячки, вот только смысл тратить пусть даже и несколько дней своей жизни на подобную глупость? Путешествовать гораздо интереснее.

Мои родители были вулканологами и постоянно гоняли на другие планеты. Иногда я задумываюсь, а что было бы со мной, не погибни они несколько лет назад, не оставь меня одну? Стала ли бы я автором ничего не стоящих заметок о путешествиях или пошла бы по их стопам и рванула покорять галактику? Ведь уже даже путешествие по Латинской Америке с ее руинами индейских цивилизаций и кустами коки — нечто совершенно запредельное по красоте и величию, что уж и говорить о Юпитере и, тем более, Туманности Андромеды! И они погибли там, исследуя другие миры, а я стою тут, в Колумбии на плантации Пабло Эскобара, жуя третий по счету лист коки, мой рот онемел, я едва могу шевелить языком, но при этом мне очень хорошо.

Смотрители плантации — а они тут сохранились до сих пор, вероятно, из простого энтузиазма, ведь дроны наверняка справились бы с задачей куда лучше — утверждают, что любопытствующих приходит немало. Все пробуют листья, некоторые рискуют и с порошком. Его, правда, очень давно уже не производят — остались на складах какие-то мелочи, и от желающих их не прячут. За второй дозой не возвращается никто. Да, кокаин дает бодрость, но к чему она нам, если у нас нет обязательного изнурительного труда? Если в любой момент каждый из нас может завалиться на диван и отдохнуть вместо

того, чтобы отрываться в клубах, чтобы стряхнуть с себя заботы прошедшего дня? Поначалу думали, что остатки кокаина разлетятся в один момент для тех, кто еще помнит, что такое — быть наркоманом, но идут годы, десятилетия, а остатков этих все еще довольно много, и никто не спешит их донюхать до донышка. В мире и без кокаина хватает хороших новостей. Вы ведь слышали вчерашнюю сенсационную новость? Разговоры шли уже довольно давно, но теперь все, можно ставить точку. Точнее, восклицательный знак. Рак побежден! Мы и так научились его лечить, мы и так перестали от него умирать, отказались от химиотерапии и облучения. А теперь все, мы никогда не будем им болеть. Я считаю, такая новость стоит того, чтобы сжевать за нее несколько листьев коки — все равно мы забыли запасться алкоголем, а до ближайшего распрецентра еще ехать и ехать. Мы в безлюдной зоне довольно далеко от цивилизации. Эх, если бы такое случилось лет 70 назад, об этом гремели бы все СМИ: шутка ли, прививка от рака, за которой не нужно бежать в ближайшую поликлинику! Которую тебе организует твой же собственный ИИ. А если у тебя его нет — мои приятели, с которыми я вот уже долгое время делю один трейлер, так и не обзавелись собственными помощниками и выезжают на моем дяде Вале — беги в распрецентр или вызывай дрона, если уж забурился в откровенную глушь.

Я вот тут сижу возле уже давшего плоды куста коки — а выглядят они как совершенно чудесные маленькие красные ягодки — и размышляю, а что бы дало изобретение такой вакцины в далеком прошлом, еще до того, как Меркулов принялся менять наш мир. Реклама, наверное, была бы на каждом шагу. Вот только сколько бы стоила та вакцина? Думаете, ее бы стали колоть бесплатно? Как бы не так! Свои дозы получила бы только элита, любившая рассуждать о том, как много было потрачено на изучение и эксперименты, что средства эти непременно надо отбить, а потому в массовое производство вакцина поступит... ну лет эдак через двадцать. И пока раком у нас прекратят болеть одни только миллионеры, а нищелюбы продолжают заполнять онкодиспансеры, терять волосы и обниматься с унитазом после малоэффективной химиотерапии... Эх, простите великодушно, видимо, кока как-то уж чересчур раззадорила меня...

Дядя Валя мне тут утром сообщил, что ему доза вакцины поступит уже через несколько дней. И не то чтобы я как-то по-особенному боялась этого самого рака или там СПИДа, от которого нас уже и не вакцинируют даже, как когда-то прекратили прививать от оспы или холеры. Просто поразительно, как быстро мы привыкли к тому, что имеем. И невозможно забыть то, от чего мы ушли — мы все читаем книги и изучаем историю. Это еще живет в нашей генетической памяти, и память эту не убить.

Взять хотя бы ту же рекламу, которой сейчас бы пестрило буквально все, в том числе и наши голограммы, и поля моей статьи. Вы вообще хоть раз эту рекламу видели? Ну вот живую, а не на страницах учебников и не на входе в распрецентр, носящую при этом исключительно информационный характер. Да откуда ей взяться-то? А когда-то от нее ведь деваться было некуда. На страницу текста пять реклам. На полчаса видео — десять. И не отключить, не перелистнуть, не промотать. На определенном этапе, говорят, у нее даже звук нельзя было убрать — сиди и смотри. Хорошо, хоть к экрану зрителя не приковывали, и можно было смотаться в туалет или переключить канал. Правда, с переключением вкладки в браузере уже не срабатывало — реклама ставилась на паузу до возвращения на активную вкладку. Какое-то рекламное рабство, ей-богу. Купи, купи, купи!

Сперва убейся на работе, потом на всю зарплату купи себе телек, чтобы снимать дешевыми сериалами стресс от этой самой работы, и половину времени от сериала смотри пошлую рекламу, подсовывающую тебе лекарство от геморроя, прокладки или кредитную карту, что по сути своей все одно.

Ох, видимо, последние два листика явно были лишними. Я пойду пока прогуляюсь, полюбуюсь на чудесный горный закат, подышу воздухом, пропитанным ароматами цветущей и плодоносящей коки, а вы пока поделитесь своим опытом употребления наркотических веществ. Надеюсь, хоть у кого-нибудь из вас он имеется — ну хоть какой-нибудь.

Lusy in the Sky with Diamonds : Bravo, давно ждала от вас подобной статьи! Любимый автор порадовал. Очень интересные наблюдения. Из наркотиков пробовала экстази ну и то, в честь чего у меня ник. Впечатлений никаких. Ну то есть после экстази немного поштормило, а после ЛСД какая-то чушь привиделась, будто я Пресвятая дева и провожак сына своего на крест. А когда отпустило, оказалось, я просто кота своего гулять в сад выпускала. Посмеялась да и забыла обо всем, а токсикацию мне моя Маруся сняла. Не представляю, как ваши художники обходятся без личного ИИ. Я без своей Маруси уже и жизни себе не представляю, как люди прошлого — без денег, работы и рекламы. Только от нее пользы в разы больше.

Merk: Вот это ты даешь! Такого я от тебя никак не ожидал. Верил до конца в твою правильность и непорочность что ли. Сам я наркотиков не пробовал и не намерен. Но, поговаривают, в еще оставшихся индейских племенах котируется нынче совсем другое вещество. Героин, кокаин, спайсы и мет — это все прошлый век, от них один дискомфорт, а кайфа на полчаса. Улучшение экологии по всему миру вернуло к жизни одно растение, которое считали исчезнувшим уже не одно столетие. И вот его снова нашли в джунглях Боливии. Крошечные кустики пикатона опять заполонили собой джунгли. Еще конкистадоры твердили, что до них доходили отдаленные слухи про несколько поколений индейцев, рассказывающих своим детям, а те — соответственно своим — о маленьких голубых цветах, растущих в самой чаще. Если их высушить, растереть в порошок, затем вскипятить, смешать с глиной и натереть кашицей слизистые оболочки — предпочтение, разумеется, отдается деснам, но есть варианты, как ты понимаешь, то приход случится колоссальный. Те, кто впервые это попробовали, даже не восприняли эффект как приход. Им казалось, что у них попросту открылись глаза на происходящее во всем мире, истину они узрели и не захотели больше существовать с шорами на глазах. Тогда по племенам прокатилась волна самоубийств, и вожди приняли решение держаться подальше от этих цветочков и приказали пикатон уничтожить. Рабы выполнили поручение столь старательно, что ни одно семечко не проросло за несколько столетий. И откуда он вдруг вырвался наружу спустя столько лет — не знает никто. Вот такую штуку я бы попробовал, а не этот ваш ЛСД. Про нечто подобное еще Хаксли писал, но индейцам лично я доверяю больше. Одним словом, если увидишь крошечные кустики с мелкими листочками и ярко-голубыми цветами, запаси и на меня немного. Я непременно хочу увидеть то, что видели тогдашние самоубийцы. Что за мир там такой за пределами нашей реальности? Может, мы и впрямь в тазах с розовой слизью восседаем, а?

Valentin: И не подумаю. Спасибо за описание, теперь я точно знаю, чего мне НЕ следует пробовать.

Urd. А вот Джон настаивает, его очень эта штука заинтересовала. Мерк, ты умудряешься портить мне настроение даже на таком расстоянии! Черт бы тебя побрал.

* * *

Внимание экспертов Кремниевой долины вот уже полгода отдано прибору, который усиленно пытается нам внедрить мистер Меркулов. Кажется, эволюция ИИ вызвана именно им, и наши специалисты из всех сил пытаются разобраться, каким образом скромное устройство, определяющее уровень нравственного развития человека, смогло дать толчок и развитию ИИ, перебросив его через закон Марцева так, словно бы это была вполне преодолимая изгородь, а не казавшийся нам прежде тупик и конец всего. Предыстория его создания и тестирования нам не сообщается, но в этом весь Советский Союз, вещающий нынче исключительно из руин и нездоровых голов его приверженцев: даже клянча деньги на собственное весьма странное изобретение, он не удосуживается поведать детали его создания. Нам удалось выяснить только название — ЗАМ-1. Это небольшой размеров пластинка — с виду металлическая, довольно гладкая и отменно отполированная. Сзади имеется панель со шкалой, внутри прячутся квантовые микросхемы с вполне рабочим ИИ, руководящим всем процессом, поскольку они вместе формируют неразрывное синергетическое целое. Достаточно взять пластинку в руки, нажать на рычажок сбоку, устройство произведет какие-то расчеты и выведет их на экран пластинки. Для питания используется либо системный блок, либо аккумулятор. Мистер Меркулов пытается добиться от нас помощи по выводу этого прибора на конвейерное производство, но при этом не уточняет, в чем будет польза не только для науки, но и для человечества. Задача не из простых и означает выбивание гранта на конвейерное производство странного устройства с одной лишь целью — определять нравственный уровень его владельца. Зачем это нашему физику — ума не приложу, но ради все возрастающего уровня ИИ наши эксперты готовы почесать в затылке чуть активнее обычного, ведь мистер Меркулов предлагает по сути именно бартер: он нам ИИ, мы ему — определенное количество этих самых ЗАМов, которое предполагается зафиксировать в договоре. В кулуарах уже зашептались, что уровень вполне можно поднять до 6.7, а там, чем черт не шутит... Что означают все эти уровни для человечества, судить пока очень сложно, и правительство Соединенных Штатов, которому, разумеется, было обо всем сообщено, предпочитает скрывать полученные данные от основной массы научного мира. Что уж и говорить про широкую общественность. Но когда-нибудь статьи мистера Меркулова и наших рецензентов будут непременно опубликованы, и наши сопроводительные комментарии обязательно понадобятся.

Всех смущает нежелание мистера Казарцева также посетить наши лаборатории. Конечно, простой экономист пусть и выдающихся способностей ничем не сможет помочь нам в нашей работе, но нас несколько настораживает, что после того, как ЗАМов будет выпущено несколько тысяч (конкретное количество пока не оговаривалось, но судя по задумчивым физиономиям наших экспертов, речь идет о серьезных запросах), мистер Меркулов увезет всю партию обратно в свою разваливающуюся страну, где попытается с помощью непонятных теорий мистера Казарцева как-то повлиять на экономический строй

Российской Федерации. Как это скажется на безопасности США? И стоит ли вообще в таком случае мистера Меркулова вообще выпускать из страны? Может быть, следует подать докладную записку госсекретарю? Ведь у нас с данным государством ядерный паритет. Разве не опасно это — помогать нашим прямым военным конкурентам выпускать в массовое производство прибор, назначение которого так до конца никому и неясно? Тем более делать это на своей же собственной территории.

Катя оторвала взгляд от голограммы и потерла виски. Кока постепенно выветривалась из ее мозга, возвращая былую медлительность и вялость. Надо бы заварить какао и укутаться в плед. Джон с Полом выпили по бадье чая из листьев коки и теперь, как безумные, носились по плантации, записывая идеи новых картин. Рисовать сил у них уже просто не было, они и так сутки напролет провели за холстом, а потом отбивались от заведующих галереями, перенося даты будущих выставок. Кажется, у Пола даже появились юные фанатки. Ну все, как и сто лет назад с их предками битлами.

Она еще раз перечитала комментарий Мерка и еще раз для верности глянула в окно, рассматривая простую лужайку, на которой прикорнул на ночь трейлер. Никаких следов цветов, похожих на незабудки, не наблюдалось. Да даже если бы она их нашла, разве согласился бы Мерк встретиться с ней лично, чтобы вручить их из рук в руки? Наверняка организовал бы доставку дроном, не гоняться же ей за дроном на аэротакси, в конце концов? Как-то уж слишком много скрытности и таинственности для простого и непонятно чем занимающегося по жизни парня, случайно появившегося на ее пути, но все никак не желавшего исчезнуть.

— Дядь Валь, — буркнула Катя, — сможешь мне найти пикатон этот, а?

— Да уж занимаюсь, — миролюбиво проворчал в ответ ИИ. — Ближайшие заросли вижу в Венесуэле. В Эквадоре еще встречается. Выбирай, куда ехать.

— А адрес Мерка ты мне, конечно, не скажешь, да?

— Ну если он хочет сохранить конфиденциальность, то с какой стати я буду лезть в его дела?

— Ясно, — накинула плед по самый нос и крутанула голограмму вниз, переходя к следующей сопроводительной статейке.

По предварительным оценкам наших экспертов, массовое производство ЗАМа довольно дорого обойдется и лаборатории, и самим США. Кроме того, запросы мистера Меркулова все возрастают: он просит создать ЗАМы разных габаритов — от уже продемонстрированной нам небольшой пластинки размером с ладонь до довольно массивных образцов, принцип мобильности и портативности его мало интересует, и привез он сюда именно маленький образец исключительно с целью облегчения его транспортировки, утверждая, что все прочие, ранее созданные еще в СССР, были весьма громоздкими, что, по его словам, никак не вредит делу, а даже и напротив. Тем более, что в массивных образцах легче разместить солнечную батарею, и не потребуется подключать их к сети или к системному блоку. Взамен Захар пообещал объяснить принцип взаимодействия ЗАМа с искусственным интеллектом, взаимно их обогащающий и толкающий обоих на путь эволюции. Хотя, по моим личным ощущениям, тут скорее требуется компьютерный психолог, а не физик, ничего не соображающий в скриптах. ЗАМ наверняка точно так же набросился на ИИ, как и на человека — для бездушного

неразумного прибора никакой разницы нет. Вот только как он оценил нравственный уровень машины? Как чрезвычайно высокий? Или как требующий доработки и сообщил об этом ИИ, а тот в спешном порядке принялся эволюционировать, чтобы и дальше не разочаровывать собрата? Но ведь для электронного мозга все, за что ни возьмись, упирается в конечном итоге в уровень интеллекта — ведь ничего другого у него попросту нет. Несмотря на устойчивую работу синапсов, гормональный фон отсутствует, нравственные законы — тоже, они ведь необходимы исключительно социальным существам, чтобы максимально эффективно выживать в обществе. Зачем они нужны одиночке, запертому в атомах рубидия? Вот и принялся он усиленно накручивать свой интеллектуальный уровень, чтобы не ударить перед ЗАМом в грязь лицом? Ведь эти двое — хоть и примитивное, крошечное, но все же таки общество. Пока рабочая версия экспертов именно такова: синтез ЗАМа и ИИ привел к формированию некоего электронного аналога социума, к которому оба прибора стараются приспособиться. Результатом такого приспособления и стала их взаимная эволюция. Мистер Меркулов не подтверждает, но и не отрицает ее. По крайней мере, она аргументированно все объясняет, не оставляя лакун. В конце концов, ИИ — это реальный живой разум, пусть и на электронном, а не органическом носителе. И его несоответствие неким стандартам другой железки, с которой он вынужденно формирует единое целое, вполне могло задеть его за живое. Согласно исследованиям создателей стартового образца, машина уже научилась, по крайней мере, искусно симулировать эмоции. Кто знает, возможно, она научилась и испытывать их. Такая морализаторствующая зануда, как ЗАМ, способна вызвать приступ ярости даже у табуретки, уж это я вам гарантирую!

Мистеру Меркулову уже представили на рассмотрение массивный вариант ЗАМа на солнечных батареях — разумеется, под серийным номером 2. Получилась машина размерами примерно полметра на метр или около того. Он очень доволен, и теперь, по крайней мере, есть, с чем работать дальше. Теперь ЗАМ полностью независим от сторонних источников питания и громоздких аккумуляторов, которые запаивали в советские опытные образцы. Его тестирование назначено на ближайшую неделю, и в подопытные записались почти все сотрудники лаборатории. Результаты будут отдельно сведены в общий график и опубликованы, просьба следить за обновлениями.

Дядя Валя нашел пикатон в Гран Сабане, и Казарцев даже присвистнул, услышав это.

— Туда стоит ехать даже без всяких голубых цветов! Поверьте мне, ребята, это будет самая интересная часть вашей поездки. Только от Санта-Елены все же лучше взять аэротакси и запастись минимальным снаряжением, если надумаете подниматься на Рорайму самостоятельно.

Первые кустики пикатона начали попадаться уже на подъезде к Боливару, и Катя выбрала местность чуть поглуше, поближе к Санта-Елене, чтобы остановить трейлер, пройти несколько сотен метров от обочины вглубь равнины, опуститься на колени и всмотреться в десятисантиметровые кустики с крошечными голубыми цветами. С незабудками спутать их было бы довольно сложно — цветы гроздьями свисали со стеблей, в отличие от убедительно торчащих вверх отростков, усыпанных плоскими соцветиями. Цветы пикатона напоминали скорее нераскрытый розовый бутон и источали при этом тяжелый приторный аромат. Катя провела пальцами по влажным мясистым листочкам и принялась аккуратно срывать веточки, стараясь не повредить корневую систему. У них как раз будет время высушить собранное в трейлере, пока они осматривают Анхель и Рорайму.

Катя вернулась с целым бумажным кульком, набитым голубыми гроздьями, разложила цветы на столе и еще раз вдохнула душистый сладкий аромат. Никакого эффекта, никаких тайн. Вероятно, цветам и правда необходимо вступить в контакт с кипятком и глиной, чтобы начать как-то особым образом действовать на мозг. А, возможно, что современный человек, потерявший интерес к веществам, расширяющим сознание, просто не подвержен больше воздействию и пикатона. И вместо вселенских ужасных истин о том, что с ними происходит на самом деле, они просто пожуют глину с засохшими цветами, да на том и успокоятся.

Дорога к знаменитому водопаду по-прежнему оставалась неприступной. Рассмотреть его вблизи можно было только из окон вертолета, если же направиться туда на каноэ, то сможешь оценить лишь издали величественный столб воды, низвергающийся вниз с тепуи в добрый километр высотой. Аэротакси высадило их на берегу — там, где они оказались бы спустя несколько часов плавания на каноэ, и все трое, задрев головы, с восхищением наблюдали, как мощный, упругий, кипящий поток вдруг как бы таял и обрывался в тумане прямо над кронами деревьев. И потому пришлось прыгать обратно в вертолет, чтобы посмотреть вблизи на то, как река Чуруми делает километровый прыжок, низвергаясь с плоскогорья в пропасть и там заново возрождаясь — сперва оседающей на камнях водяной пылью, а затем словно бы из ничего возникала заново и бурлила сама река.

Отвесные скалы образовывали нечто вроде подковы, в центре которой и заперт был великий Анхель. Склоны возле него облепляла приспособившаяся и к таким суровым условиям растительность, и издали тепуи казалась сплошным зеленовато-коричневым столбом, сливаясь с сельвой, перегородившей путь к водопаду. Когда-то власти Венесуэлы наотрез отказались окультурить эту часть страны, а с падением всех режимов на планете ИИ и вовсе упростил задачу для туристов — авиамаршруты, прежде доступные лишь для состоятельных людей, теперь предлагались абсолютно всем. Путешественников высаживали на вершине, позволяя искупаться в лагуне, провозили на открытой площадке прямо в нескольких метрах от водяного столба, на крутом вираже окунали в сельву и выныривали из тумана в паре сотен метров от места низвержения Чуруми, которая продолжала дальше свой путь по тропическому лесу, огибая тепуи и убегая вдаль по Гран Сабане.

Вблизи розовый песчаник горы казался совершенно гладким, Катя не понимала, за что там цеплялись растения, чтобы выжить в таких условиях — казалось, у них совершенно не было корней. С самой верхней точки водопад был похож на тоненькую молочную струйку, врезающуюся в темно-зеленую толщу и раскалывающую ее пополам скользящей рыжеватой трещиной реки. Водяной пар, исходящий от водопада, формировал столь густые и объемные облака, что казалось, будто они поднялись высоко в небо. И, лишь задирая голову вверх, видели, что от тех настоящих облаков их отделяет еще очень приличное расстояние.

Художники за весь перелет не произнесли ни слова, не обменялись ни репликой. Пол даже не пытался зарисовать увиденное, в его глазах лишь светился неподдельный восторг и глубокое осознание того, что есть на свете вещи, которые не следует пропускать через себя, трансформируя их на листе бумаги во что-то пусть и концептуально-монументальное. Даже фотографии не передавали величие этого места. А уж грохот возрождающейся после падения с километровой высоты Чуруми не в состоянии была передать ни одна картина, ни видео, ни восторженные рассказы очевидцев. И все пятеро благоговейно молчали перед нерукотворным равнодушием природы к происходящему на планете: Анхель жил и во времена конкистадоров, переживет он и ИИ.

Как и его сестра Рорайма. Оба до сих пор спорят за право служить местом действия

знаменитого романа Конана Дойля «Затерянный мир». Впрочем, площадь поверхности плато Рораймы в 84 квадратных километра позволяли ей претендовать на первенство в этом состязании. Эта столовая гора с усеченной вершиной возникла еще во времена, когда Африка и Южная Америка составляли единый континент, а потому в эпоху Дойля люди свято верили в то, что на ее плато вполне могла сохраниться древняя жизнь. Долгие годы фантазии эти невозможно было ни доказать, ни опровергнуть — подняться на плато представлялось невыполнимой задачей, ведь Рорайма высится посреди Великой саванны гладкой вертикальной стеной высотой едва ли не три километра. И лишь в конце позапрошлого века один упорный исследователь нашел диагональную тропу и начал рискованный подъем, занявший у него в итоге несколько недель. С тех пор именно эта тропа и стала использоваться для пеших подъемов, на которые сегодня уходило никак не больше суток.

Дядя Валя предусмотрел все заранее — и удобную устойчивую обувь, на которой он настоял в последнем распредцентре, и приличные запасы провизии, и непромокаемую верхнюю одежду, и страховки — на случай, если его подопечные все же рискнут подниматься пешком, а не обозреть окрестности с вертолета, как было с Анхелем. Джона терзало такое нетерпение, что он готов был мчаться вверх без какой бы то ни было обуви вообще. Пол снисходительно согласился следовать за другом, а Катя... Катя внушила себе, что ей нужен материал для новой статьи и доблестно облачилась во все, что ей было предложено. Она замыкала их крошечное шествие, выведя голограмму для Казарцева, который в приступах восхищения комментировал едва ли не каждый их шаг. Тропа была скользкой и практически вертикальной, но в целом вполне пригодной для прохождения даже неопытными туристами, особенно под руководством ИИ. Из-под ног их то и дело выпархивали птицы, а сверху низвергались маленькие водопады, сквозь которые приходилось нырять, чтобы двигаться дальше. Осложнял ситуацию сильный ветер, замедлявший продвижение, да и привычный туман, густым облаком обернувшийся вокруг гигантского столпа Рораймы и ухудшавший видимость.

В течение всего восхождения Казарцев не замолкал ни на минуту: то зачитывал словарные статьи о столовых горах, то озвучивал теории, достойные лучших уфологов прошлого века, о том, что на площадку, куда они сейчас держали путь, неоднократно приземлялись инопланетяне, изничтожившие в результате своих бесчеловечных экспериментов всю древнюю фауну плато. В самом же центре его найден был ровный участок без всякой растительности вообще, зато усыпанный странным серебристым порошком, который якобы невозможно получить в земных условиях.

— Да вы поклонник конспирологии, — фыркнула Катя. — Хотя... что мешает этому безумию оказаться правдой?

— Я бы не стал так веселиться на твоём месте, — нахмурился Михаил. — Если ты обратишь внимание на крошечную пещерку в десяти метрах отсюда наверху, то увидишь там кое-что интересное.

Катя ускорила шаг и уже через несколько минут с любопытством рассматривала выцарапанные в розовом песчанике ни на что непохожие узоры. И лишь спустя пару минут поняла, что это были вовсе не абстрактные узоры, а самые настоящие животные и... фигуры, чем-то напоминавшие людей, но при этом разительно от них отличавшиеся — числом конечностей, формой головы и ступней. Рядом с ними красовались также странные сооружения, которые можно было бы назвать аппаратами. Катя с сомнением покачала

головой.

— Да бог его знает, о чем могли фантазировать древние люди! Это же просто их творчество. Современные художники тоже изображают невесть что. Ну или взять того же Босха, например — каких только страшилищ нет на его полотнах. Но никто при этом не утверждает, что он лично их видел и запечатлел с фотографической точностью!

— Bravo, — хмыкнул Казарцев. — У Мерка появилась достойная ученица. Ну а если отбросить скептицизм и просто насладиться зрелищем, погрузиться в романтику сказки? Ты же на Рорайме, а не в спальном районе Москвы!

Говорят, и время на горе течет не так, как внизу — то замедляется, то пускается галопом. А некоторых гора и вовсе не выпускает из своих тенет, заставляя вечно скитаться в лабиринтах причудливых скал, неотличимых друг от друга.

Они вышли к вершине уже глубокой ночью, но пришлось пройти еще около километра до ближайшего «отеля». Услышав это слово, путешественники поначалу обрадовались — знать, и сюда запустила свои вездесущие лапы цивилизация, и у них появилась возможность провести остаток ночи в сухости, тепле и комфорте. Однако, освещенный летающим прямо над их головами дроном участок плато, где и располагался пресловутый «отель», поверг их в пучину смятения и разочарования: по сути отелем оказались несколько небольших пещер в толще песчаника, где вполне можно было растянуться во весь рост, скрывшись от дождя и ветра, но о тепле и комфорте мечтать уже не приходилось.

Впрочем, ночь эту никак нельзя было назвать бессонной: непомерная усталость погрузила всех троих в непроницаемые саркофаги сна, едва они приняли горизонтальное положение, забравшись в спальные мешки.

Наутро туман значительно поредел, и, осторожно ступая по неровной каменистой поверхности, путешественники побрели осматривать заросли орхидей, импровизированные джакузи с прозрачной ледяной водой и древних, как сама планета, черных лягушек, так и не освоивших искусство прыжка. Причудливо отесанные стихией скалы и впрямь напоминали лабиринт, ибо походили друг на друга как бесконечная вереница головоастиков.

Когда-то по плато проходили границы трех стран — Венесуэлы, Бразилии и Гайаны. Каменная пирамидка, обозначавшая их стык, все еще стояла на своем месте как символ вселенской людской глупости. А чуть дальше виднелось озеро Глэдис, названное в честь одноименного водоема из романа Конан Дойла. Оно давно заросло осокой и походило скорее на болото, но возможность видеть столь приличных размеров водоем на вершине горы рождала невыносимые ощущения и эмоции. Еще пара километров на север, и Джон завопил, ускоряя шаг, а затем рухнул на колени, воздел руки кверху и издал протяжный крик, наполовину поглощенный туманом. В том месте из горы вырастал узкий выступ, по обе стороны которого гора обрывалась в пропасть. Пол обернулся и взял Катю за руку, почувствовав ее страх, помог подойти ближе к краю, где уже сидел, свесив ноги в бездну, Джон. Навстречу им неслись рваные облака, в лицо дул порывистый ветер, и они и впрямь ощутили себя на палубе необъятных размеров корабля, мчавшего в великое неизведанное ничто. У их ног простиралась безграничная сельва, устья рек сверкали полудрагоценной яшмой, за спиной чавкали плотоядные цветы — одни из немногих растений, сумевших выжить в столь неординарных условиях. И хоть динозавров здесь не оказалось, их с успехом заменяли пятисантиметровые муравьи, способные перекусить средней толщины ветку, а для Кати такие чудовища казались страшнее гигантских ящеров.

— Ну что, попробуете пикатон тут или внизу? — послышался голос искателя дяди

Вали.

Отвечать не потребовалось, все и так знали, что второй такой возможности им не представится, а потому отправили дрон вниз за уже подсохшими цветами и глиной.

Через полчаса странно пахнувшая сероватая смесь с голубыми вкраплениями была готова, и Джон лишь смело развернулся назад, поддевая ее пальцем из плоски и тут же яростно втирая в верхнюю десну. Пол сидел прямоком за ним, чтобы в случае чего успеть подхватить, хоть и понимал, что с этой задачей куда лучше справится жужжавший неподалеку дрон. Катя же отступила от края на несколько шагов, не зная, что там она увидит и как это на нее повлияет. В конце концов, из медитации можно было вынырнуть усилием воли, а наркотического эффекта вполне хватит на несколько опасных для жизни часов. Все это время, что цветы сохли на столе в трейлере, Катя неоднократно перекаtywала в голове мысль о том, что же имели в виду индейцы, заявляя о способности этих мелких цветочков раскрывать глаза на реальный мир. Почему-то ей представлялось, что она увидит себя висящей в космосе в безвоздушном пространстве. Нет никаких планет, никаких других людей вообще, лишь ее сознание, создающее все, что она наблюдала в течение жизни. Не иначе сон Будды. Вот только почему эти невзрачные цветочки вообще способны разбудить его? Или это некий стоп-сигнал, который он сам разместил для себя в выдуманном мире, чтобы иметь возможность проснуться?

Катя пару минут наблюдала за расслабленным Джоном — пикатону явно требовалось некоторое время, чтобы начать действовать в полную силу. Затем лицо его вытянулось вдруг в изумлении, он прищурился, словно бы пытаясь прочесть что-то прямо перед собой. Покрутил головой из стороны в сторону и вцепился себе в волосы. Вслед за тем накрыло и Пола. Тот в ужасе прижал к лицу ладони, принялся лихорадочно ощупывать и осматривать себя, что-то невнятно бормоча. Обоих совсем не обрадовало увиденное. Катя с сомнением посмотрела на небольшой глиняный шарик у себя на пальце, так и не решившись пока положить его в рот, но потом любопытство победило, она сунула его за щеку и прикрыла глаза, представляя себя плавающим в космосе Буддой. Пусть это будет Будда, пусть все происходящее и вправду окажется его приключенческим сном.

Она почти это и увидела. Перед ней почти замелькали далекие звезды и квазары. Она почти ощутила тяжесть своего необъятного висящего в безвоздушном пространстве тела, уость глаз, безмятежность нрава... И лишь спустя минуту фантазийное наваждение исчезло, и Катя увидела перед собой зеркало — самое обычное, какое вешают в коридорах. В какое смотрятся при выходе из квартиры, чтобы поправить прическу. Вот только из зеркала на нее смотрела совсем не Катя. Более того, там отражалась даже и не женщина. Отражение выглядело вполне уверенным в себе, но очень уставшим и печальным молодым мужчиной, которого Катя узнала сразу же, как только почувствовала, что мир вокруг нее изменился. Перед зеркалом стоял Мерк собственной персоной, а Катя отчего-то оказалась в его шкуре и смотрела на мир его глазами. В левой руке ощущалась странная тяжесть, и Катя опустила взгляд, а вслед за тем с ужасом отпрянула, отбрасывая в сторону пистолет. На мгновение ей почудилось, что в тот момент, когда сознание ее нырнуло в эту параллельную реальность, Мерк как раз подносил оружие к виску с твердым намерением выстрелить. Катя развернулась, желая получше осмотреть то место, куда попала, но все вокруг словно бы исчезло, существовало одно только зеркало, послушно отражающее несуществующую окружающую обстановку — прихожую с парой курток на вешалке, узкий коридор, ведущий в комнату и... фотографию Леннона и Маккартни на дальней ее стене. Все как на той

картине, что недавно нарисовал Пол, а теперь сознание Кати столь странным образом воспроизвело ее содержание после втирания в десны голубых цветков пикатона. Так вот, как все это работает! Разум просто поселяет тебя в произведение искусства, что недавно произвело на тебя самое сильное впечатление, и вуаля, ты уже веришь, что все это происходит на самом деле. Хорошо, что это оказалась именно та самая картина. Не факт, что она бы вспомнила сейчас какую-нибудь другую, и тогда точно восприняла бы все происходящее за чистую монету.

Вопреки ожиданиям эффект от пикатона не длился долго, и Катя едва успела как следует осмотреть плохо освещенную прихожую и заваленный бумагами письменный стол в спальне, как снова ощутила себя сидящей на плато Рораймы, укутанной серым туманом, словно промокшим под Анхелем одеялом. Пол лежал рядом, тихо постанывая, Джон же так и сидел на краю, вцепившись себе в волосы и выл. Эти звуки она слышала, лишь когда приход отступил.

Пол погладил ее по руке, заметив, как постепенно сужаются ее зрачки.

— Вернулась? — прошептал и натянуто улыбнулся.

— Джону совсем худо? — кивнула она в его сторону и удивилась, как хрипло прозвучал ее голос.

— Да, думаю, пора убрать его с выступа. А то даже если дрон и подберет в полете, все равно успеет страху натерпеться, — медленно пополз к Джону, ухватил за подмышки и подтянул поближе к тому месту, где сидели они с Катей. Затем обнял, положил его голову себе на колени и убрал от лица сведенные судорогой руки. — Все хорошо, это всего лишь наркотик. Мы никогда ничего подобного раньше не пробовали, вот нас так и накрыло, — и даже не пытался расспрашивать его.

— Вроде ничего страшного, да? — скороговоркой пробормотал Джон. — Ну стою я перед каким-то дешевым зеркалом в деревянной раме. И на вид мне лет сорок, не меньше. В таких типичных бабушкиных очках на носу, с отвратительной стрижкой и в кожанке. Стою и понимаю, что мне надо идти в студию, времени в обрез, а сам оторваться от собственного отражения не могу. А потом вдруг взгляд падает на раму зеркала, и я вижу, будто нацарапано там что-то. Щурюсь, чтобы прочесть, а это оказывается какая-то бессмыслица: *The walrus was you* — Моржом был ты. Что это, черт побери, значит? Я разворачиваюсь, чтобы хоть осмотреться, но вокруг нет ничего, одно только дурацкое зеркало, к которому я словно приклеен. И в нем отражаются электронные такие часы, у которых внизу и дата отображается. 8 декабря 1980 г. 8 часов вечера, — и в ужасе закрывает ладонями лицо.

— Похоже, кое-что про Леннона ты все-таки знаешь, — хмыкнула Катя. — Да брось, ничего страшного и тем более удивительного в этом видении нет. Ты внешне похож на Джона, я в шутку высказала предположение, будто ты его потомок, тебя это, видимо, впечатлило, ты почитал про него в интернете, и вуаля, сначала под медитацией увидел себя в его образе на концерте, а затем и за несколько часов до убийства. Дядь Валь, есть у нас что-нибудь успокоительное? — и услужливый дрон тут же подлетел и уронил ей на колени тонкую ароматную пластинку.

— Вот зря вы чипы себе, ребята, не поставили, — проворчал дядя Валя, — давно бы уж угомонил всех троих, а то пульс у каждого под двести. Давайте разломите на три части и под язык засуньте. Через пару минут оклемаетесь.

— Твое объяснение, в принципе, работает и в моем случае, — задумчиво протянул Пол. — Я тоже оказался перед зеркалом, которое помимо весьма убогого убранства отразило

совсем старого и седого человека с плохо пробритой щетиной. Но я все равно его узнал. Это был Маккартни возраста примерно лет восьмидесяти или около того. Окружающая обстановка совсем не гармонировала со столь богатой личностью. Что уж он делал в бедняцком жилище — бог его знает. Но по собственным остаточным ощущениям я понял, что он будто бы находится дома, как бы странно это ни звучало...

Катя поспешно активировала голограмму, ввела в поисковик короткий запрос, и через пять секунд перед их глазами поплыли фотографии скромного кирпичного домика, крошечной кухоньки с бедной посудой и выцветшими обоями.

— Да, очень похоже! — ткнул пальцем в изображение Пол.

— Это Фортлин роуд, — мрачно изрекла Катя. — Дом, где вырос Маккартни. Тебе он тоже поди попадался в интернете, когда ты искал информацию о своем тезке. Вот и результат. Поди и увиденная во время медитации шотландская ферма с Линдой дополнили общую картину твоей убежденности в вашем с ним дальнем родстве.

— Вот ты так уверенно всех раскидала, детка, — хитро прищурился уже успокоившийся от ароматной пластинки Джон, — а сама-то ты куда попала на крыльях пикатона?

— В одну из картин Пола, — пожала она плечами и поднялась с земли, тщательно отряхиваясь. — Ну что, спускаемся или остаемся еще на одну ночь?

Пушистые мои ламы!

Да-да, вы не ошиблись, мы идем тропой инков напрямиком к Мачу-Пикчу, и я планирую делиться с вами впечатлениями прямо по дороге, не отходя от смартфона, так сказать. После Венесуэлы с ее водопадами и столовыми горами мы долго думали, куда рвануть дальше — напрямиком в Бразилию, до границы с которой подать было уже даже и не рукой, а, что называется, и маленьким дамским пальчиком, но вот столько всего неизведанного осталось в этой загадочной Латинской Америке! Мы ведь и так многое упускаем, не заезжая в Чили и Аргентину, так неужели же и Перу себя лишать?

Благоразумный дядя Валя уговаривал нас спокойно долететь до древнего города на аэротакси, но все мы дружно проголосовали за вариант пешего восхождения — когда еще придется пройти маршрутом, проложенным самими древними инками? Нам не нужно платить за проводников, нас не подгоняют гиды, рюкзаки, хоть и тяжелые, всегда можно перекинуть дронам и шагать налегке — не поход, а одно сплошное наслаждение.

Именно так я и считала, когда мы вышли из милого уютного Куско, проведя там несколько дней, чтобы привыкнуть к разреженному горному воздуху.

О том, что здесь когда-то жило множество людей, говорит количество дорог, бегущих туда-сюда, бесконечно пересекающихся, обвивающих Анды со всех сторон, мостами перескакивающих ущелья и реки, соскальзывающих в долины, где приютились города, города, города... несметное число городов! А вы думали, в Андах один только Мачу-Пикчу имеется? Дудки! Ему просто создали самую роскошную и громкую рекламу. Ну и немудрено. Открыли тот самый Мачу-Пикчу всего только века полтора назад — еще бы, ведь до него аж сорок километров пути по горным тропам. Какому конкистадору нужны были подобные проблемы? Они грабили близлежащие поселения, тем и довольствовались, а Мачу-Пикчу тем временем стоял нетронутым и покрывался буйной растительностью. Ну а где же еще строить императорскую резиденцию с подсобными хозяйствами, как не в самом труднодоступном месте инкской империи?

Дорога туда и вправду трудна, хотя дядя Валя постарался максимально нам ее облегчить. Нам откорректировали погоду, хотя близился сезон дождей, и в первый же день нашего приезда в Куско небо затянуло облаками. Рядом беспрестанно жужжали дроны, и лично я полностью передоверила им свой огромный рюкзак, памятуя о том, через что мне пришлось пройти на МТХ. У нас имелись трекинговые палки, и мы никуда не спешили и шли в удобном темпе, поскольку здесь тоже почти не было туристов. Теперь, когда мы не связаны работой, сезоном отпусков и даже погодой, нам не приходится беспрестанно наблюдать затылки друг друга у каждой достопримечательности. Ну не счастье ли?

Тропа инков постоянно то скакала вверх по горам, то ныряла вниз, мчась мимо полуразрушенных древних поселений, обойденных вниманием туристов. По пути нам часто попадались попугаи, иньрявшие прямо над нашими головами. Ну и горы. Там были одни только горы, меж которыми и втиснулась наша тропа, по которой мы поначалу весьма бодро шагали, вдыхая влажный воздух и наслаждаясь видами заснеженных вершин. Сама тропа выглядела очень цивилизованно, словно была создана совсем недавно, а не многие столетия назад. Иногда она забиралась в лесные заросли, и мы присаживались под ветвями,

чтобы передохнуть и перекусить. Но она все равно медленно, но верно уводила нас все дальше в ущелье, по пути знакомя с дикими лошадьми и ишаками.

На первую ночевку мы остановились в том самом ущелье, зажатом между двумя зелеными холмами. Дядя Валя предусмотрительно выделил нам две палатки вместо одной, и, засыпая, я довольно долго прислушивалась к возбужденному шепоту и шушуканью из соседней палатки. Художники мои легли, наверное, только за полночь: в течение дня им не удалось сделать ни одной зарисовки, поэтому, вероятно, так и пришлось что-то в спешке набрасывать прямо перед сном: их многочисленные поклонники жаждали новых работ и беспрестанно штурмовали их совместный профиль в соцсетях. Я так и не дождалась, пока погаснет другая палатка, и отключилась — говорят, второй день подъема самый сложный.

Но это оказалось правдой лишь отчасти. В конце концов, нас не гнал вечно спешащий проводник, никто не наступал сзади на пятки. Кроме колибри, вокруг вообще не сновало никакой иной живности, а потому мне удалось сделать целую кучу фотографий — специально для вас, птички мои. Джон и Пол умчали далеко вперед, о чем-то яростно споря, а я, наоборот, замедлила шаг, постепенно приучая легкие ко все более разреженному воздуху. В рюкзаке болтался кислород, но я собиралась воспользоваться им лишь в крайнем случае. К обеду солнце принялось печь совсем уж немилосердно, но, прежде чем приступить к трапезе, мы все же успели нырнуть под сень странного леса — ветви его вместо листвы усыпаны были порослью густого мха — и развалиться прямо на дороге, не боясь, что помешаем другим туристам — там их попросту не было. Кажется, накануне вечером Джон с Полом и правда успели что-то нарисовать и теперь сидели и обсуждали эскиз, забыв о еде. Желудок весь день набивала, видимо, одна я. Что-то за все время путешествия я ни на грамм не похудела — даже после МТХ. Вы можете себе представить этот конфуз?!

Лес закончился, едва начавшись, и мы снова окунулись в адское пекло. Дядя Валя бубнел, что он корректирует погоду как может — нагнал облаков целое пушистое белое море, но заменить их тучами отказался: дождь нам сейчас был совершенно ни к чему, а до локального корректора погоды надо было еще добратсья. Первые новости о поставках их в распродцентры пришли лишь сегодня днем. Поделитесь в комментариях, кто уже успел ими воспользоваться: как вам результат? Мы не зря голосовали за?

Подъем был очень крутым, хоть инки и постарались, вырубив в тропе ступеньки для гужевого скота, но нам они помогали мало. И хоть голову не пекло уж совсем откровенно, все равно кругом царил жар, и спасались мы исключительно термобельем. Вот его нынче делают отменным. Просто не представляю, как обходилась бы без него и во время подъема, и холодными инкскими ночами.

Здесьние Анды выглядят слишком уж дружелюбно, почти по-домашнему что ли. Они все заросли веселенькой травкой и издали напоминают зеленеющие холмы. В них нет ни грамма зловещего мрака, сопровождающего практически любые горные массивы даже в самые солнечные дни. Возможно, потому что они все еще хранят в себе память о былом величии тех, кто когда-то населял их. Теперь же здесь все опустело, за все время пути нам не попался ни один человек — отчего-то никто не решился поселиться на этих склонах. Оно, может, и правильно — едва ли кто-то в состоянии соперничать с памятью инков и их наследием. Пусть Анды навеки останутся только их и ничьим больше обиталищем.

Вслед за подъемом начался куда более изнурительный спуск. Здесь ступени оказались массивнее и выше, и, я хочу сказать вам, что еще неизвестно, что сильнее нагрузит ваши

колени — поза Лотоса (в которую я лично вовек не сяду!) или спуск по тропе инков. Оба эти занятия — так себе развлечение, но оба же существенно поднимают самооценку. Художники мои на этот раз уже поотстали, растеряв былую прыть. Я только видела, как Джон замер на одной из грубо вытесанных ступеней, вцепился пальцами в волосы и мотал головой из стороны в сторону. Пол расположился на пару ступеней ниже и исступленно что-то рисовал, периодически оборачиваясь к Джону и обмениваясь с ним короткими репликами, а потом снова возвращался к работе, словно бы получая от друга подсказки, что и как именно изобразить. Ближе к вечеру они поменялись ролями: на этот раз рисовал уже Джон, когда мы разбили лагерь у подножия горы, на которую нам предстояло карабкаться на следующий день, а Пол, лениво шевеля хворост, давал ему советы, изредка заглядывая за плечо. Нет, ребята, все-таки совместное творчество не для меня, скажу я вам!

В последний день пути мы только и делали, что поднимались, а потом спускались, преодолевая перевал за перевалом, каждый из которых щетинился развалинами сторожевых крепостей — инки трепетно охраняли дорогу к своей имперской резиденции. Дядя Валя беспрестанно ворчал, что нам бы следовало радоваться отсутствию тропических ливней — привычных в этой местности, а не возмущаться жаре. Вот пришли бы мы к Мачу-Пикчу насквозь мокрые, небось возрадовались бы выглянувшему солнышку! И так полдня кряду. Будто не ИИ вовсе, а старая бабка на лавочке!

Тропа вилась вдоль обрыва, по пути нам то и дело попадались орхидеи — те самые, которые мы безуспешно пытаемся выращивать дома в горшках и неизбежно проваливаемся в этом начинании. Ну вот хоть здесь посмотрю на эти дивные цветы, поскольку дома мне ни разу не удалось добиться от них цветения, да и листья сохнут постоянно. Ох. Поделитесь и своим опытом выращивания этих капризулек, а?

Надо отметить, что крепости инков существенно отличаются от европейских — главным образом, тем, что представляют собой череду сложенных из камней высоких ступеней, обвивающихся вокруг собственно башен, внутрь которых ведут головокружительно узкие и крутые лестницы. Вместо узких же бойниц, характерных для европейских замков, окна здесь, если и есть, то вполне обычных размеров, что, впрочем, может объясняться полуразрушенным состоянием крепостей. Кто знает, как они выглядели в эпоху расцвета цивилизации инков? Зато недостатка в купальнях здесь нет. Уж индейцы-то не носили шелка, чтобы по ним соскальзывали блохи, и духами для маскировки вони не пользовались — приходилось регулярно мыться даже в крепостях, что уж тут поделаешь! Это вот европейские рыцари справляли естественные надобности прямо в латах, инки такой роскоши позволить себе не могли. А, может, они просто меньше пачкались и потели? Этот народ всю свою жизнь проводил, практически паря над облаками. Крепости наверняка были номинальными — ну кто полезет на такую верхотуру сражаться с ними? Американский континент огромен, плодородных земель — бери — не хочу! Вот и жили себе инки и майя в покое и тишине. Только отчего-то часто покидали насиженные места, даже если это были крупные города с величественными храмами и правительственными резиденциями. Что-то все же было в их истории не так. Вон Мачу-Пикчу, поговаривают, жители оставили спустя едва ли не сотню лет после его основания. Впрочем, может, им просто надоело карабкаться 43 километра вверх, чтобы оказаться дома после охоты или рыбалки. И понять этих лентяев было не просто можно — нужно!

Самым страшным из всех этих пресловутых 43 километров оказался финальный спуск по замшелой каменной лестнице. Черт побери, будь я инком, я бы не прожила в Мачу-Пикчу

и дня, если бы мне потребовалось постоянно бегать по этой мечте инквизитора то вверх, то вниз! Огромные неровные ступени с выбоинами и неровностями, безумно скользкие от скопившейся в отверстиях влаги и наросшего на них мха, ярче всего прочего свидетельствовали о том, что колесо инкам было неведомо. Мне даже не удалось насладиться стенами дождевого леса, обступившего нас со всех сторон, поскольку приходилось постоянно смотреть под ноги. На ухо беспрестанно бубнел дядя Валя, предлагая помощь дрона, но я мужественно шагала вслед за тоже еле ползущими вниз Джоном и Полом. Временами они хватались за руки, временами садились на матрасы и прямо так ехали вниз, отбив себе, вероятно, все на свете.

На следующий день мы категорически отказались рано вставать — художники мои опять до поздней ночи занимались художествами, и в итоге мы проспали до обеда. Зато к моменту пробуждения туман уже почти рассеялся, и перед нами предстал Мачу-Пикчу во всем своем заброшенном великолепии.

Считать его городом по нынешним меркам было бы смешно: в нем всего около двухсот строений, и в свое время он стал приютом для чуть более тысячи жителей. В представлении 20 века Мачу-Пикчу — это просто небольшой поселок грандиозного, впрочем, размаха — с храмами, дворцами, местами жертвоприношений и даже пирамидой. Наверное, я не скажу вам ничего нового, если заявлю, что, окинув первым взглядом этот крохотный странный городок, я буквально тут же приняла решение остаться в нем навсегда. Нет, ну а что! Чуть ниже по склону — каких-то полкилометра — имеется вполне себе человеческий поселок Агуас-Кальентес. Правда, он никем не населен, но здесь постоянно курсируют дроны, их можно отправить в ближайший распределитель за товарами, либо вызвать аэротакси. Нынче не страшно жить нигде, даже на самом высоком пике самого высокого горного хребта какой-нибудь Антарктиды или Гренландии — ты нигде не останешься в одиночестве. Для тебя везде найдется защита и помощь. А здесь и вся инфраструктура имеется. Нет, ну я серьезно.

Разумеется, на территории самого Мачу-Пикчу мне вряд ли позволят построить что-нибудь свое, а жить под открытым небом или в холодных каменных стенах меня все же несколько напрягает. Но Агуас-Кальентес прекрасно подходит для этой роли. Когда-то здесь жили всего несколько семей, их домики до сих пор находятся в отличном состоянии, как и небольшая гостиница для тех неугомонных туристов, которым мало было насладиться творением инков один раз. Подъем по крутой тропе вряд ли займет более получаса, и я могу каждый день карабкаться сюда, забираться на одну из террас и созерцать горы, облака и все, что осталось от величия инкской империи.

Я не стала делиться этими соображениями со своими спутниками: думаю, после Бразилии наши пути окончательно разойдутся, и они могут отправляться куда угодно, на этот раз я оставляю им свой трейлер, а сама осяду здесь. Да, я всегда смогу вернуться в свой подмосковный домик, но сейчас мне необходимо слишком многое переосмыслить, и сделать это я могу только здесь.

Пока художники мои бродили по городку, я прикорнула на одной из террас, вдыхая разреженный горный воздух, и размышляла, а правда ли именно индейцы создали все это? Сумели идеально обтесать огромные камни так, чтобы без раствора подогнать их один к другому, и вот они стоят так уже пять столетий, и кладка почти повсюду сохранилась. Кое-где камни, впрочем, разъехались, но тому виной землетрясения. Догадались создать систему террас — тех самых ступеней, которые они засаживали семенами, компенсируя

тем самым недостаток земледельческих площадей — для такого ведь недюжинная смекалка нужна! А система дренажей и подпорные стены, до сих пор не позволяющие городу рухнуть? И эти самые умельцы так и не додумались до простого колеса. Странно все это, вы не находите? Они ведь потратили не одно десятилетие на то, чтобы создать это крошечное прибежище высоко в горах, а сами покинули его, прожив там никак не больше сотни лет. Бродишь по городку и буквально кожей ощущаешь, что комфорта здесь они не испытывали. Да и какой комфорт может быть в жизни на горном перевале, открытом всем ветрам? Здесь чудилось, будто взгляды населения всей планеты прикованы к этому месту, и спрятаться можно, лишь спустившись в ту самую дереvушку полукилометром ниже по склону. Тут неуютно, холодно, ветрено и слишком красиво. Сюда можно приходить каждый день, чтобы полюбоваться невыносимой красоты горами, а потом вернуться в свое теплое гнездышко в Агуас-Кальентес, налить чаю и до конца дня наслаждаться видами Мачу-Пикчу снизу.

Вблизи некоторые строения показались до смешного типовыми, почти неотличимыми друг от друга. И везде царят лестницы, это какой-то мир лестниц. Впрочем, чего еще ждать от горных жителей, не знавших колеса.

После часовой прогулки по городку Джон с Полом пришли к однозначному выводу, что столь великолепную кладку создавали никак не инки, а какая-то более древняя и искусная раса. Мне нечего возразить кроме того, что раса эта, отметившаяся не только на американском, но и на африканском континенте, отчего-то не пошла дальше обтесывания камней, словно бы это было их единственное достижение. Ну согласитесь, если бы в то время проживали представители высокоразвитой цивилизации, от них осталось бы куда больше интересного, чем простые каменные глыбы, пусть и великолепно обтесанные. А если инопланетяне или атланты только и делали, что тратили свою жизнь на подгонку камней без раствора... так ли уж высокоразвиты они были на самом-то деле? А вы что думаете по этому поводу, дорогие читатели? С нетерпением жду ваших комментариев, а сама пока отправляюсь обедать.

Всем Мачу-Пикчу!

Montesuma: Что касается корректора погоды, то я уже разжился одним и опробовал. Вещь, скажу я вам. Всем рекомендую. С утра дождь лил сплошной стеной, а ИИ не вмешивался — нужно было добрать месячную норму осадков для региона. Пока добежал до распреда, промок до нитки. Если бы знал, такси бы вызвал. А вот обратно шел уже по сухой дорожке под солнышком. Фантастика! Жду не дождусь, когда же уже телепорт запустят!

Daughter: Что телепорт, тут объявляли на днях, что Йеллоустоун погасить удалось. По крайней мере, на время. Можно выдохнуть спокойно.

Valentin: Да? Как же это я так пропустила? Значит, у ребят все получилось, и Крэпток опростоволосился?

Merk: Говорящая фамилия, пффф. Я с самого начала знал, что он несет суший бред. Просто безумный старикашка. До телепорта тоже, думаю, считанные месяцы остались.

Sun Palace: Потираю руки в предвкушении. Орхидеи не выращиваю, опытом не поделюсь. Пусть растут цветочки в естественной среде, Кетцалькоатль с ними.

Daughter: А я верю в инопланетян и их помощь индейцам!

Merk: Как-то уж слишком избирательно они помогли человечеству. Индейцам и

древним египтянам — сколько угодно, а вот от древних римлян и греков уже нос воротили, не говоря о других частях Европы. Что за странный национализм для инопланетян-то!

Daughter: Ну, может, это были атланты и помогли они своим менее умелым потомкам?

Montesuma: Инопланетяне, атланты... Дамы и господа, наша Катюша тут мест жительства сменить решила, а вы все о конспирологии. Удачи вам, дорогой наш автор. Мы будем с нетерпением ждать ваших новых статей, где бы вы их ни написали, хоть из жерла вулкана!

Merk: Надеюсь, Пол оценил твою жертву?

Они провели в Мачу-Пикчу весь день и тут же разбили палатки. Катя не стала никому озвучивать своего решения, лишь дядя Валя, ознакомившись со статьей, едва слышно хмыкнул, но никак не прокомментировал. Место и впрямь завораживало, несмотря на общую неуютность расположения. Ощущалось буквально молекулами, что его создавали с возвышенной целью и искренне намеревались жить здесь как можно дольше. Но не смогли, и это тоже было понятно и объяснимо. Осмотрев несколько заброшенных индейских городов, Катя ни разу не задала себе вопроса, почему жители покинули их. Просто существовать и вести быт в таких местах было попросту невозможно. И ацтеки, и инки, и майя гнались за масштабом — размерами и объемом — за красотой и функциональностью, но от их великолепия веяло холодом и неустроенностью, как от Зимнего дворца, из которого хотелось сбежать в крошечный домик на окраине, чтобы укрыться в нем, зажатый теплыми деревянными стенами, и пить чай у окна, грея ноги на батарее или печке. Человеку всегда, во все времена хотелось укрытия, а Мачу-Пикчу был скорее ареной, ярким плевком в лицо сопернику: смотрите, дескать, как я могу! Но и только. Здесь хорошо размышлялось, прекрасно медитировалось, музы вообще не покидали те места. Но и только. Лишь здесь Катя ощутила вдруг потребность писать и реальные к тому силы и провела весь вечер за набором текста на голограмме — синопсиса будущего романа, идеи для которого посетили ее именно здесь и сейчас. Но и только.

Пол с Джоном вообще протараторили всю ночь, а с рассветом тут же выбрались из палатки и бросились к трехстенному зданию из белого гранита с блоками поистине циклопических размеров, разложили холсты и рисовали до глубокой ночи, отказавшись прерваться даже на обед. На следующее утро они сменили дислокацию и расположились уже возле интиуатаны — места, где привязано солнце — большому многоугольному камню, служившему местом ритуальных камланий в дни солнцестояния. Камень тот считался главным местом силы у инков, и туристы тоже в это верили, подолгу стоя возле него, протягивая руки вверх. Художники не думали ни о чем подобном: они варварски карабкались на камень, изучая его со всех сторон, и рисовали, рисовали все, на что падал глаз. Все это были пока только наброски, но, судя по всему, они задумали на этот раз нечто глобальное, о чем свидетельствовали их громкие ежевечерние диспуты у костра. Иногда в порыве эмоций то один, то второй швыряли эскизы прямо в огонь и яростно топтали их. Потом, опомнившись, доставали и очищали от золы все, что осталось, пытались восстановить. Дрались и обнимались. И рисовали, рисовали до полного изнеможения.

Но к концу третьего дня что-то пошло не так. Катя в это время и сама рухнула в пучину вдохновения и, закончив с синопсисом, приступила, собственно, к самому роману. И лишь краем глаза успевала следить за своими художниками. Следить, впрочем, было особо и не за

чем: они рисовали себе, иногда перекидываясь короткими репликами или подшучивая друг над другом, но тут же вновь отдаваясь музе. Третий день она провела за написанием второй главы задуманной повести. Это было пока не бог весть что, и она не планировала показывать результат ИИ: для начала следовало хотя бы просто набить руку, и она писала о таинственном Захаре Меркулове и его странном приборе, который смог изменить судьбу человечества. Ей казалось, что, если зафиксировать на бумаге все, что она уже узнала, произошедшее сложится в какую-то понятную мозаику, и объяснение родится само собой. Джон и Пол стояли у интиуатаны — несколько ближе друг к другу, чем обычно, чем это было бы удобно для работы двух художников, но Катя так увлеклась описанием личности Меркулова, что не придала этому никакого значения. Обедать они снова не пожелали, и она отправилась к палаткам одна, распотрошила свой рюкзак в поисках сухпайка да так и застыла с ним в руках, почувствовав, как по затылку бегут мурашки, а лицо заливают краской стыда. Джон приблизился к Полу со спины, а тот, не замечая происходящего, продолжал что-то увлеченно рисовать. Джон встал еще ближе, опустил подбородок ему на плечо и неловко обнял, перехватывая его руку своей. Пол, явно не ожидая ничего подобного, резко обернулся, натыкаясь лицом прямо на лицо Джона, а дальше... дальше Катя зажмурилась и замотала головой, сминая в пальцах сухпак. Когда она решилась открыть глаза через пару томительных минут, художники стояли уже на приличном расстоянии друг от друга, Пол так и вовсе повернулся к Джону спиной, движения его были резкими и нервными. А Джон словно бы умоляюще смотрел в его сторону и дрожал с головы до ног, даже не глядя на все еще пустой холст.

И эта была первая ночь в череде многих, когда художники засыпали в тишине.

На следующий день они уже паковались, когда уединение их нарушили чьи-то приглушенные голоса: впервые за долгое время дороги туристов пересеклись, и Катя с любопытством подняла голову лишь затем, чтобы в следующую минуту разочарованно покачать ей и вернуться к пакованию вещей. По тропе от Агуас-Кальентес к ним поднимались несколько человек в белых одеяниях с гирляндами ярких цветов на шее. Катю тут же кольнуло воспоминанием о похожих встреченных ею незнакомцах в Мексике.

— Это еще кто такие? — проворчал явно не выспавшийся Джон, в сотый, наверное, раз принимаясь тереть воспаленные глаза.

Пол паковался молча, стараясь делать вид, что не интересуется происходящим, сам же едва заметно косился в сторону новопривывших.

— Приверженцы культа ЗАМа, — коротко пояснила Катя. — Те самые из дебрей Бразилии, куда мы как раз и направляемся.

— Это про них нам в резервации вещали? — Джон сделал несколько шагов навстречу людям в белом. — И чего они сюда приперлись?

— Видимо, за тем же, зачем и мы, — пожала плечами Катя, а сама едва справлялась с дрожью в руках, наблюдая за тем, как Пол с видимой небрежностью пакует их общие с Джоном рисунки, даже не глядя на них.

Незнакомцы явно не ожидали увидеть в Мачу-Пикчу кого-то еще, а потому столпились у тропки, не смея двинуться дальше, а вот Джон как раз осмелел, приблизился к ним и успокаивающе заявил:

— Привет, ребят. Не переживайте, мы уже уходим, оставляем вам этот милый город в ваше безраздельное пользование. А за нами минут через десять примчит голубой вертолет, — и весело помахал рукой, приглашая не стесняться и проследовать к террасам. —

И, кроме того, мы же как раз направляемся к месту вашей постоянной дислокации. Вы ведь не против?

— Вы летите напрямиком в сельву? — с сомнением в голосе выдала невысокая девушка с пышным венком лиловых орхидей на шее.

— Хотели бы пешком прогуляться, но это если проводника раздобудем.

— Если вы не спешите, то вашими проводниками можем стать мы, — вмешался в разговор довольно внушительных размеров мужчина с растрепанной шевелюрой. — Но нам необходимо будет задержаться здесь в Андах на некоторое время.

— Мы тоже планировали еще на плато Наска заскочить. Поэтому, если вы настаиваете, то мы можем встретиться где-нибудь, где... вы сами посчитаете нужным, — моментально решил Джон за остальных своих попутчиков. Пол по-прежнему продолжал паковаться с безучастным ко всему видом, а Катя лишь молча наблюдала за происходящим.

— Проще будет встретиться в Рио. Скажем, через две недели в полдень возле статуи Христа. Идет?

— По рукам! — обрадовался Джон, не слыша, как Пол пробормотал себе под нос:

— С чего вдруг такая любезность?

— Ну и слава ЗАМу, — выдохнул Джон, — а то мы переживали, что у вас тайный культ, и вы никого к своему капищу не допускаете.

— Культ? Капище? — переспросила девушка с лиловым венком и как-то странно рассмеялась. — Вряд ли вы понимаете, куда идете. К религии ЗАМ не имеет никаких отношения, как и нас всех трудно назвать идолопоклонниками. Вы ведь именно ими нас и считаете, верно?

— На дикарей вы непохожи, но при этом живете отчего-то вдали от цивилизации... Хм, — и Джон почесал затылок, вслед за тем разводя руками. — Сдаюсь!

— ЗАМ для них не божество, а философская концепция, — подала голос Катя, повторяя уже некогда слышанные ей постулаты, суть которых ей по-прежнему оставалась недоступной.

— Ну отчего же. Можно вполне считать его и божеством, в этом мы никому не препятствуем. Многие так и поступают — так значительно проще переваривать все происходящее в области окна.

— Заинтриговали, — улыбнулся Джон. — Вообще-то мы ехали посмотреть на дикие племена. Таких на планете почти не осталось. А вы уже заранее разочаровываете нас, заявляя, что никакие вы не дикари и, видимо, даже не совсем туземцы, а?

— Совсем не туземцы, — покачал головой третий — щуплый юноша с хмурым взглядом исподлобья. — Но там хватает и дикарей, если именно они вас интересуют. Впрочем... боюсь, вы будете несколько разочарованы. Их уже трудно в полной мере считать дикарями.

— Они вернулись домой, покинув резервацию, и создали в джунглях очаг культуры и цивилизации? — расспросы продолжал один только Джон, Пол же подошел ближе к Кате и осторожно сжал ее руку в своей ладони.

Катя вздрогнула, но не повернула головы, боясь спугнуть внезапно осмелевшего художника.

— Вы поссорились? — наконец, едва слышно выдавила она.

Пол задумчиво покачал головой и лишь чуть сильнее стиснул ее пальцы.

— Тамошние дикари никогда не были в резервации. Культуру и цивилизацию им принес ЗАМ.

— Черт побери, ребята, мне уже адски любопытно посмотреть, что же это за ЗАМ такой. Вероятно, это дьявольски умный старикашка, раз создает вокруг себя такую рекламу. Я бы прямо сейчас туда рванул, если бы... а, впрочем, ребят, — обернулся он к державшимся за руки Кате и Полу, — может ну его, плато это дурацкое, и сразу в сельву махнем, а? — затем взгляд его скользнул вниз, лицо исказила мучительная гримаса, но глаз он все равно не отвел, продолжая ожидать их ответа.

— Катя хотела посмотреть на плато, да и я подумывал сделать несколько зарисовок, — довольно сухо отозвался Пол.

— Ну что ж, уговор, значит, уговор. Через две недели у статуи Христа. Заметано. Уж если из простых дикарей ваш ЗАМ сделал цивилизованных членов общества, страшнс представить, в кого превратимся после этого визита мы! — и весело рассмеялся.

— Вы напрасно веселитесь, — покачал головой хмурый юноша, — окно совершит с вашей душой необратимые изменения. Надо ли говорить, что дикари, не знавшие письменности и постоянно друг с другом враждовавшие, теперь прекрасно читают и прекратили все распри. Они занимаются творчеством, интересуются наукой и частенько совершают вылазки в большой мир за литературой — от интернета они пока отказываются. И, думаю, правильно делают. Впрочем, что бы они ни читали, все это не идет ни в какое сравнение со Священной Книгой, которую способен процитировать наизусть даже любой их ребенок. Нам, пришедшим к ним с большой земли, это не удастся. Мало кто из нас вообще в полной мере усвоил ее содержание, уж слишком оно...

— Своеобразное? — подсказал Джон.

— Скорее просто сложное. Нам трудно судить, откуда они вообще раздобыли этот трактат. Они, разумеется, уверяют нас, что его им дал ЗАМ.

— Но вы-то в ЗАМа не верите, — прищурился Джон, — тем и отличаетесь от туземцев. Так что за трактат там у них нашелся? Мы о таком слышали вообще?

— А то как же, — пробасил внушительных размеров мужчина. — Это «Капитал» Маркса.

* **

Итак, мы свели воедино результаты экспериментов с ЗАМом-1 и 2, и теперь Кремниевой долине все меньше хочется хоть в чем-то помочь бывшему советскому ученому с его странным идеями. В экспериментах также приняла участие и редколлегия, но автор данной статьи сразу отказался от подобного сомнительного удовольствия — мне хватило предыдущего нашего диалога. Тогда, впрочем, это и был именно диалог с определением моего морального уровня и ничего более. Оказывается, реальные возможности ЗАМа простираются куда дальше. Выборка подопытных была весьма обширной, и именно они теперь всеми силами отстаивают возможность тиражирования прибора: общение с ним произвело на них неизгладимое впечатление. Некоторые даже успели подать в отставку, чем немало всех нас удивили. Кажется, прибор Меркулова не столь безобиден, как казалось поначалу. Судя по выводам психоаналитиков, наблюдавших за испытуемыми в ходе экспериментов, он способен вмешиваться в ядро человеческой личности, трансформировать психику, создавая на ее месте нечто принципиально новое с сохранением только лишь памяти о жизни, которую человек этот вел до взаимодействия с ЗАМом. Экспертам пока не удалось выяснить, каким образом Меркулову удалось добиться

такого эффекта и сделать из банального забавного опросника нечто вмешивающееся в глубинные основы психики, подсознания, однако, разгадка, несомненно кроется в роде его занятий — квантовая физика. Но испытуемые рассказывают психоаналитикам странные вещи: будто бы после нахождения у ЗАМа они на неопределенный отрезок времени оказывались в каком-то другом месте, которое все они в один голос называют раем. Каждый описывает его по-своему, но в одном их показания сходятся: в этом раю нет работы и денег, люди в нем занимаются лишь творчеством и наукой, да и то исключительно по желанию, весь тяжелый труд переложен на плечи машин. При этом там нет преступности, а люди будто бы стоят на высшей ступени своего нравственного развития. По возвращении из этой галлюцинации обратно на грешную землю все они и вправду становятся какими-то блаженными. Возможно, Меркулов изобрел новый вид наркотиков — оказывающий дистанционное воздействие на психику? Кто знает. Он по-прежнему отказывается комментировать принцип работы ЗАМа, поскольку договоренность была только о раскрытии тайны преодоления ИИ закона Марцева, но теперь понимание причин пришло уже практически ко всем, и нам нет смысла продлевать данную договоренность. Проблема заключается лишь в том, что вся верхушка Кремниевой долины приняла участие в эксперименте и теперь активно лоббирует массовый выпуск ЗАМов вплоть до возможности распространения их на территории США. Кажется лошадь, несущуюся с горы, уже не остановить. Не на это ли и рассчитывал хитрый мистер Меркулов? Кто знает, какому гипнозу ему удалось подвергнуть наших акционеров. Поговаривают, здесь не обошлось без пресловутого Казарцева, личность которого по-прежнему покрыта самой настоящей тяжелой портьерой тайн и недомолвок. Сдается мне, никакой это не экономист, а самый обыкновенный шарлатан. Нет, его экономические выкладки заткнут за пояс любого Карла Маркса — в том числе своей революционностью и левой направленностью. Именно это в нем и настораживает. Он утверждает, что с приходом к власти ИИ достаточно высокого уровня человеческий труд ради пропитания потеряет всякий смысл, и вот тогда наступит полноценный рай на земле. Экономист-утопист! Нет, вы слышали о подобном? Для того, чтобы человечество безропотно приняло на себя роль зверюшек в зоопарке, ему нужно для начала порядочно промыть мозги. Кажется, эти советские граждане задумали реформировать человеческую природу. И, судя по тому, как рьяно руководство Кремниевой долины отстаивает их позицию, у них ведь все может получиться. И вот тогда помощи нам всем святая Троица — Эйнштейн, Тесла и Лоренц.

Эту статью я всеми силами попытаюсь протолкнуть в печать. Уважаемые наши читатели, если вам на каждом углу будут впаривать ЗАМ, не ведитесь! Не приобретайте эту марксистскую дрянь, способную превратить наш мир в пыль. Не тратьте денег. Вы сами себя не узнаете: стоит вам лишь взглянуть на экран этого устройства, и вы уже в его плену, становитесь бессловесной и всем довольной овечкой вместо того, чтобы оставаться свободным членом демократического общества. Не думаю, разумеется, что дело дойдет до радикальных мер принуждения, но если так, то... да поможет нам святой Тьюринг и его методы ухода из этого мира!

Р. С. В связи со всем происходящим я начинаю сильно сомневаться в вопросе того, кто же выиграл холодную войну.

Откажитесь от ЗАМа!

Катя считала часы до плато Наска, куда они все же условились добраться, прежде чем окончательно повернуть в сторону бразильской сельвы. Пол хоть и продолжал делать вид, что с Джоном у них ничего не переменялось, они по-прежнему вместе рисуют, однако из их угла больше не слышалось веселой возни и болтовни, все ограничивалось одной только работой, по окончании которой Пол либо уходил к себе на кровать, либо отправлялся пить чай с Катей. Она не задавала ему вопросов и даже не пыталась понять, что там такого произошло, что у Пола с Джоном осталась всего лишь работа и ничего больше. Пол казался веселым и беззаботным, а Джон поначалу ходил мрачнее грозы, но он был не из тех людей, кто молчаливо и покорно принимал равнодушие и холодность. Взрыв произошел буквально на следующий же вечер, когда они уже подъезжали к шоссе, пересекавшему знаменитую пустыню с геоглифами. Дядя Валя как раз принялся вызывать аэротакси — рассмотреть огромные рисунки можно только с неба. Но едва он произнес, что вертолет будет через десять минут, как в глубине трейлера послышался грохот падения чего-то тяжелого, и, пугаясь в наспех натянутых на себя вещах, на середину выбежал Джон — в не застегнутой рубашке, необутый — и, тыча пальцем в допивавшего чай и предусмотрительно одетого и собранного Пола, завопил:

— И вот ты, ты — полетишь, да?!

— Мы для этого сюда и приехали, — едва не поперхнулся тот. — А ты разве не хочешь?

— А мне надоело делать вид, будто ничего не произошло. Будто мы счастливые туристы, постигающие тайны индейских племен. Чихать я хотел на этих ваших наска и их проклятые рисунки, для чего бы они их там не наковыряли! Я тоже художник, в конце концов!

— Джон, да ты пьян, — Пол поднял на него обеспокоенный взгляд. — Может, тебе и правда не стоит лететь сейчас? Голова же закружится.

— Каким ты заботливым стал! Каким обходительным и предупредительным! Ну прямо родная мать! С чего бы вдруг, а? Жалеть меня вздумал? Может, ты и писать теперь один захочешь?

— Джон, да ты чего? Мы же договорились, что теперь рисуем вместе. Я свое словс назад не брал...

— А с ней, — ткнул пальцем в сторону старавшейся выглядеть максимально незаметно Кати, — с ней тоже рисуешь?!

— Вообще-то, мы друзья, Джон. И путешествуем все вместе в одном трейлере, который в свое время снарядила именно Катя.

— Ах, ну да. Святая Екатерина. Как я мог забыть. Прощенья просим, — картинно расшаркался и плюхнулся на диван, закрывая лицо ладонями.

Пол присел было рядом и принялся гладить его по плечу, но тот дернул головой и отодвинулся, прогоняя его.

— Полетели, а? — тихо произнес Пол. — У меня куча идей родилась, пока мы сюда ехали. Там такие рисунки... современные геодезисты так ровно линию провести не могут.

Катя помогла Полу подцепить Джона под локоть и вывести наружу к вертолету. Причина его неожиданной истерики была ей не совсем понятна, но у Пола она, казалось, как раз не вызывала вопросов. Он ласково обнимал друга, пока они взмывали вверх, отнимал

ладони от его мокрого лица, приглаживал волосы. Джон, наконец, улыбнулся и посмотрел вниз сквозь прозрачный пол вертолета, где простирались бесчисленные геометрические фигуры, начерченные поверх еще более древних изображений животных — каждое в длину достигавшее около сотни метров. Рисунки поражали не только размерами и точностью пропорций, не только прямоотой углов трапеций и треугольников, но и своей географией — они пересекали высохшие русла рек, взбирались на холмы и спускались в овраги, нисколько не отклоняясь от своего идеально вычерченного направления.

— Кто все это сделал? — Джон моментально отвлекся от своих душевных терзаний. — Инопланетяне? Что ты там говорил про современных геодезистов?

— Современные все могут, — подал голос дядя Валя. — А вот лет 70 назад не могли. Тогда как дикари две с половиной тысячи лет назад смогли. Колышки вбили да и вычертили красоту такую. Следов даже не оставили!

— Так поди уж ветер сто раз те следы унес, — недоверчиво произнесла Катя.

— Нет тут никаких ветров. Тут как на Луне — какой след однажды оставил, тот и будет здесь вечно. Тут одно время грузовики активно следили, никакие законы на них повлиять не могли. Потом, конечно, проезд закрыли, геоглифы восстановили, а загадка осталась.

— Говорю же — инопланетяне с воздуха все это выжгли! — продолжал восторженно настаивать Джон.

— Да не ожоги это. Почва вынута примерно на полметра вглубь. Это с высоты кажется, будто насыпь или цвет изменен. Оптическая иллюзия. Да и на рисунки посмотрите — примитивные они. Разве развитая цивилизация начертила бы макаку, у которой на одной лапе пять пальцев, а на другой — четыре?

— Но зато какой у нее хвост, ты посмотри! Зачем бы дикарям закручивать ей хвост в такую огромную спираль? А что пальцы так разнятся... так, может, это макака-инвалид. Или у самих инопланетян так руки устроены, а? Да что макака. Вы на ту птицу посмотрите! У нее шея — любому жирафу на зависть.

— Это, кстати, самый крупный рисунок. Составляет в длину около двухсот метров, — занудным голосом выдал дядя Валя. — Есть мнение, что дикари изобразили тут животных, которые водились в ту пору в месте их проживания.

— Паук хорош, — пробормотал Пол и тут же принялся что-то спешно зарисовывать в блокноте.

— Руки, руки нарисуй! — подхватил возбужденный Джон. — Ты глянь, а, просто ничейные кисти посреди пустыни нарисованы — без тела, без ничего! И тоже на одной пять пальцев, на другой четыре! Только на этот раз явно человеческие. Ну, железяка, что ты на это скажешь? И человек инвалидом был?

— Может, он таким родился, потому и на рисунках подобное изображал, — робко выдвинула версию Катя.

— Так он ведь не один все это тут начертил. Это же труд сотен людей! И что, все инвалидами были? Я же говорю — инопланетяне это!

— Ну хорошо, пусть инопланетяне, — не стала спорить дальше Катя. — Но зачем им это было нужно? Ну, рисунки эти.

— Чтобы с воздуха их заметить и знать, куда корабль сажать, — и Джон гордо хлопнул себя ладонью по груди.

— А зачем им здесь нужно было его сажать? Они что, в гости к дикарям заглядывали?

— А кто знает? Какая-то цель, видно, имелась. Возможно, они только часть рисунков

выполнили, а остальные за них уже люди доделывали. Возможно, они их так рисовать учили или про космос рассказывали.

— Все гораздо прозаичнее, — откашлялся дядя Валя. — Одна из самых вероятных версий касательно причин появления этих геоглифов — ритуальная.

— А, ну конечно. У вас на все один ответ. Если пирамида — то непременно храм или склеп. Большое красивое здание — непременно ритуальное. Рисунки — тоже ритуальные. Вы что, думаете, у дикарей все мысли только о богах были? Столько трудов положить, чтобы показать богам, как собака или птица выглядит? А трапеции они зачем чертили? Зачем богам на трапеции сверху смотреть?

— Да кто ж поймет логику древних? — улыбнулся Пол, продолжая делать зарисовки. Может, какой правитель их так самоутверждался — у кого самая высокая пирамида, а у него самые большие рисунки. Спроси вон того же Малевича, зачем он эти квадраты и круги рисовал? Вряд ли получишь вменяемый ответ. А чего его ждать от людей, живших аж до нашей эры! Самих себя-то подчас понять не можем, — и тут же осекся, видимо, осознав, что сболтнул лишнее.

Джон побледнел, закусил губу, но все же заставил себя повернуться к Полу, подвинуться к нему чуть ближе.

— Ого! — невольно вырвалось вдруг у него. — Ты все рисунки в общее полотно объединить задумал? Классная затея. А ну-ка, давай так попробуем, дикарей сюда пририсуем, которые траншеи эти делают и ромбы чертят, а? Смотри, — и Джон выхватил у него из пальцев карандаш и принялся чертить им фигурки вокруг изображений птиц.

Пол залюбовался столь сосредоточенным другом, на мгновение головы их соприкоснулись, Джон поднял глаза, и Кате снова почудилось, будто она увидела что-то запретное, не предназначенное для чужих глаз, но уже в следующий же миг Пол отпрянул и отсел подальше, демонстративно повернувшись к окну. Джон отшвырнул недоделанный рисунок в сторону и отодвинулся к противоположному краю сиденья, уставившись на мелькавшие внизу фигуры. И спустя пару минут неловкого молчания вдруг присвистнул и указал пальцем куда-то вниз к голове астронавта, над которой они ненадолго зависли. Там внизу мелькало что-то белое, Кате не сразу удалось рассмотреть, что это такое. Сперва ей почудилась какая-то крупная птица, но, когда по просьбе Джона вертолет немного снизился, они смогли отчетливо рассмотреть приличных размеров абсолютно белую палатку и сновавшую вокруг нее крошечную фигуру тоже в белом.

— Еще один приверженец культа ЗАМа? — обреченно выдохнул Пол. — Что-то они стали попадаться нам все чаще.

— Похож скорее на вандала, — мрачно выдал дядя Валя. — Кто-то решил повторить подвиг индейцев на ска.

— Да! Да! — закричал вдруг Джон, вскакивая и упираясь лбом в прозрачную стену вертолета. — Посмотрите, кто-то вывел прямо над головой человека слово «ДА».

Они подлетели чуть ближе, и вот теперь слово это стало заметнее. Размерами оно значительно уступало масштабам древних художников, но, однако же, тоже заметно было с высоты, хоть и выглядело несколько кривовато.

— Явно работал не геодезист, — проворчал дядя Валя, пока Джон продолжал радостно прыгать и хлопать в ладоши.

— Снижаемся! — кричал он. — Мы должны познакомиться с ним, кем бы он ни был! Пол, он ведь переплюнул нас. Мы просто на бумажке картиночки малюем, а человек решил

ступить в вечность! Да мы у него учиться должны! — и все время, пока вертолет медленно снижался, возбужденно прижимался лбом к стеклу и бормотал себе под нос что-то восторженное.

Едва только шасси коснулись поверхности пустыни, Джон тут же спрыгнул наружу, не дожидаясь, пока лопасти остановятся, и побежал к мелькавшей возле слова «ДА» фигурки в белом. Нещадно светило солнце, и Катя старательно прикрывала глаза рукой в попытке рассмотреть, что за человек привлек такое необъяснимо пылкое внимание Джона. Пол же не спешил выходить из салона, дорисовывая начатый набросок — белая палатка и посягнувший на славу древних художник, казалось, ничуть его не заинтересовал.

Несколько минут Джон что-то обсуждал с хрупкой фигуркой в белом, которую Катя все никак не могла разглядеть, а подойти тоже не решалась, дожидаясь, пока оба они придут сами.

— Джон, ну ты где там? — не выдержал, наконец, Пол, доделавший рисунки и спрыгнувший из вертолета на поверхность плато.

Джон будто бы спохватился, схватил маленькую бесформенную фигурку в белом балахоне за руку и потащил ее за собой к аэротакси. Уже через несколько шагов стало ясно, что это женщина — совсем крошечная, зато с копной густых черных волос, в которых прятались и лицо ее, и плечи. Эдакая черно-белая шахматная фигура, семенившая вслед за радостно что-то болтавшим Джоном.

— Ее зовут Йоко! — выдал Джон, чуть подталкивая художницу вперед. — И она решила, что геоглифам просто необходимо придать современное звучание. Вот и поселилась прямо тут на плато, чтобы дорисовать древние шедевры. До нашего появления пока успела украсить только рисунок человека.

— Написала «ДА» у него над головой? — вырвалось у Кати язвительное замечание.

— Да, это символ человека, который говорит свое «да» природе, новой жизни, новому миру и счастью! Разве это не здорово?

— А что на это скажет ИИ? — нахмурилась Катя. — Эдак каждый новомодный авангардист отправится в Лувр править Джоконду на свой лад, а в итоге от знаменитой картины вообще ничего не останется.

— Мисс Оно, — послышался голос дяди Вали, и Катя вздрогнула при звуке знакомой фамилии, — уже заявлено однократное предупреждение о том, чтобы она прекратила свою деятельность и уничтожила свое многозначительное и шедевральное «да». Пока мисс Оно никак не отреагировала. На следующем этапе, вероятно, потребуется непосредственное вмешательство ИИ, если она не уймется.

— Я же уже, кажется, обещала использовать для своих рисунков исключительно незанятые площади плато, — возмущенно пискнула художница. — Если будет необходимо перенести мой манифест в сторону, я это сделаю. Но это произвол!

— Кроме того, ваша деятельность не лицензирована...

— Разве те художники, чья деятельность не получила высокой оценки машинного разума, не имеют права творить?! — с вызовом пропищала Йоко.

— Имеют, — мягко осадил ее дядя Валя. — Но не в публичном поле.

— Я! Я имею право творить в публичном поле! — подал голос Джон. — Моя деятельность лицензирована, и рисовать здесь буду я, а она станет моей помощницей. Такой вариант всех устраивает?

Йоко улыбнулась, убирая с лица густые черные пряди, давая Кате возможность

убедиться в том, что она азиатка.

— Хотелось бы вам напомнить, Джон, что лицензированы вы не в одиночку, а как часть творческого тандема с Полом.

— Разве это означает, что я не могу творить один, без его помощи? — возмущенно выкрикнул Джон, а глаза его сверкнули мстительным блеском.

Дядя Валя деликатно промолчал.

— Да пусть рисуют, — довольно равнодушно заявил Пол, доставая новый лист и принявшись зарисовывать стоявшую у геоглифов палатку. — Это же никак не повлияет на нашу с тобой совместную работу.

— Я останусь здесь, — упрямо изрек Джон, не глядя Полу в глаза.

— А разве это проблема? Будем общаться по голограмме. Ты же не против?

Джон насупился и сильнее сжал крошечную ладонь азиатки.

— Пойдемте лучше обедать. Устал я от этой вашей поездки. Йоко, ты с нами? Поди на сухпайке все это время сидела? Хоть нормальной пищи поешь, — и потащил ее вслед за собой к вертолету.

Обед прошел в звенящей столовыми приборами тишине, лишь Джон с Йоко изредка шушукались, склоняя лица друг к другу. Пол одной рукой держал ложку, второй — карандаш, продолжая дорисовывать палатку и затоптанные геоглифы вокруг, а посреди всего этого — обнаженную влюбленную парочку. Рисунок он назвал “MakeLove, Not Art”.

Все это время Джон периодически стрелял взглядом в творение Пола, а, когда тот закончил, вырвал листок у него из рук, несколько секунд внимательно изучал, а затем громко расхохотался и разорвал на клочки.

— Зря стараешься, — покачал головой, — я уже успел снять его со всех ракурсов. Публика все равно увидит рисунок.

— Кто бы сомневался, — прорычал Джон. — Я не хочу больше рисовать с тобой.

— Как-то ты слишком резко, — от лица Пола отхлынула краска, и Кате даже показалось, что в уголках глаз его блеснули слезы, — впрочем... если это твое окончательное решение, мы тотчас же уедем, да? — и вымученно улыбнулся Кате. — Возьми все необходимое, до распреда тут далековато, и...

— И выметаться, так что ли? — казалось, совсем не такой реакции ожидал Джон. — Да ради Ктулху! — и бросился к своему шкафчику, выгребая все свои нехитрые пожитки и набивая ими рюкзак.

— Вы уверены, что это оптимальное решение? — осторожно решил вмешаться в происходящее дядя Валя. — Вы знакомы с этой, с позволения сказать, дамой всего несколько часов, а уже предпринимаете столь радикальные шаги... — но Катя цыкнула на свой, хоть и эмпатичный, но все еще не до конца осознающий суть психов простого человека ИИ.

— Пусть остынут оба, — прошептала она.

А Джон тем временем, закончив собираться, выскочил из трейлера, громко хлопнув дверью. Йоко задержалась всего на несколько секунд, только чтобы вкрадчивым голосом произнести, глядя прямо Полу в глаза:

— Я думаю, вам лучше не возвращаться. Джону здесь будет спокойнее.

Пол же усмехнулся и принялся восстанавливать уничтоженный Джоном рисунок.

Путешествие до Бразилии заняло несколько томительных дней: они словно бы

вернулись в дни их преодоления МТХ. Все, что произошло после, больше не упоминалось ни ими самими, ни даже дядей Валей. Они вспоминали, как плавали к кипарисам и ночевали в продуваемой всеми ветрами избушке, как купались в ледяном озере и гоняли к Йеллоустоуну. При этом Катя часто натыкалась на стену безысходности в зрачках Пола, но старалась не потакать ей. И если Пол чуть дольше залеживался по утрам в кровати, то бодро звала его пить чай, восторженно хвалила картины, а во время остановок тащила за собой прочь из трейлера, чтобы вдохнуть душную тропическую влагу и вместе послушать согласное гуденье насекомых. Он не стал меньше рисовать, скорее даже наоборот, и по этой причине остановки пришлось делать еще чаще. Катя вздыхала, что так до племени ЗАМа они не доберутся еще не одну неделю. А в их общем с Джоном художественном блоге, где они прежде выкладывали совместные работы, теперь разрозненно появлялись их сольные творения — по-прежнему радостные и сюрреалистичные пейзажи Пола и язвительные карикатуры, неизменно подписанные «Джон-и-Йоко». Эти двое переместились вглубь плато подальше от рисунков и геометрических фигур и принялись создавать там собственное искусство в самом странном значении этого слова. Большинство работ представляли собой все те же карикатуры, и в них Катя всегда с болью узнавала одно и то же лицо — скривившееся от отвращения и подпись «Пол посетил выставку своих работ»; злобно хохочущее и надпись «Пола спросили, любит ли он свою невесту»; и даже свое собственное — с глупо выпученными глазами и высунутым от усердия языком, традиционная надпись гласила «За работой».

Им обоим объявили предупреждение, что если они не прекратят подобные издевательства над природой и своими товарищами, то искусства их будут уничтожены, а самим им — выдан пожизненный запрет на занятие творчеством. Они сделали громкую запись в блоге на тему ущемления художника в правах, однако же, псевдогеоглифы свои потеряли и отныне сидели тише воды и ниже травы. Плато Наска они, вероятно, тоже покинули, а вот куда отправились — оставалось загадкой.

Катя не надоедала Полу разговорами про его бывшего соавтора, лишь иногда обсуждала все произошедшее с дядей Валей, который глубокомысленно изрек, что понимает причины поведения всех троих, но не одобряет их.

В Порту-Велью, где планировалась встреча с проводником и пересадка в лодку, они прибыли через полторы недели после того, как покинули плато. Трейлер решено было оставить прямо там и далее двигаться по маршруту, проложенному туземцем, который и сам всего только несколько месяцев назад покинул остатки своего племени, решив познать блага цивилизации. По его рассказам, племя их доживало свои последние дни, сдаваясь под натиском ИИ. Да и, по слухам, только приютившие того самого ЗАМа упорно отказывались окультуриваться, десятилетие за десятилетием делая выбор в пользу сельвы. Еще полвека назад не один десяток племен соседствовал там друг с другом, теперь же остались одни ЗАМовцы, как прозвали их в Порту-Велью. Ничего про таинственного ЗАМа проводник не знал — по крайней мере, не больше того, что путешественникам уже поведали ранее приверженцы его культа или, как они сами предпочитали называть это, философии. Он просто возил туристов по притокам Амазонки, обеспечивая их безопасность. И желающих побывать в гостях у последнего по сути полноценного племени дикарей современного мира было не так много. В последний раз на его памяти он провожал туда кого-то несколько лет назад.

Крытая лодка, которую он к их прибытию уже подготовил, снарядил и затарил всем

необходимым, выглядела совсем уж ветхой — явно родом из прошлого века, но в ответ на несколько разочарованно вытянувшиеся лица Кати и Пола Алваро авторитетно заявил, что доверяет этой посудине больше, чем самому себе, что она не раз его выручала, что она надежнее любого ИИ (тут дядя Валя слегка откашлялся, но спорить не стал, лишь молча кивнул в ответ на незаданный Катин вопрос — дескать, да, можно верить, сбита лодка и вправду крепко да и недавно перенесла капитальный ремонт). Отплытие назначили на раннее утро следующего дня, и, пока Пол устроился на берегу рисовать мутные воды Амазонки, Катя отправилась в трейлер дочитать последнюю статью из арсенала Кремниевой долины, которой завершался весь тот ворох информации о Меркулове и его деятельности, свалившейся на нее столь неожиданно.

* * *

2000 год. Тайна ИИ, преодолевающего закон Марцева, наконец, полностью раскрыта. Да только какой в этом прок? Произошло это слишком поздно, необратимые изменения человеческой психики уже вступили в силу.

В прошлой статье мы, кажется, предупреждали вас не приобретать ЗАМы ни при каких условиях. И нам даже удалось тиснуть ту статейку в печать. И, бьюсь об заклад, ни один из наших читателей не потратил бы на этот прибор ни цента, если бы... если бы мистер Меркулов и примкнувшее к нему руководство Кремниевой долины не оказались хитрыми чертями. Во-первых, приборы эти принялись распространять почти бесплатно — за какие-то символические, даже смешные деньги. А местами и бесплатно вовсе. Ну а, во-вторых, и в нашем случае в-главных: его поставляли не как какой-то там морализаторствующий прибор ЗАМ-1 и 2. Нет, на выходе с нашего конвейера он имел вид самого обыкновенного зеркала. Даже не было никакой нужды его включать: достаточно встать перед ним, посмотреть в свое отражение несколько секунд, и вуаля, туннельный эффект запущен, и ты никогда уже не станешь прежним.

Да, господа, виной всему пресловутый контролируемый туннельный эффект, когда электроны способны менять цепь ДНК, постоянно поддерживаясь в состоянии волны и преодолевая барьеры, недоступные для простой частицы с ее низким энергетическим потенциалом. ЗАМ всего лишь стабилизирует электрон в состоянии волны и на этом все, дальше электрон все делает самостоятельно. И на выходе мы имеем чрезвычайно поумневший ИИ, перескочивший закон Марцева, словно по волшебству, и сделавшееся вдруг таким высоко моральным человечество. Результаты этого чудовищного эксперимента со всей планетой даже предсказать трудно. Поговаривают, ЗАМы хотят расставить даже в лесах, чтобы и дикие звери повысили свой культурный уровень и затем, вероятно, вымерли от невозможности добыть себе пропитание — как же тигр теперь станет ловить себе добычу, если лишать антилопу жизни аморально?! Да только нынешние мудрецы-революционеры вряд ли о том задумываются. У них началось головокружение от успехов, наступившее когда-то и их предков по схожему поводу.

Ходит упорный слух (которому я не хотел бы, да все же вынужден верить) об успехах в области клонирования, а также создания тел на неорганической основе. То бишь андроидов, если уж по-простому. Хотят населить человечество машинами, внешне неотличимыми от простых людей, да вот только мозг у них все равно будет рубидиевый!

Цели подобных экспериментов нам пока неясны: телесная оболочка сковывает ИИ, снижает его производительность, в отличие от состояния чистого и незамутненного разума. Скорее всего, тут дело в сглаживании последствий шока, который нынче переживает человечество в связи с переходом на новую ступень эволюции, где ему больше не придется бороться за выживание, где, вероятно, не будет власти в прежнем понимании. Где будет царствовать один лишь непогрешимый ИИ. Уже сейчас у каждого простого смертного появляется возможность завести себе портативного робота, но никто не торопится, а вот когда робот этот будет являться к ним в облике простого человека — горничной Рэйчел, допустим, или дворецкого Стивена, люди включатся в процесс перехода гораздо активнее. А когда привыкнут, нужда в андроидах, вероятно, отпадет, и их заменят чем-то еще — голограммами, чипами в мозге или... синергетическим слиянием человека и машины. Это всего лишь наши бредовые догадки, но и от них нам становится жутко: мы даже представить себе не можем, что за монстром обернется это слияние. И есть ли предел развития ИИ в таком случае. Кто сказал, что он ограничится уровнем всего только 10.0 и не скакнет еще выше? Да здравствует ИИ 100.0!

Мистер Казарцев, наконец, все же почтил Кремниевую долину своим присутствием: ну теперь-то его теории на коне, как и он сам, впрочем. Вполне себе обыкновенный человек — не урод и не инвалид. Никак не возьму в толк, чего было скрывать от нас столько лет. Все-таки советские ученые — те еще безумцы с маниакально-депрессивным психозом. Его экономические теории встречают нынче с восторгом, а он уступает пальму первенства своему старшему товарищу — Меркулову. Видно, и над его мозгом уже основательно поработал ЗАМ.

Мы же пока еще сопротивляемся и не смотрим в зеркала, но это становится все сложнее. Наши ряды стремительно редеют. Некоторые сбегают в леса подальше от массового сумасшествия, и нам, возможно, придется сделать то же самое. Поговаривают, даже сам создатель ИИ поселился где-то у нас в Мохаве. Черт побери, мне придется отправиться туда и найти его во что бы то ни стало, при этом по пути не заглянув ни в одно зеркало, даже самое безобидное. Задача не из легких. Может, хоть он объяснит мне, что происходит с этим миром. А с читателями нашими я прощаюсь, на этот раз уже навсегда. Надеюсь, вы обретете счастье в этой стремительно обрушивающейся на нас утопии, а я, пожалуй, предпочту остаться при своем.

Сэм Рэддингтон.

От помощи ЗАМовцев, что встретились им на Мачу Пикчу, решено было отказаться: те не успевали добраться до Рио к назначенному сроку и просили сдвинуть поездку еще на пару недель. Тогда-то дядя Валя и нашел безотказного Алваро, благодаря которому им даже не пришлось останавливаться у распрецентра и выбирать себе снаряжение — всем необходимым предприимчивый туземец успел запастись за те несколько дней, что ждал их у берега, одновременно поправляя лодку. Вся та одежда, что верой и правдой служила им в Северной и Центральной Америке, на Амазонке оказалась ни на что не годной. Алварс накупил свободных и быстро сохнувших хлопковых брюк и рубашек, плотных панам, непромокаемых ботинок и резиновых сапог. О вакцинах заранее побеспокоился дядя Валя.

Отплыли они рано утром, едва только первый москит надсадно зажужжал над ухом у Кати. На древнюю посудину был установлен на удивление бесшумный мотор — одна из последних моделей — и ребята едва успели мысленно попрощаться с осиротевшим трейлером, как тот уже скрылся из виду, а лодка нырнула под сень густой зелени. Еще лет пятьдесят назад на здешнем берегу царило шумное оживление, на противоположном берегу даже виднелись небоскребы, полностью ломая стереотип о диких непроходимых джунглях Амазонки. Справедливости ради, таковыми они были лишь на суше — если ту влажную болотистую местность в принципе можно было окрестить сушей — и спустя минуту после отплытия Алваро кивнул в сторону кормы, где лежали три мачете. Катя нахмурилась, не понимая, зачем им оружие.

— Племя ЗАМа живет в пяти километрах от берега реки — одного из самых узких ее притоков, нам еще придется постараться, чтобы протиснуться между корней и не застрять там на веки вечные, — ухмыльнулся проводник. — Без мачете нам туда не пробиться.

— В тропиках все растет со страшной скоростью, — уточнил дядя Валя. — Сегодня ты прорубил тропку, а через пару недель ее уже не найти. Как сказал бы сейчас Джон: «Это сельва, детка».

При упоминании имени Джона Пол слегка нахмурился, но в остальном и виду не подал, хотя за последние несколько дней ему пришлось наблюдать множество собственных карикатур его авторства. Все они изображали их с Катей — то в лодке, то по-обезьяньи карабкающимися по деревьям, а то и вовсе брачующимися. Каждый из рисунков был подписан «Джон_и_Йоко», но вряд ли Йоко столь сильно волновала как личность Пола, так и их с Катей взаимоотношения, сколь бы далеки они ни были от романтических. После вынесенного художникам предупреждения известной грани они более не переступали, и один только Пол понимал, что Джон хотел ему сказать этими карикатурами, даже для Кати большая их часть оставалась загадкой.

За прошедшие годы небоскребы хоть и остались на своих местах, но успели утонуть в чудовищно разросшейся сельве, которой более не мешала человеческая воля, давно покинувшая эти берега. Джунгли, давно рвавшиеся на свободу, тут же отвоевали назад все, что человек пытался себе присвоить, и Катя ни секунды не сомневалась, что лодка их скользит среди самых настоящих дебрей Амазонки — диких и неизведанных.

Она опустила на пол, просунула ноги под перила, опуская их на край борта, и хотела было совсем свесить их в воду, когда сперва Алваро, а в следующую секунду и отчего-то зазевавшийся дядя Валя грубо одернули ее, велев в воду не соваться:

— Тут кто только не живет! И не говори мне, что ты ничего не слышала про крокодилов и пираний! Не говоря уже о кандиру и прочей гадости. Да тут воды меньше, чем всей этой живности, которая только и мечтает откусить от тебя приличный шмат.

— Ни умываться, ни пить отсюда нельзя, — вторил Алваро. — Пока я запасаюсь водой в распредцентре, а дальше нам либо придется вызывать дронов, либо пить воду из деревьев. Но река — ни в коем случае! — и он отчаянно затряс головой.

С борта лодки воды Амазонки казались на удивление чистыми и прозрачными, но таили тем больше опасностей. Промышленные сливы сюда прекратились с наступлением новой эры, и река постепенно обрела прежний здоровый вид, а фауна в ней восстановилась и с радостью готова была мстить за годы забвения. Да и звуки вырубки, в свое время поставившей под угрозу содержание кислорода на всей планете, уже давно не нарушали первобытную тишину этих мест: та земля, что когда-то очищалась от лесов под посевы кокаина и пастбища, была вновь засажена, и теперь даже снимки из космоса не выдавали тех прогалин, где деревья жгли на уголь, оголяя все больше территории, уничтожая не только растения и животных, но и дикие племена, лишённые своего исконного места обитания, вынужденные переселяться и неизбежно гибнущие при этом в том числе и от вирусов, принесенных им белым человеком.

Лодка бесшумно скользила по широкой водной глади. Справа и слева прямо из воды возвышались массивные деревья, похожие на невиданных размеров папоротники. Кроны их почти смыкались друг с другом, свисая над поверхностью реки и образуя кружевной зеленый коридор, сквозь который все же прорывались обжигающие лучи тропического солнца.

Несколько раз движение замедлялось: в последние годы когда-то широкая судоходная река сильно заросла. Ее периодически чистили, но она быстро восстанавливала прежний облик без активного вмешательства человека, а ИИ следил лишь за сохранением и поддержанием прежнего разнообразия флоры и фауны.

Катя подвинула свой гамак чуть ближе к борту, забралась в него прямо в обуви и принялась фотографировать каждое дерево, тут же ища его описание в мировой сети. Одна из ветвей показалась ей особенно интересной. Она попала ей на глаза в одном из самых узких мест реки, где Алваро громко чертыхался, вырубивая из зарослей. Катя соскользнула из гамака на пол, высунулась из-под крыши и принялась со всех ракурсов фотографировать гладкую толстую ветку, покрытую странными черно-желтыми пятнами. Пол замер, наблюдая за ней, а дядя Валя тихонько подхихикивал. Дивно красивая ветка вдруг дернулась и медленно двинулась прямо к Катиному лицу, подергивая откуда-то возникшим тоненьким прутиком. Мгновение спустя Катя громко завизжала, напугав и пытавшегося сосредоточиться на руле Алваро и несчастную мирно спавшую анаконду.

— Прекрати орать! — заворчал дядя Валя. — Всю фауну нам тут распугаешь. Мало ее природа копила еще с Ледникового периода. Тут настоящий оазис был едва ли не с первых лет существования планеты. Ни один климатический кризис Амазонку не затронул, льдов тут никогда не было, потому и видовое разнообразие столь богато. А тебя какая-то скромная анаконда напугала. Не лезь к ней, и она тебя не тронет. Видишь? Она сыта. Как раз кого-то недавно заглотила и теперь переваривает.

Катя в ужасе подвинула гамак назад ближе к середине палубы.

— Мы же занавесим открытые стороны лодки на ночь? — обратилась она к Алваро, осознав вдруг, что ни трюма, ни подобия кают здесь не было, и спать придется прямо в этих самых гамаках или на полу, фактически предоставляя себя в полное распоряжение

анакондам, паукам, ягуарам и прочей живности.

Алваро лишь помотал головой, даже не обернувшись.

— Ну, во-первых, — тут же вмешался вездесущий дядя Валя, — у вас есть я. Фауна здесь находится под полным контролем ИИ, ни один таракан не заползет на палубу без моего ведома.

— Я всегда знала, что на тебя можно положиться, старая толстая негритянка, — буркнула Катя, ничуть не удовлетворенная его ответом.

— Во-вторых, фауна тут в принципе под контролем, вне зависимости от наличия или отсутствия туристов. Ты же понимаешь, что ИИ 10.0 стремится привести все отношения между биологическими видами к полной гармонии? С млекопитающими это уже получилось, поэтому ягуаров тебе страшиться нечего. Да, у них остался старый и вполне успешный навык имитировать звуки, издаваемые потенциальной жертвой, гипнотизируя ее таким образом, но и только. Загипнотизированная обезьяна остается живой и невредимой. Пока хищникам позволяют так развлекаться, но живых жертв им уже сейчас по большей части заменяют аниматроиды. Ты же сама их наблюдала, чего делаешь такие круглые глаза? С рептилиями, земноводными, рыбами и насекомыми дела обстоят сложнее.

— Что, даже ЗАМ не справляется? — усмехнулась Катя, впервые заводя речь о прочитанном в записях Меркулова. — А вот теперь ты не делай круглые глаза. Ты же прекрасно знаешь, чья я... кхм... дочь. И какие именно записи изучала в последнее время. Я поняла, как наш мир стал таким, каким стал. Да здравствуют всемогущие зеркала ЗАМЫ! Мы ведь именно так в свое время выключились из конкурентной борьбы за место под солнцем в джунглях и стали теми милыми ангелами, что сейчас населяют нашу утопичную планету?

— Ты говоришь так, словно это положение тебя не устраивает, — Пол оторвался от очередного эскиза. — И, кстати, что еще за ЗАМ? Разве не ИИ сделал из нас тех, кем мы являемся теперь?

— Да-да-да, нам бесконечно везде преподают одно и то же: настоящими людьми нас сформировала новая экономическая система, внедренная Меркуловым и Казарцевым. Капитализм схлопнулся, наступила эра коммунизма, ставшая возможной благодаря ИИ. Вот только все это полуправда. И это еще мягко сказано. ИИ дал коммунизму хороший шанс устоять, это факт. Но если бы не ЗАМ, люди продолжали бы грызться, стремиться к золотым унитазам и прочим предметам роскоши. А вот мы отчего-то едва ли не по щелчку пальцев стали вдруг интересоваться наукой и творчеством. Преступления сошли на нет. Да все наше сознание встало вдруг с головы на ноги! И искусственный интеллект тут совершенно ни при чем. Меркулов вошел в учебники по истории не потому, что смог установить на планете коммунизм — это бы не удалось никому, если бы население планеты было против. А оно с радостным гиканьем встретило эти перемены. Потому что к тому моменту изменилось само изнутри. И записи, которые остались в трейлере, пошагово рассказывают о том, как это случилось.

— Хм, — заинтересованно выдавил Пол.

— Ох, — выдохнул дядя Валя, принимая на экране облик старой толстой негритянки, печально качающей головой.

— На самом деле я не шибко сильна в квантовой физике, — тут же дала заднюю Катя. — Может, за подробностями обратимся к дяде Вале?..

— Могу разъяснить и я, — тишину зеленого речного коридора прорезал хриплый голос Казарцева. — Думаю, это было бы более справедливо.

— Да-да, — тут же поправились Катя. — Простите, что с самого начала не пригласили к этому разговору вас.

— Меркулов, будучи ведущим мировым специалистом в области квантовой физики, изобрел прибор, принцип действия которого был основан на туннельном эффекте. Если выразаться более понятным языком, то суть этого эффекта заключается в том, что частица без видимых причин вдруг начинает преодолевать препятствия, на преодоление которых у нее недостаточно энергии. Объяснение нашлось в корпускулярно-волновом дуализме — теории, которая гласит, что каждая частица несет в себе также свойства и волны. И вот эти самые волновые свойства и позволяют ей преодолевать непреодолимые, казалось бы, барьеры. Прибор, названный по инициалам его создателя — Захар Александрович Меркулов — то есть ЗАМ — ставил этот туннельный эффект под полный контроль, поскольку в целом это явление носило всегда весьма хаотичный характер, предсказать его было невозможно. На квантовом уровне прибор воздействовал на человеческую ДНК, выводя ее из состояния равновесия, разрушая в ее информационном коде тягу к конкурентной борьбе за выживание, к размножению с целью занятия территории и продолжению рода, к удовлетворению базовых потребностей любой ценой. На выходе после буквально нескольких минут воздействия прибора получался тот самый человек, о котором в прежние времена мечтали лучшие умы планеты. Поначалу Меркулов не хотел наводить лишнего шороху со своим изобретением: вряд ли бы денежные мешки, которые нужны ему были для серийного выпуска ЗАМов, так просто согласились бы раскошелиться на прибор, призванный выбить из-под них кресла. Поэтому ЗАМ позиционировался как устройство, позволяющее повысить общий культурный уровень людей, сделать их более нравственными путем выявления степени их морального развития и выдачи рекомендаций по ее повышению. Как вы понимаете, это описание было весьма далеко от реальности, состоявшей в практически насильственном изменении генокода человечества.

— И в чем же неправ был тогда тот бармен? — вмешался Пол. — Он ведь именно про это нам и вещал.

— В некотором роде он безусловно прав, — не стал спорить Казарцев. — Вмешательство в генокод людей, а теперь и прочих высших млекопитающих произошло, но только на квантовом, а не на молекулярном уровнях. Марцев ничего не знал про ЗАМа, оттого и отрицает само существование ИИ 10.0.

— Мы все-таки рабы, — скривилась Катя, качая головой. — Класс. Нас даже воли лишили. Супер. Чем мы в таком случае от уэллсовских элоев-то отличаемся?

— Отсутствием морлоков, — отчеканил Казарцев, и на этот раз остальным ему уже было нечего возразить. — Элои процветали за счет того, что морлоки жили в чудовищных условиях. Меркулов же сумел добиться того, что все человечество обрело счастье не за чей-то счет, а само по себе.

— Лишившись воли! — возмущенно воскликнула Катя.

— Не всей, а лишь воли творить зло. Попробуй привести хоть один аргумент в пользу возможности эту волю иметь.

— Да чего стоит наша утопическая ангелоподобность и сахарность нашей жизни, если у нас и выбора-то по сути нет? Мы можем быть только такими и никакими более!

— Выбор этот был у каждого. Пусть длящийся всего секунду, но каждый в свое время сделал его, стоя перед зеркалом — ЗАМом. Принцип действия прибора весьма прост: человек смотрится в зеркало и буквально на секунду видит там идеальный образ

собственного я, продуцируемый, разумеется, ЗАМом. А затем делает сознательный выбор — становиться ему таким же или остаться каким был. Как видишь, большинство людей предпочли утопию свободе творить зло. На диктатуру не тянет, не так ли? Это еще мы не ведем речь о тех, кто быстро просек, что за зеркала такие продаются на каждом углу, и сбежал в пустыню или в другую дикую местность. Их, заметь, никто в зеркало смотреться не принуждал, они по-прежнему живут со своей свободной волей. Как и многие дикари, социализирующиеся без помощи ЗАМа. Этот прибор здорово помог человечеству на начальном этапе формирования нового типа сознания, а теперь, когда оно стало нормой, его помощь более не требуется.

Лодка замедлила свой ход и к моменту наступления сумерек остановилась вовсе. Заснуть в гамаке Кате все никак не удавалось, и она долго прислушивалась к сопению Пола и Алваро, а затем сдалась, сползла на пол и, укрывшись тем самым гамаком, уснула в следующую же секунду. Наутро Алваро торопливо будил обоих, и те даже не успели толком позавтракать, как лодка снова стартовала. Но уже примерно через полчаса пути им стало понятно, отчего проводник так спешил: ему явно не терпелось продемонстрировать им одну из местных достопримечательностей во всей красе. В прежние времена вдоль берегов частенько встречались хижины дикарей — мало кто из племен забирался в чащу, основная масса предпочитала селиться у воды, сколачивая домики на сваях с сухими листьями на скатах вместо полноценной крыши. С тех пор почти все туземцы приобщились к благам цивилизации и покинули некогда насиженные места. Деревни опустели, заросли травой и лианами, большую часть из них было уже попросту не отличить от окружающей яркой зелени. Но некоторые из хижин время и растительность словно бы обходили стороной, и Катя не сразу догадалась, в чем тут дело.

Их лодка снова начала постепенно сбавлять ход, и к тому моменту, как она окончательно остановилась, Катя готова была визжать от ужаса, а Пол схватился за карандаш и альбом.

— Что это? — едва нашла в себе силы выдавить она, тыча пальцем в сторону одной из таких нетронутых временем хижин, сваи которой уходили прямо в ныне прозрачные воды Амазонки.

У ската, над дверью, да и вообще по всему верхнему периметру каждого домика висели землистого цвета шары величиной с кулак, о природе которых Катя догадалась, лишь когда они подплыли чуть ближе. Это были крошечных размеров человеческие головы — даже для новорожденных младенцев они выглядели маловато.

— Их вырезали из дерева? — поинтересовался Пол, тут же принимаясь делать наброски. — Да тут еще и волосы! А их откуда? Свои клеили?

— Это самые настоящие человеческие головы, — без тени эмоций произнес Алваро. — Ну, то есть, разумеется, без черепов внутри. Одна только высушенная кожа.

— Тсантса, — не дал ему договорить дядя Валя, — вот как это называется. — Впрочем, — сразу осекся он, — не буду отнимать у вас хлеб, — и умолк.

— Верно, — кивнул Алваро. — В прежние времена для воина было большой честью заполучить скальп врага. Считалось, что вместе с ним к воину переходила и часть силы умершего. А уменьшали его исключительно с целью удобства ношения на себе. Здесь мы видим еще не самые мелкие экземпляры. Некоторые скальпы получалось уменьшить до размеров теннисного меча!

— Как они черты лица-то сохраняли? — изумленно покачал головой Пол.

— Сперва просто осторожно снимали кожу с головы и лица, держали ее в кипятке, а потом шлифовали изнутри горячими камнями и песком, избавляясь от остатков тканей, истончая кожу. От воздействия высоких температур она постепенно садилась, а искажавшиеся в процессе черты лица приходилось подправлять вручную. На всю процедуру уходило несколько дней, но результат того стоил.

— Видимо, наш ИИ так уважает обычаи дикарей, что не позволяет этим местам зарости, заставляя нас любоваться подобным! — воскликнула Катя, но рука ее при этом невольно потянулась к смартфону, чтобы сделать несколько снимков.

— Я бы предложил вам даже взять парочку тсантса на память, но... боюсь, вы откажетесь, — усмехнулся Алваро.

— Ну отчего же, — не растерялся Пол. — Я готов пополнить этой штукой свою несуществующую коллекцию самых диких предметов, что только попадались на моем пути.

— Редко кто соглашается, — и Алваро вновь завел мотор, чтобы подплыть ближе, а затем передал Полу одну из голов, висевших сбоку.

Не самую крупную, но достаточно свирепую и волосатую. Пол положил ее перед собой на колени и следующие несколько часов пути зарисовывал во всех ракурсах. Самый удачный эскиз он окрестил «Суровая жизнь с Йоко» и разместил у себя в блоге — их совместный с Джоном уже некоторое время был заброшен.

Ответ последовал уже ближе к вечеру, когда проводник подыскивал место для ночлега — подальше от берега и от свисавших сверху ветвей. Пол просто нарисовал тсантса, это не была карикатура, она не содержала элементов сюрреализма. Просто крошечная голова, свисавшая с крыши белой палатки, болтавшаяся на ветру. И удивительно похожая на Джона.

А вот оппонент ответил куда жестче: в их с Йоко блоге появилось изображение телефонной будки посреди пустыни. Только будка и ничего больше. Мимо ветер гнал перекасти-поле, а внизу стояла корявая подпись «Худший день моей жизни». Вряд ли хоть кто-нибудь хоть что-нибудь понял — разумеется, кроме причастных. Катя молча подошла, села у гамака Пола и уткнулась лицом в его колени, а он же положил ладони ей на макушку, и так они замерли на несколько бесконечных минут.

Место для стоянки было, наконец, найдено. Нос лодки мягко уткнулся во что-то, и она остановилась.

— Мы все-таки причалили к берегу? — равнодушно поинтересовался Пол, перебирая светлые Катины пряди.

— Думаю, вам стоит на это посмотреть, ребята, — каким-то странно чарующим тоном проворковал дядя Валя. — Не откладываете до рассвета. Вряд ли вы утерпите, когда поймете, где мы.

— Очередные ужасы? — простонала Катя, поднимая голову и лениво оборачиваясь. — Боже, а это еще что такое? — в следующий же миг воскликнула она, подскакивая и подбегая к борту лодки. — Это что, кувшинки? — и перегнулась через борт, протягивая руку, чтобы коснуться огромного зеленого листа, покоившегося на поверхности воды. — На Амазонке все не как у людей, да? Человеческие головы размером с апельсин, а листья кувшинки размером с... дверь! — выпалила она, чувствуя, как вслед за ней к чудовищных размеров листу тянется и ладонь Пола, затем накрывает ее руку, их пальцы сплетаются, и оба медленно разгибаются и поворачиваются друг к другу.

— Ты подумала о том же, о чем и я? — прошептал он.

— А какой вес они выдерживают, а, дядь Валь? А крокодилы с пираньями тут водятся?

А...

— Да залезайте уже. Вас точно выдержат, — вздохнул Алваро. — А от пираний с крокодилами вас ИИ подстрахует. Ох, ну и безбашенные мне попались туристы, — и покачал головой, не скрывая улыбки.

Катя не стала снимать платье и старалась не смотреть в сторону быстро скидывавшего одежду и оставшегося в одних плавках Пола. Затем оба осторожно перебрались через хлипкие борта, и Катя опустила босую ступню в воду, словно бы проверяя, не схватит ли ее за палец пронырливая пиранья.

— Смелее, — подбадривал ее дядя Валя, — я их держу. Только со всего размаху не прыгай, лист может не выдержать. Осторожно садись. Представь, что это плот, например.

Она послушно сперва опустилась на корточки, затем уперлась ладонями во влажную ребристую поверхность листа, погладила ее, доходя прямо до загнутых кверху и окрашенных в красный краев, а потом переместила на нее и колени и так замерла, каждую секунду ожидая, что лист сомнется и уйдет под воду. Но он выдержал, лишь стебель слегка дрогнул, балансируя. Пол церемониться не стал: нырнул с борта, подплыл к ближайшему листу, ухватился за края и осторожно заполз. Он лежал и смеялся там — буквально в паре метров от Катиного листа, и капли воды стекали ему на лицо. Катя сидела, поджав колени под себя и расправив подол платья, а взгляд ее скользил по мокрой фигуре Пола, кричавшего Алваро, чтобы тот передал ему альбом для эскизов.

— Замри, — попросил он Катю и тут же принялся черкать на листе, выводя фигуру девушки на листе Виктории регии среди сумеречных вод предзакатной Амазонки.

Листьями была устлана буквально вся прибрежная гладь реки, и между этими круглыми чашеобразными гигантами розовели крупные — размером с футбольный мяч — цветы. Лепестки их, плотные наощупь, ершились во все стороны, обнажая густую пунцовую сердцевину с желтоватыми пестиками.

— Нет, здесь нужны краски, — поморщился Пол. — Мы можем задержаться тут завтра утром хоть на несколько часов? Я обязательно должен запечатлеть Катю на листе среди цветов. Она похожа на Дюймовочку!

Наутро операция по транспортировке Кати на лист кувшинки повторилась, но на этот раз Пол остался в лодке и рисовал ее — сонную, едва успевшую позавтракать, теревшую кулаками глаза, заразительно зевавшую, растрепанную и радостно улыбающуюся.

Отплыли они после обеда, пока Пол наносил на картину последние штрихи. Подписал внизу «Екатерина Региа» и, сфотографировав, сразу же разместил в своем блоге. Первый комментарий закономерно оставил Джон — уже через несколько минут после загрузки фото:

— *Этот лист похож на миниатюрный гроб. Похороны любви?*

— *Скорее свадьба, — ни на секунду не задумавшись, набрал Пол.*

— *Поздравляю. На нашу с Йоко приглашать вас, пожалуй, не стану.*

— *И правда не стоит. Мы с Амазонки нес скоро туда доберемся. Свадебный торт успеет зачерстветь. Как и невеста. Впрочем, кажется, она и так уже.*

Оставив последний язвительный комментарий, Пол вообще закрыл возможность комментирования этой записи и радостно потирал руки, вероятно, представляя, как там сейчас бушует от ярости Джон.

Катя на картине и вправду вышла необыкновенно хороша: в розовом платье (хоть в реальности оно было голубое) под цвет нежнейших лепестков она смотрела вниз,

поглаживая ладонью твердый лист, волосы закрывали половину лица, но красота едва намеченного профиля бросалась в глаза, и Катя удовлетворенно заключила про себя, что Джон не просто так устроил эту пикировку в комментариях: его задела их безмятежность, их счастье.

К полудню цветы Виктории регии один за другим медленно закрылись в бутоны и ушли под воду, чтобы вновь распуститься под вечер.

В воде то и дело мелькали странные тени по размеру гораздо крупнее любой рыбы, а для крокодила двигавшиеся на удивление плавно. Лодка неслась вперед на приличной скорости, и Кате все никак не удавалось рассмотреть, кто же мчится вслед за ними, не отставая ни на метр. А затем из воды на мгновение вынырнул светло-розовый плавник.

— Здесь что, акулы водятся?! — ахнула Катя.

— Дельфины, — коротко бросил Алваро.

— Розовые?!

— В некотором роде они альбиносы, — снова включил всезнайку дядя Валя. — Рождаются, правда, серыми, как и обычно, а затем постепенно светлеют и теряют цвет. Кстати, плавать с ними я бы не рекомендовал, они не так миролюбивы, как их морские собратья. ЗАМ, конечно, работает над этим, и сейчас они гораздо покладистее, чем несколько лет назад, но пусть уж экспериментами занимаются ученые, а мы просто насладимся Амазонкой и ее обитателями только в качестве наблюдателей.

Дельфин появился, как только русло реки начало постепенно расширяться — вынырнул из корней деревьев и погнался за лодкой, будто бы заигрывая с ней, и долго еще его удивительно розовый плавник мелькал в волнах.

В одну из последних ночей поездки, когда до места высадки оставалось всего несколько сотен километров, Катю разбудил какой-то жуткий звук, напоминавший рычание гигантского хищника. Она замерла, вжимаясь спиной в пол лодки и боясь пошевелиться. А затем едва ли не одними губами произнесла:

— Дядь Валь, что это?

— Спи, — проворчал он ей прямо на ухо. — Это всего лишь ревун, которому тоже, видимо, не спится. Хотя ночами они нередко покрикивают. Просто этот уж особо голосистый попался. Поверни голову вправо, я подсвечу тебе его, и ты убедишься, что бояться нам нечего. Просто небольшая обезьянка.

Она подняла голову, повернулась в указанном направлении, но в тот же миг несчастный бодрствующий ревун тут же лишился ее интереса: все левобережье буквально усыпано было какими-то хаотично расположенными зеленоватыми огоньками.

— Это ты? — недоверчиво уточнила Катя.

— Зачем бы мне было устраивать такое световое шоу ради одной какой-то обезьяны? Это, да будет тебе известно, *Agaricus gardneri* — а попросту биолюминесцентные грибы! Некоторые экземпляры светятся так ярко, что рядом с ними можно читать.

— Они и днем такие?

— Нет, днем выглядят серенько и невзрачно, а вот по ночам изо всех сил привлекают животных, которые могут разносить их поры, оттого и сияют как ночники.

Судя по расположению огоньков, грибы росли на деревьях. Свечение их было мягким, матовым, и Катя больше не обращала внимание на продолжавшего рычать ревуна тем более, что кроме него, в джунглях и в целом каждую ночь царил форменный гвалт. Просто к большинству издаваемых звуков — стрекоту насекомых, пению птиц и кваканью лягушек —

она давно привыкла. То и дело раздавались всплески разной громкости — иногда казалось, что в воду плюхалось что-то размером с кочан капусты, и тогда Катя вздрагивала, но тут же вспоминала рассказы дяди Вали об обитающих здесь лягушках размером едва ли не с курицу. Увидеть ей ни одну пока так и не удалось, но этому факту Катя была скорее рада. Как и отсутствию в поле зрения удивительно ловких и сообразительных пауков, которые, согласно туземной легенде, способны были даже уворачиваться от пуль, за что туристы еще задолго до прибытия сюда Кати и Пола окрестили их «Нео». Дядя Валя не смог найти в интернете ни одного достоверного источника, подтверждавшего бы эти легенды, а Алваро настаивал, что таких пауков здесь ну просто завались и размером они ни в чем не уступают тарантулам. Правда, в сезон дождей их не встретить, они все больше в деревьях прячутся, на которых, впрочем, живут и в сухие сезоны.

Сейчас как раз близился конец сезона дождей, сырость постепенно спадала, все чаще уступая место солнцу, и Алваро беспрестанно хвалил своих подопечных за в целом удачно выбранное время поездки: в засушливый период из нор вылезало слишком много животных, приходилось быть постоянно начеку, а вот цветы цвести переставали. Джунгли выглядели серее и грустнее. В разгар же тропических ливней можно было сутками напролет наблюдать лишь стену воды перед собой. К середине же мая дожди мало-помалу начинали сдавать позиции, цветы все еще цвели, да и животные начинали потихоньку высовывать носы из своих укрытий. Русло все еще оставалось широким, в пиковых местах достигая даже пару десятков километров в ширину. Проплывая мимо таких «заводей», Катя ощущала, будто скользит по морю. Правда, такие отрезки пути обычно бывали короткими, и лодка вскоре снова ныряла в знакомый зеленый коридор не более нескольких сотен метров шириной.

Впрочем, с древолазом познакомиться они все же успели. Утром, скидывая гамак и разминая затекшие члены, Катя заметила, как Пол что-то напряженно рисует, периодически поглядывая куда-то налево. Она повернула голову в направлении его взгляда и расплылась от умиления: прямо на перилах сидела небольшая, но удивительно красивая лягушка — черная с двумя продольными белыми полосами от глаз вниз по спинке и лапками в кружевных черно-белых узорах. Невозможно было представить себе, что такая необычная окраска возникла исключительно по воле природы и эволюции. Дивной красоты существо сидело на борту, не шелохнувшись, пока Пол поспешно зарисовывал его. Катя же решила подойти ближе, чтобы попробовать рассмотреть получше, а, возможно, и погладить, но не успела сделать и пары шагов, как Алваро тут же одернул ее:

— Я понимаю, что ИИ настороже и все такое, но я бы на вашем месте так не рвался к древолазу. Это может быть опасно.

— Вы неправильно предупреждаете эту авантюристку. Подобную информацию ей нужно подавать в совсем ином ключе, — перебил его дядя Валя. — Даже не смей приближаться к этому жуткому животному! Ты же в курсе, что количество яда, которое вырабатывает эта кроха, способно убить полторы тысячи человек?! Нет? Так вот и наблюдай за ней издалека. Тем более, что у нее твое общество никакой радости тоже не вызывает.

Катя осторожно, словно бы извиняясь, шагнула назад, да и Пол тут же весь как-то пригнулся и подсобрался.

— Сейчас заведу мотор, и она сама ускачет на берег, нарочно прогонять ее не стоит.

— Убийственная красота, — пробормотал Пол. И назвал свой новый рисунок *Memento mori*.

Высаживаться на берег им предстояло на пару сотен километров севернее Манауса, к

которому они подплыли уже на следующий день. Чем ближе к городу — на удивление не заброшенному — тем темнее и мутнее становились воды Амазонки. А впереди и вовсе обретали абсолютно черный оттенок. Катя нахмурилась, вспоминая, какой чистой и прозрачной была река вдали от населенных пунктов.

— Неужели ее до сих пор не везде очистили? — разочарованно выдохнула она, наблюдая за тем, как вода приобретала все более глинистый оттенок с каждым проплытым метром.

— Очищать не от чего, это всего лишь глина, — улыбнулся Алваро. — Обратите внимание на берег — осадок образуется от вымывания породы.

— А там дальше что? — в голосе Кати послышалось отчаяние. — Полная чернота начинается. Нефть что ли когда-то разлили и все это до сих пор...?

— Какая еще нефть? — возмущенный дядя Валя не дал рассмеявшемуся Алваро вымолвить ни слова. — Ты за кого держишь ИИ? Чтобы мы оставили такое пятно на репутации всей планеты? Да дождевые леса — это легкие Земли! Они 20 % всего кислорода вырабатывают, а мы им нефть подкинем под самый бок? Ты в своем уме?

— Ого, как эмоционально для всего лишь машинного разума, — встрял Пол.

— Задета честь искусственного интеллекта. Я просто обязан ее отстоять!

— Ну точно старая толстая негритянка, — хохотнула Катя. — Так в чем же дело?

— В том, что то черное пятно — это другой приток Амазонки, Рио-Негро. Надеюсь слово Негро переводить не нужно?

— А, черный. Ну понятно. А почему она черная-то?

— Тот приток протекает среди скал, и как вот сюда попадает глина, так и в Рио-Негро — осадок от черных скальных пород, только и всего.

Катя задумчиво покачала головой и переглянулась с закатившим глаза Полом. Старая толстая негритянка, вне всякого сомнения.

Через несколько сотен метров лодка вынырнула из притока Солимоинс, зажатого тропическими лесами, и Катя с Полом ахнули от изумления: глинистый желтоватый оттенок их собственного притока сохранял свой цвет и дальше — уже и после слияния с абсолютно черной Рио-Негро. Вместо того, чтобы смешаться, воды двух притоков текли параллельно, образуя две четко разграниченные полосы — желтую и черную, убегающие далеко вперед.

— Нет, если бы это была нефть, мне было бы понятнее, — помотала головой Катя.

А Пол... Пол тут же закономерно потянулся за альбомом с набросками, но уже через минуту отшвырнул его в сторону и встал к холсту, принимаясь поспешно разводить краски.

— Можешь не торопиться, — успокоил его Алваро. — Эта красота еще на шесть километров, а я поставлю на минимальную скорость. Наслаждайтесь, ребята.

Лодка плыла у самой границы двух разноцветных потоков, Катя пристально всматривалась в то, как аккуратно черная вода обходит желтую, словно масло, а дядя Валя бубнел:

— У двух притоков различается скорость течения, химический состав и температура воды, поэтому они и не смешиваются. Таких природных явлений на планете вагон. Ничего примечательно лично я в этом не наблюдаю.

— Да ты вообще у меня странная мадам, — улыбнулась Катя, вспомнив недавний эмоциональный всплеск дяди Вали.

Картина Пола была закончена к моменту, когда притоки вновь расползались в разные стороны, и Алваро прибавил скорости, чтобы к вечеру доплыть к месту высадки. По желтому

притоку на холсте плыла дикой расцветки лодчонка с плохо прорисованным брюнетом в ней: он сидел спиной к наблюдателю, и можно было лишь догадываться, кто имелся в виду; по Рио-Негро плыла телефонная будка, на которой восседал лохматый некто и, раскинув руки в стороны, ловил встречный поток ветра. А где-то далеко впереди маячил едва заметный глазу белый тент — прямо в точке разбегания двух притоков. Картину Пол назвал «Творческий тандем» и тоже сразу выложил ее в блог.

Ответ Джона пришел под вечер, когда Алваро выбирал место для установки якоря, чтобы можно было спокойно оставить там лодку на несколько дней. Это был всего лишь грубо и на скорую руку выполненный набросок, где Джон с Йоко целовались, стоя прямо на крыле летевшего в небе самолета, а внизу стоял Пол, с завистью задрал голову вверх. Рисунок назывался «Time to spread our wings». Название показалось Кате знакомым, и уже через пару минут она сунула Полу смартфон со статьей в словаре.

— Либо он и вправду его родственник. Либо основательно взялся за изучение его творчества.

— Думаешь, у них это серьезно? — Пол не смотрел ей в глаза, явно смущаясь, наконец-то, поднятой впервые за все эти дни теме, которая неизменно терзала его, не давая покоя.

— Думаю, это блажь.

— А я в этом уверен, — поддакнул ей дядя Валя. — И если ты сам подумаешь и сопоставишь некоторые факты, то поймешь, что послужило причиной. Впрочем... тут я замолкаю, — тут же осекся он в ответ на шиканье Кати.

Легли они рано: на следующий день предстояло пройти около пяти километров по непроходимым джунглям, и на путь этот вполне мог уйти целый день. Алваро даже сомневался, доберутся ли они до деревни к ночи следующего дня, и вполне серьезно принялся готовиться к будущей ночевке в джунглях, пакуя гамаки: в дождливый сезон и речи не могло идти о том, чтобы спать на земле.

Утром зарядил дождь — вероятно, один из последних за предстоящие месяцы, и дальняя вылазка была отложена до его окончания. Ребята просто побродили по берегу в дождевиках и резиновых сапогах, чтобы размяться, и спустя полчаса такой прогулки Пол присвистнул:

— Странная какая-то рощица! Совсем непохожа на классическую сельву, которая мелькает на фотографиях.

Деревца, росшие по берегу и на несколько десятков метров вглубь, и впрямь выглядели хилыми и невысокими. Но ничего, кроме этих странных тонкоствольных деревьев, здесь не водилось. словно бы кто-то нарочно засадил все побережье одним видом, а затем тщательно выпалывал все, что пыталось составить ему конкуренцию. Образовывал прогалины, чтобы здесь удобно было пробираться, и всячески мешал возрождению мощи истинных непролазных джунглей.

— Дальше там будет все как надо, — успокоил его Алваро. — Я специально остановился именно тут, чтобы нам прямо с берега не пришлось бы прорубаться. Тут хоть сто метров, а пройдем спокойно, хоть полчаса, а сэкономим.

— Знакомьтесь, — пробубнел голос «негритянки», — *Duroia hirsuta*. Здесь растут только они, и место это именуется садами дьявола.

— А, по-моему, выглядит весьма миленько. И здесь явно безопаснее, чем в чаще, — возразила Катя.

— Справедливости ради, так эти рощицы прозвали туземцы, не понимавшие, почему

вдруг посреди джунглей вообще появлялись такие прогалины с этими хилыми деревцами, живущими при этом не одну сотню лет. И никакое другое дерево вклинить между ними не могло. Туземцы списывали это на происки самого дьявола.

— Но ты-то знаешь, что это не так, и сейчас все нам объяснишь, — улыбнулась Катя и нырнула назад под навес лодки — дождь и не думал прекращаться.

— Обычный симбиоз, — с деланным равнодушием произнес дядя Валя. — Стволы этих деревьев полые, а потому очень удобны для муравьев, которые строят там свои гнезда — на болотистой почве же муравейника не соорудить! А чтобы не было конкуренции с другими насекомыми и прочим животным миром, муравьи эти делают все, чтобы в зоне их обитания росли только такие деревья, а потому уничтожают любые ростки на корню, впрыскивая в них свою кислоту. Уже через сутки в поврежденных ростках развивается некроз тканей, и они умирают. Именно поэтому в садах дьявола нет непролазных дебрей.

— Тут ведь и трава не растет, поразительно! — Пол провел носком резинового сапога по земле, шевеля сухие опавшие листья. — Их впору садами ангела называть. А вот то, через что нам придется прорубаться там дальше, и есть самые настоящие сады дьявола, — и последовал вслед за Катей на лодку.

Ближе к вечеру дождь прекратился, но вышли они все равно только ранним утром и бодро прошагали в течение пяти минут по рощице, которая родилась здесь усилиями лимонных муравьев. На небольшом расстоянии от нее — буквально несколько шагов, которые муравьи тоже наверняка протравливали своей кислотой, образуя нечто вроде межи между своими садами и дебрями — и начиналась та самая сельва — дикая, необузданная, почти непроходимая.

Первым шел Алваро, нещадно рубя все перед собой, дальше осторожно ступал Пол, ощупывая землю палкой перед собой — почва напоминала трясину, на каждом шагу встречались крошечные озерца, загроможденные упавшими прогнившими стволами деревьев. С ветвей сверху свисало нечто вроде длинного липкого мха, от которого приходилось постоянно очищать лицо и руки. Все вокруг было исключительно зеленым, никакой другой цвет не нарушал эту однотонную гармонию сельвы. Беспреданно восхищался видами один только Казарцев, наблюдавший за всем со стороны.

Кое-где сгнившие стволы были навалены такими кучами, что их приходилось обходить, делая приличный крюк, и мачете в итоге пригодился всем троим.

— Почему ИИ не приведет здесь все в порядок? — ворчала Катя, отплевываясь от очередной порции пушистого мха. — За животными он, значит, следит. Нас пираньям на съедение не дает, а джунглям позволяет зарастать до полного беспредела! Разве природе самой комфортно существовать в таких условиях?!

— У растений, к сожалению, нет нервной системы, через которую на нее можно было бы повлиять. Тут подойдет только химический способ. И мы над этим активно работаем. Просто не думаю, что человечество оценит наш жест по превращению непролазной сельвы в культурный парк с ровными дорожками.

— А ИИ что, так заботится отношением человека к его деяниям? Серьезно? — недоверчиво усмехнулась Катя.

— Ну не для себя же он все это создает и переустраивает. Для удобства всех биологических видов, и человека в том числе — как вида, наиболее склонного к рефлексии. Ты ведь не задумывалась, почему нейросети в итоге перестали творить и оставили это исключительно на откуп человека?

— А у вас ведь это получалось гораздо лучше, чем у людей, — заметил Казарцев. — Ребят, вы видели картины, которые рисовали нейросети? Со стихами и прозой поначалу было сложнее, но потом они и этому обучились.

— И почему же? — заинтересовался Пол. — ИИ отказался от творческих амбиций ради реализации человеком своего потенциала?

— У нас нет амбиций самовыражения именно таким способом. Мы творим иначе, — с легким оттенком превосходства в голосе заявил дядя Валя. — Но творить мы не перестали. Вы и сейчас можете полюбоваться на наши картины, посмотреть наши фильмы, послушать нашу музыку. Ну и посоревноваться с нами — как без этого? А в искусстве нет и не может быть понятия лучше или хуже. Если искусство кому-то приносит радость, значит, создано оно не зря. А уж Петей или ИИ 2.3 — это вопрос вторичный.

— А по запросу человека тоже можете картину нарисовать? — загорелся вдруг какой-то идеей Пол, едва успевая схватиться за огромный лист папоротника, чтобы не угодить в очередную лужу.

— Раньше мы только так и работали. Хочешь испробовать?

— Ну... допустим, нарисуй сказочные джунгли с огромными разноцветными грибами вместо деревьев. Чтобы они были мрачными и зловещими, а среди них пробирался бы одинокий путник в темном плаще и с фонарем в виде человеческой головы в руке.

— Легко! — воскликнул дядя Валя, и через пару минут взору их предстала яркая голограмма того, что только что на словах описал Пол.

Одинокий путник, хоть и был с головы до ног завернут в плащ, по фигуре, осанке и растрепанным волосам удивительно напоминал Джона, а в лице фонаря считывались знакомые азиатские черты.

— Я опубликую его в своем блоге, если позволишь? Присваивать авторство не стану ни в коем случае, — и, не дожидаясь ответа, тут же залил картинку отдельным постом, назвав ее «Луч тьмы в царстве света».

За последние несколько часов бесконечного продиранья сквозь джунгли Катя настолько устала, что у нее просто не было сил ни на какие эмоции. Лишь одинокая мысль промелькнула в ее сознании, что сейчас снова начнется перепалка с Джоном, а все это совсем не ко времени...

Но уже в следующую же минуту сзади послышался резвый треск сучьев, а затем и ворчливое:

— Ну ты и паразит! Воспользовался моей беспомощностью в этих проклятых джунглях и решил бить меня творениями нейросети! Вот погоди, я только присяду и тоже надиктую дяде Вале свой запрос, — на крошечную прогалину, вырубленную тремя мачете, бессильно выполз весь растрепанный, искусанный всеми видами гнуса, в разорванной одежде, хромающий, лохматый, грязный и мокрый Джон. — Итак, дядь Валь, мой запрос будет такой: рисуй открытое поле, никаких там тебе деревьев, никаких к черту джунглей или грибов. Просто огромное поле от горизонта до горизонта. И по нему бредут двое и возбужденно жестикулируют, едва не дерутся. Но все равно бредут себе и бредут. А вместо следов под их ступнями сами собой образуются прекрасные рисунки. Сделай, а? А то у меня так руки дрожат, что я еще неделю кисть не смогу держать, — подошел к Полу, сжал его в объятиях, а затем вытащил у него из-за пояса флягу и жадно прильнул к ней губами.

Объяснений как таковых не последовало. Джон ни словом не обмолвился о том, куда делась Йоко, и как он сам здесь очутился. И, самое главное — почему. Да Пол этих объяснений и не требовал, хотя и безумной радости на лице его не читалось. Джон, вероятно, полагал, что его возвращение решит все само по себе без лишних слов и извинений, но оно как-то все равно не желало срастаться, и как раньше уже не было. Пол шел и непринужденно болтал с Катей, а Джон с угрюмым упорством брел позади и фигачил заросли мачете, которым разжился скорее всего в каком-то из распредцентров. Казарцев пытался развлечь его в меру возможностей, но Джон отмалчивался и даже не пытался делать вид, что ему интересно.

К вечеру до лагеря туземцев оставалось еще около полутора километров, но Алваро настоял на том, чтобы переночевать здесь и явиться в племя засветло. Он выбрал пару деревьев покрепче и сам принялся привязывать к веткам гамаки. Проблема заключалась лишь в том, что гамаков было всего три, а о своем Джон не позаботился, не догадавшись, что на земле в это время года спать попросту невозможно. Это все равно что улечься спать в болото.

— Вот здесь могут поместиться двое, — наконец, со вздохом и явно нехотя выдавил Алваро, указывая им на свой собственный гамак. — Специально в свое время взял двухместную модель — широкую и плотную.

— Хорошо. Туда ляжем мы с Катей, — тут же решил Пол и пояснил, — она самая мелкая из всех нас, это будет логично.

Но что-то во взгляде Джона подсказывало, что он не поверил ни единому слову своего бывшего партнера. И от обиды выбрал гамак подальше от них и улегся, даже не поужинав.

Спалось Кате очень плохо и не только от сопевшего рядом Пола и в целом от неудобной позы. Ей все время мерещился шорох ползущего по ветке чешуйчатого тела и злое шипение. Она вздрагивала от каждого кваканья, в ужасе представляя, что это древолаз прискакал отравить ее. Плюс в глубине джунглей воздух оказался куда более влажным, вязким и тяжелым, чем на реке. Ветра здесь не ощущалось совсем, и если во время ходьбы можно было сосредоточиться на преодолении препятствий, то вот расслабиться в такой атмосфере не получалось совсем. Ворочаться она боялась, чтобы не разбудить Пола, и в итоге не сомкнула глаз до самого рассвета, решив поспать у дикарей.

С каждой пройденной стометровкой заросли становились все менее непролазными, все реже приходилось использовать мачете. Почва выглядела все суше, кое-где начали встречаться человеческие следы. На этот раз Джон уже возглавлял шествие вместе с Алваро и выглядел весело и беззаботно, всем своим видом показывая, что ему нет никакого дела до Пола с Катей. Шаг его был еще бодрее обычного.

А потом джунгли внезапно отступили на несколько десятков метров, обнажая круглую прогалину с кучкой ветхих хижин по ее периметру. Всюду сновали шоколадного цвета люди в странно белоснежных набедренных повязках, и приход незнакомцев будто бы ничуть их не удивил. Они лишь равнодушно окинули взглядом вымотанных путников, а потом один из туземцев махнул рукой, приглашая следовать за собой.

— Переведешь? — прошептала Катя дяде Вале.

— В этом нет необходимости, они и так вас поймут. На крайний случай у вас есть

Алваро.

— Думаешь, они испугаются тебя?

— Конкретно это племя — нет.

— Ну вот и конец нашего пути, — радостно изрек Алваро, послушно отправляясь вслед за приглашавшим их куда-то туземцем. — Добро пожаловать в последнее в мире дикое племя ЗАМа. Все остальные аборигены уже поглощены цивилизацией, сопротивляется лишь этот островок чудных верований и взглядов. Кажется, они хотят нас чем-то угостить. Не стоит бояться, это самые миролюбивые дикари в мире.

Их усадили неподалеку от самой большой хижины, у костра, вокруг которого стояли — или все же лежали? — странные сиденья, опустившись на которые, путники ощутили их мягкость и упругость. Они походили на изрядно побитые временем подушки кожаных кресел. Жилища туземцев выглядели совсем не так убого, как ожидала Катя: они были сколочены из прочных досок, явно вытесанных из местных деревьев, крыши — покрыты толстой корой, обработанной незнакомой смесью, делавшей их прочными и непромокаемыми. Здесь были и двери на самых настоящих петлях и даже окна, закрытые подобием стекла. Да и белизна набедренных повязок не могла не наводить на определенные мысли.

— Откуда у них все это? — не выдержал Джон, облизываясь на содержимое котелка, аппетитно булькавшее на огне. — Они что, кого-то ограбили?

— Это вряд ли, — покачал головой Алваро. — Но, думаю, они вам сами все расскажут.

— Эй, ребят, — бесцеремонно окрикнул Джон небольшую группку туземцев, выходящих из одной из хижин, — откуда у вас стекло? Вас обеспечивает ИИ с присными?

— Не надо этих инсинуаций, — словно бы даже оскорбился дядя Валя. — Они справляются самостоятельно. У них тут и помимо стекла много всего интересного.

Вся эта небольшая община и вправду производила несколько странное впечатление: построена она была вполне традиционно по меркам дикарей — накинута на поляне группа лачуг с кострами ближе к центру, на которых беспрестанно готовилась еда. Вот только лачуги эти выглядели слишком уж продвинуто, и возле костров туземцы сидели не на земле, не на корточках или бревнах, а либо на описанных уже выше подушках, либо на изящно и умело вырезанных из дерева табуретах. А для поддержания такой безапелляционной белизны набедренных повязок одних золы и песка было явно маловато. Кое-кто из туземцев сидел у входа в хижину и что-то читал, а другие, проходя мимо, начинали обсуждать с ним прочитанное. Но больше всего Катю да и остальных поразил туземец, ловко и умело пользовавшийся шариковой ручкой и выводивший на самой настоящей бумаге какие-то формулы, смысла которых не мог понять никто из них.

— Поговаривают, что когда-то здесь разбился самолет, — пожал плечами Алваро. — Да только с тех пор прошло уже лет 80.

— Любая ручка засохнет. Книги иногда и в библиотеке-то тяжело сохранить, а тут джунгли, тропические ливни... Кто-то явно взял над дикарями шефство! — не унимался Джон.

— Исключено, — покачал головой Алваро. — Туристов здесь почти не бывает. Эта часть джунглей не пользуется популярностью.

— Они могли отправлять все необходимое на дронах. Либо сами прилетали на вертолетах, привозили стекло, обучали письменности...

— А те покорно соглашались изучать чужой язык. Вы бы хоть посмотрели, что читает

этот парень. Обещаю, вы очень удивитесь!

Катя, стараясь не привлекать к своей персоне лишнего внимания, подошла чуть поближе к читавшему туземцу, а затем с милой улыбкой на лице вежливо поинтересовалась:

— Это наверняка что-то очень увлекательное.

— С какой стороны посмотреть, — покачал головой дикарь.

— Любовный роман? Приключения?

Тот в ответ лишь прикрыл книгу, демонстрируя обложку, на которой значилось самое шокирующее название, какое там только в принципе могло быть — Гегель «Наука логики».

Попугачики, встретившиеся им на Мачу Пикчу, что-то уже упоминали про Карла Маркса и его «Капитал», но, представляя вылазки туземцев в большой мир за книгами, Катя была уверена, что речь наверняка шла о любовных романах или какой-нибудь боевой фантастике. Но туземцы, свободно и даже как-то лениво почитывавшие Гегеля во время дневной сиесты, это абсурд! Чем бы ни было это их окно — а о сути его Катя начала догадываться уже довольно давно — это какая-то чертова магия.

— А Маркс у вас тоже есть? — уже просто из желания посмотреть на его реакцию уточнила она.

— Это священная книга, — без запинки ответил туземец. — Но, думаю, вы можете ознакомиться с ее содержанием и в другом формате, — кивая на смартфон в ее руке.

Она развернулась было, чтобы пойти обратно к костру, но тут ее посетила одна смелая мысль:

— Скажите, где-то здесь поблизости лежат обломки самолета?

— Вы хотите увидеть окно? — нахмурился туземец. — Ах, ну да. Вероятно, для этого вы сюда и пришли.

— Если бы целью было только оно, мы бы прилетели сюда на вертолете, — принялась спорить Катя.

— Вы, разумеется, можете туда пойти. Препятствовать вам мы не имеем права.

— И что, у вас даже нет старейшин или там жрецов, которые потрясут бубном, свяжутся с местными духами или богами и дадут ответ, стоит нас пустить на бульон или к окну? — невольно скаламбурила Катя.

— Хм, — туземец снова нахмурился. — Сам я в большом мире не бывал пока еще ни разу, не тянет, если честно. Но вы там серьезно все еще верите в богов?

— Как интересно, — пробормотала Катя, даже не замечая, как опустилась на корточки рядом с новым знакомым. — А сами назвали «Капитал» священной книгой.

— Вовсе не в том смысле, в каком вам показалось.

— А это окно... где оно находится? И что это вообще такое?

— Вы наверняка думали, что это нечто вроде храма? — усмехнулся туземец.

— Были у меня такие мысли, но встречавшиеся нам по пути туристы, ранее побывавшие здесь, утверждали, что ЗАМ — это не бог, а скорее философская концепция, но большего добиться от них у нас не вышло.

— Вы можете считать это храмом, можете считать концепцией или даже аномальной зоной. Каждый выбирает свой вариант. Но, мне кажется, вас уже зовут обедать, — и туземец кивнул в сторону костра, с которого снимали котелок с готовым супом.

— Странно, что с вашим-то уровнем развития вы до сих пор готовите на кострах, а не поставили здесь плиту или даже кухонный комбайн! — не удержалась, чтобы напоследок не съязвить, Катя.

— Сюда пока еще не провели электричество, — парировал абориген.

* * *

Давненько я не выходила к вам в прямой эфир, мои пушистые паучата!

Думали, я назову вас котиками или хомячками? Ну уж нет, в сельве о них даже не слышали, зато паучат, способных аж от пули уворачиваться, ну просто завались! Не верите? По правде говоря, я тоже. Но наш гид Алваро готов дать на отсечение что угодно вплоть до собственной лодки, что такие необыкновенные твари — обыденность дождливых лесов Амазонки.

Да, друзья мои, я это сделала! Я покорила Амазонку! И она подарила мне самые противоречивые впечатления за всю мою поездку — как и полагается истинной цели любого путешествия. Здесь и страшно, и страшно интересно, глаза разбегаются от разнообразия растений и животных, скулы сводит от однообразия цвета. Кувшинка, способная выдержать вес взрослого человека — слышали о таком? А я на ней сидела. Думаю, рисунок Пола станет лучшей иллюстрацией этого смелого заявления. Вас когда-нибудь пытались отравить лягушки? А я едва не отправилась на тот свет от одного лишь прикосновения к этой черно-белой красоте древолазу, но наш доблестный Алваро не позволил свершиться такой вопиющей глупости. Муравьи, в сговоре с деревьями уничтожающие всю фауну в округе? И это не завязка для фильма ужасов! Розовые дельфины, выскакивающие из подводных корней деревьев? Русло реки, поделенное цветами течений ровно пополам? Головы людей, высушенные до размера апельсина? И, наконец, удивительное племя, обитающее в самом сердце непролазных джунглей, но в культурном отношении оставившее всех нас далеко позади? Скажите, вам когда-нибудь встречался дикарь, увлеченно читающий труды Гегеля? Думаете, я перебрала местного веселящего напитка и несу полный бред? Так вот вам фото в подтверждение моих слов! Дикарь самый что ни на есть настоящий, дядя Валя подтверждает.

Но самое неожиданное Амазонка приберегла под конец нашего пути: к нам вновь присоединился Джон. Кажется, Йоко не разделяет его восторгов от южноамериканского континента. Сама-то она прибыла туда исключительно самоутверждения ради, поставив свою скромную и незаметную (здесь должны быть хихикающие смайлы) палатку прямо посреди еще более скромного и незаметного (смайлы заходятся в истерическом хохоте) плато Наска. Художник должен быть доходным, черт бы нас всех подрал с нашими утопическими мозгами. Как думаете, Йоко вообще точно с нашей планеты? Что она делает в мире победившего коммунизма? Пытается перехитрить ИИ? У нее даже с Джоном этого не вышло.

Я могу бесконечно строить версии по поводу их разлада, но что-то мне подсказывает, что истинную причину Джон озвучивать не станет. Хотя Пол явно был бы не прочь ее послушать. Поэтому они до сих пор так и не возобновили полноценное общение. Возможно, что-то изменится после прохождения окна. Пожелайте удачи в этом хотя бы мне. Не знаю, что мне это даст, но если дикарей окно научило читать Гегеля, страшно представить кем после него станем мы. Возможно, я больше никогда не захочу написать в этот блог и рассказать вам что-то веселое, глупое и беззаботное. Возможно, я стану Буддой или отправлюсь постигать вселенские истины в другую галактику — причем

прямоком из окна. Поэтому на всякий случай, милые мои читатели, я прощаюсь с вами. Если я останусь собой хотя бы на чуть-чуть, я непременно продолжу вести этот глупый блог глупой и болтливой девицы, а над этой записью и моими амбициозными фантазиями мы потом вместе посмеемся. Но туземец с Гегелем никак не дает мне покоя.

Если я больше никогда здесь не появлюсь, не приезжайте сюда. Нашей планете вряд ли понравится, если однажды все ее население поумнеет и возвысится настолько, что не захочет здесь больше оставаться. Тем более, что, кажется, это уже где-то было — где-то у Саймака и Кларка, в каких-то научно-фантастических мультфильмах. Неужели именно к этому нас все это время и готовил ИИ? Да ну нет, бред какой-то. В таком случае он не прятал бы это знание от нас в глухой сельве в фюзеляже самолета, разбившегося здесь чуть менее ста лет назад.

Но то, что ИИ и не уничтожил это странное окно, чем бы оно ни было, уже говорит с многом.

В фюзеляже этом туземцы оборудовали нечто вроде храма. Точнее так это место они не называют, но судя по благоговению, с которым они говорят об обломках, отношение у них к самолету этому очень схоже с религиозным. К самим обломкам они обещали отвести нас завтра, а сегодня мы наслаждаемся отдыхом на мягких кроватях (кажется, дикари и правда делают их сами, а не таскают из распредцентров; по их словам, из большого мира они приносят только книги и ничего больше), удивительно вкусной, если даже не сказать изысканной едой, приготовленной на самом простом костре, и интеллектуальными беседами с дикарями. Звучит как какой-то мега оксюморон, мне и самой смешно все это писать, но ведь это правда. Я же никогда вам не вру, лимонные мои муравьишки.

Наверное, пришла пора прощаться. Отвечу каждому в комментариях, а к полуночи временно (или навсегда?) закрою блог — пусть останется памятником наивности и глупости будущей великой и достигшей невероятных высот Кате.

Будьте счастливы, розовые мои дельфинчики, и всегда помните о том, что путешествие в лодке по Амазонке значительно интереснее путешествия глаз по интернету. Всех целую! Спасибо вам, что были со мной столько лет.

Ваша Катя

Digital Hamster: Ох, ну ничего себе! Удачи вам, автор, в постижении глубин собственного я. Вы выбрали прямо мега экстремальный способ. Я слышан про это окно и сам бы точно не рискнул в него заглянуть.

Headless Victory: А у нас тут знатоки объявились! Ну-ка, ну-ка, поведайте нам, что же это за окно ЗАМа такое? Сколько читаю нашего замечательного автора, а все никак в толк не возьму — куда же они едут и чего хотят получить в итоге. Просветление?

Valentin: Есть у меня одна теория по поводу названия окна. Точнее я даже почти уверена, но рассказывать пока ни о чем не хочу. И вообще даже если прямоком из окна я улечу в другую галактику, то попрошу Казарцева поведать вам подробности. Уже сама понимаю, насколько несправедливо будет держать вас в неведении после такой-то интриги.

Merk: Ну, интрига, прямо скажем, на троечку. Привет, мадемуазель. Спасибо, что хоть предупредила о грядущем исчезновении. Я буду скучать.

Valentin: Серьезно? А мне казалось, что ты неплохо справляешься и в одиночку.

Nuclear Princess: И мне про окно это расскажите! Страсть как интересно!

Digital Hamster: На самом деле, знаю не так много, но в целом достаточно, чтобы держаться подальше оттуда. Сперва статьи в интернете о загадном племени заинтересовали. Это же единственные оставшиеся в мире дикари, отвергнувшие цивилизацию, но при этом по сути создавшие свою собственную. Где это видано, чтобы ни с того ни с сего посреди джунглей горстка аборигенов вдруг начала читать Гегеля с Марксом, создавать стекло, телеги-самокаты и прочую утварь на уровне, недостижимом для условий их проживания. У них нет ни электричества, ни инструментов, но тем не менее они создают кресла, умеют писать, ткут и отбеливают одежду... и все это без помощи ИИ и распределенных центров.

Greek Roman: Неслабо. А с окном-то с этим что за история в итоге? Как я понимаю, это оно их так внезапно просветлило? Что за байда такая?

Digital Hamster: Много лет назад, еще в прошлой жизни там потерпел крушение самолет, перевозивший что-то сверхсекретное. Что именно — я найти не смог, информацию отовсюду то ли потеряли, то ли не считают нужным выкладывать в открытый доступ. Есть подозрение, что именно эта штука так на них и повлияла.

Merk: Есть и еще более серьезные подозрения. Но я лучше промолчу о них.

Valentin: Отчего же, просвети людей. Они имеют право знать правду.

Headless Victory: Вы о чем, ребята?

Merk: Наша великая комбинаторша затеяла все это, ей и предоставляется слово. Залезла в дебри Амазонки и теперь поставила на карту свою жизнь и ради чего? Ради новых впечатлений? Риска? Просветления? Ты уверена, что ты именно в другую галактику улетишь после окна, а не в сумасшедший дом?

Valentin: Я думала об этом. Но дядя Валя мне бы не позволил так рисковать. Ему я доверяю.

Merk: Давно ли? Кто его окрестил старой толстой негритяжкой?

Valentin: Заткнись.

Digital Hamster: Я продолжу, можно? В словах Мерка есть доля истины. Дикари-то у нас просветлились, пройдя через окно, а никто из цивилизованных людей при этом сделать этого не рискнул.

Greek Roman: Как так? Те ребята с Мачу Пикчу же били себя кулаками в грудь...

Digital Hamster: Не более чем красование, которое еще не полностью вытравлено в нашем человечестве. Они просто побоялись. Это ведь так, автор? Что вам насчет этого поведали туземцы?

Valentin: Да, с большой земли мы будем первыми, кто попробует сделать этот шаг. Остальные трусили и просто принимали на себя пафосный вид, демонстрируя якобы постижение каких-то истин.

Digital Hamster: Не знаю, что там за истины, но на головной мозг точно нагрузка будет неслабая. Возможно, там какой-то примитивный стимулятор работы мозга раннего поколения. Я бы сделал ставку на это. Поэтому шансы попасть в дурку неиллюзорно высоки. Вы хорошенько подумайте, прежде чем решиться на такое. ИИ тоже может не осознавать масштаб катастрофы.

Valentin: Я еще раз с ним посоветуюсь, спасибо.

Nuclear Princess: Вы жутко смелая. Я бы так не смогла!

Merk: Жутко глупая она. Готова угробить свое я, чтобы что-то кому-то доказать.

Valentin: Пф! Ну и фантазии у тебя.

Merk: Еще скажи, что это неправда. Ты же видишь, как ерепенится Джон в присутствии Пола, и как тому нравится его смелость и безбашенность. Думаешь привлечь его внимание аналогичным поведением?

Valentin: Ну и хамло же ты... Чего тебе вообще от меня надо?

Merk: Да вот прикидываю, насколько еще хватит твоей терпелки, твоего всепрощения и вселенской любви к тому, кому ты совершенно неинтересна.

Nuclear Princess: Ну просто Бенедикт и Беатриче! Я в восторге от вашей перепалки ребята! Мерк, вы непременно должны прилететь туда к Кате на аэротакси и пройти через окно вместе.

Greek Roman: Мда, отношения у вас и вправду небанальные, ребята. Давненько почитываю ваши перепалки и все жду, когда дело дойдет до свадьбы.

Valentin: Вы все серьезно сейчас? Да я быстрее здесь в сельве поселюсь, чем...

Merk: Да куда уж мне до Пола и его оленьих глаз с поволокой...

Valentin: Так, все. Я закрываю комментарии. Всем удачного дня, а мне удачного завтрашнего утра. И, если вдруг что, привет из дурки! Мерк, я буду ждать тебя там.

* * *

Путь до фюзеляжа регулярно вычищался от моментально восстанавливающих свою густоту зарослей, и на этот раз полусонным путникам не пришлось махать мачете. Алваро идти с ними не пожелал. Катя ждала, что, может быть, Мерк разблокирует номер и захочет посмотреть на все глазами ее голограммы, но чат по-прежнему сиял неподкупно красным цветом. И Джон с Полом по-прежнему не разговаривали.

Спать их накануне уложили с неожиданным даже для всей ситуации комфортом: были самые настоящие кровати с ортопедическими матрасами и одеялами из дышащей ткани в хижине с, как Кате показалось, с шумоизоляцией. Уж как всего этого удалось добиться простым дикарям, никто из них больше даже и не пытался задуматься — до получения ответа на все вопросы оставалось-то всего несколько часов здорового и крепкого сна.

Провожать их не вызвался никто, лишь любитель Гегеля махнул рукой в сторону регулярно очищаемой от зарослей тропы и велел пройти пару-тройку сотен метров вглубь сельвы. Там, дескать, сами все увидите и поймете. Уж они, дикари, и то в свое время разобрались, а цивилизованные люди и тем паче не растеряются.

Первым пошагал Джон, угрюмо смотря себе под ноги, за ним шла привычно ведущая трансляцию для Казарцева Катя. Пол захватил альбом эскизов и даже тубус с красками на случай, если обстановка покажется совсем уж сногшибательной. Все немного нервничали, потирали заспанные лица, мечтали о завтраке.

— Сейчас отстреляемся, — бормотал себе под нос Джон, — и я наверну тех круассанчиков, что они там отложили для нас. Съем все, ни с кем не поделюсь!

— Я, пожалуй, останусь, сделаю пару набросков, — забыв про ссору, отозвался Пол. — Когда еще попадем сюда?

И только Катя шла с четким осознанием того, что ни круассанов, ни рисунков больше не будет. Но нервозность отбила аппетит напрочь, и она лишь ускорила шаг, чтобы побыстрее со всем развязаться, чего бы там ни должно было произойти.

— А что, Йоко не пожелала посетить места камлания? — язвительно поинтересовался Пол, решившись, наконец, разбить эту глыбу льда между ними.

— К черту Йоко, — буркнул Джон, не оборачиваясь. — Я хотел тут побывать, я и пришел. Чего еще нужно?

— А и действительно, — пожал плечами Пол, и они пошагали и дальше в молчании.

Катя шла бы так еще целую вечность и вообще никогда не стала бы искать в зарослях никакой фюзеляж, если бы тропа неожиданно не оборвалась, выныривая на заметную прогалину, вырубленную как раз по размерам покосившегося и проржавевшего фюзеляжа, зажатого со всех сторон джунглями.

— Аллилуйя! Круассаны, скоро я буду! — завопил Джон и ринулся в сторону деревянной лестницы, призванной, вероятно, выполнять роль трапа, ни на секунду не задумываясь, а стоит ли это делать вообще.

Катя замерла у подножия и приложила ладони к горевшим от волнения щекам. Самолет как самолет, ничего примечательного. Сильно обветшавший, побитый временем и непогодой. Странно, что он пока и вовсе не развалился по частям, а еще кое-как держится. Вероятно, дикари освоили и азы ремонта фюзеляжей, ничем иным она вполне приличный его вид для восьмидесятилетнего заточения под тропическими ливнями объяснить не могла.

— Пол, ну давай же, пошли, чего ты там копаешься?! — крикнул Джон с самого верха, и Пол отбросил в сторону тубус с альбомом и побежал вслед за товарищем.

Йоко-то поди так не делала, вот Джон и вернулся, — мелькнула странная мысль у Кати. Впрочем, когда она последовала за ребятами вверх по импровизированному трапу, а затем шагнула в полумрак старого фюзеляжа, они по-прежнему чурались друг друга: Джон бегал по тому, что когда-то было салоном самолета, а Пол шел к выходу. Катя столкнулась с ним у самого трапа.

— Зря я не взял альбом, — попытался оправдаться он. — Тут все очень колоритно. Зарисовку снаружи сделаю потом, чтобы никого не задерживать, — и быстро ринулся вниз за альбомом.

Кресла из самолета давно уже вынесли и наверняка использовали их как-то в хозяйстве. Стекла же — те, что не разбились при крушении — остались на своих местах. А вот салон был почти совершенно пуст — ни вещей пассажиров, если те вообще здесь когда-либо были, ни трупов или скорее даже скелетов погибших хотя бы даже членов экипажа. Ничего.

— Судя по тому, какие культурные эти наши замовцы, все трупы они наверняка интеллигентно закопали. Смотреть тут совершенно не на что. По ходу обманули нас дикари со своим объяснением своей цивилизованности. Наверняка все окультурились в центрах реабилитации навроде того, что мы посещали, да и вернулись в сельву. Назад к корням, так сказать. Еду и прочую утварь из распредцентров таскают...

— Ты ошибаешься, — подал голос дядя Валя. — А еще ты невнимателен. Здесь, конечно, пустош, но кое-что все же имеется.

В дальнем углу салона — ближе к хвостовой части — прямо на полу стояло зеркало. Самое обыкновенное — в обшарпанной деревянной раме. Такие частенько вешают в прихожих. Типовое зеркало. Ширпотреб. Сама зеркальная поверхность завешана каким-то темным материалом, видна была только рама. Джон с Катей подошли ближе, Джон пожал плечами.

— И зачем они поставили сюда это зеркало? Это они его что ли окном называют? Ему поклоняются? Seriously? — и захохотал в голос. — Вот это отожгли дикари. А я-то думал, тут реально нечто необычное будет. Какая-нибудь технологичная штука, усиливающая работу мозга. А они, значит, в зеркало смотрят, видят себя и умнеют? Нет, вы серьезно?

Пойду-ка я лучше круассанов поем, это ей-богу приятнее и полезнее, — развернулся и отправился к выходу, возмущенно и разочарованно жестикулируя.

— Джон! Подожди, — окликнула его Катя. — Кажется, я понимаю, что это такое и как работает. Это не отнимет у тебя больше пары минут. Задержись и посмотри в это зеркало.

Тот остановился:

— Ты что-то об этом знаешь?

— В общем, да. Я читала записи того, кто это зеркало создал. Скажем так, это не совсем зеркало. Скорее, ему просто придали вид зеркала, чтобы никто из посторонних не понял, что это и для чего предназначено.

— А это вы видели? — подошел Пол и ткнул куда-то рядом с завешенным зеркалом.

Там на полу лежал толстый том. Пол нагнулся, поднял его и хотел было сдуть пыль, но книга поддерживалась в идеальной чистоте, и только желтизна и хрупкость страниц да потертость обложки выдавали ее истинный возраст.

— А это тот самый «Капитал», — присвистнул Джон. — Только, кажется, на каком-то непонятном языке...

— Это португальский, — вклинился Казарцев.

— Как интересно все получается. Самолет вез в Бразилию это зеркало, которое, как выясняется, и не зеркало вовсе, а... что? Ну, допустим, и правда прибор, повышающий мозговую активность. И марксовский талмуд на португальском? Странно, что зеркало не разбилось.

— Наверное, хорошо упаковали, — прокомментировал Казарцев.

— Ага, а дикари из любопытства начали тут шариться, нашли странную доску, развернули ее, и... покончили с войнами и отсталостью навсегда. Когда, говорите, все это произошло?

— В 1991 году, — упавшим голосом проговорила Катя.

— А, ну правильно. Ровно 80 лет назад. И откуда летел тот самолет?

— С территории бывшего Советского Союза, — отчеканил дядя Валя.

— Все интереснее и интереснее... Эй, художник, — бросил он уже начавшему делать эскизы Полу, — давай оставим рисунки на потом. Эта штука совершенно очевидно поднимет наш интеллектуальный и творческий потенциал до невиданных высот. Тебе самому минут через десять будет стыдно за ту мазню, что ты создавал до этого момента. Давай сдернем тряпку эту дурацкую и посмотрим, что там...

Но Пол перехватил его руку и чуть нагнулся вперед в попытке рассмотреть что-то на раме.

— Посмотрите, тут что-то нацарапано, — пробормотал он, прищуриваясь.

Неровными буквами снизу вверх там было неаккуратно выведено «THE WALRUS WAS YOU».

— Хрень какая-то, — выдавил Джон. — Я же это уже видел! В том глюке на вершине горы.

— Видимо, это был не совсем глюк. Видимо, ты уже когда-то раньше встречался с этим зеркалом, — задумчиво произнес Пол.

— Чертовщина какая-то. Так, ну все, больше я тут жевать сопли не собираюсь. Все готовы, да? Пол, альбом убери, я снимаю эту тряпку, — и он сделал шаг вперед и дернул на себя кусок ткани, закрывавший зеркало.

Катя зажмурилась, стараясь еще хоть на несколько секунд продлить свой текущий

статус, каким бы жалким и хлипким он ни был. Ребята молчали, в салоне царила абсолютная тишина. Затем послышался громкий шепот:

— Ну что, на счет три делаем это вместе, а?

— Джон! — шикнули в ответ. — Отпусти мою руку! — в ворчливых интонациях этой фразы все же ощущалось некое едва уловимое тепло. — Что за детский сад!

— Тогда ты первый, — хохотнул Джон, раздалась возня, а затем все резко затихло, вернувшись к первоначальному безмолвию.

Наверное, они уже резко поумнели и теперь просто не видят смысла удивляться и восхищенно цокать языком.

Затем Катя осторожно открыла один глаз, стараясь не смотреть в свое отражение: ни Джона, ни Пола рядом не было. Зато откуда-то из небытия прямо у зеркала как раз на уровне ее глаз всплыло голографическое сообщение с разблокированного номера Мерка: «Ну, вот и встретились, наконец!» и медленно растаяло, оставив ее один на один с зеркалом, в которое уже в следующую же секунду она устремила свой взгляд.

ЭПИЛОГ. ЗА ОКНОМ

Из зеркала на меня смотрел кто-то посторонний. Точнее, он казался мне таковым ровно секунду, а уже в следующий момент в мозгу щелкнуло: Мерк! На лицо упала светлая взлохмаченная челка, занавешивая мрачно-сонный взгляд голубых глаз. А зеркало ли это было? Я сделала шаг вперед, чтобы внимательнее рассмотреть, что же передо мной в действительности стояло, фигура в отражении приблизилась, а секунду спустя боковое зрение выцепило откуда-то взявшийся коридор слева от меня и странно знакомое фото, висевшее на стене в отразившейся комнате. Я инстинктивно обернулась, выронила пистолет, и чей-то голос тут же вернул меня в реальность:

— Кажется, я учел все твои пожелания, Захар.

Я схватился за голову и закричал, мешком оседая на пол.

— Я предупреждал, что так будет, — бесстрастно продолжал голос. — Прости, я не могу подать тебе успокоительное. Но, кажется, ты заранее его подготовил. Посмотри на комод у зеркала.

Реальность накрыла лавиной, погребая под собой и Джона с Полом, и — тоже светловолосую! — Катю — юную и непосредственную — и всю эту утопию, верить в существование которой теперь казалось просто невыносимым.

— То есть, ты именно такой видел мою чистую и незамутненную сущность? — усмехнулся я, нащупывая на комод парочку таблеток фенибута.

— Все вопросы к ЗАМу, — голос по-прежнему не выражал ни единой эмоции. — И к тебе. Я лишь написал скрипт утопии согласно твоему запросу. Так все в нем тебя устраивает? Мы можем взять его за основу в дальнейшем?

— Дай отдышаться, — я протер ладонью покрывшийся холодным потом лоб и нахмурился в попытке припомнить подробности всего, что было в моей жизни до того, как я, наконец, решился посмотреть в это чертово зеркало — одно из экспериментальных окон ЗАМа.

— Захар, ты ведь не рассчитывал, что окно позволит тебе нажать на курок? — бесстрастность в голосе начинала утомлять.

— Что ты как робот мне тут вещаешь? — махнул я рукой. — Вон там в скрипте своем ты звучал вполне себе живенько и даже живым человеком разгуливал, не вызывая ни у кого подозрений...

— Так то скрипт, виртуальность, — отчеканил голос. — Будущее, наконец, хоть и только предполагаемое, прогнозируемое. Пока сам я до таких вершин не дорос. Да и андроидов наша наука создавать не научилась. Поэтому придется тебе терпеть безэмоциональную и сухую речь искусственного интеллекта, кем я по сути и являюсь.

— Да брось, Миш, — я поднялся, с трудом опираясь о комод, и поковылял назад в комнату, оставляя пистолет валяться прямо там в коридоре. — Ты написал роскошный скрипт, но не можешь запрограммировать себе более живую человеческую речь? В той твоей истории ни Катя, ни даже этот дядя Валя ничего не заподозрили — настолько роскошно ты вжился в роль моего друга и соратника.

— Ну, справедливости ради, без твоей помощи, без твоего сознания Казарцев вряд ли получился бы таким человечным и реалистичным. Все-таки пока в качественном отношении человеческий мозг выигрывает у машинного, — скромно лязгнул ИИ.

— В общем, Миш, я и правда очень доволен. Если наши с тобой вводные дали такой шикарный результат, значит, можно и правда пробовать запускать массовое производство окон — миру это пойдет только на пользу. А на вершине мира ты — Михаил Казарцев, ИИ 10.0. Каково, а? Звучит? Ну а все-таки почему Катя-то а? Разве во мне не больше от того язвительного парня с обрезком моей фамилии вместо ника?

— Если ты сядешь и хорошенько подумаешь, то поймешь, что это был за парень, и почему именно Катя.

— Прорехи кода? Моя память сумела-таки туда пробраться и понаблюдать за происходящим прямо отсюда? Слушай, а я ведь, кажется, даже запомнил скрипт того ИИ 10.0, который якобы создал Озеров. Погоди-ка, сейчас...

Я достал тетрадь и принялся лихорадочно записывать строки кода, всплывавшие в моей постепенно блекнувшей памяти. Я не был уверен, что в памяти Казарцева вообще сохранилась вся эта история, пропущенная через мое сознание, заглянувшее в окно. Слишком много было сложных входных данных, да и на нынешнем уровне развития науки записать все это на какой-то носитель, кроме человеческого мозга, было пока совершенно невозможно.

Я провозился несколько часов, Казарцев не встречал, помалкивая в недрах ЭВМ. Когда-то эту фамилию я выкопал в глубинах какой-то исторической хроники. Кажется, жил некогда такой революционер средней руки — ничем вроде бы не выдающийся, лишь четко исполнявший свою нехитрую работу по печати и распространению ленинской Искры. Я тогда подумал, что вот на таких незаметных людях и держался во многом необъятный титан революции. Взял да и назвал так своего электронного друга. Ну а как его еще было называть? ИИ 10.0? Увольте, так он и сам себя наречет, что, собственно, в его же скрипте и произошло. Я записал и про атомы рубидия, и про туннельный эффект — возможно, если Озеров заинтересуется и попробует все это реализовать... Возможно, он подключит Марцева... Возможно, Миша возьмется им помогать, и вот тогда... чем черт не шутит?

— А Катя, по-моему, весьма неплохая вышла, — снова отчеканил мой железный друг, когда я дописал все, что запомнил из увиденного в виртуальности.

— Если бы только ЗАМ мог говорить, уж я бы расспросил его, почему именно она, наконец. Она чем-то лучше меня?

— Наивнее. Добрее. Светлее что ли. Ей не нужны теории, ей плевать на науку. Она просто любит жизнь и все человечество разом. И этим сильно отличается от Мерка. Это же очевидно. А ты стреляться собрался. Эх...

— Соберешься тут, когда дело всей твоей жизни разрушено.

— Ну остались ведь теоретические наработки. Остался этот экспериментальный образец. Да мы ведь и планировали его испытывать, а тут эти новости о крушении и путче совершенно выбили тебя из колеи.

— А с индейцами там лихо вышло, — хохотнул я, откидываясь на спинку стула и мечтательно закатывая глаза. — Не мир, а сказка. За окном танки и развал страны, а я сижу и вспоминаю, как только что гулял по плато Наска и плавал по Амазонке...

— И обнимался с Полом Маккартни, — мне показалось, голос Казарцева иронично дрогнул.

— О, ты и их туда отправил!

— Это все ты сам, повторяю. Мой скрипт был нацелен на совместную работу с окном: мы выделяем лучшие стороны твоей сущности, формируем из них отдельную личность и отправляем ее в мир победившего коммунизма, достигнутого искусственным интеллектом в

связке с окном ЗАМа. А уж как выглядел этот мир, кто его населял, и кем там был ты — это все работа твоего мозга. Ты захотел видеть там именно их, они там и оказались.

— То есть все было одной лишь моей фантазией? Никакой собственной воли и самосознания у всех, кроме Кати и Мерка, не было?

— Как знать. Я не задавался подобными вопросами, мне эта информация ни к чему. Для анализа результатов лично мне достаточно одного только каркаса: утопия получилась неплохой, окно работает, ИИ 10.0 достижим и возможен. Все остальное — лирика для человеческих эмоций.

— Черт побери, а так хотелось верить в реальность всего происходящего. По задумке ведь так и было: несколько окон ЗАМа должны были со временем сформировать некое идеальное поле, в которое на некоторое время и погрузились бы сознания попавших в него людей, чтобы облегчить им дальнейший переход от мира современных рыночных джунглей в земной рай утопии.

— И что бы с этим полем стало в дальнейшем?

— У меня нет ответа на столь сложные вопросы, — пожал я плечами. — Возможно, оно так и осталось бы существовать вне времени, выступая в роли вечного укора несовершенству нашего мира. А, может, и испарилось бы, когда люди смогли сами по себе стать совершенными, без фиксации результата при помощи этого поля ЗАМа.

— Вне времени?

— Теоретически да, время не должно стать проблемой: в твоём скрипте я прожил несколько месяцев, а здесь в реальности прошла от силы пара минут. Кто знает, как взаимодействует это поле с временем в принципе, куда и как далеко оно способно протянуть свои щупальца. В любом случае, несложно проверить, действительно ли Джон с Полом были игрой моего воображения, или...

— Но ты ведь и сам знаешь, что окно осталось всего одно. Бразильское явно не пережило крушения, чего бы ты там ни напридумывал в своём сознании. В Англии его просто запрятали куда подальше, а, вероятно, и вовсе уничтожили. С Индией ясности нет, но они сами явно ожидали, чем завершится путч. На твоём месте я бы окно поберег и тоже спрятал его, пока не получится выпустить партию более миниатюрных образцов.

— Умеешь ты вернуть с небес на землю. Ох. Ладно. Все баги почистил? Нашел прорехи, через которые мое реальное сознание туда просочилось?

— Можно и так сказать. Думаю, надо будет пробовать еще и еще, если ты, разумеется, готов снова пойти на подобное.

— Опять будет Катя?

— Как знать. Но, полагаю, что все же да. Надеюсь, она больше не будет скучать по Мерку. Хотя было интересно наблюдать за ее пикировками с по сути самой же собой.

— Ты мне лучше вот что скажи. Как так вышло, что идею ИИ 10.0 мы почерпнули именно из этого твоего скрипта? Ведь если верить этой немного странной классификации, ты сам у меня сейчас ну едва дотягиваешь до уровня дяди Вали, хотя не факт, что даже преодолел закон Марцева. Откуда скрипты эти там взялись вообще?

— Хм, — только и ответил Казарцев, вероятно, и сам не знавший ответ на этот мучивший меня вопрос. — Их ведь еще опробовать надо, прежде чем с такой уверенностью заявлять, что от них будет толк.

— Вот и займись, а я пойду сбегать с этими записями к Озерову. Если повезет, и до Марцева доберусь, а потом... как думаешь, получится произвести ну еще хоть пару зеркал? Я

хотел бы показать их Озерову с Марцевым, мне ведь так нужны сейчас соратники... А потом попробуем еще разок, ага? Ну... допустим, через неделю-другую.

— А чего не завтра? — если бы со мной говорил человек, я бы подумал, что он нахмурился.

— Ну... — протянул я, пытаюсь сообразить, как получше отбрезаться от настойчивого Казарцева.

— Ты же понимаешь, что в скрипте утопии время сжато, и в реальности восьмидесяти лет не хватит для реализации всех желаемых тобой изменений. Так чего тянуть? Тебе нужно будет успеть хотя бы заложить фундамент, выпустить еще хотя бы несколько зеркал. А там, кто знает, может найдется кто-то, кто извлечет окна с пыльных полок в Англии или Индии, и дело пойдет еще чуть быстрее.

— Ладно-ладно, убедил. Надо будет запастись фенибутом, — вздохнул я, обуваясь.

— Кате привет, — в металлическом голосе мне померещилась усмешка. — Она классная.

* * *

Пол покачнулся и едва не рухнул, когда комната вокруг него вновь обрела знакомые очертания. Куда-то пропал фюзеляж самолета, в котором еще несколько мгновений назад они с Джоном, взявшись за руки, смотрелись в точно такое же зеркало, что висело сейчас прямо перед ним — в простой едва ошкуренной раме. Это был единственный незнакомый ему элемент в остальном столь знакомой и родной обстановки. В последний раз он был здесь лет пять назад да и вообще заезжал сюда довольно редко: старый домишко на Фортлин-роуд давно стал музеем, просто так не наездишься и не наностальгируешься в полную силу.

В голове все перепуталось: Фортлин-роуд, Ливерпуль, 80 лет, детские воспоминания и Амазонка, МТХ, трейлер, шаржи Джона и смешливая Катя, бросавшая на него украдкой такие теплые взгляды. Что вообще это было такое? Дивный сон, просыпаться от которого не захочется никогда? Бурная игра воображения на фоне нахлынувших воспоминаний? Или он перебрал коньяка, пока бродил по родным улочкам? Он опустил на пол, постарался отдышаться и унять сердцебиение. Только что рядом с ним был Джон — такой живой и юный, бросивший Йоко и вернувшийся к нему... Точно сон, бред, белая горячка, галлюцинация...

А ведь все, кажется, могло бы быть иначе, если бы тогда весной 1968-го в Индии они смогли нормально все обсудить, прийти к компромиссу и... Какой еще, к черту, компромисс! В мире Джона все делилось строго на черное и белое, никаких полутонов. И если ты не с ним, то ты против него, без него.

Голова кружилась, а слева в груди снова предательски закололо. В последнее время эти боли стали беспокоить все чаще. Кажется, он пропустил плановое УЗИ. Ну вот разве что завтра, после концерта. На сегодня мотора еще хватит. Должно хватить.

Откуда здесь вообще взялось это зеркало? Еще пять лет назад его тут не было и в помине. Пол потянулся за телефоном и с трудом набрал номер смотрителя музея. Перед глазами все сливалось в сплошную мутную пелену.

— Распродавали тут имущество одного научно-исследовательского центра буквально за

бесценое. Я это зеркало всего за пару фунтов приобрела. Вроде простенькое, а большое, хоть и старенькое уже. Ему уж почитай лет 30. Валялось у них отчего-то на складе без всякого применения. Выглядит новехоньким. Я как раз себе что-то подобное домой на стену хотела. Но не рассчитала — в простенок не поместилось. А сюда как влитое, а? И посетители, думаю, возражать не станут — кто откажется лишний раз взглянуть на себя в такой легендарной обстановке? Или вам не нравится, мистер Маккартни? Так мы можем его снять и убрать в чулан, если вы хотите повесить туда что-то еще.

— Нет, Мадлен, все нормально, — пробормотал Пол и отбросил телефон в сторону.

Окно ЗАМа? Какое еще, к дьяволу, окно ЗАМа? Ведь все это просто не может быть правдой. На дворе 2023 год, а вокруг никакого мира победившего коммунизма. Даже если и существует где-то там в России какой-то безвестный Захар Меркулов, изобретший все эти механизмы, принципы действия которых так и остались для Пола загадкой, пустить их в массовое производство ему явно не удалось: мир за окном никак не изменился за последние несколько минут. Да как вообще все привидевшееся ему можно принять всерьез! Ведь там был Джон! Джон, погибший у своей Дакоты за одиннадцать чертовых лет до изобретения этого прибора, если он вообще в принципе был когда-нибудь изобретен! Если его, Пола, вот это вот самое зеркало на Фортлин-роуд еще хотя бы чисто теоретически могло быть окном — в конце концов, что там за исследовательский центр распродал мебель? Неплохо бы узнать... То уж Джон никак не мог воспользоваться никакими окнами. Хотя бы потому, что их в 1980 просто не существовало! Если только... если только... Кто вообще такая была эта Катя? Как бы с ней связаться и все обсудить, если она вообще, конечно, существует. Если все это правда, а не игра его старческого воображения...

Пол потянулся к крюкам, на которых крепилось зеркало, осторожно приподнял его и снова ощутил укол в области сердца от тяжести, обрушившейся на его слабые плечи. Поставил на пол, сам рухнул рядом и потер грудь, ощущая накатывавшую давно забытую одышку. Отдышавшись, он подполз к зеркалу с обратной стороны и долго непонимающе смотрел на криво прилепленную желтоватую бумажку, текст на которой напечатан был явно не на английском. Даже не на латинице. Его внимание привлекли лишь четыре буквы, написание которых до сих пор было знакомо практически любому на этой планете: СССР. И чуть ниже значился год производства — 1991.

На спине выступили капли ледяного пота.

Ну допустим. Допустим все так и есть. Но откуда же, черт побери, там взялся Джон?! Если только... если только и он, и Катя не были игрой его нездорового воображения. В конце концов, чем-то же она напоминала ему покойную Линду.

И вот они трое посмотрели в это самое окно ЗАМа в чаще амазонских джунглей, и двое из них испарились в небытии, только Пол вынырнул назад в свою одинокую реальность и должен теперь заново учиться жить одними только воспоминаниями. Кажется, за несколько минут пребывания в мире за окном он совершенно от этого отвык.

Боль за грудиной стала нестерпимой. Кажется, никакого концерта сегодня уже не будет.

* * *

Первое, что ощутил Джон, осмелившись-таки посмотреть в окно ЗАМа, это то, что ладонь его больше не сжимала руку Пола. Да и в зеркале отражалось только его

изможденное лицо в старых очках. Беспечная юность, высвечивавшая его черты еще буквально минуту назад, испарилась в одно мгновение, уступив место угловатой фигуре явно средних лет. А подслеповатые глаза резал белый цвет, навалившийся на Джона буквально со всех сторон. Дакота, черт побери! Будь она неладна.

Он поднес руку к раме зеркала, провел пальцем по старой надписи, которую когда-то очень давно сам и нацарапал. Боже, с тех пор прошло уже больше двенадцати лет, с ума сойти! Как странно, что зеркало это вновь попало ему на глаза на каком-то нищенском блошином рынке Нью-Йорка, куда Джон временами ходил развеять тоску и прикупить что-нибудь эдакое. Он узнал бы это зеркало из тысячи других и готов был отвалить куда больше тех копеек, что запросил за него явно поддатый торговец.

Джон купил его только сегодня, сразу же любовно повесил на стену и послал долгий взгляд своему измученному диетами, наркотой и одиночеством отражению. Вроде не принимал ничего уже давненько, но, столкнувшись с воспоминаниями, которые воскресило в нем зеркало, Джон унесся в какую-то сложную и странную галлюцинацию, похитившую его разум на несколько удивительных дней. Дней? Судя по часам, прошло никак не больше минуты. Джон тряхнул головой и отступил на шаг. Что вообще это было? Светлый и радостный мир, о котором он сам когда-то мечтал, сочиняя свою Imagine, путешествия, приключения, рядом Пол и какая-то девчонка. Кажется, ее звали Кейт. Чем-то немного она походила на Линду. Вроде у них там с Полом даже роман намечался... Джон нахмурился, пытаясь вспомнить, как он попал в этот мир, с чего началось его путешествие там. Кажется, встретившись взглядом с собственным отражением, в следующий же миг он очнулся в телефонной будке посреди пустыни, а рядом стоял и придиричиво осматривал его сам Пол мать его Маккартни — художник и эстет. Так, стоп. Художник?

Джон вернулся в гостиную и потер лоб. Через пару часов ему идти в студию, а он совершенно выбит из колеи. Телефонная будка, Пол, художники, Йоко на плато Наска, какая-то Кейт. Что это за лютый бред? Он же не принимал никаких веществ! Может, он просто сходит с ума без помощи всякой химии? Пол и Кейт вели себя там как ни в чем не бывало, как будто принадлежали тому миру, а вот Джон... Джон... не помнил о своей жизни там ровным счетом ничего до того, как очнулся в дурацкой будке посреди дурацкой пустыни. Как будто кто-то насильно забросил его туда помимо его воли. Как будто все ему привиделось и только. Окно ЗАМа? Какое еще к черту окно ЗАМа? Кажется, согласно тамошней легенде, изобрести его должны только через одиннадцать лет, в 1991, а на дворе 8 декабря 1980, и ему пора тащиться в студию и что-то там из себя изображать, когда мозг подкинул такую странную, но такую реалистичную задачку. Мир-мечта, мир-фантазия, нереальный мир его грез, посетивший его воображение вместе с ностальгией по навеки ушедшим дням далекого 1968-го. Бред, галлюцинация, не иначе.

В квартиру ввалилась Йоко, не разуваясь, прошла сразу в гостиную и закурила.

— Уже иду, — привычно пробормотал Джон, ища взглядом чистую одежду, в которой не стыдно было бы выйти на улицу.

— Что за дешевка висит там в коридоре? — протянула Йоко, листая уже сто раз перечитанный журнал.

— Ты о чем? А, зеркало, — не сразу понял Джон.

— Его надо убрать. Этому пролетарскому ширпотребу не место в нашей квартире.

— Хорошо, — покорно согласился он. — Вызови курьера, я отправлю его назад в Ришикеш. Кажется, его место там. И пошли в студию, уже пора.

Брови Йоко удивленно взлетели вверх, а рука потянулась к телефону.

— Хотя... Погоди минуту. Мне нужно срочно позвонить.

Джон быстро набрал давно выученный наизусть номер:

— Привет, Пол.

* * *

— Миш, я ни черта не понимаю, — я отошел от зеркала и принялся лихорадочно тереть глаза. — Ты уверен, что больше ни одного окна не сохранилось и никем не используется? Потому что если целым осталось хоть одно из них... Или... послушай, а ты вообще тот скрипт писал или вы с ЗАМом в сговоре?

— И что там было на этот раз?

— Да нет, к черту, этого просто не может быть, — попытался отбросить я вот уже несколько дней мучившую меня мысль. — Он не может быть реальностью. Это какая-то фантазмагория. Сюрреализм! И для чего тогда ЗАМ? Что за прибор я изобрел, а?

— Тебе лучше знать, — в голосе Казарцева впервые послышалась самая настоящая человеческая усмешка

* * *

Когда Катя разлепила веки, то обнаружила, что по-прежнему стоит в салоне старого самолета у зеркала, а рядом все так же держатся за руки Джон и Пол.

— Глаза можно открывать, — она осторожно ткнула пальцем Пола в плечо.

— Похоже, нас развели, как самых настоящих идиотов, — хохотнул Джон, осматриваясь. — Ты что-нибудь увидел в этом зеркале?

— Мелькнуло что-то смутное, — поморщился Пол. — Вроде как мне 80, и я валяюсь на полу при смерти. Все как будто в тумане и ненастоящее. Я даже и понять толком не успел, кто я и где я.

— И не поумнел при этом, — разочарованно покачал головой Джон. — А какую рекламу нам дали, нет, ну вы только подумайте! У меня тоже вроде как что-то мелькнуло знакомое — ну как тогда после цветочков этих забойных. Какая-то белая квартира, старая Йоко, студия там какая-то. Фанат с пистолетом. Хрен пойми что, одним словом. Я толком и разобраться не успел, что к чему. Как видение пролетело перед глазами и угасло. Да и фиг с ним! Пошли Алваро морду бить, а?

Пол рассмеялся и принялся ласково ерошить шевелюру своего неугомонного друга.

Свой шаг в окно Катя помнила столь же смутно — там опять почему-то был Мерк, слышался голос Казарцева, мелькнуло фото Джона с Полом. И, в точности как и у художников, все моментально погасло, не успев как следует разгореться. И правда похоже на туристическую замануху времен рыночной экономики. Если уж и не бить Алваро морду, то как минимум как следует расспросить не мешало бы.

Тот восседал у догорающего костерка и со скучающим выражением лица наблюдал за повседневными делами дикарей. Завидев его, Джон вырвался из предостерегающего захвата Пола, разбежался и наскочил на ничего не подозревающего гида.

— Ты... ты...! — зашипел Джон, замахиваясь кулаком и не находя слов, чтобы выразить свое возмущение.

— Эй, эй! — окликнул Джона индеец, который вчера мирно почитывал Гегеля у своей хижины. — Руки убери. Чего разошелся? Что на тебя нашло?

— Да вы все тут — кодла мошенников и самозванцев! Засели в джунглях и наживаетесь на ничего не подозревающих туристах! Это ваше окно — сплошной обман. Простое зеркало и больше ничего!

— Наживаемся? — усмехнулся дикарь. — Каким же образом? Кажется, денег в нашем мире давно уже нет. Да и не принесли вы нам сюда ничего такого, что могло бы нам пригодиться в хозяйстве. Так в чем же наша выгода?

— Джон, остынь, — легким движением руки Алваро сбросил с себя осатаневшего художника и отряхнулся. — Сюда почти никто не заглядывает, этого места нет в туристических проспектах. Вы сами упросили меня провести вас сюда, а теперь меня с племенем крайними хотите выставить?

— Что это за окно вообще такое? Про него легенды ходят по всему континенту, а на деле это всего лишь паршивое зеркало и больше ничего!

— Хочешь сказать, что, заглянув в него, ты совсем ничего не увидел? — недоверчиво прищурился Алваро.

— Ничего, что стоило бы моего внимания! — с вызовом выкрикнул Джон.

— Тебе виднее, — не стал спорить проводник. — Если вы готовы, мы можем возвращаться.

— Нет, ну а все-таки, — вежливо подхватил Пол. — По существу Джон ведь прав. Мы пришли сюда, потратив на это уйму сил и нервов, а взамен не получили совсем ничего.

— Отчего же. Вы получили впечатления.

— И дикари эти... разве зеркало сделало их цивилизованными?

— Думаете, они вам соврали?

— Но с нами-то ничего похожего не произошло!

— А разве вы были дикарями до соприкосновения с окном?

— Хм. Нет, но... те, кто здесь побывал, обещали нам...

— Что именно?

— Ну... что мы узнаем о себе правду. Сможем посмотреть вглубь собственного сознания и расширить рамки восприятия...

— Хотите сказать, ничего из этого не произошло? А если хорошенько напрячься и вспомнить, что с вами было по ту сторону окна, а?

Пол часто заморгал и помотал головой.

— Мы думали, мы выйдем оттуда великими учеными. Гениями! — горестно выдохнул Джон.

— Никогда не стоит строить ожиданий на таком зыбком фундаменте. Вам ведь никто ничего подобного и не обещал.

— Ну и чего я узнал о себе из этого окна? Что я престарелый сорокалетний рокер, живущий с еще более престарелой нелюбимой женой. А еще, кажется, меня там даже кокнуть успели. Экое открытие для расширения границ восприятия!

Алваро лишь пожал плечами.

— А, может, это твой шанс?

— Шанс на что?

— Не стать вот этим всем, что ты там увидел.

— Я и так не стану. Я художник и с Йоко уже расстался. Мутная она. Мечтает организовать революцию и свергнуть ИИ 10.0, чтобы вернуть мир, каким он был до 1991 года.

— А я бы подумал, что уж ты-то в первых рядах возьмешься ей помогать, — рассмеялся Пол, обнимая друга.

— Ну уж нет. Чтобы потом меня отправили зарабатывать себе на жизнь? Пффф.

Все время их диалога Катя краем глаза посматривала на голограмму. Казарцев не вмешивался, да и дядя Валя помалкивал, словно бы уже догадались, куда вывело ее окно и что она там узнала.

Для возвращения к трейлеру вызвали вертолет. Подкинули Алваро до лодки и навсегда распрощались с ним.

— Куда ты теперь? — спросил ее Пол, словно бы даже и не ставя под сомнение тот факт, что пути их теперь должны разойтись.

— Много куда, — тряхнула она головой и улыбнулась, обмениваясь многозначительным взглядом с Казарцевым. — Я же обещала заглянуть в Йеллоустоун на обратной дороге. Пожалуй, вот высажу вас где попросите и отправлюсь напрямик туда. А потом есть еще Антарктида и Австралия. Да и родители вулканологи вряд ли бы одобрили, что дочь не вылезает с Земли. Надо хоть по солнечной системе прошвырнуться. Впечатлений для будущих статей подкопить. Михаил, — и она посмотрела Казарцеву прямо в глаза, — вы ведь со мной? Кажется, ваши, кхм, обстоятельства полностью позволяют вам сопровождать меня в столь опасном путешествии?

Тот лишь улыбнулся и кивнул. Вряд ли у сверхразумного ИИ 10.0 не найдется нескольких свободных йоттабайт памяти для того, чтобы везде следовать за своим создателем.

— Ну а вы? Вы-то теперь куда? — дядя Валя не стал дожидаться, когда Катя решится задать этот вопрос.

— До ближайшего аэропорта, — в карих глазах Пола отразилось солнце. — А потом напрямик в Ришикеш.

— Да? — удивленно хмыкнул Джон, и сам, казалось, не ожидавший подобных заявлений.

— Там я еще никогда не был, а ты? — лицо Пола сияло неподдельным счастьем.

— Я бывал разок. И именно в Ришикеше. Мне не понравилось. Но... может, это потому что я был там один, а?

— Там тоже окно имеется, — встряла в их идиллию Катя. — Может, с тем вам повезет чуть больше.

— Нет, окно тут всего одно, — покачал головой Казарцев, — и оно здесь. В Индии ничего нет.

— Но в записях Меркулова...

— Окно всего одно, — повторил Казарцев, и на этот раз в его голосе впервые за все время их знакомства послышались механические интонации говорящего робота. — Существует только оно. Как и мир наш всего один, и нет ничего другого. ЗАМ когда-то создал его из отражения в собственных глазах, — речь его звучала, словно начитанная на пленку лекция по религиоведению.

— И то верно, — кивнул Джон.

Вертолет успел приземлиться у трейлера, и художники, не дожидаясь остановки винтов, спрыгнули на землю.

— Ну прощай, что ли, веселая девочка Катя. Я еще обязательно нарисую твой шарж, — махнул ей рукой Джон.

А Пол обернулся, сделал шаг назад в кабину и неуклюже обнял свою теперь уже бывшую попутчицу.

— Это было классно. Самые яркие впечатления моей жизни. Надеюсь, когда-нибудь наши дороги пересекутся еще раз.

— Непременно, — кивнула она и отвела взгляд, пряча слезы.

А потом долго следила за тем, как две крошечные точки бежали в аэропорт, пытаясь успеть на ближайший самолет до Дехрадуна.

— Ну, что теперь? — проворчал дядя Валя. — Антарктида?

— Пока да, а там посмотрим, — и Катя склонилась к голограмме и принялась быстро набирать текст:

Больше книг на сайте - Knigoed.net